РУССКАЯ ѲИВАИДА

НА

СѢВЕРѢ.

С. П. Б.

Въ типографіи III Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1 8 5 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 24-го дня 1854 года.

Цензоръ, Московской Духовной Академіи Инспекторъ,
Архимандритъ *Серій*.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНЬ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЬ

ЕЛЕНѢ ПАВЛОВНѢ.

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ

Андрей Муравьевъ.

Нѣсколько пустынныхъ цвѣтовъ, собранныхъ мною не на дальнемъ Востокѣ, но вблизи насъ на Сѣверѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, какъ бы въ родной нашей Ѳиваидѣ и Палестинѣ, дерзаю я, быть можетъ неискусной рукою, разсыпать предъ стопами Вашего Императорскаго Высочества. Не слишкомъ ли смѣло мое желаніе, чтобы эти скромныя фіалки, процвѣтшія и забытыя въ своихъ пустынныхъ дебряхъ, нашли себѣ смиренный пріютъ въ Велико-Княжескихъ палатахъ? – Но вотъ и другое теплое желаніе, внушаемое сердцу, чувствомъ глубокой благодар-

ности, за то Высокое и милостивое вниманіе, котораго неоднократно удостоивался, хотя и безъ сознанія своей заслуги: ибо Святыхъ, коихъ пустынные подвиги, терпѣнія и любви, соплетены здѣсь какъ бы въ одинъ благоухающій вѣнокъ, молитвою своею и благимъ примѣромъ, да укрѣпятъ Васъ къ безропотному шествію по терніямъ жизни, доколѣ не изсякнетъ всякое горе временной разлуки, въ одной неразлучной радости на лонѣ Христа!

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тихо, отрадно мирное Останкино, въ объемѣ его прохладныхъ рощей, которыя отовсюду вѣютъ роскошнымъ опахаломъ своихъ липъ и сосенъ, освѣжая для него знойные часы полудня. Еще очаровательнѣе оно, при яркихъ краскахъ утренней зари, когда голубымъ зеркаломъ разстилается обширный прудъ, въ темной окрапинѣ прибрежной дубравы, предъ величественными храмомъ и палатами, или когда, въ поздній часъ вечера, багровое солнце, спускаясь за лѣсъ, послѣдними лучами румянитъ куполъ Графскаго дома и семь крестовыхъ главъ высокой церкви временъ Патріаршихъ. Въ виду первопрестольной столицы и Троицкой до-

роги, не далеко отъ любимаго гульбища Московскаго, Марьиной рощи и Сокольниковъ, особенною свѣжестію дышетъ это пріятное мѣсто, зеленый изумрудъ въ вѣнцѣ окрестныхъ селъ Бѣлокаменной, мирный уголокъ, гдѣ можно отдохнуть на прохладѣ отъ ея заботливаго шума.

Понятно сердцу, почему вельможи Русскіе, Черкасскіе и Шереметевы, искали себѣ тутъ тихаго пристанища, близь города и на перепутіи въ лавру. Не безъ громкихъ однако воспоминаній мѣсто сіе, по видимому созданное только для беззаботнаго отдыха. Здѣсь по сосѣдству, въ селѣ Алексѣевскомъ, живали Цари; еще недавно знаменитый исторіографъ нашъ засталъ тамъ скромный дворецъ Алексія Михайловича, близь храма, имъ сооруженнаго, въ честь Ангела своего, человѣка Божія, и въ память явленія Тихвинской иконы Богоматери. Еще красуется доселѣ великолѣпный храмъ сей, съ своей высокою папертью, достойный имѣть ктиторомъ Царя; но уже смиренное жилище основателя замѣнено усадьбою священнослужителей, и для нихъ зрѣютъ яблони, бывшихъ садовъ, которые, быть можетъ, насадилъ державною рукою самъ кроткій Алексій, «тишайшій» въ полномъ смыслѣ сего Царскаго титула. Здѣсь любилъ онъ тѣшиться иногда соколиною охотою въ дремучихъ лѣсахъ, опоясавшихъ съ этой стороны его столицу, и звонкіе рога ловчихъ оглашали всю окрестность. Отсель, сложивъ величіе Царское, не разъ странствовалъ

онъ смиреннымъ богомольцемъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ лавру Сергіеву, просить ходатайства преподобнаго въ тяжкія годины своей державы, или благодарить его за радости семейныя и отечественныя.

Церковь села Останкина, во имя Святыя Троицы, сооружена, за полтораста лѣтъ, бывшими владѣльцами Князьями Черкасскими, коимъ наслѣдовалъ сынъ Фельдмаршала, второй Графъ Шереметевъ. Двухъярусная, съ крытыми восходами и двумя придѣлами въ паперти, се ополосавшей, она возвышается во всемъ великолѣпіи тогдашняго зодчества, полу-Византійскаго, полу-Готическаго, которое можетъ собственно называться Русскимъ, и носитъ отпечатокъ первыхъ временъ Царствующаго Дома Романовыхъ; храмъ сей былъ освященъ едва ли не самимъ Адріаномъ, послѣднимъ Патріархомъ. Цари жаловали бояръ своихъ, и не рѣдко посѣщали ихъ здѣсь, какъ ближайшихъ сосѣдей села Алексѣевскаго. Въ обширномъ саду Останкина есть кедровая роща и, на ея краю, одинокій маститый кедръ, старецъ доживающій уже второе столѣтіе: подъ тѣнью его любилъ, по мѣстному преданію, отдыхать великій Петръ. Такой же кедръ показываютъ въ селѣ Коломенскомъ, близъ уничтоженнаго дворца Царя Алексія Михайловича. Наши Державные любили сихъ величавыхъ пришельцевъ Ливана, напоминавшихъ имъ библейскія сказанія и приточную славу Соломона, котораго мудрости сами искали подражать, во дни земнаго своего цар-

ства, чая небеснаго. – Домъ Останкина, хотя и деревянный, свидѣтельствуетъ о прежнемъ великолѣпіи боляръ нашихъ, которыхъ еще одинъ свѣтлый образецъ тихо доживаетъ старческіе годы, посреди общей любви и уваженія, въ подмосковномъ селѣ своемъ Влахернскомъ, гдѣ также посвящаютъ его Державные. Всѣ сіи роскошныя палаты созданы были не для житья, а только для празднествъ, покойнымъ Графомъ Шереметевымъ, отцемъ нынѣшняго владѣльца, на мѣстѣ стараго дома Князей Черкасскихъ, и обращены имъ въ музей мраморомъ и картинъ. Тутъ принималъ онъ Царственныхъ Гостей, посреди всей роскоши тогдашняго боярскаго быта, и давалъ великолѣпные праздники, по случаю двухъ коронацій Императоровъ Павла и Александра. Разсказываютъ, что Благословенный замѣтилъ радушному хозяину одинъ только недостатокъ его роскошныхъ палатъ: то, что изъ нихъ не видно Москвы; – на слѣдующій праздникъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя на балконъ, Графъ показалъ ему, сквозь новую широкую просѣку Марьиной рощи, бѣлый златоглавый столпъ Ивана великаго. Такъ усердно старались вельможи наши угождать, даже и въ малыхъ предметахъ, Вѣнчанным Посѣтителямъ, которые удостоивали ихъ своимъ присутствіемъ.

Скромный, небольшой домикъ, бывшаго владѣльца сей великолѣпной дачи и ста сорока тысячъ душъ крестьянъ, пристроенъ былъ къ главному зданію, со стороны церкви, и уже теперь не существуетъ. Онъ

былъ разобранъ по ветхости, потому что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Останкино перестало быть обитаемо своими Графами и, въ цѣломъ домѣ, нѣтъ для самихъ хозяевъ ни одной жилой комнаты: тамъ одне лишь залы и галереи, оживленныя только ваяніями древнихъ и новѣйшихъ художниковъ. Есть тутъ и подземныя сокровища Геркуланума; одна изъ статуй, богини здравія, обрѣтенная въ Аѳинахъ, украшала нѣкогда подгородную Римскую виллу Кесаря Адріана, прежде нежели перешла въ подмосковную Русскаго вельможи, и была бы достойна Ватикана. Послѣдній праздникъ Останкина, въ честь его Царственныхъ посѣтителей, данъ былъ родственниками Графа, въ 1830 году, Великому Князю Михаилу Павловичу; еще однажды оживились тогда, на краткій вечеръ, опустѣвшія палаты давно забытымъ весельемъ ихъ минувшихъ дней.

Цвѣтущій садъ съ обширнымъ паркомъ, доселѣ служатъ, въ праздничные дни, однимъ изъ гульбищъ для Московскаго общества, какъ будто отсутствующій хозяинъ заочно созываетъ къ себѣ незнакомыхъ гостей, подъ развѣсистую тѣнь вѣковыхъ кедровъ и липовыхъ благовонныхъ аллей. Но если бываютъ по временамъ оживлены вечера Останкина, на утро водворяется опять та же глубокая тишина въ его безмолвныхъ дубравахъ; онѣ оглашаются только пѣніемъ раннихъ птицъ и невольно манятъ на прогулку въ свое прохладное приволье. Отъ времени до времени, въ урочные часы, слы-

шенъ шумъ и пронзительный свистъ быстраго паровоза, несущагося мимо Останкина; далеко за нимъ клубится, поверхъ рощи, облако дыма и потомъ все опять затихаетъ. Желательно было бы, чтобы, на краю парка, опять наполнились водою многочисленные пруды, которые ополсывали всю обширную усадьбу и составляли одно изъ лучшихъ ея украшеній, тѣмъ болѣе что садъ и домъ не измѣнили прежней своей славѣ.

Но вотъ одно сладкое впечатлѣніе Останкина, которымъ особенно утѣшается сердце, накануне торжествъ церковныхъ первопрестольной столицы: это всенощный звонъ колоколовъ, когда всѣ они, сливаясь въ одинъ серебристый гулъ, гармонически вторятъ густому, отеческому гласу Ивана великаго, возбуждающаго ихъ съ высоты Кремля; — сквозь просѣку рощи широко несется, по тихому вечернему воздуху, многоглагольный звонъ сей въ мирное Останкино, невольно извлекая слезы и потрясая душу, воспоминаніями великихъ событій Церкви и отечества!

Здѣсь, въ тихомъ уединеніи, гдѣ неожиданно нашелъ я себѣ лѣтній пріютъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ радушнаго владѣльца, здѣсь предпринимаю описаніе родной нашей Онеги, которую только что посѣтилъ въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ. Едва ли кому она извѣстна изъ людей свѣтскихъ, а многіе однако же слышали о Онегѣ Египетской и читали, въ патерикахъ Греческихъ, о подвигахъ великихъ отцевъ, просіявшихъ къ суровыхъ пустыняхъ Скитской и Палестинской. Но кто знаетъ этотъ нашъ, чудный міръ иноческій, ни мало не уступающій Восточному, который внезапно у насъ самихъ развился, въ исходѣ XIV столѣтія и, въ продолженіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ, одушевилъ непроходимыя дебри и лѣсистыя болота роднаго Сѣвера? На пространствѣ болѣе 500 верстъ, отъ Лавры до Бѣлоозера и далѣе, это была какъ бы одна сплошная область иноческая, усѣянная скитами и пустынями отшельниковъ, гдѣ уже мірскіе люди какъ бы вынуждены были, вслѣдъ за ними, селиться и составлять свои обительные грады тамъ, гдѣ прежде особились одни лишь келліи. Преподобный Сергій стоитъ во главѣ всѣхъ, на южномъ краю сей чудной области и посылаетъ внутрь ея своихъ учениковъ и собесѣдниковъ, а преподобный Кириллъ, на другомъ ея краю, пріемлетъ новыхъ

пришельцевъ и разселитъ обители окрестъ себя, закидывал свои пустынныя мрежи даже до Бѣлаго моря и на острова Соловецкіе. Оба они, какъ два свѣтила, поставлены на твердѣ иноческой, чтобы свѣтить міру духовному, но бо̀льшее свѣтило Сергій.

Прежде нежели приступить къ описанію тѣхъ обителей, которыя успѣлъ я посѣтить на дорогѣ, изъ лавры въ Кирилловъ, и коснуться житія ихъ основателей, любопытно, можетъ быть, окинуть однимъ бѣглымъ взоромъ всю сію сѣверную Ѳиваиду. Слѣдуетъ начертать себѣ въ мысляхъ, какъ бы на планѣ, таинственный путь святыхъ подвижниковъ нашихъ, все глубже внутрь дикаго Сѣвера, чтобы такимъ образомъ имѣть передъ собою родословное дерево ихъ обителей, которыя постепенно возникали отъ благословеннаго корня Сергіева. — Уроженецъ Ростова, преподобный оставилъ свою родину, чтобы поселиться въ лѣсахъ Радонежскихъ, ближе къ Москвѣ, и вотъ большая часть пустынныхъ чадъ его, съ избыткомъ возвращаетъ святительской каѳедрѣ Ростова духовную утрату столь великаго старца. Прежде всего являются тамъ его собесѣдники, и какъ сладостно звучитъ сердцу умилительное сіе наименованіе! — Это собственно не ученики Сергіевы, но сверстники его по времени и духовной жизни, хотя и не равные ему подвигами: всѣ, болѣе или менѣе, отъ него заимствовали иноческое свое образованіе, потому что не въ мѣру излилась благодать Божія на сего

избранника, и онъ, смиренно старался быть ниже другихъ, невольно превозмогалъ всѣхъ обиліемъ духовныхъ своихъ дарованій, которыя такъ высоко и, можно сказать, одиноко поставили его надъ лицомъ иночествующихъ своего вѣка и послѣдующихъ.

Изъ первыхъ собесѣдниковъ Сергіевыхъ является преподобный Димитрій, основатель обители Прилуцкой, близь самой Вологды, только что возникшей; сей великій угодникъ Божій, другъ и совѣтникъ не только Сергіевъ, но и Великаго Князя Донскаго, сдѣлался съ тѣхъ поръ теплымъ предстателемъ своего города, который привыкъ, отъ самой колыбели, прибѣгать къ его молитвенному покрову. Въ то же время другой собесѣдникъ отшельника Радонежскаго, преподобный Стефанъ, рѣшился оставить свою пустынь на Махрѣ, по сосѣдству его возникавшей лавры, чтобы водвориться къ сѣверовостоку отъ Вологды, на рѣкѣ Обнежѣ; но онъ былъ вынужденъ, по зову княжескому, возвратиться на Махру и оставилъ по себѣ двухъ учениковъ, Григорія и Кассіана, прославившихъ Обнежскими, по имени рѣки; тамъ мученически скончались оба подъ мечемъ Татарскимъ.

Еще одинъ собесѣдникъ Сергіевъ, ему сопмянный, поселился, не доходя Вологды на рѣкѣ Нурмѣ, отъ которой принялъ названіе Нуромскаго Сергія, въ отличіе отъ Радонежскаго, и вдоль ея пустынныхъ береговъ, одна за другою, начали процвѣтать обители. Многія уже изъ нихъ опустѣли, въ томъ числѣ и основанная самимъ Сергіемъ; но еще досе-

лъ цвѣтетъ благочестіемъ, скромная обитель ученика его, преподобнаго Павла, прозваннаго Обнорскимъ отъ того, что такъ называлась вся окрестная волость по рѣкѣ Обнорѣ, пріемлющей въ себя Нурму.

Вотъ и еще болѣе великій подвижникъ, равноапостольный по также изъ присныхъ Радонежскаго, стремится къ сѣверу, не съ тѣмъ уже чтобы пустынножительствовать, но дабы просвѣтить дальную Пермь ученіемъ евангельскимъ. Стефанъ, родомъ изъ Великаго Устюга, пріемлетъ постриженіе и духовное образованіе въ Ростовской обители святаго Григорія Богослова, изобрѣтаетъ тамъ грамоту для знакомаго ему съ дѣтства языка Зырянъ, еще косившихъ во тьмѣ язычества, и переводитъ на оный богослужебныя книги. Съ посохомъ странника и съ вѣрою Апостола, идетъ онъ проповѣдывать слово Божіе на устье Выми и Вычегды, и въ верхъ по теченію сихъ рѣкъ, подымается его проповѣдь въ дикую Пермь. Онъ сокрушаетъ идоловъ, смиряетъ волхвовъ языческихъ и покоряетъ цѣлые народы свѣту Христову, потомъ идетъ въ Москву просить Епископа новопросвѣщенному краю, и самъ, по праву, туда возвращается первымъ Епископомъ. Три обители созидаетъ онъ на устьяхъ Выми, Вычегды и Сысоли, и въ первой основываетъ свою святительскую каѳедру; обители сіи, и послѣ Стефана, растространяютъ Христіанство по всему сѣверу Перми, ревностію его иноковъ и послѣдовавшихъ за нимъ святителей, Герасима, Питирима, Іоны; изъ

ших два первые мученически положили души свои за паству. Начало же апостольства Стефанова и пустынножительства трех собеседников Сергія, относится ко второй половине XIV века, столь цвѣтущаго для иночества.

Въ исходѣ того же вѣка возстаютъ два новые пустынныхъ жителя, Кириллъ и Ѳерапонтъ, воспитанные къ подвигамъ иночества въ обители Симоновской, можно сказать, подъ сѣнію преподобнаго Сергія, ибо ея основателемъ былъ онъ самъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳеодоромъ. Оба они, Кириллъ и Ѳерапонтъ, послѣдуя небесному гласу, идутъ, вдали отъ столицы, искать самаго дикаго уединенія, какое только могли найти для удовлетворенія своей духовной жажды, и обрѣтаютъ себѣ наконецъ пристанище въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, за пять сотъ поприщъ отъ Москвы, но и въ такой глухой пустынѣ искали они еще одиночества. Ѳерапонтъ основался на живописномъ озерѣ, которому далъ свое имя, и въ послѣдствіи былъ отозванъ, противъ желанія, Княземъ Можайскимъ на свою родину, чтобы тамъ основать новую обитель Лужецкую; стадо же, собранное на дальнемъ сѣверѣ, поручилъ ученику своему, преподобному Мартиніану. Но святой Кириллъ утвердился прочною стопою въ пещерѣ уединеннаго холма, на берегу другаго болѣе мрачнаго озера и, отъ предѣловъ Бѣлозерскихъ заимствовавъ свое названіе, самъ оживилъ всѣ сіи пустынные края, множествомъ иночествующихъ, ибо его лавра послужила глав-

нымъ разсадникомъ всѣхъ почти обителей, но только въ окрестности, но и на поморіи, по примѣру Сергіевой.

Прежде однако нежели ученики и собесѣдники Сергіевы, погрузились во глубину Сѣвера, болѣе нежели за сто лѣтъ, образовалась уже на каменномъ острову Кубенскаго озера, въ предѣлахъ Вологодскихъ, своя знаменитая обитель, Спасо-каменная, по имени храма и острова, и сдѣлалась матерью многихъ другихъ въ окрестности озера. Удѣльный Князь Глѣбъ Бѣлозерскій, плывя по озеру, бурею занесенъ былъ на сей каменный островъ, и съ изумленіемъ обрѣлъ тамъ долголѣтнихъ отшельниковъ, давно уже спасавшихся отъ міра и людей. Онъ соорудилъ для нихъ церковь, во имя преображенія Спасова, по данному имъ обѣту въ день спасенія своего отъ бури, и, избравъ изъ среды ихъ настоятеля, утвердилъ обитель. Діонисій пришелецъ Аѳонскій, по дни Великаго Князя Донскаго, привелъ ее въ цвѣтущее состояніе и когда взошелъ самъ на каѳедру Ростовскую, мѣсто его заступилъ блаженный Кассіанъ, уже изъ иноковъ новой лавры Кирилловой, ученикъ его и достойный подражатель. При немъ Спасо-каменный монастырь пустилъ широкія вѣтви въ окрестные предѣлы. Не втунѣ обѣщано было юношѣ Князю Заозерскому, который искалъ безмолвія въ сей обители подъ именемъ Іоасафа, что какъ онъ принесъ въ жертву Богу земное свое достояніе, такъ и Господь духовно ему возвратитъ оное, исполнитъ, ради его подвига, всю

его бывшую область келліями иноковъ, которые будутъ прославлять Бога пустынным житіемъ.

Еще при жизни блаженныхъ Іоасафа и Кассіана, и при святительствѣ Діонисія Ростовскаго, исходятъ два великіе аввы изъ Спасо-каменнаго, Александръ и Діонисій. Александръ идетъ сперва, за семьдесятъ поприщъ отъ озера, въ пустынную дебрь, на рѣку Сяньжему, потомъ приближается къ роднымъ его берегамъ на устье рѣчки Кушты, и тамъ обрѣтши давняго пустынника, преподобнаго Евонмія, меняется съ нимъ жительствомъ; онъ уступаетъ ему дальнюю Сяньжему и водворяется на Кушѣ, отъ которой заимствуетъ свое новое названіе, а Евонмій съ ученикомъ своимъ Харитоніемъ, именуются съ тѣхъ поръ Сяньжемскими; такимъ образомъ, славою своихъ отшельниковъ, незабвенны сдѣлались въ памяти народной, поизвѣстные дотолѣ потоки и урочища. Кто бы вѣдалъ Кушту и Сяньжему, Глушицу и Комелу, Шурму и Обнору, и столько другихъ ничтожныхъ рѣчекъ, если бы ихъ неозаменовали своими келліями святые угодники Божіи? Нѣсколько прежде преподобнаго Александра, въ самыхъ первыхъ годахъ XV вѣка, вышелъ изъ Спасо-каменнаго великій Діонисій, который соорудилъ одну за другою нѣсколько обителей, сперва на краю озера, на такъ называемой Святой Лукѣ, потомъ же нѣсколько далѣе двѣ мужескихъ и одну женскую, въ непроходимыхъ дебряхъ на рѣчкѣ Глушицѣ, которая самымъ именемъ выражаетъ, какая тутъ была до него глушь. Тамъ, основавшись въ

Покровской своей лавръ, онъ сдѣлался отцемъ иночествующихъ всѣхъ окрестныхъ предѣловъ, какъ нѣкогда великіе Савва и Евѳимій въ Палестинѣ или нашъ великій Сергій. Изъ лавры Діонисіевой развѣтвляются множество малыхъ и большихъ обителей, чрезъ его избранныхъ учениковъ, но его лавра господствуетъ надъ всѣми и служитъ для нихъ образцемъ.

На святой Лукѣ оставляетъ онъ перваго собесѣдника своего Пахомія и, съ безъимянными для потомства учениками, посылаетъ чудную икону своего письма, ибо самъ былъ искусный живописецъ, для основанія пустыни Семигородной, которая прославилась съ тѣхъ поръ знаменіями отъ сей иконы. Женская обитель, во имя Святителя Ростовскаго Леонтія, возникла въ то же время близъ лавры Діонисіевой, которую при немъ и послѣ его жизни прославили, святостію жизни, ученики его, Макарій, Тарасій и Ѳеодосій. Амфилохій, другъ его и келейникъ, созидаетъ еще подлѣ его лавры обитель Сосновецкую, гдѣ завѣщаетъ погребсти себя Діонисій. Преподобный Григорій, рода боярскаго, приходитъ изъ Ростова предать себя на ученіе великому аввѣ и, по его совѣту, созидаетъ себѣ обитель Лопотову на рѣкѣ Пельшмѣ, а не далеко отъ нее, другой ученикъ Діонисіевъ, Филиппъ, водворяется на скромномъ ручьѣ Рабанѣ, впадающемъ въ великую Сухону. Это еще современники Діонисіевы, но лавра его не престаетъ и послѣ него источать иночествующихъ въ дальніе и ближніе

предѣлы, ибо, около ста лѣтъ послѣ Діонисія, преподобный Стефанъ Озерскій основываетъ обитель Никольскую, на пустынномъ озерѣ въ предѣлахъ Грязовецкихъ; около того же времени устроются тамъ еще двѣ пустыни Церцова и Печенгская, преподобными Аѳанасіемъ и Онуфріемъ, Авраміемъ и Копріемъ; они всѣ были постриженниками лавры Діонисіевой, хотя ихъ обители приписаны въ послѣдствіи ко вновь поселяшемуся, по ихъ сосѣдству, монастырю преподобнаго Кирилла Комельскаго, который уже происходилъ прямо отъ святаго Кирилла Бѣлозерскаго.

Возвратимся къ его великой лаврѣ и по возможности изчислимъ ея духовныя отрасли. Говорить ли о преподобномъ Савватіи, который, зачерпнувъ чистую струю иночества на Бѣломъ озерѣ, положилъ основаніе великой лаврѣ Соловецкой на пустынныхъ островахъ Бѣлаго моря, и тѣмъ просвѣтилъ все поморіе? Или о преподобномъ Александрѣ Ошевенскомъ и другихъ подвижникахъ, изшедшихъ изъ Кириллова къ сѣверу, чтобы населить пустыни Олонецкія? — Новгородъ, съ своей стороны и въ свое время, распространялъ также духовное просвѣщеніе по дальнему Сѣверу, чрезъ сооруженіе обителей, но онѣ происходили совершенно отъ другой семьи иноческой, а не отъ Сергія или Кирилла. Здѣсь же былъ соблюдаемъ свой преемственный порядокъ или духовное родословіе обителей, если только можно такъ выразиться, и отъ большихъ лавръ, подобно Кириллo-

вой, Глушицкой, а въ послѣдствіи Комельской, образовались другія меньшія обители, какъ бы малыя созвѣздія, сосредоточенныя около главныхъ звѣздъ на тверди небесной; ихъ основатели, земные Ангелы, и небесные человѣки, какъ бы обратили самую твердь земную въ небесную, подвигами своими, превосходящими земное.

Вотъ и великое свѣтило житія созерцательнаго, преподобный Нилъ Сорскій, рода боярскаго, долго странствовавшій по святымъ мѣстамъ Востока, приноситъ свои духовныя правила со святой горы Аѳонской, и возвратясь въ Кирилловъ, гдѣ положилъ начало иноческу, основываетъ въ-недалекѣ свою убогую Сорскую пустынь. Ученикъ его и собесѣдникъ Иннокентій, послѣ кончины блаженнаго учителя, удалился къ югу въ лѣса Комельскіе, гдѣ уже процвѣтали обители Нуромская и Обнорская, и тамъ подлѣ нихъ основался; начальникъ же Ѳерапонтова монастыря, также вышедшій изъ Кириллова, преподобный Мартиніанъ, основалъ близъ себя еще новую обитель Вожe-озерскую. Уже многія изъ сихъ обителей не существуютъ, упраздненныя въ послѣдствіи, по недостатку иноческующихъ и самой пустыни для ихъ подвига, ибо все мало по малу заселилось окрестъ; но еще сами основатели доселѣ почіютъ подъ спудомъ, въ уединенныхъ церквахъ ихъ бывшихъ обителей, и доселѣ притекаютъ къ нимъ въ бѣдахъ обуреваемые жители, какъ бы къ своимъ ближайшимъ заступникамъ.

Еще одинъ великій авва или отецъ иноческую-

щихъ, подобно Кириллу и Діонисію, является въ исходѣ XV вѣка, въ южныхъ предѣлахъ Вологодскихъ, также изъ лавры Кирилловой. — Преподобный Корнилій водворяется въ волости Комельской, на той же рѣкѣ Нурмѣ. Въ свою очередь его новая обитель заимствуетъ свое названіе отъ окружавшихъ ее лѣсовъ и служитъ обильнымъ разсадникомъ иночества во все теченіе XVI вѣка; по это уже послѣдняя лавра, имѣвшая столь жизненное вліяніе, въ свое время, на окрестную пустынь. До семи обителей возникло изъ лавры великаго Діонисія и столько же изъ Корниліевой, которая съ нею равнялась въ иноческой славѣ. Первый происходитъ отъ него преподобный Кириллъ Новоозерскій, водворившійся на новомъ озерѣ и имѣвшій еще привлекающій къ себѣ болѣе молитвенниковъ, нежели самъ Кириллъ Бѣлозерскій, отъ котораго отстоитъ за семьдесятъ поприщъ. Въ тѣхъ же предѣлахъ поселяется и другой ученикъ Корниліевъ Филиппъ Крабскій, котораго малая обитель еще доселѣ существуетъ, когда уже упразднены Плоезерская преподобнаго Иродіона, Сойгинская Симеона и Шунгорская Даніила, также его учениковъ. Геннадій, бывшій келейникомъ Корнилія, испрашиваетъ у своего старца Сурскую пустынь, въ которую любилъ онъ удаляться изъ своего монастыря, избѣгая многолюдства, и доселѣ цвѣтетъ сія Геннадіева пустынь. И послѣ блаженной кончины Корнилія, иноками его лавры, Лонгиномъ и Симеономъ, основана была Коряжская обитель, которая также пусти-

ла отъ себя вѣтви, ибо два ея инока, Христофоръ и Леонидъ, составили себѣ особые монастыри. Не далеко отъ преподобнаго Кирилла, въ непроходимыхъ дебряхъ, основалъ свою обитель, досель существующую, еще инокъ изъ лавры Сергіевой, бывшій ея игуменъ Арсеній, прозванный также Комельскимъ, и въ то же время, то есть около половины XVI вѣка, Ѳеодосій, воспитанный подъ сѣнію святаго Димитрія Прилуцкаго, созидаетъ свою дальнюю обитель за двѣсти верстъ къ сѣверу отъ Вологды: сими двумя заключается, можно сказать, духовное потомство преподобнаго Сергія, собственно основателей новыхъ обителей, которые, происходя прямо отъ него или его собесѣдниковъ, имѣли столь жизненное вліяніе на пустыни Вологодскія.

Наступило время, когда не столько убогіе отшельники, сколько уже люди облеченные властію гражданскою или церковною, стали продолжать, въ тѣхъ же краяхъ, благодѣтельное начало пустынножителей, распространяя просвѣщеніе духовное чрезъ водвореніе новыхъ обителей. Вскорѣ возникъ Сольвычегодскій великолѣпный монастырь и нѣсколько другихъ, которые соорудили именитые люди Строгоновы, взявшіе подъ свою крѣпкую руку весь сѣверъ Перми до предѣловъ Сибирскихъ; иноки же, населившіе ихъ новыя обители, въ исходѣ XVI и половинѣ XVII вѣка, были вызваны изъ тѣхъ монастырей, которые водрузилъ Святитель Стефанъ, Апостолъ Перми. Отъ времени до времени устроя-

лись, въ предѣлахъ Вологодскихъ, еще новыя пустыни, какъ-то: Заонежскія преподобнаго Іосифа, и Кѣлавицкая, преподобнаго Марка, но уже нельзя слѣдить за ихъ родословною нитью и какъ бы изсякла, отъ самаго обилія плодовъ своихъ, та богатая почва отечества, которая произвела въ теченіи трехъ вѣковъ столь великое число подвижниковъ.

Такъ нѣкогда было въ Египтѣ, такъ и въ Палестинѣ: въ свое время распустился каждый пустынный цвѣтъ и въ свое время поблекъ, созрѣвалъ плодъ и опадалъ листъ, но по мѣрѣ того какъ оскудѣвало одно мѣсто, изобиловало другое великими угодниками Божіими, дабы и то не лишилось мзды своей. Отрадно однако идти по тѣмъ слѣдамъ, гдѣ спасались нѣкогда великіе отцы нашихъ пустынь; назидательно знакомиться съ ними, хотя и послѣ ихъ блаженной кончины, когда даже запустѣли отчасти самыя мѣста ихъ подвига, дабы облагоухать себя духовно ароматомъ священныхъ воспоминаній, которыя они по себѣ оставили въ пустынѣ, и памятью благолѣпнаго ихъ житія: — такъ исходящій изъ мироварной храмины, по словамъ великаго Златоуста, невольно уноситъ на своихъ одеждахъ запахъ благовонной масти и облагоухаетъ сію другихъ!

ОБИТЕЛЬ КОМЕЛЬСКАЯ.

Святая лавра, столько разъ и всегда съ новымъ утѣшеніемъ посѣщаемая мною, скромный Переславль, еще доселѣ Залѣсскій по своей мѣстности, и древній Ростовъ, исполненный святыни, и веселый Ярославль, красующійся храмами на берегахъ родной Волги, еще однажды пахнули въ сердце путника чѣмъ-то истинно русскимъ, невыразимо присным, которымъ дышетъ вся сія чудная Ярославская дорога. Это путь молитвы и торговли, гдѣ текутъ сокровища временныя, подъ сѣнію вѣчныхъ неприкосновенныхъ сокровищъ всея Руси; ея Ангелы хранители, почивая тѣлесами въ сребропозлащенныхъ своихъ ракахъ, духовно бодрствуютъ по сему пути, отъ обители до обители и отъ города до города, какъ бы на священной стражѣ богомольной стези.

На сей разъ я направился дальше къ сѣверу, въ лѣсистые предѣлы Вологды, которая лежала на пути царственныхъ богомольцевъ нашихъ въ Кирилловъ; она служила иногда и мѣстомъ заточенія Князей Русскихъ и сохранила свой мрачный характеръ. Самая дорога къ ней носитъ тотъ же отпечатокъ и хотя довольно богата селеніями, однако не встрѣчается на ней уже тѣхъ роскошныхъ селъ Ярославскихъ, которыми унизаны Волжскіе берега и южная часть губерніи; по мѣрѣ удаленія отъ великой рѣки грустнѣе становится природа.

Я ѣхалъ, поклониться святымъ отшельникамъ Вологодскимъ, въ ихъ пустынныхъ обителяхъ, но еще не зналъ какъ и куда пролегаетъ дорога къ уединеннымъ ихъ жилища, отстраненнымъ отъ путей человѣческихъ? И вотъ, при самомъ въѣздѣ въ ихъ предѣлы, меня встрѣтило совершенно нечаянное о нихъ свѣдѣніе, тамъ гдѣ вовсе не могъ его ожидать, какъ бы духовное привѣтствіе отъ лица тѣхъ, которыхъ жаждалъ посѣтить. Содержатель первой станціи Вологодской, человѣкъ весьма благоговѣйный, предложилъ мнѣ нѣсколько различныхъ кружекъ для пожертвованія въ сосѣдніе монастыри. Я началъ разспрашивать его о Кириллѣевѣ, лежавшемъ на моей дорогѣ, и въ тоже время, услышавъ названіе Павла Обнорскаго, пожелалъ знать далеко-ли и сія обитель?

«На десятой верстѣ отсюда, сказалъ онъ, вы увидите у самой дороги часовню, на рѣкѣ Нурмѣ,

а тамъ въ сторону не болѣе четырехъ верстъ до монастыря. Если вамъ угодно, я прикажу туда васъ завезти; — посѣтите преподобнаго; вы останетесь довольны настоятелемъ, отцемъ А . . . . ъ; служба тамъ благолѣпная, хотя весьма нуждается обитель; старецъ же весьма добрый и гостепріимный.» Время и погода не позволяли мнѣ на сей разъ воспользоваться радушнымъ приглашеніемъ, и я отложилъ посѣщеніе Обнорской обители до обратнаго пути, но съ любопытствомъ распросилъ благочестиваго хозяина о мѣстности прочихъ монастырей. – «Далеко-ли Сергій Муромскій отъ Павла Обнорскаго?» - «Не болѣе четырехъ верстъ внизъ по той же рѣкѣ, но монастырь уже упраздненъ, а церковь приходская заслуживаетъ вниманія; Игуменъ охотно васъ туда свезетъ и самъ будетъ сопутствовать.» – «А гдѣ пустынь Иннокентіева?» спросилъ я. «Вы говорите о собесѣдникѣ преподобнаго Нила Сорскаго, отвѣчалъ онъ, но и та упразднена, и тамъ подъ-спудомъ также въ приходской церкви, почиваютъ мощи основателя, какъ и Сергіевы въ Муромской церкви. Это будетъ подальше, верстъ за пятьнадцать отъ Павла Обнорскаго, по направленію къ монастырю преподобнаго Арсенія Комельскаго; но туда вамъ теперь не дорога, потому-что мѣста непроходимы отъ болотъ; удобнѣе будетъ проѣхать изъ города Грязовца, или съ послѣдней станціи до Вологды, если вздумаете посѣтить монастырь Арсеніевъ, и тогда еще встрѣтите на дорогѣ одну упраздненную пустынь Перцову, гдѣ также

есть подъ спудомъ мощи основателей преподобныхъ, Авксентія и Онуфрія.»

Я изумился познанію духовному сего простодушнаго человѣка и его благоговѣйной любви къ угодникамъ Божіимъ, которыхъ поимянно называлъ и просилъ посѣтить какъ-бы своихъ присныхъ: такова дѣйствительно таинственная ихъ связь съ тѣми, которые искренно привязаны къ ихъ памяти и призываютъ къ себѣ на помощь, какъ своихъ заступниковъ. Чувство это можетъ быть непонятно людямъ свѣтскимъ, не ищущимъ подобнаго общенія, но простое око смотритъ иначе, и смиреніе добраго хозяина станціи напомнило мнѣ слова евангельскія: «Въ той часъ возрадовася духомъ Іисусъ и рече: исповѣдуюся Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ; ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ тобою.» (Луки X, 21.).

Такимъ образомъ, по милости опытнаго смотрителя, я уже нѣсколько могъ составить себѣ въ мысляхъ топографію обителей пустынныхъ, до самой Вологды, чтобы посѣтить наиболѣе любопытныя. На десятой верстѣ, переѣхавъ рѣку Пурму, украшенную столькими обителями, я увидѣлъ у самаго моста, уединенную часовню и взошелъ въ нее поклониться, какъ бы заочно, преподобному Павлу Обнорскому. Кроткій ликъ его встрѣтилъ меня тамъ, въ сонмѣ прочихъ пустынно-жителей, по сторонамъ распятаго Господа, ради коего столько подвиза-

лись; въ свиткѣ, который держалъ онъ, начертано было нѣсколько отеческихъ изреченій о любви, и памятно мнѣ осталось это слово въ пустынной часовнѣ: «о если-бы вы вѣдали всю силу любви!» Такое краткое напоминовеніе въ пустынѣ, особенно было умилительно для сердца и краснорѣчивѣе многихъ витійственныхъ рѣчей. Въ дверяхъ часовни увидѣлъ я и знаменіе сей любви, отдаленныхъ отшельниковъ къ проходящимъ мимо ихъ жилища: тамъ стояло ведро, со свѣжею водою и почерпаломъ, для утоленія жажды въ знойный день; я вспомнилъ опять евангельское слово: «иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студеныя воды, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея.» (Матѳ. X, 42).

Солнце уже садилось, когда проѣхавъ десять верстъ, увидѣлъ я при дорогѣ другую часовню преподобнаго Корнилія Комельскаго, и въ лѣво за версту отъ большой дороги, многоглавую его обитель, обнесенную стѣнами и башнями. Не смотря на поздное время и непогоду, повернулъ я въ монастырь, чтобы поклониться преподобному, котораго пустынное жилище первое меня встрѣчало на пути. Надобно было переѣхать опять рѣку Нурму, подъ самою стѣною монастыря, который стоитъ на возвышенномъ берегу, въ мѣстѣ довольно дикомъ, но прілтномъ, ибо тутъ другая рѣчка впадаетъ въ Нурму, близь угловой башни. Замѣчательно и то, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ограды, есть минеральный источникъ желѣзныхъ водъ, которымъ пользуются окрестные жители.

Еще открыты были святыя врата и я просилъ монашествующихъ отпереть мнѣ лѣтній соборъ, гдѣ почиваетъ подъ спудомъ великій чудотворецъ Комельскій. Древній храмъ, во имя Введенія Богоматери, основанъ вскорѣ послѣ преподобнаго, и теперь расширяется по усердію настоятеля, который хотѣлъ устроить, изъ двухъ тѣсныхъ придѣловъ, одну пространную церковь во имя святаго Кирилла; теперь его надгробная рака станетъ въ аркѣ между главнымъ соборомъ и симъ новымъ придѣломъ. Я устремился къ священному гробу великаго подвижника и съ усердіемъ поклонился благолѣпному его лику, начертанному на гробовой доскѣ.

Но кто былъ Кириллій? — Онъ принадлежалъ къ отрасли иноческой не преподобнаго Сергія, но Кирилла, какъ постриженникъ его Бѣлозерской обители, и былъ, можно сказать, третьимъ и уже послѣднимъ родоначальникомъ иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ, ибо его лавра сдѣлалась разсадникомъ другихъ обителей гораздо позднѣе Діонисіевой и Спасо-каменной. Ростовъ, сія общая колыбель великихъ мужей нашей Церкви, отечество преподобнаго Сергія, послужилъ также земною родиною и для святаго Кириллія, который происходилъ отъ богатыхъ и благородныхъ родителей, не чуждыхъ двору великокняжескому. Дядя его Лукіянъ, послѣдовалъ за Великою Княгинею Маріею, супругою Темнаго,

изъ Ярославля въ Москву, и взялъ съ собою племянника; когда же, по влеченію къ иночеству, удалился въ обитель Бѣлозерскую, онъ и туда привелъ двѣнадцати-лѣтняго Корнилія. Съ такого юнаго возраста начало въ немъ развиваться стремленіе къ созерцательной жизни, которую осуществилъ какъ одинъ изъ лучшихъ ея образцовъ, когда достигъ въ мѣру возраста Христова.

Кто не знаетъ Кирилловскихъ хлѣбопей? спрашиваетъ писатель житія его, чтобы тѣмъ выразить всю трудность подвиговъ, на которые онъ обрекъ себя въ юношескихъ лѣтахъ. Корнилій не только исполнялъ въ нихъ то, что и одному усердному работнику трудно было выполнить, но охотно принималъ на себя и урокъ менѣе усердныхъ; сверхъ того носилъ на себѣ тяжкія вериги и занимался въ свободныя минуты списываніемъ книгъ, которыхъ много послѣ него осталось въ обители Кирилловой. Таковъ былъ сей великій труженикъ, такимъ и остался до конечнаго изнеможенія силъ тѣлесныхъ, уже въ глубокой старости. На краткое время возвратился онъ на родину свою въ Ростовъ, чтобы тамъ убѣдить меньшаго брата идти также въ монашество, и потомъ, слѣдуя совѣту Лѣствичника, вдалъ себя странничеству, ради пользы душевной.

Прежде направился онъ въ великій Новгородъ, процвѣтавшій въ то время обителями иноческими, и не малое время провелъ тамъ у мудраго Архіепископа Геннадія, который умѣлъ оцѣнить его вы-

сокую добродѣтель. Святитель хотѣлъ сподобить Корнилія священства, но онъ уклонился такой почести, не почитая себя достойнымъ духовной степени, и удалился въ пустыню, не далеко отъ города; Владыка посылалъ ему туда все потребное для пищи, часто призывая его для совѣта и самъ однажды почтилъ его посѣщеніемъ. Но когда разнеслась молва о пустынномъ его подвигѣ и начали къ нему отовсюду стекаться, любитель безмолвія бѣжалъ въ предѣлы Тверскіе, въ пустынь Савватіеву; смущаемый и тамъ многолюдствомъ, удалился въ окрестности Вологды, въ Комельскій лѣсъ, гдѣ все еще было пусто и не проходимо болотныя дебри. Это уже было при державѣ Великаго Князя Іоанна Васильевича и при святительствѣ Митрополита Симона, и такъ какъ Корнилію случилось однажды, ради нѣкоторыхъ потребъ, посѣтить Москву, — Митрополитъ, много слышавшій о его духовной жизни, на время его удержалъ при себѣ и рукоположилъ во іерея, хотя и вопреки его желанія.

Возвратясь въ свою любимую пустыню, гдѣ поставилъ себѣ одинокую хижину въ дремучемъ лѣсу, долго тамъ безмолствовалъ Корнилій, въ совершенномъ уединеніи, и много пострадалъ отъ искушеній бѣсовскихъ и отъ нападенія злыхъ человѣковъ, которые хотѣли вытѣснить его изъ дикаго пристанища; но старецъ укрѣплялся молитвами противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Начальникъ разбойниковъ, грозившій умертвить его, естьли не оставитъ его лѣсной области, самъ скоро по-

гибъ злою смертію; другіе же хищники, думавшіе обрѣсти у него большое имущество, унесли съ собою только одинъ его книги, но и ихъ принуждены были возвратить святому отшельнику, потому что всю ночь блуждали по лѣсу и на разсвѣтѣ очутились опять около пустынной его келліи. Послѣ всѣхъ сихъ испытаній, мало по малу, стала собираться къ нему братія и, съ помощію, ихъ сооружилъ онъ деревянную церковь, во имя Введенія Божіей Матери, уже на девятнадцатомъ году послѣ своего пришествія въ Комельскій лѣсъ и на шестидесятомъ своего возраста: какъ поздно дозволилъ онъ себѣ сіе духовное утѣшеніе!

Вмѣстѣ съ другими онъ трудился, расчищал вокругъ лѣсъ и распахивая нивы, чтобы собравшейся къ нему братіи иноческой, можно было питаться трудами рукъ своихъ. Но и тутъ не было ему недостатка въ искушеніяхъ. Однажды шелъ онъ по лѣсу, въ слѣдъ за братіею, и на него обрушилось дерево, мимо котораго прошли всѣ благополучно. Едва возсталъ отъ тяжкой болѣзни послѣ сего удара, какъ опять упалъ съ кручи въ страшную стремнину, такъ что отчаявались въ его жизни, но Господь сохранилъ его для новыхъ подвиговъ. И нравственныя искушенія его постигали: не разъ подвергался онъ клеветамъ за свою праведную жизнь и клеветы сіи доходили даже въ слухъ Державнаго, какъ будто отшельникъ отнимаетъ чужую собственность въ своей непроходимой дебри; однако кротость и терпѣніе его преодолѣвали все, и Великій Князь Василій Іоан-

нопичь исполнился глубокаго уваженія къ старцу, о которомъ много слышалъ.

Умножалось число братіи и Корнилій долженъ былъ распространить церковь, заботясь наипаче о ихъ душевномъ спасеніи, какъ добрый отецъ о чадахъ и пастырь объ овцахъ. Господь вселилъ разумъ художественный въ нѣкоторыхъ изъ числа братства, какъ нѣкогда въ сыновъ Израилевыхъ при построеніи скиніи въ пустыни: одни рѣзали кресты, другіе писали иконы или занимались строеніемъ храма, и такъ, съ помощію Божіею, была воздвигнута сія новая церковь во имя Введенія. Потомъ построилъ онъ и другую трапезную, во имя великаго Антонія, начальника пустынно-жителей Египетскихъ, и около сихъ церквей поставилъ келліи и ограду, такъ что обѣ церкви находясь посрединѣ монастыря, какъ бы смотрѣли вокругъ себя на жительство братіи. Онъ учредилъ для церковнаго порядка экклисіарха и келаря для внѣшнихъ потребъ, распредѣлилъ порядокъ утреннихъ и вечернихъ службъ, и самъ часто обходилъ келліи ночью, чтобы наблюдать за братіею. Если находилъ учениковъ своихъ на молитвѣ, утѣшался духомъ; если же заставалъ ихъ бесѣдующими, послѣ вечерней службы, давалъ имъ знать о своемъ приходѣ, слегка ударяя въ окно, чтобы возвратились къ должному порядку.

Господь прославилъ его духомъ прозорливости и даромъ исцѣленій еще при жизни. За верстy отъ обители поставилъ онъ часовню и крестъ, дабы

проходящіе могли оставлять свою милостыню, не заходя въ монастырь, и многіе получали здравіе, призывая заочно молитвы преподобнаго въ его часовнѣ. Приставленный тутъ братъ началъ употреблять во зло вручаемую ему милостыню; но предъ лицемъ всей братіи последовало обличеніе святотатству: когда иноки, одинъ за другимъ, подходили для полученія антидора къ своему настоятелю и прикладывались сперва къ иконѣ Богоматери, святотатецъ не былъ допущенъ, невидимою силою, до честной иконы, и припавши къ ногамъ старца, исповѣдалъ предъ всѣми грѣхъ свой. Однажды братъ, наблюдавшій за печеніемъ хлѣбовъ, не почелъ нужнымъ испросить предварительно благословеніе старца; прозорливый Корнилій, обличивъ его, велѣлъ выбросить всѣ хлѣбы на дорогу, дабы уразумѣла братія какъ важно въ каждомъ дѣлѣ благословеніе отеческое.

Нашлись однако между братіею, два недоброжелателя старцу, которые даже покусились на его жизнь. Будучи сами назначены приставами за полевыми работами, они ожидали преподобнаго у моста, при выходѣ изъ обители, чтобы совершить адскій свой замыслъ. Рано утромъ вышелъ Корнилій, одинъ по обычаю; проходя мостъ чрезъ рѣку Пурму, сотворилъ онъ молитву и спокойно продолжалъ путь свой въ поле; злоумышленникамъ же показалось, будто много людей его провожаютъ; отъ страха притаились они подъ мостомъ. Тоже явленіе повторилось и на обратномъ его пути, а

между тѣмъ они сами видѣли, что старецъ ходилъ совершенно одинъ въ полѣ по работамъ, и не было при немъ спутниковъ, какіе имъ мечтались. Объятые ужасомъ и обличаемые совѣстью, уразумѣли они, что самъ Господь охраняетъ своего угодника, и со слезами покаянія, припавши къ ногамъ его, просили себѣ исходатайствовать прощеніе отъ Бога; незлобивый старецъ все простилъ имъ великодушно и ни въ чемъ не отличилъ ихъ въ послѣдствіи, отъ прочей братіи.

Когда случалось ему въ поученіяхъ напоминать, чтобы воздерживались отъ нѣкоторыхъ пороковъ, никого не обличалъ онъ по имени, а говорилъ только какъ бы о себѣ одномъ; если же кто приходилъ къ нему добровольно приносить покаяніе, то съ кротостію возлагалъ на него эпитимію для облегченія совѣсти. Милостыню раздавалъ онъ обильную нищимъ, и деньгами и хлѣбомъ. Случилось въ день храмоваго праздника, великаго Антонія, оскудѣніе хлѣбовъ въ обители, ибо Господь хотѣлъ испытать вѣру вѣрнаго своего раба. Не зная что̀ раздавать множеству убогихъ, собравшихся еще наканунѣ, преподобный сотворилъ теплую молитву предъ Господомъ, дабы далъ пищу болящимся его, и на разсвѣтѣ пришелъ посланный отъ Великаго Князя Василія Іоанновича, съ царскою милостынею въ обитель, которою съ избыткомъ насытился весь народъ.

Милосердіе и вѣра его просіяли и во время тяжкаго голода, посѣтившаго предѣлы Вологодскіе.

Запасы монастырскіе открыты были для всѣхъ приходящихъ, хотя и высокою цѣною пріобрѣтался хлѣбъ; младенцы, которыхъ бросали сами родители подъ стѣнами обители, принимаемы были для прокормленія въ богодѣльню, на дворъ монастырскомъ, ибо такова была общая забота старца. Случалось, что нѣкоторые изъ убогихъ, по два и по три раза принимали себѣ милостыню изъ рукъ его, въ ущербъ другимъ, и приставники замѣчали о томъ старцу, но онъ не велѣлъ ихъ отгонять и безъ различія всѣмъ подавалъ. Вечеромъ, въ праздникъ святаго Антонія, когда послѣ соборной службы и обычнаго правила, присѣлъ онъ немного отдохнуть въ своей келліи,—въ тонкомъ снѣ представъ ему самъ великій отшельникъ Египетскій и велѣлъ за собою слѣдовать. Святопьтный мужъ вышелъ его на пространное поле, на которомъ грудами лежали просфоры и калачи, и сказалъ: «вотъ твое подаяніе нищимъ, собери его къ себѣ въ полы одежды» и когда сталъ собирать, отъ избытка посыпались они изъ полы. Тутъ онъ проснулся и, съ радостными слезами, подивился видѣнію; посему заповѣдалъ, при жизни своей и послѣ смерти, не оставлять щедраго подаянія нищимъ.

Примѣнялся къ древнимъ отеческимъ правиламъ, Корнилій распредѣлилъ съ подробностію всѣ службы церковныя и работы монастырскія, дабы никто не оставался праздным, но при всякомъ рукодѣліи внушалъ постоянно имѣть на устахъ молитву Іисусову. Всѣхъ научалъ онъ, и своихъ и приходя-

щихъ, жить по правиламъ святыхъ отецъ, во всемъ покоряться волѣ настоятеля, и молитвенно совершать подвигъ послушанія во все теченіе жизни. Чѣмъ болѣе умножалось стадо его духовное, тѣмъ болѣе усугубляль онъ бдѣніе и постъ. Преподобный начерталъ для своей обители особенный уставъ о церковномъ благочиніи и соборной молитвѣ, трапезѣ, пищѣ и одеждѣ, о несстяжаніи, постоянномъ безмолвіи и трезвеніи мыслей, во избѣжаніе праздныхъ бесѣдъ, растлѣвающихъ нравы. Строго заповѣдалъ онъ братіи, чтобы никогда не были нарушаемы сіи правила, и должно полагать, что совершенство устава общежительнаго послужило къ тому, что столько другихъ обителей возникли, одна за другой, изъ спасительной ограды Кирилловой, потому что опытные ученики его, въ свою очередь, сдѣлались наставниками собранной ими братіи, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Устроивъ такимъ образомъ все нужное для жительства иноческаго въ обители у себя, созвалъ онъ учениковъ своихъ и поставилъ надъ ними двѣнадцать, изъ ихъ среды, которымъ вручилъ наблюденіе порядка монастырскаго, себѣ же просилъ отпущенія у всей братіи, дабы опять могъ безмолвствовать въ уединеніи. Съ плачемъ молили всѣ блаженнаго старца, не оставлять сирыми дѣтей своихъ, но онъ утѣшалъ ихъ, говоря: «что если и разстанется съ ними тѣлесно, душею же всегда съ ними будетъ» и, взявъ съ собою нѣсколько учениковъ, удалился за семьдесятъ верстъ въ дре-

мучій лѣсъ, на пустынное Сурское озеро, близъ рѣчки Костромы, гдѣ началъ опять съ усердіемъ пасдинъ работать Господу. Напрасно оставшіеся въ обители братія посылали къ старцу умолять его о возвращеніи; непреклонным остался онъ въ дикомъ своемъ уединеніи.

Случилось, въ ту же зиму, Великому Князю Василію Іоанновичу идти на богомолье, въ Кирилловъ монастырь, вмѣстѣ съ Княгинею своею Еленою, молить великаго чудотворца о дарованіи имъ сына, въ наслѣдіе державнаго рода Россійскаго. Мимоходомъ зашелъ онъ въ обитель Корнилієву и спрашивалъ братію: «почему оставилъ ихъ блаженный учитель? по любви ли къ благочестію, или ради какого либо нестроенія домашняго?» Братія отвѣчали, что Корнилій удалился на безмолвіе, ради Христовой любви, и со слезами молили державнаго, попудить отца ихъ къ нимъ возвратиться, ибо не могли терпѣть долѣе такого духовнаго лишенія. Тронулся Великій Князь ихъ мольбами и послалъ отъ себя парочнаго въ пустыню Корнилієву, повелѣть ему возвратиться въ свой монастырь и тамъ ожидать обратнаго его прихода изъ Кириллова; самъ же продолжалъ молебный путь свой. Между тѣмъ преподобный, по княжескому велѣнію, пришелъ изъ пустыни въ свой монастырь и, взявъ съ собою трехъ братій, встрѣтилъ Государя въ Вологдѣ.

Обрадовался державный пришествію старца и много съ нимъ побесѣдовавъ о душеполезныхъ пред-

метахъ, просилъ умолить Господа и пречистую его Матерь, дабы ему даровано было чадородіе. Онъ отпустилъ прежде себя преподобнаго въ монастырь, и вскорѣ за нимъ послѣдовалъ, чтобы тамъ упросить не оставлять братіи, которую собралъ со многимъ трудомъ. Но блаженный старецъ умолялъ Великаго Князя, ради дряхлости своей и немощи, отпустить его въ пустыню, чтобы тамъ только плакать о грѣхахъ своихъ. Князь же, зная многотрудное житіе Корнилія, изъ уваженія къ старцу, положилъ во всемъ быть на волѣ его и, съ обильною милостынею, отпустилъ на Сурское озеро; даже и туда велѣлъ онъ отпускать ему на пропитаніе хлѣбъ оброчный, а въ монастырь далъ отъ себя вклада пятьдесятъ рублей и приказалъ церковь деревянную Антонія великаго, вмѣстѣ съ трапезою, обить досками.

Преподобный возвратился въ свою пустыню; тамъ замыслилъ соорудить себѣ малую церковь и пошелъ, съ однимъ ученикомъ, въ Москву, просить о томъ Самодержца и Митрополита всея Руси. Въ то время родился державному сынъ и наслѣдникъ, нареченный во святомъ крещеніи, Іоанномъ, и радостію исполнилось отеческое сердце; онъ пошелъ въ лавру преподобнаго Сергія, помолиться великому чудотворцу и благодарить Бога за дарованную милость; тутъ встрѣтилъ его преподобный Корнилій. Съ великою почестію принялъ старца Великій Князь, и предпослалъ въ столицу, чтобы тамъ благословилъ его Княгиню, а самъ,

возвратясь въ царствующій градъ, осыпалъ щедротами Корнилія и часто призывалъ его къ себѣ на трапезу, для духовной бесѣды, посылая къ нему и на домъ все потребное для пищи, но Корнилій тайно раздавалъ это убогимъ.

Старецъ просилъ Князя о дозволеніи соорудить церковь въ пустынѣ, но державный, помня моленіе братіи Комельской, не согласился, и понуждалъ Корнилія возвратиться въ прежній монастырь. Тяжкимъ показалось это любителю безмолвія, который искалъ только уклониться отъ житейской молвы; онъ скрылся отъ Великаго Князя у одного христолюбиваго человѣка; но когда услышалъ, что державный ищетъ его по всему городу, удалился въ Сергіеву лавру, гдѣ съ любовію принятъ былъ настоятелемъ и братіею Вѣсть о томъ дошла до Великаго Князя и когда самъ онъ посѣтилъ лавру, на праздникъ Богоявленія Господня, опять понуждалъ старца возвратиться въ свой монастырь, ибо не подобало такому великому свѣтильнику скрываться подъ спудомъ.

При столь усиленномъ настояніи долженъ былъ повиноваться Корнилій, а между тѣмъ Великій Князь послалъ нарочнаго въ его обитель, вызвать оттуда нѣсколько изъ его учениковъ, чтобы они сами умолили старца идти съ собою въ монастырь. Согласился наконецъ Корнилій, и съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ лице Государя, просить себѣ отпущенія. Обрадовался державный его послушанію и сказалъ: «слышалъ я, отче, что съ тѣхъ поръ какъ

основался монастырь твой, не имѣешь ты ни селъ, ни деревень; просо что тебѣ нужно и все тебѣ дамъ.» Но Корнилій ничего не хотѣлъ себѣ просить, а только желалъ, чтобы ему приписали нѣсколько земли съ лѣсомъ, около монастыря, которую уже воздѣлалъ въ потѣ лица, своими руками, такъ какъ это былъ единственный хлѣбъ для его обители; на все съ любовію согласился Великій Князь и присоединилъ еще къ тому много угодій и деревень для обители; онъ укрѣпилъ грамотами, чтобы ни кто изъ будущихъ поселенцевъ на сей землѣ не былъ обязываемъ какими либо податьми или пошлинами, и такъ отпустилъ его съ миромъ, давъ ему на дорогу обильную милостыню. Великая радость была въ обители Комельской, при возвращеніи желаннаго старца; вся братія встрѣтила его, какъ Ангела Божія, со крестами за оградой; каждый искалъ припасть къ ногамъ его или прикоснуться къ его одеждѣ, и старецъ самъ, съ отеческою любовію, всѣхъ обнималъ и благословлялъ.

Во время отсутствія преподобнаго Корнилія въ пустынѣ Сурской, братія, по его благословенію, избрали себѣ игуменомъ Кассіана, но когда возвратился старецъ, не посмѣлъ болѣе Кассіанъ начальствовать предъ лицемъ его и пребывалъ у него въ совершенномъ послушаніи; Корнилій же предпринялъ опять прежніе свои труды, очищеніе лѣса и воздѣланіе нивъ, дабы иноки его не только сами ѣли свой хлѣбъ, но и другихъ питали. Случилось однажды во время работы, когда братія отды-

хала въ полдень, а самъ онъ собиралъ въ лѣсу очищенный имъ хворостъ, внезапное пламя его объяло и старецъ едва не погибъ въ огнѣ, но Божіимъ посѣщеніемъ поднялся сильный вѣтеръ и очистилъ ему широкую дорогу изъ среды огня. Преподобный, разбудивъ братію, повѣдалъ ей о совершившемся чудѣ и, образомъ чувственнаго огня, напомнилъ, чтобы старались избѣжать вѣчнаго.

Такъ, при каждомъ особенномъ случаѣ, назидалъ онъ братію поучительнымъ словомъ, внушая наипаче не имѣть ни въ чемъ своей воли, но во всемъ хранить смиреномудріе и молитвенно ожидать смертнаго часа, въ непрестанныхъ трудахъ и совершенномъ отчужденіи всего мірскаго, ибо, по словамъ Апостола, нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ (Римл. 8, 18). Онъ строго заповѣдалъ, чтобы никто не смѣлъ называть чего либо своимъ, и не позволялъ даже въ келлію выносить пищу изъ трапезы, кромѣ какъ больщимъ; за трапезою же должны были всѣ сидѣть въ глубокомъ молчаніи, и во всякое время, хранить очи свои отъ неподобнаго зрѣнія, и уши отъ всего вреднаго для слуха, а языкъ отъ празднословія, дабы не дать за то отвѣта. Сердце, внушалъ онъ, охранять умною молитвою отъ помысловъ нечистыхъ и наипаче избѣгать пьянства, которое порождаетъ всякую злобу и соблазномъ погубляетъ души. Нарушителей общежительнаго устава, строго по-

велѣвалъ выгонять изъ обители, дабы другимъ не подавали опаснаго примѣра, а тѣмъ изъ иноковъ, которые повинулись отеческимъ заповѣдямъ, жили въ братолюбіи между собою, обѣщалъ не только временныя блага, процвѣтаніемъ ихъ обители, но и будущую награду, за совершеніе ихъ подвига.

Самъ блаженный старецъ, не взирая на преклонный свой возрастъ, не устранялся ни отъ какихъ трудовъ и первый всегда являлся на церковную службу; для всѣхъ онъ былъ все, по слову Апостола, печальнымъ утѣшеніе и нищимъ одежда, больнымъ исцѣлитель, и грѣшникамъ учитель покаянія. Втайнѣ подавая убогимъ, дабы не осудила братія его излишней щедрости, любилъ онъ одѣваться въ убогія ризы. Однажды инокъ, по имени Закхей, пришелъ къ нему въ мантіи, связанной изъ лыковъ, и просилъ, чтобы велѣлъ перемѣнить ее на лучшую; Корнилій, снявъ съ себя мантію, отдалъ Закхею, а лыковую надѣлъ на себя и еще долго ее носилъ. Однако приближеніе старости и недуги тѣлесные, при непрестанномъ умноженіи братіи, которыхъ уже не въ силахъ былъ поучать, заставили его снова пожелать любимаго своего безмолвія, дабы въ тишинѣ размышлять о часѣ смертномъ. Преподобный отошелъ въ Кирилловъ монастырь, на мѣсто своего постриженія, и принятый тамъ съ любовію игуменомъ, затворился въ кельіи, надѣясь окончить въ ней духовный свой подвигъ.

Но Господь иначе о немъ промыслилъ, дабы не лишилась Комельская обитель сокровища его

мощей. Оставленные имъ ученики, послали къ нему пять изъ старѣйшихъ братій умолять его, чтобы опять къ нимъ возвратился; но видя его непреклонным, просили о томъ игумена и старцевъ Кирилловскихъ, и не могъ на сей разъ блаженный Корнилій презрѣть такое общее моленіе. Онъ потребовалъ однако, отъ учениковъ своихъ, чтобы до его возвращенія поставили у себя игумена на его мѣсто, и указалъ на благоговѣйнаго мужа Лаврентія, увѣряя, что безъ того къ нимъ не возвратится. Братія едва могла убѣдить Лаврентія, принять на себя начальственную должность, и съ нимъ вмѣстѣ отправились въ Кириллов, чтобы привести съ собою старца. Возвратившись, онъ утвердилъ ихъ выборъ, а самъ затворился въ келлію, не помышляя болѣе ни о чемъ земномъ, и ожидая только разрѣшенія тѣлеснаго.

Но ему суждено было еще однажды оставить обитель, уже не по доброй волѣ, но по причинѣ набѣговъ Татаръ, которые разорили всю окрестность; иноки и міряне покидали свои жилища и бѣжали въ лѣса. Братія пришли возвѣстить о томъ преподобному; «сотворимъ человѣческое, сказалъ онъ; бѣжимъ и мы, да не вмѣнится намъ въ гордость; если избѣгнемъ здѣсь Татаръ, то не избѣжимъ тщеславія, ибо никому не должно добровольно повергаться въ опасность.» Такимъ образомъ, вмѣстѣ со всею братіею, уклонился онъ въ предѣлы Бѣлозерскіе, моля Господа и пречистую его Матерь, о сохраненіи своей обители и о тишинѣ всего міра.

Татары, разорившіе много окрестныхъ обителей, устремились на Корниліеву, но она показалась имъ издали неприступною крѣпостію, окруженною множествомъ войска, и они бѣжали, пораженные страхомъ; старецъ же съ братіею возвратился въ свое жительство.

Даръ исцѣленія данъ былъ преподобному еще при жизни, и многіе получали отъ него врачеваніе своихъ недуговъ. Одинъ изъ иноковъ, по имени Іовъ, пришелъ къ нему, когда столъ на вечерней правилъ, и показалъ ему руку свою, сильно уязвленную; старецъ взглянулъ только на рану и сотворилъ молитву, и рука въ ту же минуту исцѣлилась. Другой инокъ, посланный Корниліемъ на работу, принесенъ былъ въ монастырь едва живой, будучи изранепъ разбойниками; преподобный велѣлъ позвать священника, чтобы постричь его; самъ же посѣтилъ его прежде прихода пресвитера, коснулся только перстомъ его раны, и болящій остался совершенно здравымъ.

При старцѣ Корниліѣ, уже въ послѣднее время его жизни, служилъ ученикъ его, благоговѣйный юноша Геннадій, который съ дѣтскихъ лѣтъ посвятилъ себя иноческой жизни и преуспѣвалъ во всякомъ подвигѣ, но не довольствуясь строгимъ правиломъ монастырскимъ, желалъ еще безмолвствовать наединѣ. Видя старца своего, пэнемогающаго отъ болѣзни, онъ припалъ къ ногамъ его и просилъ, чтобы позволилъ ему, по окончаніи его жизни, пребывать въ той Сурской пустынѣ, гдѣ самъ

временно подвизался. Сперва не соглашался Корнилій, не почитая его, какъ незнавшаго грамоты, способнымъ устроить сію пустынь, но потомъ, ради крайняго смиренія, благословилъ на сей подвигъ; онъ даже обѣщалъ ему прославленіе избраннаго имъ мѣста, что исполнилось въ послѣдствіи, ибо пустынь Геннадіева процвѣла его молитвами.

Чувствуя приближеніе кончины, и уже отрѣшившись отъ міра, непрестаннымъ созерцаніемъ божественной славы, преподобный призвалъ къ себѣ игумена съ братіею, и еще однажды заповѣдалъ имъ, чтобы твердо сохраняли данный имъ уставъ, для спасенія душъ своихъ, со страхомъ и вниманіемъ, исполняя всю божественную службу, и не забывая нищихъ, ради его памяти.

Въ четвертую недѣлю по Пасхѣ, крайне изнемогающій, велѣлъ еще однажды вести себя въ церковь, чтобы пріобщиться святыхъ таинъ, и опять возлегъ на свой болѣзненный одръ. Братія непрестанно его окружала, скорбя о предстоящей разлукѣ, но старецъ утѣшалъ ихъ, говоря, что Лаврентій заступитъ его мѣсто, и просилъ только чтобы жили между собою въ мирѣ. Всѣ приходили со слезами просить послѣдняго его благословенія, и всѣхъ съ любовію благословлялъ онъ, прося у каждаго себѣ молитвы и прощенія. На послѣдокъ велѣлъ прочесть акаѳистъ Господу Іисусу и Богоматери; самъ онъ, поднявшись съ ложа, взялъ кадильницу, ѳиміамомъ окадилъ святыя иконы и предстоявшихъ, и опять простершись на одрѣ,

такъ тихо предалъ душу свою Богу, что никто не замѣтилъ, какъ отлетѣла отъ устъ его послѣдняя молитва; лице его было свѣтло; казалось онъ не умеръ, а только спитъ. Ударяли къ утрени воскресной; игуменъ и братія понесли съ честію тѣло отца своего въ церковь и со слезами совершили воскресную службу; на другой же день, при чрезвычайномъ стеченіи народа, погребли многотрудное тѣло его, близь созданнаго имъ храма, мая въ 19 день 1537 года. Сорока одного года, пришелъ Корнилій на мѣсто сіе и столько же лѣтъ пребылъ на ономъ, обративъ пустыню въ чудную обитель. Вскорѣ послѣ его кончины начали истекать исцѣленія отъ его гроба, надъ которымъ бѣсноуемые наипаче получали облегченіе отъ тяжкаго своего недуга; игуменъ же Лаврентій, еще десять лѣтъ послѣ своего старца, охранялъ въ мирѣ собранную имъ паству и, вмѣстѣ съ бывшимъ игуменомъ Кассіаномъ, избралъ себѣ послѣднее пристанище близь гроба блаженнаго своего учителя.

Чтобы ближе познакомиться съ духомъ и характеромъ святаго Корнилія, надобно прочесть его предисловіе къ уставу общежительному, даннаго имъ своей обители; оно исполнено смиреномудрія и дышетъ простотою первыхъ временъ Христіанства.

«Благоволеніемъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа и споспѣшеніемъ его пречистыя Матери, написалъ я для себя душеполезное сіе писаніе и для присныхъ моихъ братій о Господѣ, которые мнѣ единоправны. Я васъ именую братіею,

а не учениками, ибо одинъ у насъ есть учитель, Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, давшій намъ божественное писаніе, и по немъ святые Апостолы и преподобные отцы, научавшіе и доселѣ поучающіе человѣческій родъ. Всѣ они сами прежде дѣлали благое и потомъ уже иныхъ научали, а такъ какъ я не былъ доселѣ дѣлателемъ ни единаго блага, то, покрайней мѣрѣ, изложу божественное писаніе для тѣхъ, которые хотятъ спастися.

Писаніе говоритъ, что мы здѣсь пришельцы и преселѣники (Ев. XI, 13), послѣ же смерти ожидаетъ насъ вѣчная жизнь; или въ радости или въ мукѣ, обрѣтаться будемъ, судя потому какъ воздастъ Господь каждому по его дѣламъ. Посему подобаетъ намъ наипаче заботиться о той жизни, что послѣ нашей смерти, и я доколѣ еще живъ, предаю писаніе сіе братіи моей, о Господѣ, для моего и для ихъ спасенія, возбуждая совѣсть ихъ къ лучшему, дабы сохранили себя отъ нерадѣнія и дурной жизни, и отъ людей мудрствующихъ одно плотское, которые по лѣности впали въ сѣти общаго намъ врага.

Много мірскихъ людей приходятъ къ намъ, желая постриженія; я же, хотя и грѣшенъ, неразуменъ и немощенъ душою, однако пріемлю и постригаю приходящихъ во мнѣ. Стекаются также и нѣкоторые братія изъ другихъ монастырей, желая жительствовать съ нами: и сихъ пріемлю, хотя вовсе не желаю начальствовать, лишь бы всѣмъ намъ, малымъ и великимъ, сохранить заповѣди Бо-

жіи и преданія Св. отецъ, и жить въ совершенномъ согласіи, не извиняясь тѣмъ, будто бы невозможно нынѣ слѣдовать по стопамъ святыхъ отецъ. Если мы и немощны, довольно уже и того, что хотимъ послѣдовать, хотя и не можемъ съ ними сравниться. Не желающіе соблюдать сего устава, пусть перестанутъ докучать моему окаянству, ибо не я прихожу къ нимъ, чтобы у нихъ начальствовать. Если и у насъ живущіе не стараются все сіе соблюсти и не слушаютъ нашихъ словъ, не дамъ я за нихъ отвѣта Богу и невиненъ буду въ ихъ самочиніи; если же хотятъ они жить по сему уставу, тѣмъ охотнѣе ихъ пріемлю, возвѣщая имъ слово Божіе, хотя и самъ его не исполняю, но быть можетъ, ради ихъ послушанія и молитвъ, сподоблюся и я спасенія.

«Много насъ глаголющихъ и мало творящихъ», говоритъ Св. Максимъ; Слово Божіе никто не долженъ таить своимъ нерадѣніемъ, но исповѣдать свою немощь и не скрывать Божіей истины, да не будемъ повинны въ преступленіи заповѣдей. Трепещу пророческаго писанія, возвѣщающаго, что настоятель будетъ истязанъ за всѣхъ подъ нимъ сущихъ. Если можетъ отсѣчь ихъ отъ зла и не отсѣкаетъ, то Богъ взыщетъ отъ руки его кровь ихъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ ними погибнетъ за нерадѣніе; если же обличитъ ихъ, но не возможетъ удалить отъ зла, по крайней мѣрѣ избавитъ тѣмъ собственную душу, они же умрутъ во грѣхѣ своемъ. Посему умоляю васъ, отцы и братія и

чада мои возлюбленные, ради любви Христовой и спасенія, моего же и вашего, попечемся о душахъ нашихъ; поскорбимъ о минувшемъ времени житія нашего и подвигнемся для будущихъ благъ, дабы, проводя въ нерадѣніи здѣшнее житіе, не быть намъ осужденными въ страшное пришествіе Господне. Какимъ образомъ узримъ мы, своими очами, въ день Господень великій, страшное лице Христа, сіяющее паче солнца, когда будетъ опредѣлять праведнымъ неизреченное благо, грѣшнымъ же томленіе и муки?

Что можетъ быть горче такой скорби и печали, говоритъ Св. Ефремъ, если увидимъ тогда мірскихъ людей, живущихъ съ женами и дѣтьми и заботившихся о мірскомъ, удостоенными царствія небеснаго, а мы которые все оставили, отца и мать, жену и дѣтей и присныхъ, и весь міръ, и все, что въ немъ есть сладкаго, мы, постоянно пребывающіе въ скорбяхъ и бѣдахъ, борясь съ тѣлесными нашими страстями, какъ бы со львомъ и зміемъ, мы осуждены будемъ съ мытарями и грѣшниками, ради малаго небреженія и преслушанія? Какимъ образомъ, оставивъ великое, неразумно прельщаемся ничтожнымъ, и ради сего отпадаемъ отъ любви Христа Бога и, въ страшный часъ смерти, люто истязаны будемъ! Если, по мнѣнію великаго Василія, сами духовные отцы и Св. мученики не безъ истязанія проходили мытарства воздушныя, въ часъ разлученія души отъ тѣла, то мы, окаянные, какъ избѣжимъ ихъ? и какое помилованіе по-

лучшимъ, ежечасно прогнѣвляя Господа, живя безъ-заботно во всякомъ довольствѣ, имѣя готовыми пищу и питіе и все, что потребно для тѣла, если только о единой душѣ нашей не хотимъ позаботиться? Мы не только не имѣемъ въ памяти нашей, какъ отрекшись мы отъ міра и какъ обѣщались Христу терпѣть всякую скорбь и тѣсноту иноческаго житія, въ постоянномъ послушаніи и нищетѣ, но даже и о маломъ своемъ правилѣ не хотимъ имѣть заботы,-о томъ, какъ намъ подобаетъ быть въ церкви и въ келліи, и такимъ образомъ, безъ всякой заботы о нашемъ спасеніи, въ обители живемъ просто, какъ бы міряне.

Намъ уже кажется весьма важнымъ, что мы отъ міра отрекшись словомъ, хотя на дѣлѣ нисколько, и мы не хотимъ помыслить, что вскорѣ должны умереть, какъ отцы наши и братія, и предстать нелицемѣрному судилищу Христову, чтобы слово воздать ему о нашихъ дѣлахъ, и рѣчахъ, и помышленіяхъ. По истинѣ страшенъ и немилостивъ судъ сей нерадивымъ. Аще бо праведникъ едва спасется, нечестивый же и грѣшникъ гдѣ явится? (1. Петр. 4. 18.). Посему, хотя нынѣ, попечемся о заповѣдяхъ Господнихъ и отеческихъ преданіяхъ, написанныхъ намъ въ уставѣ, по свидѣтельству священнаго писанія и по завѣщанію великаго Василія, который говоритъ: прежде всего подобаетъ инокамъ, въ общежитіи живущимъ, не имѣть ни въ чемъ своей воли или стяжанія, но во всемъ повиноваться настоятелю, держаться послушанія со

смиреніемъ, и трудиться тѣлесно, сколько есть силъ, чтобы все исполнять въ обители со тщаніемъ, по установленному порядку.»

УСТАВЪ

ПРЕПОДОБНАГО КОРНИЛІЯ.

Общежительный уставъ преподобнаго Корнилія весьма замѣчателенъ, какъ зерцало монашескаго быта XV вѣка, потому что назидательныя его правила послужили для утвержденія многихъ обителей и, въ общихъ нравственныхъ совѣтахъ, могутъ быть полезны и для міряпъ; онъ раздѣляется на 15 главъ, и въ первой говорится о церковномъ благочиніи и соборной молитвѣ.

«Паипаче потщимся братія, исполнить весь чинъ церковной молитвы, какъ намъ повелѣваютъ божественныя писанія, говоритъ преподобный: какъ только услышимъ клепаніе (или благовѣсть), немедленно бросимъ все, что у насъ обрѣталось въ рукахъ, и съ усердіемъ устремимся къ началу службы. Если кто прежде придетъ въ церковь, прежде сподобится и милости отъ Господа, и сколько вре-

мени будетъ находиться въ соборѣ, въ ожиданіи службы, по стольку пріиметъ и благодати отъ Бога. Если кто приходитъ къ земному Царю, и прежде другихъ, стоя или сидя у дверей палатъ, ожидаетъ его выхода, тотъ бываетъ за то любимъ Царемъ; если же кто нерадивъ и послѣ всѣхъ приходитъ, тотъ, какъ ленивый, отъ лица царскаго изгоняется. Такъ и мы, если начнемъ нерадѣть о церковной службѣ, приходя послѣ всѣхъ и прежде другихъ уходя, какъ нерадивые будемъ отвержены Богомъ. Если кто, по какой-либо необходимой причинѣ, удержанъ былъ и не успѣлъ придти къ началу, когда возглашаютъ: «пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу», то пусть, взойдя въ церковь, поклонится игумену, прося себѣ прощенія, или обѣимъ клиросамъ если нѣтъ настоятеля.

Во время божественнаго пѣнія, всѣ должны стоять съ благоговѣніемъ, благопристойно и безмятежно, и никто да не говоритъ ни единаго слова, кромѣ настоятеля и тѣхъ, которымъ поручена забота о церкви; да остерегаются наипаче празднословія и шептанія другъ съ другомъ, или съ приходящими гостьми, и никто да не оставляетъ мѣста своего, переходя на чужое. Предстоящій земному Царю съ небреженіемъ, не малому подвергается осужденію: кольми паче подобаетъ съ трепетомъ предстоять небесному страшному Царю. При тѣлесномъ благочестіи, попечемся и о внутреннемъ, ибо если кто по наружности только соблюдаетъ приличіе, никакой отъ сего не будетъ пользы уму его, когда онъ

будетъ скитаться въ неподобныхъ помыслахъ; но понудимъ себя на дѣло Божіе, отгнавши всѣ земные помыслы, умъ нашъ весь устремимъ къ небу, трезвящеюся мыслею и бодрствующею душею и сокрушеннымъ сердцемъ, не оставляя и наружнаго благочинія; со страхомъ и умиленіемъ стоя въ церкви, будемъ молиться Богу и просить у него милости, и славословіе божественное да будетъ для насъ всегда любезнѣе и честнѣе всѣхъ прочихъ дѣлъ человѣческихъ.

Ничто не можетъ столько подвигнуть Бога на гнѣвъ противъ насъ, какъ безчинія въ церкви и нерадѣніе о молитвѣ, и суетные разговоры о вещахъ тлѣнныхъ; лучше не приходить въ церковь, нежели раздражать Господа. «Не презри божественной службы, да не преданъ будешь въ руки враговъ твоихъ,» предварятъ насъ Св. отцы, и еще прежде ихъ страшно грозитъ пророкъ: «проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!» Если кто начнетъ молву или безчинія въ церкви, такому слѣдуетъ возбранять, а если не послушаетъ, изгонять его изъ церкви. По окончаніи же соборной службы, не прилично стоять или сидѣть предъ церковію, но каждый пусть идетъ въ келлію свою съ молчаніемъ, пребывая въ молитвѣ и рукодѣліи, или какомъ-либо послушаніи, опять до благовѣста.

По совершеніи божественной литургіи, братія, выходя изъ церкви, идутъ въ трапезу, вмѣстѣ съ настоятелемъ, не по два вмѣстѣ, а одинъ за од-

нимъ, молча или читая псаломъ, и такъ взойди въ трапезу садятся, каждый на своемъ мѣстѣ по порядку, съ благоговѣніемъ и молчаніемъ. Никто да не замедлитъ къ благословенію трапезы, и тогда только можно скромно прикасаться къ брашну или питію, когда уже на нихъ возложилъ руку настоятель. Особенно надобно остерегаться, во время трапезы, чтобы не проговорить какого-либо праздного слова, кромѣ положеннаго чтенія, ибо Св. отцы равняютъ братскую трапезу съ жертвенникомъ, на время обѣда, и потому, какъ въ церкви на божественномъ пѣніи, такъ и на трапезѣ, съ молчаніемъ подобаетъ ѣсть и съ молитвою внимать чтенію. Одинъ только настоятель и келарь и тѣ, которымъ поручено трапезное послушаніе, могутъ кротко и тихо сказать что необходимо. Если же кто начнетъ говорить и дѣлать неблагоговѣйно, да запретятъ ему, а если не послушаетъ, пусть исполнится надъ таковымъ совѣтъ Василія великаго: «изжени молвотворца изъ сонмища, и съ нимъ вмѣстѣ изыдетъ молва.» То же благочиніе должно соблюдаться и за келарскою трапезою, и за нее ходить могутъ только занятые монастырскими службами, и то по необходимости, или если кто не поспѣетъ къ большой трапезѣ, съ разрѣшенія игумена или келаря; а если кто опоздалъ, по нерадѣнію или коварству, да возбраняется ему и сія трапеза. Потомъ всѣ молча расходятся по келліямъ, не оставаясь ни въ трапезѣ, ни предъ нею, и не уклоняясь другъ къ другу въ келлію, ибо отъ сего про-

исходитъ безчиніе и празднословіе, а мы должны дать отвѣтъ Богу за каждое праздное слово.

Пища и питіе должны быть по уставу, просты и смиренны, судя по времени и мѣсту, ибо не слѣдуетъ искать излишняго, но только необходимаго и то что можно удобно купить малою цѣною; больше трехъ яствъ не слѣдуетъ ставить. Если кто изъ христолюбцевъ принесетъ какое-либо утѣшеніе на трапезу, можно по нуждѣ и въ мѣру поставлять оное, дабы не опечалить принесшаго; въ воскресные же дни и на господскіе праздники, если подастъ Христосъ еще одно яство, подобаетъ вкушать его, во славу Божію, не заботясь однако о томъ. Въ великій постъ, по вторникамъ и четвергамъ, одно вареное яство да бываетъ, все же прочее, одно сухоядѣніе; а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, не ставить на трапезу кваса, ни после не давать, кромѣ только одинмъ болящимъ по благословенію; братіямъ же всѣмъ пить только одну воду, а хмѣльнаго напитка никогда никакого не имѣть. Съ трапезы, безъ благословенія настоятеля или келаря, не брать ни хлѣба ни квасу, не только для братіи, но ни даже гостямъ или страннымъ, и въ больницу ничего не носить безъ благословенія.

Никто, безъ разрѣшенія настоятеля, не долженъ ѣсть особенно и тайно, у себя въ келліи, или вне монастыря, на огородѣ, въ полѣ и въ лѣсу, и держать какую-либо пищу у себя, кромѣ тѣхъ которымъ благословитъ настоятель, ради немощи или благословной вины; строго запрещаютъ

тайно-ядѣніе общежительныя правила, такъ какъ велікое зло отъ сего происходитъ. Кто, великое побѣдивъ, малымъ побѣждается, осужденъ будетъ, подобно Ананіи и Сапфирѣ, и никакая добродѣтель не можетъ принести намъ пользы, если побѣдимся чревообъядѣніемъ: это діяволскія сѣтіи, которыя кажутся ничтожными, но заключаютъ въ себѣ смертный ядъ.

Если кому есть дѣло до брата, пусть скажетъ ему слово, у оконца келліи, и возвратится къ себѣ; бесѣды же должны быть таковы, чтобы служить къ назиданію и исправленію душъ. Если кто изъ внѣшнихъ придетъ къ брату, присный ему или сродникъ, инокъ или мірянинъ, не слѣдуетъ его принимать въ келлію или бесѣдовать съ нимъ, безъ благословенія настоятеля. Василій великій повелѣваетъ оставлять безъ благословенія и безъ пищи того, кто сіе нарушитъ и, безъ разрѣшенія игумена, ничего не брать изъ приносимаго, или что давать кому либо отъ себя.

То, что сказано было о скромности и простотѣ въ пищи, должно наблюдать относительно одежды и обуви, и не искать излишняго и многоцѣннаго, по прелести бѣсовской. Каждый братъ, да имѣетъ двѣ одежды, одну ветхую съ заплатами, другую крѣпкую; также и двѣ обуви не зазорно или кто имѣетъ, особенно служебники вив монастыря, излишнее же все да относятся въ казну монастырскую. Рукодѣльники, на все что дѣлаютъ, пусть испрашиваютъ благословеніе настоятеля, не имѣя права

раздавать что-либо даже въ милостыню, потому-что и милостыня и питаніе нищихъ, общи всему братству. Казначей раздастъ, по нужде, обувь и одежду каждому, испытывая, нетъ ли у кого трехъ и отбирая назадъ ветхое.

Никто изъ братіи, да не проситъ у кого-либо изъ внѣшнихъ, иноковъ или мірянъ или сродниковъ, денегъ или одежды, или чего другаго себѣ, потому-что такъ поступаютъ отъ того только, что не хотятъ подчинить себя общему закону монастырскому, или смириться предъ казначеемъ, ослѣпляясь тщеславіемъ; таковые суть лѣва и соблазнъ, посреди братіи, и Св. отцы говорятъ, что бѣсъ нечистоты соблюдаетъ иноку лучшую ризу, для суетной бесѣды.

И такъ, строго запрещается имѣть въ монастырѣ или внѣ его, у своихъ сродниковъ, какое-либо стяжаніе; по всѣми силами должно охраняться отъ сребролюбія и украшенія ризъ и пристрастія къ вещамъ, ибо плѣняемый ими, по словамъ Св. Василія, умерщвляетъ душу свою и, за малыя цаты, отрекается своего спасенія; инокъ, имѣющій въ общежитіи что-либо свое, малое или многое, чуждъ любви Божіей и отлученъ соборной Церкви. Отцы говорятъ по старчеству, что живущіе въ общежитіи, даже словомъ не должны называть вещь моею или твоею, или чьею изъ братіи, ибо потому только и парится общежитіе, что все общее. Если и оскудѣніе случится, лучше оно со Христомъ, нежели безъ Христа богатѣніе житейское.

Убоимся братія, дабы въ часъ, въ который не чаемъ, не постигла насъ смерть и не обрѣла нашу совѣсть оскверненную сребролюбіемъ, да и намъ не скажетъ Господь: «безумный, въ сію ночь, душу твою возмутъ отъ тебя, а то, что ты собралъ, кому будетъ?» Хотящій сподобиться божественной благодати, въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ, долженъ имѣть совершенное нестяжаніе и Христоподобную нищету, какъ и самъ Владыка Христосъ говорилъ: «Сынъ человѣческій не имѣетъ гдѣ главы подклонить (Матѳ. 8, 20); и я снизшелъ съ небесси, не да послужатъ мнѣ, но да послужу» (гл. 10, ст. 45) и еще: «не творю воли моей, но пославшаго меня Отца» (Іоан. 6, 38). Такое смиреніе показалъ намъ для примѣра! Колыми паче подобаетъ намъ, не имѣть своей воли, но все творить по благословенію настоятеля.

Никто да не беретъ въ церкви или трапезѣ, въ монастырѣ или внѣ его, какую бы то ни было вещь, малую или великую, для себя или службы монастырской, безъ благословенія настоятеля или келаря, а если что найдетъ, пусть возвѣститъ; если же утаитъ, явно что укралъ, ибо Св. Василій говоритъ «что дѣлающій что-либо втайнѣ, или безъ благословенія въ общежитіи, угождаетъ діаволу и съ нимъ осужденъ будетъ. Во святой церкви никто да не беретъ книги или свѣчи, безъ благословенія пономаря и, безъ вѣдома уставщика или настоятеля, да не припишетъ что-либо въ книгѣ, потому-что отъ сего бываетъ мятежъ и смущеніе.

Кромѣ келаря и приставниковъ, никто да не приходитъ безвременно въ трапезу, хлѣбню и поварню, а въ служебныхъ келліяхъ, старшіе должны наблюдать, чтобы не было смущенія и бесѣды; если же не изгонятъ дѣлающаго молву, сами лишаются благословенія; изъ монастыря никто да не выходитъ, безъ благословенія настоятеля, кромѣ тѣхъ, которые приставлены для внѣшней службы.

Когда позовутъ на какое либо монастырское дѣло, внутри или внѣ обители, всѣ должны немедленно собраться, кромѣ немощныхъ; сошедшись же работать безъ ссоры, пререканія или ропота; ибо всѣ немощи человѣку прощаетъ Богъ, но ропщущаго не терпитъ и наказуетъ, говоритъ Св. Ефремъ Сиринъ. Во время работы, каждый да остерегается суесловія, о мірскихъ вещахъ, безполезныхъ вопросовъ и переговоровъ, ибо отъ этого проистекаетъ всякое зло. Но наипаче да будетъ бесѣда о томъ, что есть единое на потребу, изъ божественнаго писанія, для пользы душевной, и должно трудиться болѣе съ молчаніемъ и молитвою, дабы и дѣло тѣмъ благословилось и душа освятилась.

Не прилично намъ выходить изъ монастыря, безъ особой причины, въ города и селы къ роднымъ. Настоятель да опредѣляетъ каждому свое дѣло, а равно и выходъ изъ монастыря, и посланный не долженъ отказываться ни отъ какого послушанія, но со страхомъ Божіимъ исполнять оное, для общей пользы. По сему, если случится кому изъ насъ, по монастырской нуждѣ находиться въ мірѣ,

большую надобно имѣть осторожность, чтобы соблюдать преданія отеческія; отъ сего проистекаетъ похвала для братіи, оставшейся въ обители, и польза духовная для мірянъ.

Если кто изъ братіи, по нерадѣнію, нарушитъ въ чемъ-либо преданіе отеческое, да исповѣдуетъ сіе настоятелю и онъ, какъ подобаетъ, исправитъ согрѣшеніе брата. Если такимъ образомъ, въ страхѣ Божіемъ и благочестіи будете жить, то и здѣсь ублажать васъ будутъ и вѣчное получите благо; если же начнете нерадѣть о заповѣдяхъ Господнихъ и отеческихъ преданіяхъ, то и здѣсь попосимы будете отъ человѣковъ, и въ будущемъ вѣкѣ понесете осужденіе. Нарушителя устава, какъ гнилой членъ, изгоняйте изъ монастыря, чтобы прочіе страхъ имѣли; горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ, говоритъ Св. писаніе.

Если бываетъ милостыня монастырю, никто изъ братіи да не дерзаетъ брать ее себѣ по рукамъ, какъ завелся сей безразсудный обычай, отъ врага душъ нашихъ, въ нѣкоторыхъ даже общежительныхъ монастыряхъ, хотя это строго запрещено Св. отцами. Если кто изъ мірскихъ и вообще какой-либо христолюбецъ, захочетъ раздавать самъ милостыню по рукамъ, или пришлетъ ее съ кѣмъ либо въ обитель, и тотъ по неопытности начнетъ прекословить, что ему велѣно самому раздать милостыню, а иначе вовсе ее не дастъ: то пусть лучше не будетъ такой милостыни, нежели принимать ее на разореніе общежитія; равно и священники

и прочіе церковно-служители, все получаемое или за службу или въ милостыню, должны отдавать въ монастырь. Такимъ же образомъ, если кто и изъ монастыря будетъ посланъ за милостынею, не можетъ принимать ее себѣ, отдѣльно отъ братства; если же кто и приметъ, пусть отдастъ монастырю; сохраняющій же, вопреки устава, данное ему для себя, святотатецъ есть и лишается благословенія. То же самое и касательно питія: если кто изъ великихъ, пришедъ въ монастырь, вздумаетъ поставить на трапезѣ какой-либо хмѣльный напитокъ въ утѣшеніе братіи: никогда сіе допущено да не будетъ; ниже у него въ келліи не дозволено вкушать такого напитка, и лучше его въ такомъ случаѣ опечалить, нежели нарушить уставъ монастырскій.

Все сіе, говоритъ преподобный, написалъ я, недостойный и грѣшный инокъ Корнилій, моею рукою, и предалъ здѣсь братіи своей; желаю, чтобы какъ при жизни моей, такъ и по смерти, соблюдаемо было сіе преданіе, и часто прочитываемо, для напоминовенія къ пользѣ душевной, да не будутъ словеса сіи въ осужденіе, въ день суда. Хочу и о томъ возвѣстить братіи: если послѣ моего отшествія, придетъ изъ чуждаго монастыря инокъ, имѣя при себѣ особенное стяжаніе, сребро или ризы или какую-либо излишнюю вещь, кромѣ необходимыхъ книгъ и иконъ, и захочетъ съ вами жительствовать, сохраняя до времени свое имущество: такого примите для испытанія, на одинъ

только годъ, отдавъ все его имѣніе въ монастырскую казну, и если, послѣ сего времени, укрѣпится жить по нашему преданію, то пусть раздастъ все излишнее: если же не согласится, пусть идетъ въ миръ, со всѣмъ своимъ стяжаніемъ.

Если нѣкоторые изъ братіи нашихъ, здѣсь постригшихся и отселѣ ушедшихъ, послѣ моей смерти, возвратятся къ вамъ со смиреніемъ и пожелаютъ опять съ вами жить, принимайте такихъ, какъ своихъ членовъ. Но пусть они объявятъ настоятелю, что̀ съ собою принесли; если же не исправились и захотятъ держать при себѣ вещи, вопреки устава, пусть опять изгонятся. Слышалъ я самъ, что многіе изъ моихъ постриженниковъ, уже теперь говорятъ: «Корнилій препятствуетъ намъ жить по своей волѣ; послѣ него мы перейдемъ опять въ нашъ монастырь.» Бойтесь таковыхъ, братія, и не принимайте къ себѣ, дабы не вкоренилась злоба и не раззорился уставъ. Богъ мира да будетъ съ вами и покростъ васъ отъ сѣти лукаваго, и наставитъ всѣхъ на путь истинный, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ. Аминь.»

Таковъ былъ, по духу и жизни, сей великій подвижникъ, достойный быть родоначальникомъ многихъ обителей и новаго поколѣнія иноковъ, процвѣтшихъ въ пустынѣ Комельской. Каменный храмъ, въ которомъ почиваютъ подъ спудомъ его мощи, сооруженъ въ исходѣ XVI столѣтія и строителемъ былъ инокъ его же обители, по имени Ефремъ; но внутренность храма неоднократно была

измѣнѣма; теперь наиболѣе древнею и драгоцѣнною изъ его иконъ, должно почитать, самый ликъ преподобнаго, бывшій нѣкогда на его ракѣ, а нынѣ стоящій въ паперти, откуда выносится на крестные ходы. Полагаютъ, что это подлинныя черты Св. Корнилія, и можно сему повѣрить, потому что онѣ дышатъ благолѣпною старческою красотою, которая выражаетъ душевный миръ.

Сохранились и часть его власяницы, подъ которою столько потрудился, и ризы его пресвитерскія, изъ бѣлой камки, какъ священное наслѣдіе его обители. Уцѣлѣлъ самый списокъ ставленной его грамоты, которою Симонъ, Божіею милостію Митрополитъ всея Руси, свидѣтельствуетъ: «что онъ поставилъ инока Корнилія Ѳедорова, сына Крюкова, въ чтецы, и въ поддіяконы, и въ дьяконы, и совершилъ его въ попы, въ свою митрополію, къ церкви пречистыя Богородицы Введенье, въ пустыньку на Комельскій лѣсъ, на рѣку на Нурму, въ Костромскую десятину, и да литургисаетъ въ святѣй Божіи церкви; аще кто къ нему приходитъ отъ дѣтей духовныхъ, да разсужаетъ ихъ по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, имѣя волю вязать и рѣшить по благословенію нашего смиренія. И да не преходитъ отъ церкви къ церкви безъ нашего благословенія, и не явясь нашему намѣстнику или десятинщику; аще ли прейдетъ нелявсь и да не литургисаетъ по сей нашей грамотѣ. И сего ради дана бысть грамота сія на утвержденіе его, на Москвѣ, лѣта 7009 (1501), мѣсяца Февраля въ

1-й день.» Преемникъ Симона Митрополита, Варлаамъ, утвердилъ собственноручно грамоту своего предмѣстника, и она досель осталась въ утвержденіе обители, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ уставомъ преподобнаго Корнилія, который можетъ служить зерцаломъ общежитія.

Изъ лѣтняго собора поднялся я, подъ арками готической колокольни, въ зимній, во имя Воскресенія Христова, примыкающій къ келіямъ настоятельскимъ. Тутъ была нѣкогда деревянная церковь великаго Антонія, сооруженная самимъ Корнліемъ, и теперь устроенъ придѣлъ во имя перваго начальника иночества. Я приложился къ чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, великолѣпно украшенной усердіемъ нынѣшняго настоятеля и привлекающей къ себѣ много богомольцевъ. Уже стемнѣло; покамѣстъ я разговаривалъ съ монашествующими, игуменъ вышелъ изъ своихъ келлій, и въ полу-мракѣ узналъ меня, отчасти по голосу, хотя самъ онъ казалось не былъ мнѣ знакомъ. Радушно пригласилъ онъ меня провести ночь въ обители, но я спѣшилъ въ сосѣдній городъ Грязовецъ, чтобы ближе быть къ цѣли, такъ какъ мнѣ предстояла еще дорога, почти не проходимая отъ дождей. Утѣшительно было видѣть усердіе его къ обители и къ угоднику Божію, съ которымъ какъ бы сродинлся духомъ; одного только пламенно желалъ онъ, уже изнемогающій силами: видѣть довершеніе начатой имъ церкви, во имя

преподобнаго и издать въ свѣтъ житіе его и службу, съ описаніемъ обители.

Неоднократно замѣчалъ я, при посѣщеніи различныхъ обителей, это духовное сближеніе настоятеля съ тѣмъ священнымъ лицемъ, котораго заступалъ мѣсто, на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ, и меня всегда изумлялъ таинственный союзъ сей, выходящій изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ человѣческихъ. Но вѣроятно, въ путяхъ промысла о насъ Божія, необходимо даже и для временнаго существованія обители, чтобы такая духовная нить, какъ бы жизненный нервъ, протянута была чрезъ цѣлый рядъ столѣтій и постепенно смѣняющихся настоятелей, отъ первоначальнаго основателя, который молитвенными слезами освятилъ мѣсто и собралъ братію во славу Божію, до послѣднихъ его преемниковъ. Кто изъяснитъ тайну духовнаго родства сего, утѣшительнаго для всей братіи, по непреложности обѣтованій отеческихъ, хотя въ переходящихъ поколѣніяхъ встрѣчаются иногда и недостойные преемники того святаго аввы, ради коего совокупилась и держится обитель!

Почти уже совершенно стемнѣло; однако усердный настоятель пригласилъ меня еще однажды спуститься въ соборную церковь, чтобы съ нимъ вмѣстѣ поклониться угоднику Божію и принять, отъ руки его, благословенную икону надъ самою ракою. Умилительно было сіе послѣднее поклоненіе, въ сумракѣ древняго святилища; одна только лам-

пада теплилась надъ гробницею преподобнаго Корнилія, слабо озаряя священный ликъ его и самую церковь, если не имъ созданную, то по крайней мѣрѣ имъ основанную, ибо все тутъ Корнилѣево а безъ него одна пустыня. Вмѣстѣ мы припали къ его священной ракѣ и, посреди глубокой тишины, тихо прочелъ настоятель тропарь преподобному.»

«Отъ юности огнемъ горящимъ божественной любви разжигаясь, житейскія молвы оставль, преподобне, ревнитель Антонію великому бысть, безмолвіемъ и житейскимъ пребываніемъ послѣдуя Христу, бдѣніемъ и молитвами и постомъ, образъ бывъ своимъ ученикомъ; тѣмъ же молися Господеви, Корніліе блаженне, спастися душамъ нашимъ.»

Игуменъ благословилъ меня его иконою и, уже какъ бы отъ лица самаго преподобнаго, убѣдительно просилъ помочь ему въ скорѣйшемъ изданіи описанія обители и доставить свѣдѣніе о времени перенесенія св. мощей блаженнаго Корнилія; онъ надѣялся, что можно это найти въ нашихъ древлехранилищахъ. Въ Комельской обители, хотя и празднуется день перенесенія и написанъ издавна по сему случаю тропарь преподобному, но не существуетъ никакихъ актовъ. Я обѣщалъ озаботиться, сколько могу, симъ предметомъ и мы вышли изъ храма.

Не смотря на свое болѣзненное состояніе, настоятель непремѣнно хотѣлъ проводить меня до святыхъ воротъ, и когда сталъ со мною прощаться, на-

помнилъ мнѣ о давнемъ знакомствѣ нашемъ въ Юрьевѣ монастырѣ. Тогда только спала, какъ бы завѣса, съ моихъ глазъ, и я въ немъ узналъ бывшаго казначея Юрьевскаго, который послѣ того былъ намѣстникомъ въ Златоверхой обители Кіевской, Архангела Михаила. Преосвященный Иннокентій, въ краткое пребываніе свое въ Вологдѣ, поставилъ его настоятелемъ Комельской обители и, можно сказать, для ея блага, потому что онъ совершенно ее обновилъ и украсилъ сколько могъ, нещадя собственнаго достоянія.

При имени Юрьева монастыря, вдругъ и на минуту, какъ бы молніею озарилось предо мною все минувшее, и вмѣстѣ съ нимъ недавно отшедшіе: Архимандритъ Фотій, незабвенная Графиня, которой имя съ благословеніемъ произносится въ каждой обители, и все общество, около нея собиравшееся и уже совершенно изчезнувшее,—все это ожило на краткій мигъ въ моемъ сердцѣ, и сердце стѣснилось при той мысли, что все это уже миновалось. И вотъ, въ поздній часъ вечера, мимоидущему путнику, во вратахъ дальней обители, нечаянно вспоминаетъ объ этомъ настоятель, при краткомъ свиданіи, разставаясь слава ли не на всегда! — и это ли жизнь, для которой мы столько суетимся? «Во истину суета и сѣнь все житейское, и всуе мятется всякъ земнородный, по словамъ погребальной пѣсни краснорѣчиваго Дамаскина; аще и весь міръ пріобрящемъ и тогда во гробъ вселимся!»

ВОЛОГДА.

Съ грустію въ сердцѣ продолжалъ я путь свой и поздно достигъ малаго городка Грязовца, въ уѣздѣ коего столько собрано знаменитыхъ обителей: двѣ Комельскія, Кириллія и Арсенія, и одна Обнорская Павла, не считая многихъ упраздненныхъ пустынь. Поднявшись до разсвѣта, съ чрезвычайнымъ трудомъ, по мостовой взрытой дождями, достигъ я Вологды, уже за полдень, хотя разстоянія было не болѣе сорока верстъ. Тамъ весьма обрадовался, нашедши себѣ успокоеніе, подъ гостепріимнымъ кровомъ, можно сказать самаго настоятеля Сергіевой пустыни, потому что его братъ съ любовію меня принялъ, и такимъ образомъ благосклонная обо мнѣ забота Архимандрита, изъ дальней столицы, усладила для меня время моего пребыванія въ родной его Вологдѣ.

Издали живописно представляется Вологда, въ

долинѣ, на берегу ея рѣки, вся увѣнчанная многоглавыми храмами, которыхъ число достаточно было бы и для столицъ, но внутри города мраченъ его видъ и какъ бы соотвѣтствуетъ первоначальному его назначенію. Многое можно найти еще любителямъ древности, въ старинныхъ церквахъ Вологды, временъ Царя Іоанна, хотя позднѣйшее обновленіе стерло съ нихъ характеръ глубокой старины; остались однако въ нѣкоторыхъ неприкосновенными древнія иконы. Давно уже упоминается въ лѣтописяхъ о Вологдѣ, и еще въ XII вѣкѣ освятилъ мѣсто будущаго города, своею могилою, первый здѣсь подвижникъ Герасимъ, пришедшій изъ южныхъ предѣловъ, до нашествія Татаръ; гробница его досель существуетъ, на краю города, въ Троицкой церкви. Великій Князь Донской посвящалъ въ Вологдѣ другаго знаменитаго подвижника, преподобнаго Димитрія Прилуцкаго, который основалъ свою обитель недалеко отъ возникающаго города и принялъ его подъ сѣнь своихъ молитвъ; вскорѣ сіе удѣльное княженіе перешло изъ дома Ростовскаго, въ наслѣдіе Донскаго — Въ ликѣ Святыхъ, мѣстно чтимыхъ въ Вологдѣ, упоминается еще благовѣрный Князь Ѳеодоръ Всеволодовичь Ростовскій, сынъ знаменитаго Государя, княжившаго въ сѣверной Руси до Татаръ.

Болѣе извѣстности получила Вологда, хотя и весьма печальную, когда нечестивый Князь Шемяка, ослѣпивъ Великаго Князя Василія, внука Донскаго, назначилъ ему удѣломъ городъ сей, отда-

ленный отъ его державной отчины, и съ тѣхъ поръ, какъ бы слѣдуя сему первоначальному назначенію, Вологда сдѣлалась мѣстомъ ссылки именитыхъ князей и бояръ. Со времени Іоанна IV, она значительно возрасла и украсилась храмами, чему много способствовало сосѣдство Кирилловой лавры, потому что она стала на ея перепутіи, и Цари часто останавливались въ Вологдѣ, странствуя богомольцами въ Кирилловъ; Іоаннъ проживалъ тутъ по нѣлыхъ недѣлямъ, имѣя намѣреніе удалиться въ любимый свой монастырь. Въ 1561 году велѣлъ онъ очищать мѣсто, копать рвы и приготовлять сваи тамъ, гдѣ хотѣлъ соорудить градскія стѣны, а на слѣдующій годъ заложилъ самый городъ; еще видны глубокія ямы, гдѣ предполагалъ выстроить для себя Іоаннъ каменный дворецъ. Два года спустя заложилъ онъ, внутри города, соборную церковь Софіи премудрости Божіей, съ празднованіемъ по образцу великаго Новгорода успенію Богоматери, ибо она была домомъ воплощенной Премудрости Божіей. Для большей прочности и чтобы предохранить зданіе отъ трещинъ, ежедневно покрывали лубками то что было выстроено; но есть преданіе въ Вологдѣ, обнаруживающее характеръ Грознаго: когда взошелъ онъ въ доверщенную церковь, нечаянно оторвалось нѣчто отъ ея сводовъ и поразило въ голову Іоанна; разгнѣванный хотѣлъ немедленно разорить церковь, но былъ умоленъ духовными; однако соборъ послѣ того оставался многіе годы неосвященнымъ.

Въ началѣ слѣдующаго столѣтія Вологда подверглась многимъ бѣдствіямъ, отъ нашествій ратныхъ. Въ 1613 году Поляки и Литва сожгли городъ и увели большое число плѣнныхъ, а два года спустя, они опять явились подъ стѣнами города и разорили окрестность, вмѣстѣ съ атаманомъ казаковъ Баловнемъ. Посему Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, какъ только отдохнула Россія отъ сихъ страшныхъ нашествій, велѣлъ въ 1621 году, заложить деревянный городъ, около всей Вологды, не довольствуясь каменнымъ кремлемъ Царя Іоанна; но въ томъ же году, воевода Алексѣй Плещеевъ, выжегъ Вологду, кромѣ дальнихъ посадовъ. Въ 1649 году, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по случаю страшнаго мора, опустошавшаго всю окрестную страну, поставлена была въ Вологдѣ, обыденная церковь, во имя Всемилостиваго Спаса, на старой площади, 18 Октября, въ день Евангелиста Луки: при свѣтѣ факеловъ, начали строить церковь, а въ пятомъ часу дня уже приступили къ освященію, и призрѣлъ Господь рабовъ своихъ молитвы: съ того дня перестала лютая язва. Вотъ то, что записано болѣе замѣчательнаго, о событіяхъ Вологодскихъ, въ лѣтописцѣ сего города.

Первымъ моимъ долгомъ, по пріѣздѣ въ Вологду, было посѣтить добраго Архипастыря, Епископа Ѳ.....а, который успѣлъ въ короткое время своего управленія, пріобрѣсти себѣ общую любовь паствы. Архіерейскія палаты занимаютъ средину

города и представляются какъ бы малымъ кремлемъ, съ своими двумя соборами и тремя церквами, внутри ограды; но теперь церкви сіи, кромѣ крестовой, уже упразднены и только по наружности украшаютъ дворъ архіерейскій. Епископъ Вологодскій Іосифъ, по прозванію Золотой, много украсилъ свои палаты, въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины. Должно замѣтить, что въ старыхъ Русскихъ городахъ, заслуживаютъ особенное вниманіе жилища нашихъ первосвятителей, которыя находятся, большею частію, въ связи съ древними соборами, какъ здѣсь въ Вологдѣ и еще въ Ростовѣ и Рязани, гдѣ даже домъ архіерейскій былъ велико-княжескимъ.

Я просилъ преосвященнаго, чтобы мнѣ открытъ былъ соборъ Софійскій, недавно обновленный при его предмѣстникѣ; однако, несмотря на то, даже и лѣтомъ мало въ немъ служатъ, по его сырости. Святыя врата величественно открываютъ къ нему входъ, со двора архіерейскаго, какъ это бываетъ въ древнихъ обителяхъ. По своей наружности и пяти-главому верху, напоминаетъ онъ Московскіе соборы, но его внутренность мало представляетъ замѣчательнаго, хотя и есть въ немъ нѣкоторыя древнія иконы. Еслибы обновленіе иконостаса было также исполнено въ Вологдѣ, какъ въ Москвѣ, то вѣроятно открылись бы драгоцѣнныя иконы, подъ слоемъ новѣйшихъ красокъ. Храмовая есть вѣрный списокъ съ Новогородской Св. Софіи: Премудрость Божія, въ видѣ огненнаго крылатаго Ан-

гела, восседаетъ на престолѣ, утвержденномъ на семи столбахъ и на камнѣ, и ликъ Спасителя видимъ изъ за сего Ангела великаго совѣта, какъ называетъ его пророкъ Исаія, дабы не сомнѣвались въ истинѣ его значенія. По сторонамъ стоятъ Матерь Божія и Предтеча, ближайшіе свидѣтели воплощеннаго Слова Божія, а съ верху раскрытая книга премудрости евангельской, предъ которою преклоняются лики ангельскіе. По широкой надписи, опоясывающей весь соборъ, видно, что стѣнное его писаніе совершено было въ царствованіе Іоанна и Петра, въ 1687 году, при Патріархѣ Іоакимѣ и Архіепископѣ Вологодскомъ Гавріилѣ, а южный приѣлъ, по имя Предтечи, ангела Царя Іоанна Васильевича, напоминаетъ о храмоздателѣ.

Гробы Епископовъ Вологодскихъ расположены кругомъ всего собора, начиная съ осьмаго изъ нихъ Кипріана, который скончался въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка; гдѣ были погребены его предмѣстники? неизвѣстно. Антоній, слѣдовавшій за нимъ, посвященный изъ игуменовъ Дорогобужскаго Болдина монастыря, святительствовалъ только два года, съ 1586 по 1588, но прославился святостію своей жизни и досель пользуется уваженіемъ народа; часто приходятъ служить панихиды надъ его гробомъ. Какъ утѣшительна такая память добраго пастыря, переживающая многія столѣтія, въ благодарныхъ сердцахъ его паствы, которая передастъ изустно, изъ рода въ родъ, священное преданіе о его добродѣтеляхъ и не нарушаетъ съ

нимъ общеніи, даже и за предѣлами гроба! Изъ болѣе извѣстныхъ Архіереевъ, коихъ гробы сохранились въ соборѣ, Сильвестръ, при которомъ было раззореніе Литовское въ 1615 году и замученъ отъ враговъ преподобный Галактіонъ; еще Нектарій Грекъ, изъ архидіаконовъ Константинопольскаго Патріарха, скончавшійся въ 1626 году, Симонъ, двадцать лѣтъ возсѣдавшій на каѳедрѣ Вологодской, и преемникъ его Гавріилъ, при которомъ росписанъ соборъ, Пименъ, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, давшихъ Церкви одного Патріарха Іоакима, и Іосифъ Золотой, обновитель архіерейскаго дома; прочіе менѣе извѣстны.

Изъ собора посѣтилъ я церковь, нѣкогда обыденную, Всемилостиваго Спаса, которая только что была обновлена съ большимъ великолѣпіемъ, на главной городской площади, и тамъ поклонился чудотворной иконѣ Спасовой. Особенное упаженіе имѣютъ къ ней граждане, сохраняя память о чудесномъ избавленіи отъ страннаго мороваго повѣтрія, которое опустошало ихъ городъ въ 1655 году, при державѣ Царя Алексѣя Михайловича и патріаршествѣ Никона, во дни ихъ благочестиваго святителя Маркелла. Оно началось съ 1-го Сентября, и въ теченіи семи недѣль свирѣпствовало по городу и окрестностямъ, такъ что не кому уже было погребать мертвыхъ; въ нѣсколько часовъ умиралъ человѣкъ, трупы валялись по улицамъ и никто не касался сребра или золота, изъ опасенія заразы; ближніе и родные оставляли своихъ присныхъ,

народъ постился, жены съ малолѣтными дѣтьми молились въ церквахъ, дабы утолилъ Господь праведный гнѣвъ и помиловалъ людей своихъ. Благочестивые раздавали милостыню и приготовляли себя пріобщеніемъ св. таинъ къ будущей жизни; никто не упражнялся тогда въ куплѣ на торжищахъ, одна только постоянная мысль о смерти наполняла сердца всѣхъ сокрушеніемъ.—Услышалъ наконецъ Господь умиленную молитву.

Внезапно пришло на сердце гражданъ соорудить, общими силами и однимъ днемъ, церковь Всемилостивому Спасу, дабы умилостивить Господа и спастися отъ конечной гибели. Когда разнеслась о томъ вѣсть по городу, всѣ единодушно усердствовали участвовать въ строеніи храма; не только жители изъ всѣхъ частей города, но и изъ окрестныхъ селеній стекались къ назначенному часу, соревнуя гражданамъ. По благословенію Архіепископа Маркелла, 18-го Октября, на память евангелиста Луки, положили основаніе храма въ первомъ часу ночи, и трудились всю ночь, безъ малѣйшаго отдыха, чтобы утромъ былъ довершенъ. Такъ какъ ничего не было приготовлено для сооруженія храма, то отъ разныхъ мѣстъ носили бревны, и древодѣли старались приладить ихъ своимъ искуствомъ въ стройные вѣнцы. Неучаствовавшіе въ строеніи зажигали около хворостъ и высоко держали въ рукахъ пламень, чтобы свѣтить во мракѣ ночи трудящимся, а весь собравшійся около народъ проливалъ слезы умиленія, участвуя молитвенно въ благочести-

вомъ дѣлѣ, и чудное по истинѣ событіе явила вѣра! — При такомъ стеченіи народа, при такой поспѣшности работы среди мрака, никто не заразился язвою во всю ночь. Въ глубокое утро почти уже окончано было зданіе; оставалось отесать стѣны, но и это было довершено на разсвѣтѣ; не успѣли только пристроить трапезы къ церкви, а св. иконы и всю нужную утварь принесли изъ различныхъ храмовъ.

Когда такимъ образомъ все приготовлено было къ освященію, граждане просили Архіепископа Маркелла совершить оное; умилился Святитель и пролилъ слезы, услышавъ о такомъ нечаянномъ строеніи новаго храма; немедленно подвигся онъ со всѣмъ своимъ духовнымъ соборомъ и освятилъ престолъ, во имя всемилостиваго Спаса. Божественная литургія, съ молебствіемъ о прекращеніи болѣзни, продолжалась далеко за полдень, и уже день склонился къ вечеру когда всѣ вышли изъ церкви, съ радостію въ сердцѣ, что сподобилъ Господь соорудить храмъ, въ теченіи одной ночи и одного дня, но молебствія не прекращались и въ послѣдующую ночь. По истинѣ, близокъ Господь призывающимъ его! — внезапно измѣнилась смерть на жизнь и съ того дня прекратилась язва.

Пять дней спустя, написана была по сему случаю, благочестивымъ художникомъ, икона Всемилостиваго Спаса, и положено было праздновать ежегодно, прекращеніе язвы въ день Св. евангелиста Луки, крестными ходами изъ собора въ сію новую

церковь, что и до нынѣ совершается. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда обветшала деревянная обыденная церковь, сооружена была, по общему усердію, каменная на ея мѣстѣ, чтобы не утратилась въ грядущія времена память дивнаго событія, и ее освятилъ въ 1698 году архіепископъ Вологодскій Гавріилъ. Нынѣ она вновь распространена и украшена усердіемъ гражданъ, не забывающихъ о бѣдствіи, посѣтившемъ ихъ предковъ и о чудномъ ихъ избавленіи, милосердіемъ Всемилостиваго Спаса.

Лопотовъ монастырь преподобнаго Григорія.

Трудная дорога отъ Ярославля до Вологды отняла у меня такъ много времени, что мнѣ оставался одинъ только день для посѣщенія Глушицкой обители, такъ какъ уже наступала Пятидесятница, а между тѣмъ дорога въ Глушицы почти удвоилась отъ непроходимыхъ, въ дождливое время, болотъ. Я успѣлъ только отслушать литургію, въ подгородномъ монастырѣ Прилуцкомъ, и поклонившись

тамъ гробовой ракъ славнаго его основателя Св. Димитрія, который почитается ближайшимъ заступникомъ Вологды, предоставилъ себѣ осмотрѣть прочую святыню обители на обратномъ пути. Еще двѣ обители лежали на дорогѣ, обѣ основанныя учениками преподобнаго Діонисія: одна уже упраздненная, Филиппа Рабангскаго, на берегу Сухоны, другая, на скромномъ теченіи Пельшмы, Св. Григорія; но я не хотѣлъ миновать ихъ, потому что не надѣялся въ другой разъ быть въ этой сторонѣ.

Погода казалось благопріятствовала и ярко сіяло солнце, когда я выѣхалъ изъ Прилуки, но облака бродили по небу и за полдень нахлынула опять гроза, которая уже нѣсколько дней меня преслѣдовала. За двадцать верстъ отъ Вологды, гдѣ была перемѣна лошадей, старался я распросить о дорогѣ въ Глушицы, чтобы сократить ее сколько можно, но не сбылись мои ожиданія. «Если бы не такое время, сказалъ мнѣ радушный старикъ, высунувши сѣдую голову изъ тѣснаго окошца, ты бы могъ удобно проѣхать на телегѣ по кустарникамъ, прямо отъ нашего селенія до Глушицъ; тутъ не болѣе 20 верстъ, а тамъ еще верстъ пять отъ Сосновецкаго до Покровскаго монастыря. Оба они подъ одною державою и старецъ нашъ, Архимандритъ, недавно ихъ обновилъ; теперь придется тебѣ ѣхать на уѣздный Кадниковъ, потому что болоты не проходимы». Мнѣ понравилась простодушная рѣчь старика, но признаюсь, я весьма смутился при вѣсти, что обители недавно

обновлены, потому что слышалъ о древней церкви, устроенной въ одной изъ нихъ на подобіе корабля, съ нависшими папертями, которая колебалась отъ вѣтра и однако стояла твердо въ теченіи столѣтій; сердце какъ бы предчувствовало, что я ее не увижу.

Нѣсколько верстъ далѣе широкая рѣка Сухона, одинъ изъ двухъ истоковъ, составившихъ многоводную Двину, впадающую въ Бѣлое море, преградила мнѣ путь, и я увидѣлъ на противуположномъ берегу величественную двухъ-ярусную церковь Спасо-Рабангскую. Переѣхавъ на паромѣ рѣку поспѣшилъ я въ ограду бывшей обители и, посреди ея запустѣнія, не могъ обрѣсти могилы преподобнаго Филиппа, ученика Діонисіева, который ее основалъ въ 1447 году. Священникъ съ причтомъ весьма радушно мнѣ показали свою церковь, достойную великой обители. Иконостасъ ея древній и много есть замѣчательныхъ иконъ, хотя и пострадавшихъ отъ времени; главный храмъ, во имя Преображенія, заслуживаетъ вниманіе по своей обширности. Вѣроятно обитель въ свое время была богата, и ей благопріятствовало сосѣдство судоходной рѣки, какова Сухона; она упразднена при штатахъ 1764 года и обращена въ приходскую церковь большой слободы. Съ большой дороги поворотилъ я, вдоль по берегу скромной рѣчки Пельшмы, впадающей въ Сухону, въ Лопотовъ монастырь преподобнаго Григорія, по узкой стезѣ между огородовъ, и долженъ былъ поспѣшать, потому что начинали уже

падать крупныя капли и сверкала молнія при сильныхъ раскатахъ грома.

Изъ города Галича, отъ благородныхъ родителей рода боярскаго, славившихся богатствомъ, происходилъ преподобный Григорій: онъ былъ воспитанъ въ строгомъ благочестіи и воздосиъ млекомъ божественныхъ писаній, такъ что уже отъ юныхъ лѣтъ вмѣнилъ за суету все красное міра и чуждался всего, чѣмъ бы могъ пользоваться по своему высокому роду. Когда достигъ онъ пятнадцати-лѣтняго возраста, родители хотѣли сочетать его бракомъ, но онъ уклонялся отъ ихъ настоянія и молилъ Господа что бы избѣжать ему прелести міра; прежде нежели исполнился совѣтъ родителей, оба они преставились и Григорій остался сиротою. Воздавъ послѣдній долгъ усопшимъ, онъ роздалъ свое имѣніе нищимъ и отпустилъ на волю рабовъ, самъ же посвятилъ себя единому Богу, памятуя слово евангельское: «иже оставитъ отца или матерь, братію или чада или села, имени моего ради, стократы пріиметъ и жизнь вѣчную наслѣдитъ» (Мат. XIX. 29.)

Возлюбившій отъ юныхъ лѣтъ тѣсный путь небеснаго царствія, рано воспріялъ онъ на себя благое иго Христово и удалился въ монастырь Богоматери, стоявшій близь озера Галицкаго. Архимандритъ, видя что онъ еще молодъ и рода знатнаго, усумнился, можетъ ли юноша перенести скорби и искушенія иноческаго быта? Но Григорій обѣщалъ строго исполнять все опредѣленное въ обители и настоя-

тель велѣлъ его постричь, поручивъ опытному руководителю. Вмѣстѣ съ власами своими отсѣкъ Григорій и всѣ вожделѣнія міра сего ради Христа, съ великимъ смиреніемъ служилъ онъ всей братіи, ко всѣмъ имѣлъ любовь и пребывалъ въ молитвѣ день и ночь, такъ что всѣ его почитали какъ Ангела Божія и дивились строгому посту его, терпѣнію и подвигамъ. Какъ вѣрный рабъ Христовъ, скоро сподобился онъ и священническаго сана и обильно умножилъ данный ему отъ Господа талантъ. Не могъ укрыться свѣтильникъ на свѣщникѣ; многіе притекали къ нему за назиданіемъ, восхваляя его добродѣтель; онъ же, подобно Аврааму, рѣшился выйти изъ земли своей въ землю, гдѣ бы никому не былъ вѣдомъ, сокрушаясь молвою о немъ бывшею въ людяхъ, ибо по чувствовалъ самъ своего достоинства и думалъ только о спасеніи. Преподобный удалился изъ обители, вторично оставивъ сродниковъ своихъ по плоти и всѣхъ знаемыхъ, и направился къ югу въ городъ Ростовъ, чтобы тамъ поклониться мощамъ Святителя Леонтія; онъ вошелъ въ обитель преподобнаго чудотворца Авраамія, гдѣ испросилъ себѣ келлію у настолтеля, и назидалъ братію строгимъ своимъ житіемъ, такъ что разнеслась о немъ молва по всему Ростову.

Епископомъ былъ тогда благоговѣйный Діонисій, пришедшій отъ св. горы Аѳонской и долго управлявшій Спасо-каменною обителью на озерѣ Кубенскомъ. Ему извѣстенъ былъ преподобный и когда пришли иноки Ростовскіе изъ монастыря

всемилостиваго Спаса, что на пескахъ, просить себѣ настоятеля, Святитель предложилъ архимандрію пустынножительному Григорію; долго онъ отрекался, но Епископъ сказалъ ему: «О чадо, лучше сотворить волю нашу въ послушаніи, нежели ослушаться нашего смиренія.» Не смѣлъ долѣе прекословить преподобный, но воспріявъ начальство, приложилъ труды къ трудамъ и, ради его святой жизни, великое было стеченіе въ обитель людей, искавшихъ получить отъ него благословеніе. Такъ провелъ онъ въ послушаніи два года, но сердце его влекло въ пустыню отъ молвы житейской и онъ, возложивъ упованіе свое на пречистую матерь Спасову, тайно ночью вышелъ изъ обители и устремился къ предѣламъ сѣвернымъ. Пришедши въ Вологду, долго ходилъ по окрестнымъ лѣсамъ и пустынямъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы работать Богу, и такъ, скитаясь по непроходимымъ дебрямъ, пришелъ однажды къ преподобному игумену Діонисію Глушицкому; странникъ просилъ себѣ уединенную келлію и Діонисій далъ ему келлію на полуденной сторонѣ отъ своей лавры, въ пустынѣ называемой Сосновецкою, гдѣ создалъ церковь; духовная любовь соединила старца и пришельца, во всемъ имѣвшихъ единую волю и согласіе между собою. Діонисій, провидя въ немъ будущаго наставника пустынножителей, назидалъ его день и ночь въ законѣ Господнемъ и преподобный Григорій, забывъ свой настоятельскій санъ, какъ ученикъ смиренно внималъ поученіямъ великаго

своего учителя, и открылъ ему свое таiное желаніе предаться еще большему безмолвію на уединенномъ мѣстѣ.

Григорій пошелъ на востокъ отъ лавры, въ невѣдомыя ему мѣста, съ молитвою чтобы Господь направилъ путь его, и достигъ къ вечеру великой рѣки Сухоны; тамъ, послѣ обычнаго правила, уснулъ легкимъ сномъ и сквозь сонъ услышалъ какъ бы звонъ колокола; немедленно воспрянувъ на молитву, просилъ онъ Господа и пречистую его Матерь, дабы указали ему вожделенное мѣсто, и на разсвѣтѣ перешелъ на тотъ берегъ, откуда слышался голосъ; чрезъ лѣса и болота, дошедъ онъ до рѣки, называемой Пельшмы. Тутъ походивъ нѣсколько, для избранія себѣ постояннаго жилища, водрузилъ наконецъ крестъ, и преклонивъ колѣна молился Господу, да будетъ воля его на этомъ мѣстѣ основать храмъ и обитель, для спасенія душъ христіанскихъ, безмолвно хотящихъ жить съ вѣрою и благою совѣстію.

Тутъ дѣйствительно и основался монастырь преподобнаго, за тридцать верстъ отъ города Вологды и за три отъ рѣки Сухоны. Прежде всего поставилъ онъ малую для себя хижину, гдѣ день и ночь упражнялся въ молитвѣ, заботясь и о томъ, что было необходимо для устройства обители. Спустя нѣсколько времени пришелъ священникъ, по имени Алексій, и просилъ преподобнаго, чтобы облекъ его въ ангельскій образъ. Съ любовію принялъ его пу-

стынникъ и нарекъ ему имя Александръ; послѣ преставленія святаго Александръ былъ игуменомъ въ новой обители. Вмѣстѣ стали они совершать молитвословіе въ своей убогой хижинѣ и мало по малу начали къ нимъ собираться братія, такъ что составилось общежитіе. Спустя нѣсколько времени послалъ преподобный одного изъ братіи въ сосѣднее селеніе Нельшму, къ благочестивому христіанину Мартину, просить древодѣлей въ пустыню. Обрадовались благочестивые люди водворенію такого старца въ своихъ предѣлахъ, и прислали къ нему на помощь работниковъ. Григорій созвалъ всю братію и, послѣ соборной молитвы, началъ рубить лѣсъ и строить малыя келліи. Это было въ 1426 году, когда уже на каѳедрѣ Ростовской возсѣдалъ, послѣ Діонисія, Епископъ Ефремъ. Къ нему послалъ преподобный просить благословенія для новой обители и благословилъ архипастырь, чтобы по апостольскому примѣру, учреждено было въ ней общежитіе; настоятельство же поручилъ самому Григорію, какъ уже испытанному въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь въ свою пустынь, преподобный соорудилъ церковь во имя пречистыя Дѣвы, чествуемаго на другой день Рождества Христова; потомъ устроилъ трапезу, братскія келліи и все потребное для монастыря. Пришелъ къ нему и другъ его, Діонисій Глушицкій, похвалилъ избранное имъ мѣсто и пожертвовалъ въ храмъ икону праздниковъ Господнихъ съ книгою прологъ;

самъ онъ, по просьбѣ своего собесѣдника, освятилъ новую церковь. Обитель Григорія, при непрестанныхъ его трудахъ, стала процвѣтать смиреніемъ, братолюбіемъ и совершеннымъ нестяжаніемъ; все въ ней было общее. По сему многіе усердно жертвовали ей свое имущество и никто не смѣлъ въ чемъ-либо прекословить преподобному, зная ангельское его житіе, ибо онъ самъ во всемъ подавалъ другимъ примѣръ. Прежде всѣхъ обрѣтался на служеніи церковномъ, въ свободные часы занимался онъ переписываніемъ книгъ, помня заповѣдь апостольскую: «чтобы кто не хотѣлъ трудиться, тотъ бы и не ѣлъ» (2 Сол. III. 10); постоянно поучалъ онъ братію, напоминая ей часъ смертный и внушая, что многими скорбями подобаетъ взойти въ царствіе небесное; каждый изъ иноковъ, соревнуя настоятелю по силѣ своей, старался выполнять спасительныя его наѣданія.

Случилось однажды, что недобрые люди ночью украли всѣ хозяйственныя орудія монастыря. Опечалилась братія, но преподобный утѣшилъ ихъ, обѣщая, что все опять у нихъ будетъ: по немногомъ времени пойманы были хищники и все монастырское возвращено, по слову человѣка Божія. Въ другой разъ ночью, стоя на обычномъ своемъ правилѣ, услышалъ онъ страшный вопль посреди монастыря и увидѣлъ цѣлое полчище духовъ нечистыхъ, грозящихъ разогнать пастыря и собранное имъ стадо; но преподобный, знаменіемъ крестнымъ

и словами исаломными, разсѣялъ враговъ невидимыхъ, сдѣлавшихся видимыми при его духовной молитвѣ. Много приключилось ему огорченій и отъ людей, которые старались изгнать его отъ избраннаго имъ мѣста, но всѣ ихъ козни преодолѣлъ онъ неодолимымъ терпѣніемъ, полагая во всемъ упованіе свое на Бога.

Въ 1430 году, Князь Димитрій Шемяка наступилъ ратію на городъ Вологду, обагрялъ междоусобною бранію землю Русскую, и опустошалъ предѣлы Вологодскіе, такъ что многіе умирали отъ голода и зимняго холода или скитались, не зная гдѣ приклонить голову. Толпы народа притекали за пищею въ обитель преподобнаго Григорія, который неоскудно подавалъ ее прослящимъ. Вооружившись христіанскимъ мужествомъ, взялъ онъ свой посохъ и, ни мало не боясь ярости Князя, прямо пошелъ къ нему съ обличительнымъ словомъ. «Князь Димитрій, сказалъ онъ ему, не читалъ ли ты въ божественномъ писаніи, что судъ безъ милости не сотворившему милости? ты же сотворилъ дѣла не христіанскія; язычники Бога не знаютъ, а ты Князь православной вѣры и свою Русь воюешь; пошество твое горькой смерти предаетъ Христіанъ: одни погибли голодомъ, другіе замерзли, много ихъ невѣдомо пропало; вопль вдовицъ и сиротъ вопіетъ на тебя къ Богу. Онъ отомститъ ихъ обиды, и если ты не оставишь такого кровопролитія, то вскорѣ самъ лишишься славы своей и княженія.»

Разгнѣвался Князь за смѣлую рѣчь отшельника

и, не убоявшись суда Божія, велѣлъ сбросить его съ моста; преподобный, разбившись почти до смерти, нѣсколько часовъ пролежалъ какъ мертвый, но потомъ всталъ и сказалъ окружавшимъ его: «немилостиваго Князя и слуги немилостивы; вскорѣ видите вы въ свѣти смертныя, ибо Давидъ пророкъ написалъ Духомъ Святымъ: ровъ изры и ископа и впаде въ яму, юже содѣла; обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ; исповѣмся Господеви по правдѣ его и пою имени Господа вышняго. (Пс. VI. 17. 18.)» Преподобный возвратился въ пустыню свою, воздавая хвалу Господу о всемъ съ нимъ бывшемъ. Князь же Димитрій, въ полуночи, внезапно объятъ былъ ужасомъ на ложѣ своемъ и началъ размышлять въ сердцѣ о рѣчахъ Григорія, ибо отъ многихъ слышалъ о святости мужа и истинѣ его проницаній. Онъ отступилъ отъ Вологды и возвратился въ Галичь, гдѣ, по слову преподобнаго, избиты были гнѣвомъ Божіимъ войска его и все предсказанное сбылось надъ самимъ Княземъ, который лишился славы и княженія. Еще болѣе умножилась съ тѣхъ поръ слава преподобнаго; многіе изъ далекихъ странъ къ нему притекали, дабы получить отъ него благословеніе и назиданіе, ибо всѣхъ наставлялъ онъ словомъ и житіемъ, и всѣ возвращались отъ него съ утѣшеніемъ; самъ же онъ, до конца жизни, не измѣнялъ молитвеннаго правила, соединяя постъ съ милостынею, принимая странныхъ, утѣшая скорбящихъ, исцѣляя больныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не

оставлял ежедневно трудиться палъ переписываніемъ божественныхъ книгъ. Такимъ образомъ проживъ многіе годы, скорбнымъ путемъ, достигъ до маститой старости и украсился постническими сѣдинами.

Уразумѣвъ наконецъ свое отшествіе къ Богу, предварилъ онъ о томъ братію, сказавъ имъ: «вотъ уже, чада мои, я отхожу отъ свѣта сего и васъ предаю въ руки Божіи.» Они опечалились симъ горькимъ словомъ и, приявъ благословеніе отца своего, разошлись со слезами. Два дня спустя призвалъ преподобный на елинѣ старшаго ученика своего Александра и, много бесѣдовавъ съ нимъ о пользѣ душевной изъ божественнаго писанія, поручилъ ему собранное имъ стало и строительство монастырское. Онъ просилъ совершить литургію, дабы еще разъ могъ пріобщиться божественныхъ тайнъ и, отпустивъ его, затворился въ келлію на молитву. Съ воздыханіями сердечными и обильными слезами молилъ преподобный Господа: не помянуть его согрѣшеній, сохранить отъ искушеній братію, собранную въ его обители, и благодатію Святаго Духа укрѣпить ихъ на невидимыхъ враговъ; молилъ онъ и пречистую Матерь Спасову осѣнить своимъ покровомъ обитель и всю землю Русскую. Такъ пробылъ безъ сна во всю сію ночь; на утро же, пріобщившись за божественною литургіею тѣла и крови Христовыхъ, подялъ руки къ небу и сказалъ братіи: «всѣмъ вамъ миръ. Владыко человѣколюбче, сподоби меня олесную тебѣ

стать, когда прiидешь во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его. Вы же, братiя, что̀ меня видѣли творящимъ, то и вы творите; тѣлесно отхожу отъ васъ, по духомъ не отступаю; имѣйте и по моемъ исходѣ любовь нелицемѣрную между собою, дабы не оскудѣло мѣсто сiе.» Поучивъ ихъ довольно, онъ всѣхъ цѣловалъ духовнымъ лобзанiемъ и поручилъ старѣйшинство присному ученику своему Александру, заповѣдавъ ему и всей братiи: «не воздавать никакой почести грѣшному его тѣлу, по разлученiи отъ души, но, ради бо́льшаго уничиженiя, извлечь его за ноги изъ ограды и тамъ затоптать въ болотѣ.» Сказавъ сiе преподобный возлегъ на одрѣ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменiемъ, предалъ чистую душу Богу, Сентября въ 30-й день 1442 года.

Въ самый часъ его преставленiя исцѣлился при смертномъ одрѣ его бѣсующiйся; братiя, рыдая объ утратѣ добраго своего пастыря, не дерзнули однако исполнить его послѣдняго желанiя, изреченнаго въ духѣ глубокаго смиренiя, но съ честiю вынесли тѣло его на средину церкви и тамъ начали совершать обычное надгробное пѣнiе; вся церковь исполнилась благоуханiя и нѣкто инокъ Сергiй, долго болѣвшiй глазами, исцѣлился при гробѣ. Преподобный погребенъ былъ по правую сторону олтаря и надъ его гробницею поставлена икона всемилостиваго Спаса и пречистой Дѣвы, для поклоненiя приходящимъ, ибо много совершалось тутъ исцѣленiй, молитвою преподобнаго Григорiя.

Скромная обитель Пельшемская имѣла для меня и то пріятное воспоминаніе, что въ ней положилъ начало иноческаго своего строительства, благородный урожденецъ Вологды, который показалъ въ послѣдствіи всю свою опытность въ этомъ трудномъ подвигѣ, близъ сѣверной столицы, въ обновленной имъ пустыни; и досель продолжаетъ онъ украшать ее, не только по внѣшности но и во внутреннемъ быту, дѣлая изъ нея разсадникъ духовныхъ искусныхъ строителей. Въ гостинныхъ келліяхъ, сооруженныхъ имъ въ Лопотовѣ, нашелъ я себѣ пріютъ отъ грозы и сейчасъ узналъ руку опытнаго зодчаго. Скоро миновалась гроза и собрались строитель и братія, занимавшіеся около монастыря сельскими работами, въ патріархальномъ духѣ прежнихъ тружениковъ пустыни. Я просилъ, чтобы отслужили молебенъ преподобному и, приложившись къ ракѣ святыхъ его мощей, съ утѣшеніемъ увидалъ церковь, хотя и не великолѣпную но благовидную по чистотѣ и порядку. Иконостасъ обновленъ недавно и отчасти украшенъ серебряными ризами, но древнихъ иконъ мало. Есть одна преподобнаго, которая, какъ увѣряютъ, была подлиннымъ его изображеніемъ, и дѣйствительно черты лица выражаютъ благоговѣйную твердость сего ревнителя церкви и отечества.

Холодный соборъ, празднующій преподобному, гдѣ стоитъ гробовая его рака, построенъ по видимому не весьма давно, но кѣмъ неизвѣстно. Гораздо его старше теплый, во имя Богоматери,

съ придѣломъ Предтечи; тамъ хранится древнее сокровище, чудотворная икона Богоматери, къ которой притекаютъ окрестные жители. Была и еще одна церковь близъ теплаго собора, но она разобрана по ветхости и около ея прежняя усыпальница, гдѣ случалось, при копаніи могилъ, находить тѣлеса совершенно истлѣвшія. Скудными средствами строится теперь ограда вокругъ монастыря, и должно отдать справедливость ревностному настоятелю, что онъ все дѣлаетъ, что только можетъ въ пользу обители. Мѣсто сіе было любимымъ лѣтнимъ пріютомъ ученаго архипастыря Евгенія, въ послѣдствіи Митрополита Кіевскаго, когда еще возсѣдалъ на каѳедрѣ Вологодской; тамъ занимался онъ описаніемъ іерархіи церковной, для которой собралъ много любопытныхъ свѣдѣній. Портретъ знаменитаго мужа Церкви остался въ гостинныхъ келліяхъ, памятникомъ его любви къ сей уединенной обители, которая имъ вызвана изъ запустѣнія и благоговѣйно чтитъ его память.

Глушицы преподобнаго Діонисія.

День склонялся къ вечеру, когда я доѣхалъ до города Кадникова, за 40 верстъ отъ Вологды, и думалъ, что уже былъ близокъ къ своей цѣли, но меня поразила тамъ непріятная вѣсть, что еще оставалось 30 верстъ до перваго монастыря Глушицкаго, или бывшей Покровской лавры, и что еще оттуда четыре версты до Сосновецъ, гдѣ теперь настоящій монастырь, а дорога къ нимъ самая бѣдственная. Мнѣ совѣтовали остаться до утра, однако я рѣшился ѣхать, потому что на слѣдующій день долженъ былъ возвратиться въ Вологду ко всенощной. Дѣйствительно дорога была невыносима въ телѣгѣ, по колеямъ и мостовинамъ. Мы оставили вправо большую Устюжскую дорогу и ѣхали проселкомъ сперва по широкимъ полянамъ, на которыхъ видны были большія церкви, остатки прежнихъ монастырей: такими храмами особенно

красуется южная часть Вологодской епархіи. Далѣе начались лѣса и болота, по которымъ едва можно было проѣхать. Смеркалось, когда мы достигли большаго селенія, версты за двѣ отъ Покровскаго монастыря; ямщикъ отказался ѣхать далѣе, по незнанію дороги; было уже 11-ть часовъ ночи и трудно найти проводника. По счастію, выглянувшій изъ избы крестьянинъ, согласился указать намъ дорогу до Покрова, гдѣ мы надѣялись найти себѣ ночлегъ на подворьѣ монастырскомъ, но наши надежды не оправдались; въ столь позднюю пору мы не могли достучаться и пришлось ѣхать далѣе до Сосновца, по непроходимой дебри.

Въ темнотѣ искалъ я взорами высокаго корабля лаврской церкви, но видѣлъ только на высокомъ холмѣ, посреди обширной ограды одну каменную, весьма обыкновенную церковь и подлѣ нея деревянную, очень небольшую. Я еще утѣшалъ себя мыслію, что можетъ быть ошибся и что знаменитая церковь, по подобіе корабля, должна находиться въ главномъ монастырѣ Глушицкомъ, позабывъ что лаврою назывался Покровскій. Какъ мы доѣхали ночью до Сосновецкаго? — не знаю. Отважный проводникъ ѣхалъ впереди и, можно сказать ощупью, угадывалъ дорогу, иногда предварял о глубокихъ колеяхъ, когда уже все колесо въ нихъ погружалось. Тройкою проѣхали мы по такимъ узкимъ гатямъ изъ хвороста, по которымъ на другое утро нельзя было пройти тремъ лошадямъ, но все глад-

ко ночью. Глубокій ручей пересѣкъ дорогу, переполненный отъ дождей; не охотно пошелъ искать объѣзда проводникъ, гдѣ бы помельче проѣхать, опасаясь змѣй, которыя водятся въ болотной водѣ; однако онъ счастливо провелъ насъ чрезъ ручей, а на другой день, на этомъ же мѣстѣ, опрокинулъ въ воду Архимандрита, вызвавшись провести его телегу по знакомому мѣсту. Далѣе съ удивленіемъ нашли мы, въ болотной травѣ, свѣтлящагося червячка, какихъ не встрѣчалъ я на сѣверѣ, и пріятенъ былъ фосфорическій огонекъ сего южнаго гостя въ темной дебри.

Наконецъ мы опять увидѣли предъ собою пустынную рѣчку Глушицу, которую оставили у Покровскаго монастыря, и на противуположномъ ея берегу многоглавую обитель; она тускло сіяла своими крестами въ полумракѣ лѣтней ночи; близко уже было къ разсвѣту. Нельзя довольно выразить отраднаго чувства, которое наполняетъ душу, послѣ преодолѣнія труднаго дѣла, особенно когда достигнешь того, что казалось невозможнымъ; природа человѣческая создана, чтобы побѣждать все вокругъ и внутри себя, и потому такъ удовлетворительно бываетъ для насъ совершеніе всякаго подвига, для котораго требовалось чрезвычайное усиліе. Краткій отдыхъ необходимъ былъ въ гостинницѣ монастырской, но почти никогда было имъ воспользоваться, потому что рано ударили въ колоколъ къ утрени и надобно было идти въ монастырь.

Это была такъ называемая суббота душъ, по выраженію церковному, наканунѣ Троицына дня, когда совершается поминовеніе всѣхъ отъ вѣка усопшихъ, отецъ и братій, дабы и они не были забыты, при наступающей радости благодатнаго сошествія Духа Святаго, въ день пятидесятницы. Весьма умилительна эта соборная панихида, проникнутая христіанскою любовію: литіи посреди церкви нѣсколько разъ повторяются между шестипсаліи и двухъ кафизмъ, съ возношеніемъ именъ усопшихъ, и самый канонъ мертвенный, въ коемъ изображаются различные роды внезапныхъ смертей, есть печальное и страшное напоминовеніе нашего убожества; а между тѣмъ Церковь, какъ благая мать, заботится о всѣхъ, ввѣренныхъ ей лону, дабы и тѣ, которые не успѣли принести покаянія въ предсмертныя минуты, не остались безъ ея спасительныхъ молитвъ. Взошедши въ церковь, во время первой литіи о усопшихъ, я увидѣлъ съ лѣвой стороны подъ резною сѣнію двѣ сереброкованныя гробницы и еще не зная, кто здѣсь почиваетъ? приналъ къ свято-почившимъ, цѣлуя ихъ священные лики: — это были преподобные Діонисій и Аѳанасіи, блаженный учитель подлѣ блаженнаго ученика.

«Не изъ Іерусалима и не отъ Синая возсіялъ намъ сей свѣтильникъ, говоритъ неизвѣстный писатель его житія, который еще обращался съ ближайшими учениками преподобнаго, но изъ родной

земли и въ наши времена онъ явился и, дабы не подвергнуться осужденію лѣниваго раба, скрывшаго въ землю талантъ свой, дерзнулъ я написать о немъ то что слышалъ, отъ блаженныхъ Амфилохія, Макарія и Михаила, жившихъ при Св. Діонисіѣ, да незабвенна будетъ память угодника Божія. Самъ я видѣлъ чудеса, бывавшія отъ его гроба, и на его молитвы уповая молю Господа, дабы и мнѣ послужить для сего душеполезнаго дѣла. Но хотя и много трудился, чтобы извѣдать подробно о рожденіи и возрастѣ великаго подвижника, одно лишь осталось въ памяти его учениковъ: его пустынная жизнь, которой они сами были свидѣтели. Не изъявляетъ ли это о чрезвычайномъ смиреніи Діонисія, ибо онъ утаилъ отъ нихъ все предъидущее, для нихъ безполезное, представъ имъ внезапно, какъ Предтеча въ пустыни, и вмѣстѣ съ ними стремился все впередъ, по слову евангельскому: «никто же, взявшись за рало и озираясь вспять, управленъ есть въ царствіе небесное.» (Лук. IX, 62).

Одно лишь извѣстно: преподобный Діонисій былъ родомъ изъ Вологды и постриженникъ обители Спасо-каменной, при святогорцѣ игуменѣ Діонисіѣ, отъ котораго принялъ иноческое свое имя, въ мірѣ же назывался Димитріемъ. Девять лѣтъ провелъ онъ при этомъ настоятелѣ, который въ послѣдствіи возведенъ былъ на каѳедру Ростовскую, но Діонисій находился нѣкоторое время и въ обители Бѣлозерской, въ числѣ учениковъ

Св. Кирилла, который священный лик сохранил ни икон своею кистію. Неизвестно однако, прежде ли или после пострижения въ Спасо-каменномъ, обиталъ онъ въ Кирилловѣ монастырѣ и не вышелъ ли оттуда вмѣстѣ съ игуменомъ Кассіаномъ, или съ другими старцами, которые были недовольны нарушеніемъ устава Кириллова? а можетъ быть онъ посѣтилъ Кириловъ тогда уже, когда удалился на безмолвіе изъ Спасо-каменнаго монастыря. Сперва обходилъ онъ восточную сторону большаго Кубенскаго озера, съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ, чтобы обрѣсти себѣ мѣсто уединенія, и возлюбилъ мѣсто на устьѣ рѣки близъ селенія, называемаго Святая Лука, гдѣ существовалъ нѣкогда монастырь во имя Евангелиста, уже давно упраздненный. Сперва поставили они себѣ хижину, потомъ соорудили малую церковь, во имя Святителя Николая, въ 1393 году, съ разрѣшенія Епископа Ростовскаго Григорія, и въ послѣдствіи тутъ устроился монастырь. Тамъ, изнуряя тѣло свое голодомъ и жаждою, крѣпко сталъ подвизаться преподобный и славу человѣческую вмѣнялъ себѣ въ грѣхъ и стыдъ; молва о немъ уже распространялась повсюду, а онъ желалъ работать Богу въ пустыни и Господь, видя въ немъ избранный сосудъ для спасенія многихъ, утвердилъ его въ сей благой мысли: однако многіе годы потрудился преподобный Діонисій на святой Лукѣ и даже тамъ получилъ санъ священства отъ Епископа Ростовскаго; чистыми руками приносилъ онъ безкровную жертву въ

своей уединенной церкви, но мысль о пустыни его не оставляла; ему хотѣлось составить общежитіе для спасенія многихъ братій и, предоставляя сіе на волю Божію, молитвенно прибѣгалъ онъ къ заступленію пречистой Дѣвы, дабы наставила его какъ исполнить благочестивое желаніе.

Замѣтивъ, что собесѣдникъ Пахомій сталъ нѣсколько его чуждаться, по причинѣ частой его молитвы и усиленнаго подвига, преподобный сказалъ ему, чтобы обличить его тайный помыслъ: «братъ Пахомій, я имѣю сокровенную мысль, если соизволитъ Господь и пречистая его Матерь, составить общежительный монастырь, и слышалъ отъ одного христолюбца, что есть пустыня на восточной сторонѣ Кубенскаго озера, какъ бы за пятнадцать поприщъ; тамъ желаю уединиться, ты же останься здѣсь и удержи при себѣ новоначальнаго брата, который недавно къ намъ пришелъ». Не прекословилъ Пахомій; сотворивъ общую молитву они взаимно цѣловали другъ друга и разошлись; къ вечеру достигъ Діонисій избраннаго имъ мѣста и, въ легкомъ забытіи сна, услышалъ какъ бы звукъ колокола въ пустыни, надъ рѣкою Глушицей; онъ назаменовалъ крестомъ мѣсто будущей лавры и вознесъ теплую молитву къ Спасителю нашему:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, упованіе всѣхъ концевъ земли! призри съ небесе и благослови мѣсто сіе и меня, недостойнаго раба твоего, удостой здѣсь соорудить храмъ, въ честь покрова пречистой твоей Матери, и общій мона-

стырь составить; но не такъ какъ я хочу, а какъ тебѣ сіе угодно, ибо несовершенъ нашъ разумъ, тебѣ же все возможно и ты меня наставь Господи. И ты, о всемилостивая Матерь Христа Бога, услыши теплое моленіе грѣшнаго раба твоего, прибѣгающаго къ твоему покрову и требующаго твоей помощи, ибо на тебя уповаетъ душа моя. Сохрани меня отъ устъ пагубнаго змія, ищущаго меня поглотить; сохрани и тѣхъ, которые пожелаютъ на мѣстѣ семъ работать со мною Богу и посылать къ нему молитвы о благовѣрныхъ князьяхъ и всѣхъ христіанахъ, ибо ихъ спасеніе и утвержденіе служитъ и для насъ упокоеніемъ, и мы безмолвное житіе проходить будемъ, во вѣлкой тишинѣ и съ благою вѣрою, ибо хощетъ Богъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прінти.»

Діонисій обошелъ избранное имъ мѣсто, распредѣляя его заблаговременно для устройства лавры, и въ началокъ ея поставилъ себѣ келейцу, гдѣ сталъ обитать въ непрестанномъ трудѣ и бдѣніи. Малая сія хижина прислонена была къ черемхѣ, которая долго потомъ существовала внутри ограды, на память преподобнаго, ибо онъ питался ея ягодами и многіе недужные исцѣлялись отъ ихъ вкушенія. Подъ сѣнію сего древа вселился, крѣпкій душою, какъ бы подъ сѣнію твердыни, и хотя подвергался искушенію бѣсовскому, но молитвою Іисусовой отражалъ нападеніе супостата. Кто изочтетъ всѣ его подвиги, ибо, въ молитвенномъ потѣ, дѣлалъ онъ все

своими руками, имѣя въ виду будущую обитель. Спустя нѣсколько времени совершеннаго одиночества, пришелъ къ нему на сожительство нѣкій старецъ, и какъ Ангелу Божію обрадовался ему преподобный; потомъ мало по малу начали собираться братія, по одному и по два, присоединяясь къ его келліи. Тогда Діонисій сказалъ имъ: «возлагая надежду мою на Господа, помышляю, что если ему сіе угодно и пречистой его Матери, то можетъ и на дѣлѣ совершиться общежитіе; и такъ хочу поставить на этомъ мѣстѣ монастырь.» Они же отвѣчали: «воля Господня да будетъ, честный отче.»

Это было въ 1393 году. Преподобный послалъ одного изъ братіи къ Князю Димитрію, обладавшему около великаго озера Кубенскаго, съ такимъ словомъ: «Христолюбивый Князь, молитъ тебя грѣшный Діонисій, да пошлешь къ нему древодѣлей для сооруженія обители Пречистыя, въ пустынѣ на рѣкѣ Глушицѣ.» Обрадовался благочестивый Князь, услышавъ, что близъ его державы хочетъ Богъ воздвигнуть обитель иноческую, и онъ отвѣчалъ посланному: «да будетъ все по волѣ честнаго отца; ничто отъ требуемаго имъ не возбранится,» и немедленно отпустилъ древодѣлей, которые очистили огнемъ мѣсто отъ лѣсной чащи. Видя близкое исполненіе давняго своего желанія, преподобный сказалъ братіи: «приспѣло время, сотворимъ молитву Господу и пречистой его Матери и начнемъ дѣло.»—«Благословенъ Богъ, сотворившій сіе по волѣ своей,» радостно отвѣчала братія и послѣ

общей молитвы приступили къ дѣлу; они начали сооружать себѣ келліи.

Епископъ Григорій управлялъ тогда епархіею Ростовской; къ нему пришелъ преподобный принять благословеніе, для составленія обители; и Святитель, встрѣтивъ его съ любовію, поучилъ духовнымъ словомъ: «похвально твое желаніе, ибо Давидъ Бого-отецъ воспѣлъ въ псалмахъ: се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ (Пс. 132, 1.), и самъ Господь говоритъ намъ: идѣже два или три собрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ (Матѳ. XVIII, 20). Посему даю тебѣ благой совѣтъ, да составишь общежитіе, какъ научили насъ Апостолы, чтобы ничего не называть своимъ, но все имѣть общимъ. Тебѣ же, сынъ мой, поелику воспріялъ ты санъ духовный, подобаетъ, по слову апостольскому, немощь немощныхъ носить и не себѣ угождать, но искреннимъ твоимъ, какъ и Христосъ не себѣ угождалъ.» Сказавъ сіе пастырское назиданіе Григорій отпустилъ его съ благословеніемъ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ сооружилъ преподобный церковь, во имя покрова Богоматери, поставилъ трапезу и все что нужно было для братства, строго заповѣдавъ чтобы никто ничего не называлъ своимъ. Самъ Діонисій, прилагая труды къ трудамъ, во всемъ подавалъ примѣръ, отгоняя сонную тягость рукодѣліемъ; прежде нежели предавался краткому отдыху много читалъ онъ и молился, да и вся жизнь святаго старца проте-

кала какъ одна непрестающая молитва; просвѣщался кротостію и смиреніемъ, онъ цѣлъ братолюбіемъ и стяжалъ нищелюбіе, принимая съ любовію всѣхъ странныхъ. Присная его дружина скоро возрасла до пятнадцати братій и многіе, слыша о его ангельской жизни, стали стекаться въ обитель, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ и бесѣдою; они приносили съ собою обильное подаяніе, которое принималъ съ благодарностію преподобный, какъ бы отъ самаго Бога, зная что безъ его воли ничего бы не приносилось.

По времени умножившіеся братія начали просить его соорудить другую болѣе пространную церковь, и когда сталъ помышлять Діонисій, какимъ бы образомъ исполнить ихъ желаніе?— ночью, послѣ долгой молитвы, является ему, въ тонкомъ снѣ, прекрасный юноша и говоритъ: «подобаетъ тебѣ соорудить церковь болѣе пространную, потому что много у тебя братіи; ты же имѣешь заступницею и помощницею пречистую Богородицу, отнынѣ и до вѣка.» Воспрянувъ отъ сна преподобный бодрствовалъ до утренняго пѣнія и, послѣ церковной службы, сказалъ братіи: «должно исполнить повелѣнное, призвавъ Господа и пречистую его Матерь, ибо она будетъ помогать намъ;» тогда приступили къ сооруженію новаго храма, также во имя покрова Богородицы, семь лѣтъ спустя по совершеніи первой церкви, то есть въ 1407 году. Преподобный украсилъ ее иконами своего письма, потому что самъ былъ искусный

художникъ, ковачь мѣди и строитель одеждъ, все дѣлал своими руками, по примѣру Апостола Павла. Благолѣпно доверишивъ внѣшнее зданіе, устроилъ онъ и внутренній порядокъ, распредѣливъ братію по службамъ церковнымъ и монастырскимъ, и самъ наблюдалъ, чтобы въ точности исполнялись богослуженіе и строгій уставъ общежитія, данный имъ своей обители.

Діонисій поучалъ братію: пебыть нерадивыми къ дѣлу своего спасенія, ибо на великій часъ подобаетъ каждому быть готовымъ предстать Господу, а потому всѣ должны бодрствовать и непрестанно молиться, дабы не впасть въ погибель; помышляя же о часѣ смертномъ, бояться вѣчнаго осужденія. «Чада, говорилъ онъ, да не устрашитъ васъ помыслъ, что мѣсто сіе пустынно, ибо многими скорбями подобаетъ намъ взойти въ царствіе небесное, и скорби сіи суть подвиги поста и всякаго рода лишенія; молитва ваша должна быть отъ чистаго сердца и смиреніе ко всѣмъ, какъ и Христосъ сказалъ: блажени нищіе духомъ, блаженп алчущіе. Стяжемъ любовь и Богъ помилуетъ насъ, ибо и Св. Іоаннъ Богословъ сказалъ: что Богъ есть любовь, а любящій Бога, любитъ брата своего. (I. Іоан. IV. 23.) О милостынѣ къ нищимъ, будемъ помнить слово евангельское: блажени милостивые, (Мате. V. 7.) и Христову заповѣдь, призирать въ лицѣ его странныхъ: въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ (Матѳ. XXV. 36.)» Братія же, съ любовію внимая поученіямъ своего аввы, старалпсь по мѣрѣ силъ во всемъ ему

соревновать, ибо самое житіе старца возбуждало ихъ къ большему подвигу.

Такъ какъ уже многіе стекались къ Діонисію, нарушая его безмолвіе, пожелалъ онъ уединиться и, тайно оставивъ монастырь, устремился въ любезную ему пустыню; одинъ только сердцевѣдецъ зналъ его сокровенную мысль. На полуденную сторону отъ лавры простиралась обширная и непроходимая дебрь и тамъ, за четыре поприща, обрѣлъ онъ красное высокое мѣсто, на берегу той же рѣки Глушицы. Вѣковая сосна, обширнаго объема, стояла на этомъ мѣстѣ, такъ что оно прозывалось Сосновцемъ отъ необычайнаго дерева; кругомъ же все было болото. Полюбилъ мѣсто преподобный и, въ совершенномъ одиночествѣ, началъ новый подвигъ молитвы, но не забылъ и своей лавры, гдѣ вся братія плакала о его печальномъ удаленіи. Присные его чада, открывъ мѣсто подвижничества, со слезами пришли умолять авву, чтобы опять къ нимъ возвратился, и не могъ отказать имъ чадолюбивый отецъ. «Хочу, сказалъ онъ, соорудить на этомъ мѣстѣ церковь и чтобы тутъ положено было грѣшное мое тѣло;» онъ самъ началъ сооружать церковь, во имя Ангела пустыни Прелтечи: это было въ 1408 году. Получивъ на то благословеніе отъ новаго Епископа Ростовскаго Діонисія, который былъ его отцемъ духовнымъ, на Спасо-каменномъ островѣ, Діонисій освятилъ престолъ и построилъ келліи для нѣсколькихъ братій, которые пожелали тутъ вмѣстѣ съ нимъ основаться, но они

получали все необходимое отъ великой лавры и строго держались ея устава.

Спустя два года, послѣ основанія новой обители, пришелъ туда другой пустынный житель, Паисій Обнорскій, и поставивъ себѣ малую келлію, версты за двѣ, хотѣлъ соорудить и церковь; но преподобный послалъ къ нему одного изъ братій, съ такимъ словомъ: «молитъ тебя содружебникъ твой, грѣшный Діонисій, именемъ Христа Бога; печальна душа моя, духовный отче, что ты хочешь создать монастырь близъ нашей пустыни, уже существующей. Не подобаетъ сего дѣлать, но подобаетъ тебѣ единому жить на мѣстѣ семъ, если питаешь духовную любовь къ нашей нищетѣ, ибо Богъ есть любовь, по слову Богослова. Помяни меня въ твоихъ молитвахъ, духовный отче.» — Старецъ Павелъ, услышавъ такое слово, исполнился слезъ и смиренно отвѣчалъ: «благо тебѣ да будетъ, честный отче; какъ повелишь ты мнѣ, такъ и сотворю по волѣ твоей; ты же возложи все свое упованіе на Господа Іисуса Христа, ибо ничто не отлучитъ насъ отъ любви твоей.» Сказавъ сіе блаженный Павелъ послалъ миръ и благословеніе содружебнику своему Діонисію и удалился въ предѣлы Обнорскіе, гдѣ основалъ свою обитель. Таково было взаимное смиреніе обоихъ великихъ подвижниковъ, и духовная ихъ любовь, о которой пишетъ Апостолъ Павелъ: любовь не раздражается, любовь ничѣмъ не соблазнится, любовь не ищетъ своего, (I Кор. XIII, 5.) ни пользы искренняго. Не трогательно ли

видить, какъ сіи великіе отцы пустыни, дѣлили между собою пустыню, полагая себѣ границу непарушеніе взаимнаго безмолвія?

Такимъ образомъ преподобный Діонисій принялъ на себя заботу о двухъ монастыряхъ, вмѣсто одного, ни днемъ ни ночью не давая себѣ покоя, о духовномъ благѣ обоихъ. «Братія, говорилъ онъ, съ помощію Божіею, пекусь я о вашихъ тѣлесныхъ нуждахъ; вы же попекитесь о душахъ вашихъ.» Еще жесточайшимъ подвигомъ смирялъ онъ плоть свою въ пустынѣ Сосновецкой, бодрствуя всю ночь безъ сна, и однажды только въ день вкушая пищу, немного хлѣба съ солью, питіемъ же его была единственно вода; забывая то что уже миновалось и простираясь мысленно къ будущему, онъ непрестанно помышлялъ только о томъ, какъ предстать ему предъ лице Божіе въ часъ судный.

Былъ однажды преподобный въ городѣ Ростовѣ, у благочестиваго христіанина по имени Агаѳоника, который имѣлъ сына двѣнадцати лѣтняго отрока Матѳея. Діонисій, бесѣдуя съ отрокомъ, говорилъ ему: «чадо, Христосъ сказалъ въ евангеліи: кто любитъ отца или мать болѣе меня, недостоинъ меня, и кто не возьметъ креста своего и не послѣдуетъ за мною, недостоинъ меня (Мато. X, 37, 38.); и желающимъ моѣ работать, не принесъ я на землю міръ, но раздѣленіе (Лук. XII, 51), то есть, отсѣченіе всѣхъ мірскихъ пристрастій и любви къ житейскому. Отъ всего сего велитъ отрекаться Господь и не прикасаться къ нечистотѣ міра. Когда

сказали ему однажды: вотъ матерь твоя и братія твои, то и отъ нихъ внушилъ онъ отвѣщаніе, отвѣчавъ: моя мать и братія мои суть тѣ, которые творятъ волю Отца моего небеснаго (Мат. XII, 49), и тѣмъ показалъ намъ образъ новаго духовнаго жительства. Отцемъ твоимъ да будетъ, продолжалъ Діонисій, тотъ кто потрудится вмѣстѣ съ тобою свергнуть бремя грѣховное, а матерью кто омоетъ тебя отъ скверны страстей въ новомъ рожденіи; братіями бесѣдующіе съ тобой о горнемъ отечествѣ; супругою пріобрѣти себѣ неотлучную память о смерти, и чадами будешь имѣть отъ нея воздыханія сердечныя, рабомъ же стяжи себѣ плоть, а друзьями, святыя силы, которыя, во время твоего исхода, будутъ тебѣ помощниками къ восходу на небеса.»

Смиренно отвѣчалъ ему отрокъ: «какъ ты мнѣ говоришь, такъ сего и желаю, лишь бы мнѣ имѣть тебя учителемъ.»—«А я буду имѣть тебя ученикомъ,» возразилъ преподобный, и такимъ образомъ отрокъ, по слову евангелія, ублажающаго ненавидящихъ міръ и любящихъ Бога, оставилъ родителей и все имѣніе, чтобы послѣдовать Христу. Преподобный взялъ его съ собою въ монастырь и, сподобивъ иноческаго образа, нарекъ ему имя Макарій; юный инокъ обиталъ во внутренней келіи блаженнаго своего отца, въ совершенномъ послушаніи научался монастырскому уставу, и возлюбилъ его авва, ради добраго произволенія и цвѣтущихъ въ немъ добродѣтелей. Непрестанно молилъ онъ

Господа, да дастъ ему совершить ангельское свое теченіе въ добромъ подвигѣ, и по его желанію, Епископъ Діонисій Ростовскій рукоположилъ Макарія въ пресвитера; по блаженной же кончинѣ Діонисія, принялъ онъ игуменство его великой лавры.

Князь удѣльный Георгій Бохтюжскій, имѣвшій владѣніе недалеко отъ лавры, пригласилъ къ себѣ Діонисія и сказалъ: «слышалъ я, отче, что ты строишь монастыри въ пустынѣ; проси у меня все нужное и дамъ тебѣ имѣніе, чтобы ты молился о нашей нищетѣ.» Преподобный Діонисій отвѣчалъ: «мы обязаны молиться о твоемъ благовѣріи, благочестивый Князь, но злата и сребра не требуемъ, ибо такъ заповѣдалъ Господь нашъ и учитель своимъ ученикамъ.» Тронутый смиреніемъ преподобнаго Князь просилъ хотя что-либо взять отъ него, дабы пришло благословеніе аввы на его домъ и, видя его теплую вѣру, согласился Діонисій получать съ того времени пропитаніе для своей обители отъ боголюбиваго Князя, который называлъ его своимъ учителемъ, часто посѣщалъ и дѣтямъ своимъ заповѣдалъ всегда благодѣтельствовать лаврѣ.

Однажды, когда преподобный былъ во внутренней пустынѣ, старецъ по имени Антоній, безъ благословенія отеческаго, дерзнулъ ловить рыбу и наловилъ много, думая получить за то похвалу; но Діонисій, услышавъ о томъ, велѣлъ бросить всю его ловитву какъ смертную ядь, плодъ пре-

слушанія, но причинѣ коего и Адамъ былъ изгнанъ изъ рая; онъ даже связалъ эпитиміею дерзновеннаго инока, говоря: «сіющій отъ благословенія, благословеніе и пожнетъ; послушанія хочетъ Богъ а не жертвы,» и только ради общаго моленія братіи разрѣшилъ виновнаго.

Ближайшіе ученики преподобнаго, свидѣтели его подвиговъ, разсказывали писателю его житія, который засталъ ихъ уже покрытыхъ сѣдинами, когда пришелъ благоговѣйно въ обитель испытывать о житіи дивнаго ихъ старца, еще другіе случаи изъ его жизни. Два недобрыхъ человѣка похитили семь коней изъ монастыря и бѣжали; инокъ, приставленный смотрѣть за имѣніемъ монастырскимъ, пришелъ съ великимъ горемъ возвѣстить о томъ старцу; улыбнулся авва и сказалъ ему: «не всѣ ли мы странники и пришельцы на землѣ? еще не много и отсель изыдемъ туда, гдѣ наше вѣчное жительство; не будемъ же заботиться о земномъ, но попечемся о томъ, какой отвѣтъ дадимъ о дѣлахъ своихъ въ день судный? И ты, братъ мой, уповай на Бога, который намъ помощникъ и заступникъ противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Господь велитъ благословлять клянущихъ насъ и молиться за напосящихъ намъ обиду; если бы я обрѣлъ похитителей, то и еще что-либо приложилъ бы имъ отъ имѣнія нашего и съ любовію искренно бы о нихъ позаботился.» Случилось же, что бѣжавшіе съ конями остановились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ очищаются вѣтромъ и изсушаются ко-

лось; въ полдень внезапно объяло ихъ пламя, и они едва успѣли сами спастися, потерявъ коней которые сгорѣли.

Преподобный строго заповѣдывалъ ничего подержать у себя въ келліи, но одинъ изъ иноковъ, наученный діаволомъ, утаилъ у себя десять погатъ, (или кожаныхъ монетъ), которыя нашлись послѣ его смерти. Діонисій, по примѣру древнихъ великихъ отцевъ пустыни, велѣлъ бросить деньги сіи вмѣстѣ съ тѣломъ ослушника, въ обличеніе ему. Испуганные страшнымъ зрѣлищемъ, братія пали къ ногамъ своего учителя и просили помилованія усопшему. «Чада мои, сказалъ имъ Діонисій, ослушаніе наноситъ смерть,» однако, послѣ усиленной просьбы, разрѣшилъ виновнаго; онъ только хотѣлъ такимъ позоромъ уничтожить навсегда позоръ ослушанія, дабы братія, ради страха сего не творили, но велѣлъ выкинуть деньги вонъ изъ монастыря, чтобы никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться.

Тяжкимъ искушеніямъ подвергался самъ преподобный отъ козней діавола, который старался, чтобы по его гласу вся пустыня не исполнилась воздержниками. Въ одну ночь, присный ученикъ его Макарій, взойдя къ нему въ келлію, нашелъ отца своего, лежащимъ на полу и покрытымъ ранами; съ изумленіемъ спросилъ онъ: «что сіи раны?» — но старецъ только отвѣчалъ ему: «если и сего не можемъ стерпѣть, то какъ возможемъ стерпѣть вѣчныя муки?» Съ того дня

однако даровалась ему отъ Бога власть на духовъ нечистыхъ, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ прикасаться къ нему въ пустынѣ, когда все болѣе и болѣе возгарался онъ на новые подвиги.

Въ 1418 году, еще однажды посѣтилъ преподобный святителя Діонисія въ Ростовѣ. Епископъ, побесѣдовавъ съ нимъ духовно, благословилъ его честною иконою Богоматери, съ предвѣчнымъ на рукахъ Младенцемъ, которую принесъ онъ въ монастырь со многою утварью, въ залогъ благоволенія архипастырскаго. Около того же времени, пришелъ къ нему изъ Ростова, архимандритъ Григорій Лопотовъ, рода боярскаго, который поселился, съ его благословенія, въ обители Сосновецкой, и былъ съ нимъ соединенъ любовію духовною; въ послѣдствіи же, основалъ и свою обитель на рѣкѣ Пельшмѣ, за 30 верстъ отъ лавры; гдѣ часто посѣщалъ его Діонисій и далъ ему, въ благословеніе, многія иконы своего письма и книгу церковную прологъ, имъ самимъ написанную.

За семь лѣтъ до своего преставленія, блаженный самъ себѣ выкопалъ гробъ, въ той пустынѣ Сосновецкой, гдѣ основалъ церковь во имя Предтечи, и приходя ежедневно на свою могилу, непрестанно напоминалъ себѣ о скоромъ своемъ переселеніи. Иногда, бодрствуя всю ночь, стоялъ онъ на морозѣ и помышлялъ какъ бы избѣжать иного болѣе страшнаго хлада тьмы кромѣшной, дабы вмѣсто него вкусить радость рай-

ской жизни. Старецъ говорилъ своимъ ученикамъ: «если не будетъ здѣсь положено тѣло мое, не останется здѣсь живущихъ, ибо пустынно и трудно мѣсто сіе. Если же здѣсь положено будетъ, то Бога ради не презрятъ мѣста сего и меня, и съ вѣрою здѣсь живущіе воспріимутъ награду отъ Бога, а въ страшный день суда обрѣтутъ себѣ помощницею Владычицу, ибо потрудились въ ея обители.»

Братія хотѣли однажды искусить преподобнаго и, во время его молитвы, послали къ нему юношу, въ образѣ нищей странницы, которая со слезами молила, чтобы выкупилъ ее изъ неволи, вмѣстѣ съ дѣтьми, цѣною ста сребренниковъ. Памятуя слово евангельское «просящему у тебя дай,» (Мат. V. 42.) Діонисій открылъ окно своей кельіи и выдалъ деньги мнимой странницѣ. Когда же блаженный пришелъ на вечернее пѣніе, искусители принесли ему обратно выданное сребро, осуждая за безразсудную раздачу и обличая предъ нимъ мнимую странницу; но авва, изобличивъ ихъ самихъ, велѣлъ позвать юношу и отдалъ ему опять сребро, братіи же сказалъ: «если вы, вопреки моей воли, отнимите у него деньги, то преступите двѣ заповѣди: одну, показавъ себя немилостивыми къ нищетѣ, другую же, преслушавъ Бога, запрещающаго требовать обратно отъ того кому дали. Добро, братія, давать всякому просящему, но еще честнѣе давать и не просящему; Господь велитъ творить добро, сколько есть силъ; и такъ перестаньте искушать меня, побуждая къ немилосердію.» Братія,

почувствовавъ свою вину, пали къ ногамъ его и испросили себѣ прощенія.

Спустя нѣсколько времени, такъ какъ начали притекать въ монастырь многія женщины, за словомъ спасенія, преподобный соорудилъ для нихъ, къ сѣверу за двѣ версты отъ лавры, церковь во имя святителя Леонтія Ростовскаго, дабы тамъ собирались на молитву не докучая братіи, и учредилъ при церкви обитель инокинь, поставивъ надъ ними благоговѣйнаго мужа, украшеннаго сѣдинами. Еще двѣ церкви построилъ Діонисій: одну за 18 верстъ отъ лавры, внизъ по рѣкѣ Глушицѣ, на большой рѣкѣ Сухонѣ, во имя воскресенія Христова, чтобы въ ней собирались православные и слышали слово Божіе. Другую же церковь соорудилъ, во имя Святителя Николая, по просьбѣ жителей селенія Двинницы, и ту украсилъ благолѣпными иконами своего письма, ибо онъ сіялъ какъ свѣтильникъ всей окрестной странѣ. Былъ голодъ и всѣ притекали къ нему, какъ къ неизчерпаемому источнику, потому что неоскудную творилъ милостыню и чѣмъ болѣе приходили тѣмъ болѣе раздавалъ. Пришелъ къ нему экономъ сказать, что уже недостаетъ запасовъ, но преподобный отвѣчалъ ему: «вѣренъ, сказавшій намъ: не пекитесь о завтрашнемъ днѣ, что вамъ, или что пьемъ, или во что облечемся, ибо знаетъ Отецъ нашъ небесный что требуете всѣхъ сихъ; но ищите прежде царствія небеснаго и все сіе приложится вамъ; (Мат. VI. 31, 33.) будьте милостивы и щедры, какъ и

Отецъ вашъ небесный, ибо немилующіе нищихъ ненавидимы Богомъ. Ни о какомъ другомъ согрѣшеніи, кромѣ немилосердія, не слышали кроткаго нашего судію Бога, произносящимъ судъ свой съ такимъ гнѣвомъ: «отыдите отъ меня проклятые въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.» (Мат. XXV.) Имѣйте братія вѣру словамъ писанія, что судъ безъ милости для несотворившихъ милости; (Іак. 2, 13.) сколько есть силы избѣжимъ немилосердія и лѣности ко благимъ дѣламъ, ибо ничто столько не можетъ помочь намъ какъ милостыня, и милующій нищаго взаймы даетъ Богу, по слову святаго писанія.»

После блаженнаго Епископа Ростовскаго Діонисія, возсѣлъ на его каѳедру, святитель Ефремъ; онъ подвигся обозрѣть обширную свою эпархію, до великаго Устюга и даже до поморія. Преподобный, услышавъ что идетъ владыка мимо его обители, вышелъ къ нему съ братіею на встрѣчу и, поклонившись до земли, принялъ съ честію въ свою лавру и совершилъ молебное пѣніе Богоматери; Владыка же, благословивъ авву и учениковъ его, далъ имъ обильную милостыню и сказалъ имъ апостольское слово о томъ, какъ подобаетъ повиноваться своимъ начальникамъ, которые бодрствуютъ о ввѣренныхъ имъ душахъ и воздадутъ за нихъ отвѣтъ предъ Богомъ; (Евр. XIII.) посему, слушающіе ихъ, слушаютъ самаго Господа, и получатъ награду отъ судіи, за то что соблюли его слова. «Братія и чада, говорилъ святитель Ефремъ,

возлюбите славу Христову и отвергните славу міра сего, мимо текущую какъ тѣнь и сонъ. Не видимъ ли, что здравые вчера сегодня въ лютомъ недугѣ, и бывшій властелинъ нынѣ уничиженъ и внезапно приходитъ печальный часъ смерти; не все ли по истинѣ суета? Прибѣгнемъ къ милосердію Божію, да услышимъ отъ него: по вѣрѣ вашей, буди вамъ, пріимите уготованное вамъ царство. Вспомнимъ пророка, глаголавшаго: горе мнѣ, ибо близокъ день страшный и грозный! и если онъ трепещетъ, какъ не вострепещемъ мы, обремененные тьмами грѣховъ? Умолимъ Судію, убоимся страшнаго того часа и гласа: отыдите отъ меня проклятые, ибо взалкался я, и вы не дали мнѣ ѣсть, возжаждался, и не напоили меня, странемъ былъ и въ темницѣ, и вы не посѣтили меня! (Мато. XXV. 41-43.) Таковы ненавистники братьевъ своихъ и досаждающіе родителямъ! Мы же, услышавъ страшное сіе прещеніе, убоимся быть отлученными отъ Бога, ибо тутъ не можетъ помочь ни отецъ сыну, ни братъ брату, но каждый пожнетъ то что посѣялъ добраго или злаго.

Господь сказалъ: кто не возметъ креста своего и не пойдетъ вслѣдъ за мною, тотъ меня недостоинъ; (Матѳ. X. 38) что же хуже и окаяннѣе, какъ быть недостойнымъ Бога? — Богословъ Іоаннъ научаетъ насъ не любить міра и того что въ мірѣ, ибо преходитъ уже образъ міра сего и всѣ его похоть, а творящій волю Божію, пребываетъ во вѣки. (I. Іоан. II.) Не назвалъ ли

самъ Господь мертвецемъ привязаннаго къ мірскому, когда сказалъ юноше, хотѣвшему за нимъ слѣдовать и въ то же время погребсти отца: оставь мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ? (Лук. IX, 6.) — то есть, оставь все мірское и не только не будешь обладаемъ смертію, но и самъ надъ нею обладать будешь. И Апостолъ Петръ поучаетъ, что если будемъ соучастниками страстямъ Христовымъ, то и царствію его и славѣ пріобщимся (2 Петр. IV, 13). Если вы всегда будете поучаться въ словесахъ сихъ, то и съ вами будетъ миръ Божій, просвѣщая и вразумляя васъ на путь истины. Каждый изъ васъ да отгонятъ далеко отъ ума своего всѣ хотѣнія лукаваго, запечатлѣвая себя знаменіемъ крестнымъ, дабы избѣжать всякаго соблазна: такимъ образомъ сподобитесь вѣчнаго царствія и васъ осѣнитъ свѣтъ божественныя Троицы.»

Братія же, внимая поученію пастырскому и чувствуя себя во всемъ недостойными столь великаго учителя и чадолюбиваго отца, проливали обильныя слезы и просили святыхъ его молитвъ, для ихъ душевнаго спасенія. И отцу ихъ Діонисію сказалъ назидательное слово добрый пастырь: «послику пріялъ ты овецъ изъ ограды Христовой, блюди себя и стадо, за которое даешь отвѣтъ, дабы и ты могъ сказать на судѣ: вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Богъ! (Исаіи VIII, 18.) Упаси ихъ на пажити божественныхъ словесъ, не ослабѣвай и непрестанно внушай имъ: подвизайтесь дабы взойти; боритесь чтобы одолѣть; труждайтесь чтобы

отдохнуть и алкайте дабы насытиться! — Съ ними вместѣ, будь прежде всего исполнителемъ того что говоришь, ибо сказано: что и Господь Іисусъ «началъ творить и учить,» (Дѣян. I. 1.) дабы и они возбудились твоимъ примѣромъ. Видѣніе вѣрнѣе слышанія; если не увидятъ дѣлъ твоихъ, тягостными покажутся твои слова. Со слезами припадай къ Богу о чадахъ твоихъ, да сохранитъ ихъ и тебя отъ навѣтовъ вражіихъ; наказуй, блюди, запрещай, милуй; простирай руки къ падающимъ, увѣщевай труждающихся, обвязывай какъ врачь раны душевныя; будь образомъ благихъ нравовъ, научая терпѣнію и молчанію; предначинай всякое доброе дѣло, дабы и меньшіе братія отъ тебя не отставали. Обходя стадо, твоею молитвою и заботою, не презри, но помилуй уязвленную овцу и возлей масло на ея струпы, дабы всѣ не постыдно явились на судилище Христово и ты бы, вмѣстѣ съ ними, принялъ воздаяніе отъ Владыки Христа.»

Умилился преподобный и сказалъ Святителю: «Господь, пославшій учениковъ своихъ просвѣтить всю вселенную, и тебя намъ послалъ, пастыря и цѣлителя, достойнаго сей чести въ землѣ Русской, и ты, преподавая намъ божественныя заповѣди, подражаешь истинному и достойному пастырю, который положилъ душу свою за избранныхъ овецъ.» Опять отвѣчалъ ему Святитель: «чадо, писано въ новомъ завѣтѣ: кому дано много, много потребуется отъ него (Лук. XII, 48), и Апостолъ внушаетъ,

что епископы, іереи и князи, великій пришяли на себя подвигъ, все устроять по правдѣ и обо всемъ пещись, дабы вести ко спасенію многія порученныя имъ души.» Такъ, со взаимною любовію и дарами подобающими высокому сану, Святитель возвратился на свою каоедру въ древній Ростовъ.

Амфилохій и другіе ученики Прп. Діонисія его Лавра и Сосновецъ.

Пришелъ изъ великаго Устюга инокъ, по имени Амфилохій, сана пресвитерскаго, въ монастырь преподобнаго Діонисія и сказалъ ему поклонившись: «отче спаси меня.»—«Братъ мой, зачѣмъ ты подвялъ столь великій трудъ?» отвѣчалъ ему Діонисій и Амфилохій возразилъ: «я пришелъ сюда, честный отче, прежде всего поклониться пречистой Богородицѣ, а потомъ стопамъ твоимъ и живущей здѣсь съ тобою братіи, дабы вы за меня молились.» Преподобный пригласилъ его къ себѣ въ келлію и, послѣ общей молитвы, они сѣли; тогда Діонисій

призвалъ послушника своего Макарія и сказалъ ему: «пришелъ къ намъ въ монастырь Богомъ вразумляемый инокъ Амфилохій и хочетъ съ нами возсылать молитвы къ Богу;» Макарій же отвѣчалъ: «прости меня невѣжду, честный отче, не разумѣю что говорить.» — «Говори, послушникъ, то что тебѣ Богъ положитъ въ разумъ,» возразилъ преподобный и Макарій, возставъ произнесъ: «благословенъ Богъ, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины пріяти,» (I. Тим. II, 6.) и опять сказалъ ему преподобный: «да дастъ тебѣ Богъ разумъ, говорить что-либо на пользу.» Видя такую простоту и послушаніе, Амфилохій припалъ къ ногамъ преподобнаго, говоря: «нынѣ, по истинѣ, узналъ я отче пути твои и какъ, ненавидя славы человѣческой, ищешь ты славы только отъ единаго Бога;» но Діонисій, подавъ его, сказалъ: «зачѣмъ, о братъ мой, приносишь тяжесть грѣшному человѣку? — подобаетъ кланяться единому Богу, возстань отъ ногъ моихъ. Благословенъ Богъ, направившій къ намъ стопы твои, ибо онъ одинъ можетъ спасти и тебя и меня.» Всталъ Амфилохій, проливая источники слезъ, и предалъ себя совершенно на волю великаго аввы, говоря: «послику всеведущій Богъ привелъ меня во святыя твои руки, съ помощію Божіею, буду исполнять все что ты мнѣ велишь.»

Діонисій, услышавъ что хочетъ быть ему сподвижникомъ въ постѣ, не скрылъ отъ него суровое свое жительство, съ лишеніемъ всякаго плотскаго покоя;

но не смутился Амфилохій: «Апостолъ велитъ, сказалъ онъ, повиноваться наставникамъ, которые бодрствуютъ о душахъ нашихъ (Евр. XIII. 16. 17.); повѣрь мнѣ, честный отче, что и я принялъ сію заповѣдь, какъ отъ самаго Бога.» Преподобный возразилъ: «если хочешь здѣсь пребывать съ нами, сотворимъ завѣтъ между собою: не отлучаться другъ отъ друга на все время, сколько еще пребудемъ въ жизни.» Амфилохій, воспріявъ иноческое житіе, строго во всемъ исполнялъ уставъ общежитія, все переносл съ терпѣніемъ, ради будущаго блаженства. Возрадовался духомъ преподобный, и началъ вмѣстѣ съ новымъ братомъ своимъ, или лучше сказать сыномъ, расширять мѣсто для обители и соорудилъ тутъ болѣе обширный храмъ. Амфилохій свято соблюдалъ всѣ его заповѣди, подражая во всемъ благому примѣру аввы Діонисія, и болѣе заботился о своей душѣ нежели о тѣлѣ; кротость и терпѣніе смиреннаго прославились повсюду.

Еще дальше, нежели изъ Устюга, изъ великой Перми, пришелъ въ лавру Діонисіеву игуменъ Тарасій, оставившій добровольно свое начальство, чтобы самому быть подъ началомъ. Возвѣстили игумену о его пришествіи изъ дальней страны, и онъ встрѣтилъ его предъ вратами обители; оба взаимно сотворили молитву. «Издавна жаждалъ я видѣть лице твое, честный отче, и много о томъ молилъ Господа,» сказалъ пришелецъ и смиренно отвѣчалъ ему старецъ: «благословенъ Богъ, пославшій къ намъ недостойнымъ, мужа опытнаго и бла-

говѣйнаго; самъ по себѣ я ничего не могу дѣлать, но все возможно Богу.» Тарасій опять сказалъ: «тебя, отче, возвысилъ Богъ, ради добрыхъ твоихъ дѣлъ, намъ же позволь во всемъ тебѣ подражать, свято соблюдая всѣ твои повелѣнія; пріими малое имѣніе, которое принесъ я съ собою и сопричти меня къ словесному твоему стаду.»

Діонисій ввелъ его въ обитель и далъ ему келлію въ большой лаврѣ. «Не ты ли, говорилъ онъ, какъ истинный подражатель добраго пастыря Христа, былъ самъ пастыремъ и цѣлителемъ людей заблуждавшихся во тмѣ язычества, въ землѣ Пермской? Невѣдавшимъ Бога, не ты ли открывалъ божественныя заповѣди Спаса, по слову Господню: кто сотворитъ и научитъ, тотъ наречется великимъ въ царствіи небесномъ.» (Мат. V. 19.)–«Прежде подобаетъ отъ плода вкусить труждающемуся дѣлателю, возразилъ игуменъ Тарасій, то есть самому дѣлать и потомъ уже учить народъ, какъ и Діонисій Ареопагитъ велитъ послѣднимъ званіе учителей Христовыхъ, нелѣностно заботиться о спасеніи душъ человѣческихъ. Посему и я, все сіе размысливъ, пришелъ въ монастырь къ Пречистой, какъ къ безбурному пристанищу и наставницѣ спасаемыхъ и твердынѣ противъ навѣтовъ вражіихъ.»—«Отче смиреннѣйшій, сказалъ Діонисій, ты послушалъ евангельскаго гласа, пи во что вмѣнивъ богатство и славу міра сего; отъ Господа тебѣ награда на небесахъ.»

Съ того времени началъ проходить игуменъ

Тарасій суровое житіе, держась труда постническаго, и стяжалъ много слезъ, во всемъ повинуясь авве. Десять летъ провелъ онъ такимъ образомъ при жизни блаженнаго отца и, предпославъ его къ Богу, какъ своего молитвенника и ходатая, после него прожилъ еще несколько летъ въ лавре до глубокой старости, раздѣляя заботы начальственныя съ блаженнымъ Амфилохіемъ.

Преподобный Діонисій усугублялъ свой подвигъ, по мѣре того какъ подвигался къ цѣли своего странствія, и уже какъ безтелесный совершенно покорилъ плоть свою духу; по истине, могъ онъ сказать съ Апостоломъ: не я болѣе живу, но живетъ во мне Христосъ (Гал. II. 20.) Со времени водворенія своего въ пустыню никогда не оставался онъ праздным отъ духовнаго дѣланія, но всегда полагалъ восхожденіе въ сердце своемъ, доколѣ не достигъ желаемаго; всегда готовый имѣлъ онъ свѣтильникъ, чая пришествія безсмертнаго жениха и, въ самой глубокой старости, нисколько не оставлялъ прежняго подвига и божественной службы; дни за днями, подобно ступенямъ, приближали его къ Богу.

Однажды призвалъ онъ возлюбленнаго ученика Амфилохія и сказалъ ему: «нынѣ вижу время отшествія моего уже при дверяхъ; тебѣ же, другъ мой и сверстникъ, повелѣлъ Господь еще жить; покрой тѣло мое землею и персть отдай персти, а самъ пребывай на этомъ мѣстѣ, держась духовнаго житія и творя память моему смиренію. По

изнемогай, чадо, въ болѣзняхъ и воздыханіяхъ на всякій день, чая скоро разлучиться отсель, и теки на почесть вышняго званія, во Христѣ Іисусѣ. Вспоминай и сіе слово Господне: когда исполните все повелѣнное вамъ, – говорите, что вы только рабы ничего не стоющіе (Лук. XVII, 10), ибо кто изъ насъ можетъ когда либо заплатить долгъ, коимъ должны мы Владыкѣ Христу?—Богатый обнищалъ онъ ради насъ, дабы мы нищетою его обогатились и безстрастный пострадалъ, дабы насъ освободить отъ страстей; воспоминая о томъ, плѣняй всякое твое помышленіе въ послушаніе Христово».

Плакалъ Амфилохій, о предстоящемъ разлученіи съ добрымъ учителемъ, и сквозь слезы говорилъ: «о духовный отче, ты самъ отходишь на покой, меня же оставляешь въ скорби; помолись Господу да и меня спутникомъ возмешь съ собою изъ сей жизни;» но Діонисій съ кротостію отвѣчалъ: «и я, духовное мое чадо, много о томъ молилъ Господа, чтобы не разлучаться намъ другъ отъ друга; но узналъ отъ его благодати, что тебѣ еще не подобаетъ нынѣ оставить міръ, потому что не довольно ты подвизался, для полученія приготовленной тебѣ награды. Долго еще тебѣ трудиться на этомъ мѣстѣ послѣ моего преставленія; какъ видѣлъ ты мое попеченіе о избранномъ стадѣ Христовомъ, такъ и ты позаботься, во дни твоей жизни, пася и надзирая и возводя къ духовному разумѣнію вѣренное тебѣ стадо, и вотъ уже пред-

стоитъ дѣлатель винограда, воздать тебѣ мзду свою».

Послѣ сей прощальной бесѣды, Діонисій велѣлъ ученику своему идти къ себѣ въ келлію; принявъ благословеніе онъ удалился, но въ тайнѣ, вмѣстѣ съ Макаріемъ, смотрѣлъ сквозь скважину двери, что будетъ дѣлать ихъ старецъ? — Возсталъ преподобный и, поднявъ руки къ небу, произнесъ молитву: «Владыко человѣколюбче, пріими меня въ вѣчное твое селеніе и не помяни моихъ согрѣшеній, вольныхъ и невольныхъ, и сохрани рабовъ твоихъ въ сей обители, избавляя ихъ отъ всякаго навѣта вражія, да прославится имя твое святое.» Преклонивъ колѣна, помолился онъ и пречистой Дѣвѣ, чтобы предстательницею была предъ сыномъ своимъ и Богомъ: «ты Матерь сладкаго моего Христа, на тебя возлагаю упованіе свое, ибо ты меня сподобила, грѣшнаго раба твоего, создать сію обитель во славу твоего имени, дабы приносилось здѣсь моленіе, о благовѣрныхъ князьяхъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ.» Послѣ молитвы старецъ сѣлъ, чтобы нѣсколько отдохнуть и сведенъ былъ въ тонкій сонъ, и вотъ внезапно послышался ему голосъ: «услышана твоя молитва о братіи и я неотступно буду отъ сей обители, охраняя ее отъ всякихъ золъ и оскудѣнія.» Воспрянулъ Св. Діонисій, радостно вострепетало сердце его отъ дивнаго гласа, обѣщавшаго ему помощь и заступленіе пречистой Богородицы, и всю ночь провелъ онъ безъ сна, воспѣвая хва-

любныя пѣсни. На разсвѣтѣ призвалъ духовнаго сподвижника своего Амфилохія, сообщилъ ему свою радость и вмѣстѣ они прославляли Бога; призвалъ и братію и сказалъ ей послѣднее назидательное слово:

«Братія, предаю васъ всемогущему Богу и пречистой Богоматери, да будетъ вамъ стѣна и прибѣжище отъ сѣти вражіей; вы же паче украшайтесь смиреніемъ, не забывайте страннолюбія, стяжите любовь нелицемѣрную, чистоту душевную и тѣлесную, ни во что вмѣняя честь и славу сего житія, но вмѣсто сего, ожидайте отъ Бога воздаянія небесныхъ и вѣчныхъ благъ.» Братія со слезами ему говорили: «духовный отецъ нашъ, самъ ты отходишь на покой, а насъ кому оставляешь? кто будетъ заботиться о душахъ нашихъ?» и съ кротостію отвѣчалъ имъ преподобный: «Богу оставляю васъ и пречистой Богоматери, старѣйшинство же вручаю присному своему ученику, усовершенствованному въ добродѣтели и во всемъ соревнующему отцу своему, смиренному Амфилохію; ему повелѣваю пасти христоименитое стадо, внимательно и право; миръ Божій да будетъ съ вами, просвѣщая и вразумляя васъ на путь истины, и я даю вамъ миръ и благословеніе. Будьте послушны наставнику вашему по слову Господню, сказанному Апостоламъ: слушающій васъ, меня слушаетъ и отметающійся васъ, меня отметается, (Лук. X. 16.) и убойтесь страшнаго гласа: отъидите отъ меня въ огнь вѣчный! (Мато. XXV.) Чада мои,

вотъ я вкратцѣ вамъ изложилъ путь истины, дабы вамъ во всемъ быть совершенными и осіяваться божественнымъ свѣтомъ».

Проливая слезы оставили его ученики, безъутѣшные о предстоящей имъ разлукѣ. Преподобному было тайное откровеніе, что чрезъ три дня отъидетъ ко Господу, и онъ началъ безмолвствовать. Съ 29-го Мая впалъ онъ въ тѣлесный недугъ и почувствовалъ конечное разрѣшеніе души отъ тѣла; готовый предать духъ свой желанному Христу, Діонисій призвалъ еще однажды священный соборъ учениковъ своихъ; лице его сіяло уже небеснымъ свѣтомъ; присному своему Макарію, велѣлъ онъ совершить божественную службу, чтобы на самый исходъ пріобщиться еще однажды тѣла и крови Христовыхъ, и повторилъ свое завѣщаніе братіи: «чтобы тѣло его погребено было на томъ мѣстѣ, гдѣ за семь лѣтъ предъ тѣмъ пекопалъ себѣ могилу, да не упразднится обитель Сосновецкая, и чтобы подъ однимъ игуменомъ были оба монастыря.» (То и другое исполнилось и, при опустѣніи главнаго монастыря, уцѣлѣла смиренная обитель, гдѣ погребено его тѣло, и бывшая лавра отъ нея зависитъ). «Братія и чада, сказалъ наконецъ умирающій, если обрѣту милость у Бога, то не оставлю мѣста сего, но буду молить Господа и пречистую его Матерь, дабы не было здѣсь оскудѣнія.» Потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и давъ благословеніе всей братіи, поднялъ руки къ небу и въ молитвѣ предалъ святую

душу свою Богу. Въ ту минуту видѣлъ Амфилохій на главѣ усопшаго сіяющій вѣнецъ; лице его просвѣтилось внезапно, какъ снѣгъ, и благоуханіе пролилось отъ его трудолюбиваго тѣла.

Преподобный Діонисій скончался первое Іюня 1437 года, въ день воскресный, въ шестомъ часу дня; всѣхъ же лѣтъ его жизни было 74 года и 6 мѣсяцевъ. Писатель житія его оставилъ намъ и драгоцѣнное свѣдѣніе о его наружномъ видѣ, во свидѣтельство той истины, съ какою сохранилъ его дѣянія; онъ былъ не высокъ тѣломъ и весьма сухъ плотію, имѣлъ голову не малую и лице продолговатое, круглыя брови и тихія очи, волосы русые и до половины сѣдые, а брада его, не густая и не тонкая, спускалась до персей.

Съ подобающею честію положено было тѣло Діонисіево на погребальный одръ, и съ псалмопѣніемъ повезли его изъ лавры въ пустыню; но лошакъ, впряженный въ погребальную колесницу, остановился на пути, недалеко отъ лавры, и не хотѣлъ идти далѣе; (на этомъ мѣстѣ стоитъ теперь часовня). Былъ у преподобнаго другой любимой лошакъ; того велѣлъ привести Амфилохій и, безъ всякаго понужденія, легко довезъ онъ тѣло до пустыни, какъ бы чувствуя что воздастъ послѣдній долгъ своему господину. На другой день погребено было истлѣнное тѣло, въ избранной имъ пустынѣ, и съ тѣхъ поръ и до нынѣ истекаютъ отъ его гроба исцѣленія всѣмъ, которые призываютъ имя его съ вѣрою. Такимъ образомъ, хотя

и не желалъ преподобный никакой славы, ни въ сей жизни ни по смерти, но крѣпкая сила Божія его прославила по слову Господню: «прославляющихъ меня прославлю.» Сораспявшійся со Христомъ, сподобился отъ него дара чудесъ и, наслаждался вѣчно его лицезрѣніемъ, украсился вѣнцемъ блаженства, во странѣ живыхъ, тамъ гдѣ гласъ непрестанно празднующихъ и веселящихся жилище. Онъ подражалъ въ добродѣтельномъ житіи древнимъ праведникамъ: стяжалъ незлобіе Іаковлево и страннолюбіе Авраамово, и если освященный Савва былъ благоразсудительный строитель общаго житія въ Палестинѣ, то и сей Діонисій не составилъ ли общежитія въ нашихъ родныхъ предѣлахъ, и не процвѣла ли при немъ пустыня, какъ нѣкогда Іорданская!

Послѣ утрени и молебна, который для меня отслужили преподобнымъ Діонисію и Амфилохію, просилъ я возвратившагося въ обитель Архимандрита, показать мнѣ то что сохранилось въ ней древняго. Немногое могъ указать мнѣ осмидесятилѣтній старецъ, который, въ теченіи долгаго иноческаго поприща, занимался постоянно обновленіемъ различныхъ обителей и былъ часто переводимъ изъ одной въ другую, по его особенной опытности къ постройкамъ. Церковь преподобныхъ, въ которой совершалась служба, не весьма древняя и уже третья на мѣстѣ той, которую основалъ Св. Діо-

писій во имя Предтечи. Она сооружена въ половинѣ минувшаго столѣтія, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, которая была построена не болѣе какъ за сто лѣтъ предъ нею. Съ сѣверной стороны пристроенъ къ ней теплый придѣлъ, во имя благовѣщенія Богоматери, и на верху есть еще престолъ рождества Предтечи, на память первопачальнаго. Прежде всего привлекла мое вниманіе двойная рака угодниковъ Божіихъ, занимающая большое пространство въ церкви; она была устроена, какъ свидѣтельствуетъ надпись, усердіемъ гостя Бахтеяра Булгакова и дѣтей его Ивана и Василія, въ 1645 году, вѣроятно при строеніи второй церкви, и при ней былъ поставленъ рѣзной подсвѣчникъ, котораго теперь уже нѣтъ.

Часть отъ трости преподобнаго Діонисія и рѣзная икона Одигитріи, его трудовъ, стояли прежде при ракѣ, но теперь хранятся въ ризницѣ и я полюбопытствовалъ ихъ видѣть. Между многими древними иконами, которыми наполнена ризница, особенно замѣчательно сіе рѣзное изображеніе Богоматери; кромѣ хорошаго искуства весьма драгоцѣнно уже то, что надъ сею иконою трудился самъ преподобный. На створахъ, вѣроятно позднѣйшихъ, написаны святые Греческіе и Русскіе: изъ нашихъ, если не ошибаюсь, преподобные Сергій, Кириллъ и Димитрій Прилуцкій. Мнѣ кажется, еслибы тщательно поискать въ сей ризницѣ, хотя по видимому весьма убогой, можно бы найти и другія драгоцѣнныя иконы,

письма Діонисіева; конечно онъ предпочтительно украсилъ имя собственную обитель, а между тѣмъ всѣ почти нынѣшнія иконы въ церкви позднѣйшаго времени. Есть еще въ ризницѣ одна большая икона Богоматери, вынутая изъ иконостаса, древняя хотя и поновленная, и въ теплой, церкви у праваго клироса, акаѳистъ Божіей Матери въ лицахъ, который можетъ быть письма преподобнаго; но въ верхней церкви Предтечи нашелъ я на стѣнѣ несомнѣнную икону его письма, изображающую знаменіе Божіей Матери, съ огненными Серафимами, которая даже значится въ описаніи іерархіи, Діонисіевою, и должна бы находиться на болѣе видномъ мѣстѣ въ соборѣ.

Вотъ все, что я нашелъ замѣчательнаго въ Соловецкомъ монастырѣ, который много пострадалъ отъ пожаровъ и дважды отъ нашествія Поляковъ и Литвы, въ 1614 и 1616 годахъ; еще сохранились въ его архивѣ нѣкоторыя древнія грамоты, которыхъ мнѣ однако не удалось видѣть. Гдѣ погребенъ блаженный ученикъ преподобнаго, Ѳеодосій, который былъ однимъ изъ его преемниковъ въ Соловецкомъ монастырѣ?— неизвѣстно: вѣроятно, мѣсто его могилы утрачено при частыхъ перестройкахъ церкви. Въ соборѣ былъ погребенъ также второй изъ Епископовъ Вологодскихъ, Никонъ, въ 1514 году; первый же Епископъ Алексій, изъ настоятелей Кириллова монастыря, положенъ въ Кирилловѣ. Погребеніе Епископа Никона въ Соловецкомъ свидѣтельствуетъ, какимъ тогда уважс-

ніемъ пользовалась сія обитель. Каменная ограда, замѣнившая деревянную, съ церковью входа Господня въ Іерусалимъ надъ св. вратами, и корпусъ настоятельскихъ келлій, — все это уже вновь сооружено въ послѣднее десятилѣтіе, стараніемъ Архимандрита. Но въ обители преподобнаго Діонисія, которая служила въ свое время разсадникомъ иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ, сердце жаждало, болѣе нежели гдѣ нибудь, обрѣсти нѣчто ему современное. Съ любопытствомъ остановился я посреди двора, надъ кладеземъ, подъ деревяннымъ навѣсомъ, который могъ восходить до временъ Діонисія. Мнѣ хотѣлось бы обрѣсти и ту исполинскую сосну, давшую имя обители, подъ которою долго онъ безмолствовалъ; но хотя и не удовлетворились во многомъ мои ожиданія, однако тихая обитель Сосновецкая, въ ея дикой пустынѣ на берегу невѣдомой Глушицы, оставила въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе.

Послѣ субботней заупокойной обѣдни, настоятель проводилъ меня до бывшей Покровской лавры, и тутъ еще болѣе разочарованія меня ожидало: я окончательно убѣдился, что уже не существуетъ древняя деревянная церковь, которая такъ необычайно была выстроена, на подобіе корабля, съ своими нависшими папертями и крыльцами, а высокія ея главы давали ей видъ оснащенныхъ мачтъ. Она была срублена изъ крѣпкаго дуба, въ 90 вѣнцовъ высоты, въ исходѣ XVII вѣка, и привлекала общее вниманіе странностію своего зодчества; вся

она колебалась во время сильныхъ вѣтровъ, но это не препятствовало ея прочности, хотя и были нѣкоторыя ветхости въ написшей паперти. Въ нижнемъ ярусѣ почивали подъ спудомъ двое изъ учениковъ преподобнаго Діонисія, Макарій и Тарасій, бывшій игуменъ Пермскій. Рядомъ съ нею стояла и еще стоитъ малая деревянная церковь, во имя преподобныхъ Діонисія и Амфилохія, которая служила теплымъ соборомъ. Третій храмъ Св. Николая поставленъ былъ надъ братскими кельями, въ связи съ ними и съ широкою вокругъ папертью, а надъ св. вратами существовала церковь, во имя Соловецкихъ чудотворцевъ; въ послѣднее десятилѣтіе все это было перестроено. Новая деревянная ограда замѣнила старую, но уже безъ надворотной церкви; Николаевская совершенно разобрана, за ветхостію, и видны только глубокія ямы прежнихъ кельій. Въ память сей упраздненной церкви, сооруженъ теплый придѣлъ Св. Николая въ Покровскомъ каменномъ соборѣ, который замѣнилъ древній; храмовая его икона Богоматери, хотя и обновленная, можетъ еще относиться ко временамъ Діонисія. Все, что осталось древняго, снесено въ бывшую церковь Преподобныхъ, которая теперь празднуетъ Рождеству Христову. Тамъ есть нѣсколько древнихъ иконъ, рѣзныя царскія двери и деревянные росписные подсвѣчники, подобные тѣмъ какіе видны въ Кремлѣ, въ церкви положенія ризы Богоматери; тамъ же и гробовая рака преподобныхъ Макарія и Тарасія, надъ которою служатъ доселѣ панихиды.

Съ грустію въ сердцѣ окинулъ я живописную окрестность, съ вершины холма бывшей лавры, который господствуетъ надъ всѣми сосѣдними высотами и надъ пустынным теченіемъ Глушицы. Вдали, на другомъ холмѣ, видна каменная красивая церковь Св. Леонтія, поставленная на томъ мѣстѣ, гдѣ была обитель иноковъ, устроенная Діонисіемъ. Большое село раскинулось по другую сторону глубокаго оврага: это то самое, которое вытѣснило отсюда лавру; его начальное сосѣдство заставило, въ 1680 году, благочестиваго Епископа Вологодскаго Симона, перевести настоятеля и братію въ болѣе уединенный Сосновецкій монастырь, чтобы избавиться отъ шума поселившейся слободы, которая нарушила безмолвіе лавры. Вся Глушицкая дебрь, любимая страна Діонисія, широко развивалась предъ глазами, нѣкогда поросшая дремучими лѣсами, теперь же только усѣянная перелѣсками; изъ за нихъ видѣлись дальнія селы и между ними Бохтюга, удѣлъ благопріятствовавшаго Діонисію Князя. Вотъ у подножія холма, по дорогѣ къ Сосновцу, часовня указываетъ мѣсто, гдѣ остановился мерин или лошакъ, везшій мощи преподобнаго на погребеніе: все еще живо напоминаетъ о жительствѣ его въ сей пустынѣ, какъ будто бы не протекло четырехъ столѣтій надъ сею глухою дебрію, но уже лавра его не существуетъ; только въ Сосновцѣ, гдѣ самъ приготовилъ себѣ послѣдній пріютъ, можно еще искать остатковъ иноческаго населенія.

Но какова же была сія пустыня, когда съ духовною своею братіею, скитался по ней труженикъ Діонисій и какъ юныя лѣторасли, обѣщавшія обильный плодъ, процвѣтали около него, въ двухъ обителяхъ, такіе подвижники какъ Аѳанасій и Ѳеодосій въ Сосновцахъ, а въ лаврѣ Макарій и Тарасій Пермскій, достойные добраго своего пастыря! — И вотъ съ сего холма, какъ многоводные потоки, размножившіе иночество по всей окрестности, исходятъ Павелъ Обнорскій и Григорій Пелшемскій, Филиппъ Рабангскій и Стефанъ Озерскій, Корнилій Комельскій и столько другихъ, которые устремились во всѣ стороны основать свои обители, повсюду разнося благословеніе Діонисіево, какъ и Семигородная пустынь возникла отъ его же иконы, чрезъ невѣдомыхъ его учениковъ! Не напоминаетъ ли это лучшее время Ѳиваиды, когда вокругъ великихъ Антонія и Пахомія роились обители, или когда, въ каменистыхъ пустыняхъ Палестины, великій Евѳимій и за нимъ освященный Савва разводили свои духовные ульи надъ каждымъ потокомъ въ разсѣлинѣ скалъ, гдѣ только можно было пріютиться иноческому ихъ рою! — И у насъ была своя Ѳиваида, и у насъ своя Палестина, съ ихъ чудными патериками! — Но уже тамъ все стерла рука времени и варваровъ и разнесла самыя кости преподобныхъ; а мы еще съ утѣшеніемъ можемъ поклониться у себя нетлѣнными ихъ тѣлесамъ и внимать пѣснопѣніямъ церковнымъ, тамъ гдѣ впервые огласили ими пустыню наши Св. отцы.

Благословенна земля наша, доколѣ умѣетъ цѣнить сіи таинныя свои сокровища и содержать ихъ священныя преданія въ неизрушимомъ православіи!

Преп. Галактіонъ Вологодскій.

Если бы позволяло время, я бы охотно посѣтилъ Седмигородную пустынь, весьма благоустроенную отрасль Діонисіевой лавры, за 20 верстъ отъ Глушицы, чтобы тамъ поклониться чудотворной иконѣ Успенія; но едва я могъ надѣяться возвратиться къ вечеру въ Вологду, чтобы застать Троицкую всенощную. Уже благовѣстили, когда проѣзжалъ я мимо Прилуцкаго монастыря, за четыре версты отъ города, и опять долженъ былъ отложить его посѣщеніе до болѣе благопріятнаго времени; однако я поспѣлъ къ началу вечерней службы Пятидесятницы, въ теплomъ соборѣ Воскресенія Христова. На другой день добрый пастырь, Епископъ

Вологодскій, совершалъ самъ въ этомъ соборѣ божественную литургію и умилительно читалъ коленопреклонныя молитвы; видно было, что слова ихъ истекали прямо изъ благоговѣйной души его, къ назиданію своей паствы. Величественно было обратное его шествіе въ свои келліи, въ сопровожденіи духовенства соборнаго, по оградѣ архіерейскаго дома, какъ бы по градской стѣнѣ, потому что нѣтъ другаго сообщенія съ соборомъ, изъ его келлій. Тамъ была приготовлена гостепріимная трапеза, и мнѣ, какъ пришельцу, утѣшительно было раздѣлить ее. Вечеромъ ожидала насъ другая торжественная всенощная, въ Духовской или Спасо-каменной обители, по случаю храмоваго праздника и обновленія самаго храма, усердіемъ ея настоятеля, инспектора семинаріи. Святыя мощи благовѣрнаго Князя Іоасафа Каменскаго перенесены были въ сію обитель изъ Спасо-каменной, что на Кубенскомъ озерѣ, когда она сгорѣла и упразднилась въ 1773 году; съ тѣхъ поръ и самое имя Спасо-каменнаго усвоено было сему древнему Вологодскому монастырю Святаго Духа. Въ теплой его церкви, которая празднуетъ знаменію Богоматери и двумъ благовѣрнымъ Князьямъ, Владиміру и Александру Невскому, чествуется чудотворная икона знаменія Богоматери и стоитъ гробница знаменитаго подвижника Вологодскаго, преподобнаго Галактіона, къ молитвамъ коего имѣютъ особенное усердіе граждане, потому что онъ неоднократно являлъ имъ свое заступленіе въ бѣдахъ.

При державѣ Царя Іоанна Васильевича родился сей преподобный, именитаго рода боярскаго, отъ князя Ивана Ивановича Бѣльскаго, и нареченъ былъ во Св. крещеніи Гавріилъ; когда же родитель его подвергся царской опалѣ и преданъ былъ смерти, родственники спасли семилѣтняго отрока и утаили его въ городѣ Старицѣ, гдѣ достигъ юношескаго возраста, упражнялся во всякой добродѣтели и въ чтеніи Св. писанія. По внушенію Божію тайно оставилъ онъ Старицу и, пришедши въ предѣлы Вологодскіе, гдѣ могъ быть менѣе извѣстенъ, поселился въ посадѣ у одного чеботаря, который научилъ природнаго вельможу, утратившаго свое достояніе, сапожному ремеслу. Князь сдѣлался изрядным усмаремъ, снискивая себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ. Близъ церкви Св. мученикъ Флора и Лавра было его жилище, и тамъ мирно протекали дни его въ работѣ и молитвѣ, далеко отъ всякихъ страстей и мірскихъ треволненій. Достигнувъ совершеннолѣтія, сочетался онъ законнымъ бракомъ съ дѣвицею простаго званія, но жена его скоро скончалась, оставивъ по себѣ младенца дочь и заботы о ея воспитаніи юному еще вдовцу; въ то же время посѣтила его тѣлесная немощь, еще болѣе напоминавшая ему о непостоянствѣ всего житейскаго.

Лишившись жены Гавріилъ положилъ въ сердцѣ своемъ посвятить себя единственно на служеніе Богу, хотя и заботился о прокормленіи своего дѣтища, которое сдалъ на руки присным. Втайнѣ

возложилъ онъ на себя тяжкія вериги, помышляя о томъ лишь какъ бы ему спастися и уединиться отъ міра; внутренній человѣкъ обновлялся въ немъ по мѣрѣ того какъ изнемогалъ внѣшній, и самая болѣзнь служила ему къ очищенію помысловъ. Онъ испросилъ себѣ у гражданъ небольшое мѣсто на рѣчкѣ близъ посада, выкопалъ малый прудъ около хижины, которую самъ себѣ соорудилъ, и тамъ затворился, не оставляя ремесла своего и раздѣляя по прежнему время между трудомъ и молитвою; то, что получалъ отъ дѣла рукъ своихъ, распредѣлялъ на три части: одну подавалъ въ церкви Божіи, другую нищимъ, третьею питался самъ на своемъ пустынномъ островѣ, который обсадилъ рощею для большаго безмолвія; ночи же всѣ проводилъ во бдѣніи, молитвою отгоняя сонную лѣность; благодатію Божіею просвѣтлялся его разумъ и преуспѣвалъ онъ въ добромъ житіи. Желая умножить подвигъ, впослѣдствіи приковалъ себя желѣзною цѣпью къ стѣнѣ своей убогой храмины и уже никуда не исходилъ, принимая въ окошко приносимую ему пищу; когда же склонялъ его сонъ, не дозволялъ себѣ ложиться на ребра, но опустившись только на колѣна и держась за цѣпь, на краткое время забывался дремотою. Сухой хлѣбъ, растворенный его слезами, и опредѣленная мѣра воды, – таково было питаніе Князя Вѣльскаго, рожденнаго быть великимъ боляриномъ; такъ опала родителя послужила ко спасенію сына.

Граждане Вологодскіе, услышавъ о строгомъ

житіи отшельника, приходили къ нему за совѣтомъ, ибо ему даровано было отъ Бога слово премудрости и утѣшенія. Невѣдомо когда и какъ постригся онъ въ ангельскій образъ, измѣнивъ міръ имя свое Гавріила на иноческое Галактіона; но вѣроятно втайнѣ воспріялъ на себя рабъ Божій сей великій образъ; нестяжаніе же давно стяжалъ, имѣя одну убогую ризу, и ту власяную, и одну рогожу, на которой столялъ. Никогда не отличалъ онъ убогаго отъ богатаго, но ко всѣмъ питалъ равную любовь и всѣхъ одинаково назидалъ словомъ; велика сладость была въ рѣчахъ его, такъ что невольнымъ утѣшеніемъ исполнялось сердце каждаго, кто только внималъ ему и взиралъ на постническое его лице; правила иноческаго не измѣнилъ онъ во всѣ дни до конца жизни. Когда однажды было великое бездождіе въ предѣлахъ Вологодскихъ, Архіепископъ Кириллъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ крестами и хоругвями, всенародно пришелъ въ церковь Св. Троицы, стоявшую близъ жилища Галактіонова, и послалъ просить блаженнаго придти помолиться вмѣстѣ съ нимъ въ церковь Божію. Не смѣлъ ослушаться Архипастыря и соборнаго приглашенія подвижникъ и, расковавъ цѣпь, вопреки своему желанію, пришелъ въ храмъ на всенародную молитву. Скоро явилъ Господь милость свою и послалъ обильный дождь на жаждавшую землю; всѣ прославили Бога, дарующаго милость и такую благодать своему угоднику.

Преподобному Галактіону, исполненному помазанія Св. Духа, было однажды откровеніе Божіе о святыхъ церквахъ и градѣ Вологдѣ: тогда опять позволилъ онъ себѣ расковать цѣпь свою, но вышелъ изъ затвора въ оковахъ и, взойдя въ земскую избу, съ великимъ умиленіемъ началъ говорить людямъ для пользы ихъ душевной: «о православные, Господь послалъ на насъ свой праведный гнѣвъ и воздвигъ языкъ Польскій и Литовскій за наши согрѣшенія; вы же утвердитесь въ воздержаніи и молитвѣ и соорудите на мѣстѣ моего пребыванія единодневный храмъ, во имя знаменія пресвятыя Богородицы, бывшаго въ великомъ Новгородѣ; притеките къ ней съ истинною вѣрою и слезами, да охранитъ васъ отъ лютаго звѣря, ибо, какъ сказуетъ Апостолъ Петръ: (I посл. 1, 8), супостатъ нашъ діаволъ ходитъ, яко левъ рыкающій, искій кого поглотити. Воспротивьтесь ему единомысленно, уклонившись отъ всякихъ скверныхъ похотей, и пресвятая Богородица умолитъ Сына своего и Бога, и сохранитъ градъ нашъ Вологду отъ нашествія иноплеменныхъ, какъ нѣкогда великій Новгородъ.» Тогда нѣкто изъ именитыхъ людей, Нечай Проскуровъ, наученный лукавымъ, сталъ пересловить блаженному передъ всѣмъ народомъ: «будто бы самъ онъ только о себѣ радѣлъ и желалъ, чтобы для собственнаго его удобства соорудили храмъ на пустомъ мѣстѣ, хотя не подалеку отъ него есть церкви Св. мучениковъ Флора и Лавра и Св. Екатерины; и туда можно ходить ему

молиться. Если же ты великій старецъ умрешь, насмѣшливо присовокупилъ онъ, и храмъ твой запустѣетъ, то всему міру сдѣлаешь тѣмъ только напрасный убытокъ.»

Блаженный отвѣчалъ кощунствующему: «не о себѣ пекуся, но о градѣ вашемъ, и Божіихъ церквахъ и православныхъ людяхъ, дабы вы напрасно не погибли. Не вѣдаешь, что после меня, на томъ мѣстѣ гдѣ живу, прославится Богъ и составится обитель со многою братіею, а тобою созданная приходская церковь Св. Троицы и домъ твой, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей раззорены будутъ; травою поростетъ дворъ твой и никто изъ племени твоего тамъ обитать не будетъ.» Сказавъ сіе, въ духѣ пророчества, преподобный вышелъ изъ земской избы на площадь, предъ церковь Св. Димитрія Прилуцкаго чудотворца, и громко произнесъ: «сей великій чудотворецъ Димитрій у Спаса просилъ милости о градѣ своемъ, нынѣ же его прогнѣвали тѣмъ, что вокругъ его святилища подѣлали лавки и торгъ; вы увидите, что и сей храмъ раззоренъ будетъ и что потомъ совершится.» Отъ страшнаго сего пророчанія великая печаль распространилась по всему городу и еще болѣе начали притекать къ блаженному, вопрошая каждый о себѣ, а онъ, со слезами, иному обѣщалъ спасеніе, другому же грозилъ погибелью отъ враговъ. Божіимъ попущеніемъ скоро пришли иновѣрные въ Вологду и прежде всего сожгли храмъ Св. Димитрія Прилуцкаго, потомъ живоначальныя Тро-

ницы, съ сосѣднимъ дворомъ Почал, и весь городъ Вологду разорили, многихъ людей побили, а другихъ увели съ собою въ плѣнъ, по предсказанію святаго мужа.

Въ сію страшную годину, дочь преподобнаго, видя всеобщую гибель и не зная куда подклонить голову, устремилась къ хижинѣ отца своего; врагъ же человѣческій, завидуя добру, наустилъ нѣкоторыхъ злыхъ людей сказать: «будто бы старецъ втайнѣ укрываетъ у себя женщину;» какъ лютые звѣри вторглись они въ храмину; испуганная дѣвица спаслась отъ нихъ бѣгствомъ; нечестовые схвативъ цѣпь преподобнаго, начали влачить его по землѣ въ оковахъ и немилосердно бить, осыпая всякими поруганіями и поражая мечами. Но блаженный все перенесъ съ вѣрою и благодарилъ Бога; наконецъ его ударили по главѣ столь жестоко, что оставили за мертво. Пришедши въ себя онъ воздвигъ руки къ небу и со слезами помолился, дабы принялъ Господь душу его съ миромъ и избавилъ отъ воздушныхъ мытарствъ и тьмы вѣка сего. Онъ пребылъ еще три дня въ живыхъ и предалъ праведную свою душу Богу, Сентября въ 24 день 1611 года. Благочестивые же люди, устроивъ ему погребеніе, со свѣчами и ѳиміамомъ, положили честное его тѣло на мѣстѣ подвига, гдѣ столько лѣтъ назидалъ поученіями народъ и гдѣ по смерти не переставалъ подавать помощь притекающимъ къ нему съ вѣрою.

Нѣсколько лѣтъ спустя, по преставленіи препо-

любнаго мученика Галактіона, граждане Вологодскіе, видя различныя чудеса, отъ него проистекавшія, говорили между собою: «во истину сей преподобный былъ намъ на пользу посланъ отъ Бога и многую показалъ намъ любовь, всѣмъ изрекая правду; онъ повелѣлъ намъ создать храмъ Божіей Матери, заступницъ нашей; мы же его оскорбили и отвратились отъ него; что теперь воздадимъ ему за благія его дѣянія?» — Сказано было о сихъ рѣчахъ Архіепископу Вологодскому Варлааму и онъ, испытавъ подробно отъ благоговѣйныхъ людей о житіи преподобнаго, велѣлъ поставить на мѣстѣ его жительства церковь деревянную, во имя знаменія Богородицы, и собрать братство въ обитель около церкви, по слову пророческому блаженнаго Галактіона. Съ тѣхъ поръ непрестанныя чудеса продолжали истекать отъ его гроба, которыя записало благочестіе современниковъ для назиданія потомства; бравшіе землю изъ его гробницы и черпавшіе воду изъ кладезя имъ ископаннаго, получали исцѣленіе отъ своихъ недуговъ, наипаче разслабленные и бѣснуемые.

Однажды долгое время шли проливные дожди; жители Вологды вспомнили, какъ еще при жизни преподобнаго, тогдашній Архіепископъ Корнилій просилъ его придти въ соборный храмъ, вмѣстѣ съ народомъ, помолиться о прекращеніи засухи. Обнадеженные симъ случаемъ, они убѣдили Архіепископа Маркелла, идти крестнымъ ходомъ ко гробу блаженнаго Галактіона, дабы его подвигнуть на

молитву о вёдре. Исполнилъ добрый пастырь желаніе паствы и, послѣ хода и молебствія, внезапно престала непогода. Съ тѣхъ поръ учрежденъ былъ ежегодный крестный ходъ изъ собора въ обитель пресвятыя Богородицы, на гробницу преподобнаго Галактіона, въ ознаменованіе бывшаго чуда, и во время молебствія много бывало исцѣленій надъ прикасавшимися молитвенно къ той цѣпи, которою подвижникъ приковывалъ себя къ стѣнѣ. — Такую благодать даровалъ Господь своему угоднику!

Кирилловъ монастырь.

Въ Духовъ день, рано послѣ обѣдни, оставилъ я опять Вологду, чтобы довершить дальнее свое богомолье, въ обитель преподобнаго Кирилла. И на сей разъ измѣнила мнѣ погода, преслѣдуя меня непрестающимъ дождемъ до крайней точки моего странствія, такъ что я не могъ насладиться живописнымъ видомъ Кубенскаго озера, ни посѣтить обители Спасо-каменной, на утесѣ посреди его широкихъ водъ. Много селъ и деревень оживляютъ веселую прибрежную дорогу; въ селеніи Новлянскомъ, почти на половинѣ пути, остановился я для краткаго отдыха, покамѣсть мѣняли ло-

шалей, и здѣсь меня тронула патріархальность отношеній, которая сохранилась между помѣщиками и крестьянами. Деревня, весьма богатая по своимъ торговымъ промысламъ, отчасти принадлежитъ дальней моей родственницѣ, мнѣ однофамильной; народъ толпился на улицѣ потому что это былъ приходскій ихъ праздникъ. Меня радушно приняли въ прекрасномъ домѣ бывшаго старосты который откупился на волю. Явился и настоящій староста, и ничего не хотѣлъ взять съ меня за прогоны, говоря, что это есть обязанность сельскаго общества возить своихъ помѣщиковъ или даже ихъ присныхъ. Между тѣмъ взошелъ въ комнату богатый купецъ, уроженецъ того же селенія, который взялъ на полмилліона подрядовъ по желѣзной дорогѣ и, послѣ долгаго отсутствія, пріѣхалъ посѣтить родину. Почтенный старикъ, весьма широко расположившись на диванѣ, приглашалъ меня сѣсть, чтобы воспользоваться угощеніемъ хозяина; но, при столь свободномъ по видимому обращеніи, сказалъ мнѣ весьма замѣчательное слово: «намъ пріятно тебя видѣть у насъ, потому что до сихъ поръ никто изъ твоего рода не бывалъ въ нашемъ селеніи. Вотъ уже около двадцати лѣтъ какъ я откупился, еще отъ матери нашей помѣщицы, но все таки я почитаю себя какъ бы ея крѣпостнымъ и всѣхъ насъ своими господами, какъ будто есть между нами что то свое родное, и въ столицѣ всегда бываю у нашей барыни.» Не заслуживаетъ ли вниманія такая простодушная рѣчь въ устахъ человѣка, кото-

раго конечно ничего не могло заставить лѣстить мимоѣзжему путнику, и едва ли мы гдѣ либо встрѣтимся на жизненной дорогѣ!

Съ разсвѣтомъ начала проясняться погода, и я въѣхалъ въ предѣлы Новгородскіе, которые обозначились лѣсистыми болотами и озерами. Мрачный характеръ губерніи таковъ же на самомъ отдаленномъ краю ея, за семь сотъ верстъ отъ великаго Новгорода, какъ и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Волнообразными холмами подымалась почва земли, иногда каменистая, и съ обѣихъ сторонъ дороги открывались озера, довольно живописныя. Съ одной изъ сихъ высотъ внезапно показалась, еще за десять верстъ, бѣлокаменная обитель Кириллова, вся обнесенная башнями какъ бы нѣкій Кремль, въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, и тотчасъ же скрылось чудное явленіе; низменныя мѣста замѣнили опять холмистую природу. Глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ первый взглядъ на лѣтописный Кирилловъ; онъ мнѣ напомнилъ по внѣшности лавру Сергіеву, напомнилъ и грознаго Іоанна, съ его обличительными посланіями инокамъ Бѣлозерскимъ, и весь царственный рядъ державныхъ богомольцевъ нашихъ, шествовавшихъ симъ путемъ, начиная отъ Темнаго Василія и до Великаго Петра, который посѣтилъ также сію обитель, тѣсно связанную съ сердцемъ Россіи, по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Многоглаголивое минувшее промѣлькало сердцу, когда сія сокровищница бывалаго мелькнула предо мною, какъ призракъ

на небосклонъ; — одушевленный давно желанным видѣніемъ, забылъ я усталость трудной дороги, и спѣшилъ достигнуть обители, доколѣ еще не ударилъ колоколъ къ поздней литургіи.

Разочарованіе слѣдовало за очарованіемъ и опять имъ смѣнялось, по мѣрѣ того какъ различные предметы и впечатлѣнія поражали взоры и сердце. Грустно мнѣ было встрѣтить острогъ подъ сводами Казанской башни, въ самыхъ вратахъ внѣшней ограды: не тѣмъ привѣтствуетъ лавра Сергіева богомольцевъ въ святыхъ своихъ вратахъ! — Потомъ, уже внутри ограды, весьма странно представилось засѣянное поле, зеленѣющее овсомъ, а кругомъ всей стѣны, зіяющая пустота дву-пруспыхъ аркъ, гдѣ бывали можетъ быть келліи. Пустырь внутри монастыря, хотя и на первомъ внѣшнемъ его дворѣ, наводилъ невольное уныніе и грустно было первое впечатлѣніе обители. Впереди тянулась другая внутренняя ограда, составленная уже собственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ въ свое время келліями, а теперь большею частію запустѣвшихъ, и эта безжизненность не располагала также въ пользу обители. Въ лѣвомъ углу, около самой стѣны, подымался одинокій холмъ, съ двумя на немъ церквами и часовнями, осѣненный столѣтними соснами и отдѣленный также невысокою оградою: это былъ особый монастырь Ивановскій, основанный по случаю рожденія Царя Іоанна, въ честь его Ангела; но не память Іоанна составляла главное достоинство сего убогаго, по видимому, участка великой лавры Кирилловой.

Не зналъ я, вступая подъ ея священную сѣнь, что это было мѣсто первыхъ подвиговъ преподобнаго ея основателя, что этотъ самый холмъ хранилъ въ недрахъ своихъ его первоначальную пещерную келлію, и что крестъ въ часовнѣ водруженъ былъ рукою самаго Кирилла;—иначе бы я взглянулъ на эту малую пустынь, посреди болѣе обширной пустыни внутреннихъ дворовъ бывшей лавры, и къ ней бы устремился прежде нежели взойти подъ своды святыхъ воротъ, увѣнчанныхъ церковію.

Тутъ встрѣтился мнѣ намѣстникъ монастыря, который видѣлъ меня въ Петербургѣ, когда пріѣзжалъ туда съ настоятелемъ Ново-езерской обители, и онъ весьма привѣтливо пригласилъ меня къ Архимандриту В.....у. При входѣ во внутренній дворъ монастыря, привлекъ мое вниманіе древній низменный соборъ Успенія, какъ бы сросшійся изъ нѣсколькихъ церквей, соединенныхъ въ одно священное цѣлое и увѣнчанныхъ множествомъ куполовъ; онъ отчасти вросъ уже въ землю, подъ гнетомъ вѣковъ, и этотъ тяжкій отпечатокъ столѣтій придавалъ особое величіе зданію, не украшенному благолѣпіемъ зодчества. Безъ многочисленныхъ своихъ пристроекъ соборъ Кирилловъ напоминаетъ Троицкій, который также вросъ бы въ землю, если бы не стоялъ на маковкѣ холма; но въ лаврѣ много другихъ разнообразныхъ храмовъ, всякаго зодчества и всѣхъ вѣковъ, разсѣяно внутри обширной ограды; здѣсь же всѣ церкви сосредоточены въ одномъ

мѣсть и напрасно ищутъ взоры другаго болѣе высокаго храма, который бы соотвѣтствовалъ громкой молвѣ знаменитой обители, ибо теплая трапезная церковь совсѣмъ незамѣчательна снаружи; но многое заключается въ маломъ по видимому соборѣ, если обозрѣть его съ лѣтописью въ рукахъ и съ сердцемъ исполненнымъ его воспоминаній.

Четыре маститые кедра стояли какъ бы на стражѣ древней лавры, предъ настоятельскими келліями, и мрачный видъ сихъ пришельцевъ Ливанскихъ соотвѣтствовалъ пустотѣ заглохшаго двора, гдѣ проростала трава по бывшимъ тропамъ, отъ недостатка ходящихъ; — никто не выглядывалъ изъ безчисленныхъ оконъ келлій, ограждавшихъ дворъ; ихъ считалось до семи сотъ, во дни славы Кирилловой обители, и только въ нѣкоторыхъ теперь есть жилье человѣческое: такъ измѣнился Кирилловъ, далеко отставшій отъ лавры Сергіевой, съ которою долго равнялся, — опять грустное впечатлѣніе замѣнило то отрадное чувство, которое возбудилъ во мнѣ видъ собора. Радушно принялъ меня и помѣстилъ у себя въ келліяхъ добрый настоятель. Болѣзненный, онъ оставилъ ученую ректорскую должность, чтобы изъ дальняго Иркутска переселиться на болѣе родной ему сѣверъ; любовь его къ уединенію и занятіямъ ученымъ, нашла себѣ удовлетвореніе въ Кирилловѣ, гдѣ съ пользою разбираетъ онъ древнюю разстроенную библіотеку. Весьма счастливо, что опытная рука его коснулась оной послѣ вѣковаго запустѣнія, но уже не много

ущелье древних рукописей. Однако суровый климат тяжел ревностному настоятелю, который усиливается поднять обитель изъ ея тяжкаго положенія, и не легкое это дѣло, при постоянной борьбѣ его съ недугомъ и недостаткомъ средствъ въ столь обширномъ монастырѣ. Посреди нашей бесѣды, искренней, хотя и въ первый разъ встрѣтились мы другъ друга, потому что оба говорили въ простотѣ сердца, ударили въ колоколъ къ поздней литургіи, и я поспѣшилъ въ церковь, но прежде хотѣлъ поклониться гробу преподобнаго Кирилла. Чтобы лучше понять самую обитель, должно познакомиться съ жизнію и характеромъ великаго ея основателя, потому что духъ его какъ будто перешелъ въ его преемниковъ и имѣлъ необходимое вліяніе на послѣдующія событія.

Св. Кириллъ Бѣлозерскій.

Отъ благочестивыхъ родителей родился Кириллъ, въ престольной Москвѣ; мірское имя его было Кось-

ма; съ дѣтства воспитанъ былъ онъ въ благоговѣніи и познаніи священнаго писанія; это духовное образованіе которымъ онъ самъ воспользовался, сдѣлалось духовнымъ наслѣдіемъ иноковъ его обители. Родители его, при своей кончинѣ, поручили юношу сроднику своему, Тимовею Волуевичу, который служилъ окольничимъ у Великаго Князя Димитрія Донскаго и превосходилъ честію и богатствомъ многихъ бояръ; но богатства вельможи не имѣли вліянія на юнаго сироту, который вперилъ всю свою мысль къ Богу, и постоянно прилежа къ церкви, въ постѣ и молитвѣ, ничего больше не желалъ, какъ постриженія иноческаго. Видя его добродѣтель, возрастающую съ годами, боярин приблизилъ къ себѣ юношу и даже поставилъ его надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ; но и это не измѣнило мыслей любителя безмолвія, а только огорчило его заботою, что труднѣе будетъ ему достигнуть желаемой цѣли; на Бога возложилъ онъ печаль свою и Богу, провидѣвшему великаго подвижника въ юномъ Косьмѣ, благоугодно было споспѣшествовать ему къ достиженію иночества.

Случилось игумену Махры Стефану, мужу извѣстному по своей добродѣтели, посѣтить столицу. Давно ожидалъ его прихода много о немъ слышавшій Косьма, и со слезами открылъ ему свою тайную мысль, прося чтобы не отринулъ его, ради Господа, неотрпнувшаго ни единаго отъ грѣшниковъ. Умилился Стефанъ, при видѣ такого усердія и, прозрѣвъ въ немъ избранный сосудъ Свя-

таго Духа, утѣшилъ, обѣщая исполнить его желаніе. Они стали размышлять между собою: какимъ образомъ совершить постриженіе? потому что боярин Тимоѳей никакъ бы на то не согласился. Преподобный Стефанъ рѣшился просто облечь юношу въ рясофоръ и, назвавъ его Кирилломъ, предоставилъ прочее на волю Божію. Самъ онъ пришелъ къ боярину; Тимоѳей, обрадованный посвященіемъ, съ честію встрѣтилъ его въ дверяхъ своего дома и просилъ себѣ благословенія. «Богомолецъ твой Кириллъ благословляетъ тебя,» сказалъ ему Стефанъ, и когда съ изумленіемъ спросилъ боярин, кто сей Кириллъ?—игуменъ отвѣчалъ ему: «Косьма, бывшій твой сродникъ, нынѣ же инокъ, работающій Господу и о насъ молящійся.»

Тяжко показалось слово сіе боярину; исполненный скорби сказалъ онъ досадительную рѣчь Стефану: преподобный же, не переступая порога, возразилъ: «повелѣно намъ отъ Спаса нашего Господа Іисуса Христа, пребывать тамъ, гдѣ насъ послушаютъ и пріемлютъ, а если нѣтъ, то отрясать и прахъ, прилѣпившійся къ ногамъ нашимъ, во свидѣтельство не пріемлющимъ насъ.» (Матѳ. X.) Стефанъ удалился; но боголюбивая жена боярина, услышавъ такое слово, болѣе Христово нежели Стефаново, начала упрашевать мужа своего: какъ могъ оскорбить такого старца? и боярин, раскаявшись, послалъ возвратить его. Оба они взаимно испросили другъ у друга прощеніе; боярин позволилъ нареченному Кириллу исполнить желаніе его сердца и возрадовался Сте-

фанъ, что пріобрѣлъ брата; онъ возвѣстилъ о томъ новому иноку, который для исполненія своего обѣта, раздалъ все свое имущество нищимъ, не подумавъ даже что-либо себѣ оставить на время старости, ради тѣлесныя немощи.

Прежде нежели возвратиться на Махру, игуменъ Стефанъ привелъ новаго инока въ обитель Симоновскую, только-что основанную на новомъ мѣстѣ архимандритомъ Ѳеодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія. Съ радостію принялъ онъ Кирилла и совершенно облекъ его въ иноческій образъ, поручивъ наблюденію старца Михаила, который проводилъ весьма строгую жизнь въ обители и въ послѣдствіи былъ Епископомъ города Смоленска. Возревновалъ Кириллъ житію своего старца и, видя его чрезвычайные труды, старался при непрестанномъ послушаніи во всемъ ему подражать: сладостнымъ казался ему постъ и нагота въ зимнее время теплотою; изнуреніемъ плоти просвѣщалъ онъ свою душу и почти не вѣдалъ сна; онъ просилъ старца позволить ему вкушать пищу только черезъ два или три дня, но не допустилъ сего опытный наставникъ, повелѣвъ ему разлѣлять трапезу вмѣстѣ съ братіею, хотя и не до сытости. Проведя всю ночь въ чтеніи псалтыря съ многочисленными поклонами, при первомъ ударѣ въ колоколъ, прежде всѣхъ онъ обрѣтался въ церкви на утреннемъ пѣніи; искушенія же бѣсовскія устранялъ отъ себя въ кельи, именемъ Іисусовымъ и знаменіемъ крестнымъ. Спустя нѣсколько времени, Архимандритъ па-

значилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ, и тамъ онъ еще болѣе сталъ подвизаться: самъ носилъ воду, рубилъ дрова и, разнося теплые хлѣбы братіи, принималъ вмѣсто нихъ теплыя себѣ молитвы, похваляемый всѣми за свое неутомимое рвеніе; немилостивымъ былъ онъ только къ своей плоти, дабы по слову апостольскому, при изнеможеніи тѣла быть сильну духомъ.

Случалось, по временамъ, преподобному Сергію приходить въ обитель Симоновскую, для посѣщенія племянника своего Ѳеодора, но прежде всѣхъ искалъ онъ Кирилла въ хлѣбнѣ и долгое время бесѣдовалъ съ нимъ о пользѣ душевной; оба они взаимно воздѣлывали духовную браздy: одинъ, посѣвая сѣмена добродѣтели, другой же напоя ихъ слезами, дабы по выраженію псаломному, радостію пожать посѣянное слезами. Изумлялась вся братія: какимъ образомъ великій Сергій, оставивъ настоятеля и всѣхъ иноковъ, занимался однимъ лишь Кирилломъ? но не завидовали юноши, разумѣя его добродѣтель. Изъ хлѣбни перешелъ онъ, по волѣ настоятеля, въ поварню и тамъ не менѣе подвизался, зрѣлищемъ временнаго огня возбуждаемый къ памяти вѣчнаго, неугасимаго. «Терпи Кириллъ, говорилъ онъ самъ себѣ, дабы симъ огнемъ избѣжать тамошняго;» такое умиленіе даровалъ ему Богъ, что и хлѣба имъ испеченнаго не могъ онъ вкушать безъ слезъ, и вся братія на него смотрѣли не какъ на человѣка, а какъ на Ангела Божія.

Смутился общимъ вниманіемъ смиренный Кириллъ и началъ юродствовать, чтобы избѣжать суетныхъ почестей; настоятель, замѣтивъ юродство, возложилъ на него сороко-дневную эпитимію: съ радостію принялъ ее Кириллъ и подвергся впослѣдствіи еще болѣе строгому наказанію: какъ гордые радуются почести, такъ смиренномудрые безчестію; настоятель узналъ наконецъ, что не ради гордости, а ради смиренія, юродствуетъ Кириллъ и сдѣлался снисходительнѣе. Пришелъ ему помыслъ, проситься изъ поварни въ келлію, не для покоя а больше для безмолвія, и помолился онъ пречистой Дѣвѣ, чтобы устроила ему сіе на пользу. Въ то же время пришло на мысль и Архимандриту, списать для себя нѣкую книгу; — онъ велѣлъ юному иноку заняться келейно симъ писаніемъ; однако Кириллъ началъ замѣчать за собою, что въ ночныхъ молитвахъ не столько уже имѣлъ умиленія, сколько бывало въ поварнѣ, не смотря на многолюдство; посему онъ просилъ со слезами Матерь Божію, возвратить ему прежнее умиленіе, и опять настоятель повелѣлъ ему заниматься въ поварнѣ. Съ радостію повиновался преподобный и еще девять лѣтъ пребылъ въ этой трудной службѣ, днемъ опаляемый огнемъ, ночью же страдалъ отъ холода, но не дозволялъ себѣ одѣться чѣмъ-либо теплымъ. После сего Архимандритъ, хотя и противъ воли, привелъ Кирилла къ Архіерею, чтобы посвятилъ его въ санъ священническій и тутъ началась новая служба преподобнаго, ибо строго исполнялъ чреды священно-

служенія, не оставлялъ онъ и прежнихъ монастырскихъ работъ, въ хлѣбнѣ и поварнѣ.

Вскорѣ Архимандритъ Ѳеодоръ избранъ былъ Епископомъ въ Ростовъ, а на его мѣсто въ Симоновъ возвели преподобнаго Кирилла, не внимая слезамъ его и отрицанію. Памятуя слово евангельское, что кому дано будетъ много, много отъ того и взыщется, новый настоятель предалъ себя еще большимъ трудамъ, не превозносясь честію своего сана; онъ оставался тѣмъ же какимъ былъ и прежде, во всякомъ смиреніи и любви, почитая старшихъ какъ братію свою и младшихъ лаская какъ дѣтей. Отовсюду стали стекаться къ нему князья и вельможи, ради духовной бесѣды, пресѣкая его безмолвіе; посему помыслилъ онъ оставить начальство и затвориться въ келлію, хотя и много умоляла его братія остаться съ ними, но Кириллъ не хотѣлъ болѣе имѣть попеченія о внѣшнемъ. Такъ какъ не возможно было оставаться обители безъ настоятеля, возвели на архимандрію нѣкоего Сергія, который въ послѣдствіи сдѣланъ былъ Епископомъ въ Рязань. Но чѣмъ болѣе избѣгалъ преподобный славы человѣческой, тѣмъ болѣе прославлялъ его Богъ; чрезвычайное было къ нему стеченіе народа, потому-что слово его растворялось солію духовною въ сладость слушающимъ.

Позавидовалъ новый Архимандритъ славѣ блаженнаго и возненавидѣлъ на него; преподобный же, ни мало тѣмъ не оскорбившись, далъ мѣсто гнѣву и удалился на безмолвіе, въ бывшій монастырь Рож-

дества Богоматери на старом Симоновѣ; онъ помышлялъ куда-бы дальше еще укрыться отъ молвы житейской и усердно о томъ молился пречистой Дѣвѣ. Былъ у него обычай, въ глубокій вечеръ послѣ келейнаго правила, читать еще акаѳистъ прежде нежели сидя вкусить не много сна. Однажды, когда пѣлъ акаѳистъ предъ иконою Владычицы и дошелъ до осьмаго кондака: «странное рождество видѣвши, устрашимся міра и умъ на небо преложимъ,» внезапно услышалъ онъ голосъ: «Кириллъ изыди отсюда и иди на Бѣлоозеро; тамъ тебѣ я приготовила мѣсто, гдѣ можешь спастися.» Вмѣстѣ съ симъ гласомъ, возсіялъ свѣтъ великій отъ полуночной страны; преподобный отворилъ оконце своей кельи и увидѣлъ, какъ-бы перстомъ указываемое ему мѣсто, гдѣ теперь стоитъ монастырь. — Радостію исполнилось его сердце, отъ гласа и видѣнія, и всю ночь пребылъ онъ на молитвѣ, но уже ночь сія была для него какъ-бы пресвѣтлый день.

Спустя немного времени пришелъ къ нему съ Бѣла-озера, инокъ Ѳерапонтъ, вмѣстѣ съ нимъ постриженный въ Симоновѣ, и сталъ его разспрашивать Кириллъ: «есть ли мѣсто на Бѣломъ озерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать?»—«Много тамъ такихъ мѣстъ къ уединенію,» отвѣчалъ Ѳерапонтъ, но преподобный не открылъ ему своего видѣнія. По взаимному согласію вышли они, изъ стараго Симонова, въ дальній путь на Бѣло-озеро и, послѣ многихъ трудныхъ дней странствія, достигли нако-

нецъ желаемой цѣли; но сколько ни обходили тамъ пустынныхъ мѣстъ, ни одного изъ нихъ не возлюбилъ преподобный для своего жительства; онъ все искалъ то, которое указано было ему свыше и наконецъ обрѣлъ. Внезапно узналъ Кириллъ мѣсто сіе, какъ бы давно уже ему знакомое, и возлюбивъ сердцемъ, молитвенно воскликнулъ: «се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣсь вселюся, ибо Пречистая соизволила мѣсту сему; благословенъ Господь Богъ, услышавшій мое моленіе.» Тутъ водрузилъ онъ крестъ, на заѣтномъ холмѣ, и воспѣлъ благодарный канонъ пречистой Дѣвѣ; тогда только открылъ собесѣднику Ѳерапонту таинственное свое видѣніе, указавшее ему мѣсто сіе, и вмѣстѣ они прославили Бога. Подвижники сперва поставили себѣ кущу, потомъ начали копать келлію въ землѣ, но проведя нѣсколько времени вмѣстѣ, разлучились для большаго уединенія. Блаженный Кириллъ остался на своемъ мѣстѣ, Ѳерапонтъ же удалился за пятнадцать поприщъ, на другое озеро, и тамъ соорудилъ церковь и монастырь, во имя Рождества Богоматери.

Мѣсто, на которомъ водворился преподобный Кириллъ, было почти со всѣхъ сторонъ окружено водою и густой боръ рось на этой малой площадкѣ, гдѣ никогда не было жилья человѣческаго. Земледѣлецъ Исаія, недалеко оттуда жившій, разсказывалъ, что за много лѣтъ до пришествія Кирилла, слышался на томъ мѣстѣ звонъ и какъ бы пѣніе ликовъ; многіе приходили на голосъ этого

звона, дабы увѣдать откуда происходитъ онъ, и съ удивленіемъ возвращались, ничего не видя. Въ подземной своей келліи подвизался святой отшельникъ противъ козней невидимаго врага; иногда только приходили къ нему два крестьянина изъ окрестныхъ мѣстъ, Авксентій и Матѳей, бывшій потомъ пономаремъ его обители; съ ними обходилъ онъ пустыню. Случилось однажды, по навѣту вражію, столь тяжкій сонъ сталъ одолѣвать преподобнаго, что онъ долженъ былъ прилечь и просилъ спутниковъ своихъ посидѣть около него, доколѣ успетъ, ибо не могъ даже дойти до своей келліи; онъ простерся на землю подъ высокимъ деревомъ, но едва только закрылъ глаза, какъ услышалъ голосъ: «бѣги Кириллъ!» Воспрянувъ отъ необычайнаго голоса, отскочилъ онъ отъ того мѣста, и въ ту же минуту упало поперегъ огромное дерево. Преподобный уразумѣлъ лесть діавольскую; онъ молилъ Господа, чтобы отнятъ былъ отъ него столь тяжкій сонъ, и съ тѣхъ поръ по многимъ днямъ могъ пребывать безъ спа, бдѣніемъ побѣждая козни вражія.

Въ другой разъ, когда рубилъ лѣсъ, очищая мѣсто для огорода и собиралъ хворостъ, отъ жара и сухости загорѣлись сучья; вѣтромъ поднявшійся дымъ отовсюду окружилъ святаго, такъ что не зналъ уже какъ избѣжать огня и дыма. Внезапно онъ видитъ предъ собою мужа, въ образѣ его покровителя Тимоѳея, который, взявши его за руку, сказалъ: «иди вслѣдъ меня,» и вслѣдъ за нимъ

онъ вынесъ изъ среды огня: такъ образы его детства благодатно повторялись ему въ спасительныхъ видѣніяхъ. Еще одно сильное искушеніе постигло преподобнаго: не вдалекѣ отъ уединенной его келліи, жилъ поселянинъ, которому непріятно было его сосѣдство. Наученный діаволомъ, задумалъ онъ сжечь келлію святаго, но внезапный ужасъ нападалъ на злоумышленника всякой разъ когда хотѣлъ исполнить адскій свой помыслъ. Однажды уже приложилъ огонь къ стѣнѣ и бѣжалъ, но остановившись не вдалекѣ, увидѣлъ что зажженный имъ огонь погасъ самъ собою. Тогда съ чувствомъ раскаянія, палъ къ ногамъ блаженнаго, исповѣдуя ему свою вину, и кротко отпустилъ его Кириллъ; но вскорѣ возвратился къ нему тотъ же человѣкъ, убѣдительно прося постричь его въ иноческій образъ, и до конца своей жизни пребылъ въ послушаніи у преподобнаго.

Не много времени спустя пришли къ нему два инока, любимые имъ, изъ Симоновой обители, Зеведей и Діонисій; это было первое утѣшеніе, которое имѣлъ въ своей пустыни; онъ принялъ ихъ съ любовію и позволилъ жить вмѣстѣ съ собою. Потомъ пришелъ оттуда и третій инокъ, Наѳанаилъ, который въ послѣдствіи былъ келаремъ его обители, а послѣ уже многіе начали къ нему стекаться, прося пострижения; Кириллъ, чувствуя, что для него уже прошло время безмолвія въ пустынѣ, началъ свободно всѣхъ принимать, сподобляя ихъ ангельскаго образа. При умноженіи братіи по-

чувствовалась необходимость церкви для общаго собранія и всѣ иноки просили его соорудить имъ церковь; но такъ какъ мѣсто далеко отстояло отъ жилья человѣческаго, не откуда было достать древодѣлей. Преподобный, по всегдашнему своему обычаю, обратился прежде всего къ пресвятой Дѣвѣ, возлагая все на ея благую волю, и вскорѣ, никѣмъ не званные, пришли сами собою древодѣли, которые срубили церковь, во имя успенія Богоматери.

Когда же распространилось по окрестности, что и церковь поставлена и скоро будетъ тутъ обитель, огласилась молва, будто бы Кириллъ, какъ бывшій архимандритъ Симоновой обители, принесъ съ собою изъ столицы множество денегъ. Нѣкто боярин Ѳеодоръ позавидовалъ мнимому богатству и ночью подослалъ разбойниковъ овладѣть имъ. Приблизившись къ обители увидѣли они множество людей, стрѣляющихъ изъ луковъ, и долго пережидая, чтобы удалились; наконецъ сами ушли, не сдѣлавъ никакого зла. Въ слѣдующую ночь разбойники увидѣли то же явленіе и еще болѣе показалось имъ людей ратныхъ вокругъ обители; со страхомъ бѣжали они возвѣстить о томъ подославшему ихъ боярину. Изумился Ѳеодоръ и полагая, что кто либо изъ вельможъ пришелъ посѣтить преподобнаго Кирилла, послалъ въ монастырь провѣдать, кто были посѣтители? но услышалъ что болѣе недѣли никого тамъ не было. Тогда только пришелъ въ чувство и уразумѣлъ, что сама Пречистая покрываетъ угодника Божія.

Онъ поспѣшилъ въ обитель и со слезами исповѣдалъ предъ нимъ грѣхъ свой; святой же, утѣшая его, сказалъ: «вѣрь мнѣ, чадо Ѳеодоръ, что я не имѣю ничего въ жизни сей, кромѣ ризы, которую на мнѣ видишь и не много книжицъ». Съ тѣхъ поръ боярин возымѣлъ большую вѣру къ блаженному Кириллу и, когда посѣщалъ его, всегда приносилъ ему рыбы или что либо отъ своей ловитвы.

Слава великаго подвижника распространялась и въ дальніе предѣлы. Тогда пришелъ къ нему молчальникъ Игнатій, мужъ совершенной добродѣтели, который проводилъ столь суровое житіе, что не было ему подобныхъ между братіею; онъ служилъ для нихъ образцемъ послѣ самаго Кирилла. Говорятъ о немъ, что въ теченіи тридцати лѣтъ своей труженической жизни, никогда не ложился онъ для отдыха, но стоя и нѣсколько прислонясь, вкушалъ не много сна; нищета же его и нестяжательность достигли высшей степени.

Когда братство возросло преподобный Кириллъ учредилъ для него строгій уставъ, чтобы каждый пребывалъ въ чинѣ своемъ, въ службахъ церковныхъ, и не дерзалъ бесѣдовать въ церкви или исходить прежде конца богослуженія. Самъ онъ никогда не позволялъ себѣ сидѣть въ церкви и ноги его были какъ неподвижные столпы. За трапезою монастырскою не было слышно бесѣды и пища была самая умѣренная, изъ двухъ только сваренныхъ; питіемъ же служила одна лишь вода. Изъ

за трапезы всѣ молча расходились, не уклонялись ни на какія бесѣды или въ келліи одинъ къ другому. Такъ глубоко вкоренена была любовь къ своей келліи каждому изъ учениковъ Кирилловыхъ, что когда одному изъ нихъ Мартиніану, (бывшему въ послѣдствіи настоятелемъ обители Ферапонтовой), случилось зайти послѣ трапезы въ келлію другаго брата, старецъ спросилъ его: зачѣмъ нарушаетъ чинъ монастырскій? Мартиніанъ отвѣчалъ ему съ улыбкою: «боюсь, что когда однажды взойду къ себѣ въ келлію, уже не въ силахъ буду съ нею разстаться, а я имѣю дѣло до брата». Но и тутъ возразилъ ему Кириллъ: «прежде иди въ свою келлію, чтобы сотворить тамъ должную молитву, а потомъ уже къ брату, ибо твоя келлія тебя всему научитъ.» Никто въ обители не смѣлъ получать писемъ или даровъ мимо преподобнаго; къ нему приносили нераспечатанныя письма и безъ его благословенія ничего не могли посылать. Никто также не смѣлъ называть что либо своимъ, даже у себя въ келліи; серебро же и золото хранились только въ казнѣ монастырской, откуда братія получала все нужное. Даже, если кто хотѣлъ утолить жажду, нигдѣ не могъ получить воды, кромѣ какъ въ трапезѣ, ибо въ келліи не позволено было держать ни хлѣба ни воды для питья, ничего кромѣ иконы и книги, и потому двери были отверсты. Всѣ иноки старались, со смиреніемъ и любовію предварять одинъ другаго на службѣ церковной, или на работѣ монастырской, трудясь не для че-

ловьковъ а для Бога, и чуждо имъ было всякое празднословіе; все совершалось у нихъ молча. Преподобный служилъ для всѣхъ образцемъ и, запрещая другимъ роскошь, самъ носилъ рубище. Иногда, по старой памяти трудовъ Симоновскихъ, приходилъ онъ въ поварню помогать служителямъ, въ приготовленіи братской пищи, и строго запретилъ всякій хмѣльной напитокъ у себя въ обители.

Сердце его до такой степени проникнуто было любовію къ Богу, что при служеніи божественной литургіи и во время чтеній церковныхъ, не могъ воздерживаться отъ благоговѣйныхъ слезъ и особенно много проливалъ ихъ у себя въ кельіи, при совершеніи обычнаго правила. Когда случался недостатокъ въ хлѣбѣ и братія понуждала его послать просить подаянія, къ кому либо изъ христолюбивыхъ сосѣдей, съ теплою вѣрою возражалъ онъ: «если Богъ и Пречистая забудутъ насъ на этомъ мѣстѣ, то что еще оставаться въ здѣшней жизни»? Такъ научалъ онъ братію не докучать милостынею мірянамъ; но у него былъ ученикъ, по имени Антоній, опытный въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ; его посылалъ онъ, однажды въ годъ, закупить все нужное для монастыря, въ прочее же время никто не исходилъ изъ обители, а если присылалась какая либо милостыня, съ любовію ее принимали какъ даръ Божій.

Супруга Князя Можайскаго и Бѣлозерскаго, въ отчинѣ коего стояла обитель, Княгиня Агрипина, имѣла особенную вѣру къ блаженному Кириллу.

Однажды въ постъ хотѣла она угостить братію рыбною пищею, но преподобный никакъ не согласился дозволить такое нарушеніе правилъ, говоря: «что если самъ онъ подастъ примѣръ къ разоренію устава монастырскаго, который имъ учрежденъ, то не будутъ ли послѣ его смерти ссылаться на то, что самъ Кириллъ дозволялъ въ посты ѣсть рыбу». Княгиня удалилась, похваляя его твердость.

Господь наградилъ своего угодника даромъ прозорливости, такъ что онъ могъ читать тайныя помышленія учениковъ своихъ. Нѣкто Ѳеодоръ, привлеченный молвою о святой жизни преподобнаго, пожелалъ вступить въ число братіи, но спустя нѣсколько времени, врагъ человѣческій внушилъ ему такую ненависть къ святому Кириллу, что не только не могъ видѣть его, но даже слышать его голоса. Смущаемый помыслами, пришелъ онъ къ строгому старцу Игнатію молчальнику, исповѣдать ему тяжкое состояніе свое духа и что, по ненависти къ Кириллу, хочетъ оставить обитель. Игнатій нѣсколько его утѣшилъ и укрѣпилъ молитвою, убѣдивъ остаться на испытаніе еще одинъ годъ; но годъ миновался а ненависть не угасла. Ѳеодоръ рѣшился открыть свой тайный помыслъ самому Кириллу, но взошедши въ его келлію, устыдился его сѣдины и ничего не могъ выговорить. Онъ уже хотѣлъ выдти изъ келліи, когда прозорливый старецъ, уразумѣвъ то что таилось въ душѣ его, самъ началъ говорить о ненависти, какую питалъ

къ нему Ѳеодоръ. Терзаемый совѣстію инокъ припалъ къ его ногамъ и молилъ простить ему согрѣшеніе, но Святой съ кротостію отвѣчалъ: «не скорби братъ мой; всѣ обо мнѣ соблазнились; ты одинъ позналъ истину и все мое недостоинство, ибо кто я грѣшный и непотребный»? Онъ отпустилъ его съ миромъ, обѣщая, что впредь уже не нападетъ на него такое искушеніе, и съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ пребывалъ въ совершенной любви у великаго Аввы.

Если кто изъ странныхъ приходилъ въ обитель, ибо многіе стекались чтобы видѣть святаго, а иные оставались и на жительство, старецъ наблюдалъ ихъ прозорливымъ окомъ и впередъ говорилъ ученикамъ своимъ, кто изъ пришельцевъ у него останется и кто выйдетъ изъ обители, и все сбывалось по его слову. Съ даромъ прозорливости соединилъ онъ даръ исцѣленій, которыя начали отъ него истекать еще при жизни. Нѣкто Аѳанасій, изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, впалъ въ совершенное разслабленіе; ему посовѣтовали обратиться за помощію къ преподобному. «Если только можешь идти къ блаженному Кириллу, попроси его помолиться о тебѣ и ты исцѣлишься,» сказалъ ему одинъ благоговѣйный человѣкъ. Съ вѣрою послалъ онъ просить старческой молитвы и выздоровѣлъ, при окропленіи святой водою, которую послалъ ему преподобный.

Вдова Князя Карголомскаго Іоанна, уже многіе годы лишившаяся зрѣнія, просила святаго о

ней помолиться и внезапно прозрѣла отъ долголѣтней слѣпоты.

Даже заочно исцѣлилъ онъ одного боярина, по имени Романа, явившись ему въ топкомъ снѣ, во время тяжкой его болѣзни; по слову старца, болящій послалъ въ его обитель за святою водою, и отъ ея вкушенія получилъ здравіе. Когда же исцѣленный пришелъ самъ въ обитель, изумился онъ, узнавъ въ святомъ Кириллѣ того чуднаго старца, который являлся ему во снѣ. Однажды, въ праздникъ Богоявленія, принесли въ обитель разслабленнаго, который надѣялся получить исцѣленіе, погрузившись въ Іордань, но уже не засталъ освященія воды; преподобный велѣлъ ему и послѣ съ вѣрою погрузиться въ воду, и дѣйствительно онъ исцѣлился при троекратномъ погруженіи, какъ нѣкогда Неемапъ Сиріянинъ.

О вѣрности, съ которою описаны случившіяся исцѣленія, можно судить по слѣдующему примѣру. Слѣпая женщина была приведена къ святому, уже три года лишенная зрѣнія, и просила о ней помолиться. Преподобный Кириллъ помазалъ ей глаза, освященною водою, и хотѣлъ испытать помиловалъ ли ее Господь.— «Что ты видишь?» спросилъ онъ женщину. «Вижу книгу, которую ты держишь, отвѣчала она, вижу озеро и людей ходящихъ;» такъ мало по малу, начала она видѣть около себя предметы, какъ прозрѣвшій слѣпецъ евангелія, которому сперва показались люди какъ ходящія древеса. (Марк. VIII, 24.)

Пришелъ однажды къ святому Кириллу, человѣкъ изъ сосѣдняго селенія и просилъ помолиться о его больномъ товарищѣ, у котораго изъ устъ и ноздрей текла кровавая пѣна; но старецъ, милостивый ко всѣмъ, на сей разъ, по духу прозорливости, не хотѣлъ оказать милосердія болящему и даже не позволилъ ему лежать за оградою; другу же, о немъ докучавшему, сказалъ: «повѣрь мнѣ, чадо, что болѣзнь сія приключилась не отъ случая, но въ наказаніе за его прелюбодѣйство; если обѣщается исправиться, вѣрую, что Господь его исцѣлитъ; если же нѣтъ, то еще горше пострадаетъ.» Когда передано было слово сіе больному, устрашился онъ обличенія и обѣщалъ исправиться; отъ чистаго сердца исповѣдалъ онъ всѣ свои согрѣшенія святому и по его молитвѣ исцѣлился, не только тѣлесно но и душевно, принявъ эпитимію для очищенія грѣховъ.

Много иныхъ, всякаго рода болящихъ, слѣпыхъ, бѣсуемыхъ и разслабленныхъ, приводимо было къ святому Кириллу, по свидѣтельству его учениковъ, и всѣхъ онъ исцѣлялъ, помазуя ихъ только освященною водою или елеемъ; здравыми возвращались они въ дома свои, благодаря Бога и угодника его Кирилла. Но вотъ случай, въ которомъ чудодѣйственная сила исцѣленій, по данной ему благодати, восходила даже до воскресенія мертвыхъ. Въ обитель принесли человѣка, одержимаго тяжкою болѣзнію, который только просилъ, чтобы его постригли предъ смертью; преподобный не отринулъ

благочестиваго желанія и облекъ его въ иноческій образъ, съ именемъ Далмата; чрезъ нѣсколько дней сталъ онъ кончаться и просилъ пріобщенія святыхъ таинъ, но священникъ замедлилъ совершеніемъ литургіи и когда принесъ святыя дары въ келлію, болящій уже скончался. Смятенный іерей посѣщилъ возвѣстить о томъ преподобному и весьма огорчился святый Кириллъ; скоро затворилъ онъ окошце своей келліи и сталъ на молитву. Немного спустя пришелъ келейникъ, служившій Далмату, и постучавъ въ окошце возвѣстилъ блаженному, что Далматъ живъ еще и проситъ причаститься. Немедленно послалъ Кириллъ за священникомъ, чтобы пріобщить брата и хотя тотъ былъ увѣренъ, что уже умеръ Далматъ, не хотѣлъ однако прекословить святому. Но сколь велико было его удивленіе, когда увидѣлъ Далмата, сидящаго на постели! — какъ только онъ пріобщился святыхъ таинъ, сталъ прощаться со всею братіею и тихо отошелъ къ Господу.

Не однимъ лишь даромъ исцѣленій прославилъ Господь своего угодника, но и другими чудесами. Не достало однажды вина для церковной службы, а нужно было совершать литургію; священникъ пришелъ сказать о томъ святому Кириллу, и онъ спросилъ пономаря Нифонта, дѣйствительно ли нѣтъ вина? — Услышавши же отъ него, что нѣтъ, какъ бы сомнѣвался, велѣлъ принести тотъ сосудъ, въ которомъ было всегда вино. Повиновался Нифонтъ, и съ изумленіемъ принесъ сосудъ, до того пре-

полненный вина, что оно даже изливалось, и долгое время не оскудѣвало вино въ сосудѣ, какъ нѣкогда елей у вдовицы, по слову Пророка Иліи.

Случился голодъ въ окрестности, народъ отовсюду стекался въ обитель, гдѣ милосердно раздавался всякому хлѣбъ, хотя и не было тогда еще у монастыря селъ, откуда бы можно было добывать хлѣбъ; все что имѣлось было только плодомъ трудовъ братскихъ, и приносимой милостыни едва было достаточно для нихъ самихъ. Но не смотря на то, чѣмъ болѣе раздавалось хлѣба, тѣмъ болѣе умножался его запасъ, такъ что и самые хлѣбники уразумѣли бывшее чудо, «Кириллъ, умножившій вино для литургіи, умножилъ и хлѣбы, для пропитанія гладныхъ, помощію Богоматери,» говорили они, и такъ продолжалось до новаго хлѣба; если иногда случалось, въ послѣдствіи, въ чемъ-либо оскудѣніе, братія даже не приходили утруждать о томъ настоятеля, зная что по его молитвѣ, все даровано будетъ отъ Бога.

Самъ преподобный, исполненный твердою вѣрою къ Господу и пречистой его Матери, неоднократно являлъ свою нестяжательность. Боярин Романъ, имѣвшій къ нему большую довѣренность, ежегодно снабжалъ обитель пятьюдесятью мѣрами жита; пришло ему на мысль упрочить даръ, записавъ село въ пользу обители, и онъ послалъ дарственную грамоту на имя Кирилла; но святой, получивъ грамоту, размыслилъ самъ съ собою: если будемъ держать селы, произойдетъ отъ нихъ толь-

ко молва и забота братіи и нарушится безмолвіе, будутъ у насъ посельцы и рядники; не лучше ли намъ жить безъ селъ? ибо душа единаго брата дороже всего имѣнія Такъ любомудрствовала благоговѣйная душа; отославъ дарственную грамоту боярину, преподобный написалъ ему: «если тебѣ угодно, человѣкъ Божій, дать село въ домъ Пречистыя, на пропитаніе братіи, то вмѣсто пятидесяти мѣръ жита, которыя доселѣ намъ даешь, отпускай ихъ сто если можешь; мы будемъ довольны, а селами своими владѣй самъ, ибо намъ они не нужны и не полезны для братіи.»

Такъ велика была забота преподобнаго о душевномъ спасеніи братіи; не менѣе заботился онъ и о тѣлесномъ ихъ спасеніи, въ минуту опасности. Случилось ученикамъ, по волѣ его, идти ловить рыбу на озеро; страшная буря застигла ихъ на срединѣ, такъ что волны перебѣгали чрезъ ладью и угрожала смерть. Человѣкъ, стоявшій на берегу, видя ихъ опасность, поспѣшилъ увѣдомить преподобнаго и святой Кириллъ, взявъ въ руки крестъ, устремился къ берегу; знаменіемъ крестнымъ мгновенно успокоились волны и спасенные благополучно пристали къ берегу. Случился пожаръ въ обители и братія не могли погасить его, потому что пламя отовсюду объяло зданіе; но святой, взявъ съ вѣрою крестъ, устремился прямо туда, гдѣ горѣли келліи. Мірянинъ, бывшій въ обители, посмѣялся тщетному рвенію старца, видя что уже невозможно погасить пламя; но пре-

подобный, ставъ со крестомъ прямо противъ огня, возпесъ къ Богу молитвы, болѣе горящія нежели самое пламя, и огонь, какъ бы устыдившись его молитвъ, внезапно угасъ; въ ту же минуту гнѣвъ Божій поразилъ того, кто попосялъ святаго: внезапно ослабѣли всѣ его члены; позналъ онъ свое прегрѣшеніе и просилъ помилованія, и тѣмъ же знаменіемъ креста, предъ которымъ остановилось пламя, возвратилъ преподобный здравіе покаявшемуся.

Молва о чудесахъ его далеко распространилась: Князь Бѣлевскій Михаилъ, съ супругою Маріею, восемь лѣтъ скорбѣли о своемъ безчадіи и услышавъ, что Господь пріемлетъ всѣ молитвы преподобнаго, послали къ нему двухъ бояръ, просить его молитвы о разрѣшеніи ихъ неплодія. Прозорливый Кириллъ, еще не раскрывъ грамоты княжеской, встрѣтилъ посланныхъ утѣшительнымъ словомъ: «поелику, чада мои, совершили вы трудный путь, вѣрую Господу и пречистой его Матери, что трудъ вашъ не останется тщетнымъ и дастъ Богъ Князю вашему плодъ чадородія.» Въ ту же ночь увидѣлъ Князь Михаилъ во снѣ святаго старца, украшеннаго сѣдинами, съ тремя сосудами въ рукахъ, который сказалъ ему: «пріими отъ меня то чего ты просилъ.» То же явленіе было и Княгинѣ Маріи и оба супруга, съ радостію, открыли одинъ другому свое видѣніе. Послѣ трехъ дней преподобный повелѣлъ келарю отпустить посланныхъ бояръ и дать имъ только полтора хлѣба въ путь,

хотя съ ними было до восьми человѣкъ. Изумившись такой скудости, просили они прибавить имъ хлѣба и рыбы, ради дальняго пути и пустынныхъ мѣстъ, но святой отпустилъ ихъ съ миромъ, говоря, что и этого съ нихъ достаточно будетъ. Дѣйствительно, на первомъ ночлегѣ, убѣдились они въ неистощимости своихъ запасовъ и, послѣ десятидневнаго пути, принесли ихъ даже къ своему Князю. Посланные сказали ему слово Кириллово, «да не скорбитъ, ибо даруетъ ему Господь то чего проситъ,» и радостію исполнились Князь и Княгиня; съ вѣрою приняли они, какъ бы нѣкое освященіе, оставшійся отъ пути хлѣбъ, дали вкусить отъ него всѣмъ своимъ домашнимъ, и всѣ страдавшіе, какими бы то ни было недугами въ ихъ домѣ, внезапно исцѣлились. У Князя Михаила родилось два сына и одна дочь, предназначенные тремя сосудами, и съ тѣхъ поръ великую имѣлъ онъ вѣру къ преподобному, снабжая милостынею его обитель; Княгиня Марія, сама разсказала все что съ ними было, одному изъ достовѣрныхъ иноковъ Кирилловыхъ, строгому молчальнику Игнатію, который лично передалъ о томъ писателю житія преподобнаго.

Много было, подобно сему Игнатію, учениковъ у святаго, знаменитыхъ святостію жизни; въ числѣ ихъ Германъ, котораго послушаніемъ была ловитва рыбы; съ благословеніемъ преподобнаго, никогда не возвращался онъ съ пустыми руками, когда былъ отъ него посылаемъ, и всегда добывалъ до-

вольно для трапезы братской, хотя ловилъ только удицею; неводомъ дозволялъ Кириллъ ловить только на храмовой праздникъ успенія, ради множества приходящихъ; такова была его умѣренность во всемъ. Германъ, до послѣдняго дня своей жизни, пребывалъ въ непрестанныхъ трудахъ, не оставляя ни одной церковной службы, и послѣ блаженной кончины явился, въ ночномъ видѣніи, другу своему Димитрію, съ которымъ былъ связанъ узами духовной любви. Какъ сей Димитрій посѣщалъ его во время болѣзни, такъ и Германъ, уже за предѣлами гроба, хотѣлъ утѣшить посѣщеніемъ друга, впавшаго въ тяжкую болѣзнь. «Не скорби, братъ Димитрій, сказалъ онъ болящему, еще одинъ день, и ты къ намъ также переїдешь.» Возрадовался Димитрій посѣщенію духовнаго брата, объявилъ о предреченной ему кончинѣ, и въ назначенный день отошелъ къ Господу, оставивъ по себѣ память своихъ добродѣтелей.

Ученикъ его Христофоръ, который былъ въ послѣдствіи настоятелемъ обители Кирилловой, имѣлъ брата роднаго Сосипатра, и тотъ впалъ въ тяжкій недугъ. Видя его изнемогающимъ, Христофоръ поспѣшилъ къ преподобному Кириллу возвѣстить, что братъ его уже умираетъ, но преподобный улыбнувшись отвѣчалъ: «повѣрь мнѣ, чадо Христофоръ, что ни одинъ изъ васъ прежде меня не умретъ; послѣ же моего отшествія, многіе изъ васъ пойдутъ вслѣдъ за мною,» что вскорѣ потомъ и случилось, ибо тогда большая была смертность вокругъ монасты-

ри: но никто изъ братіи не заболѣлъ при жизни святаго старца, и даже Сосипатръ всталъ отъ своего недуга. Таковы были великія дарованія святаго, данныя ему ради великой его любви къ Богу, по слову Спасителя: «просите и дастся вамъ.» (Мат. VII. 7) ибо это было сказано не однимъ его ученикамъ, но и всѣмъ вѣрующимъ, а преподобный Кириллъ, именемъ Христовымъ, совершалъ чудныя дѣла.

Посланія и ученики преподобнаго Кирилла.

Намъ остались три посланія преподобнаго къ Державнымъ его времени, которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи, какое внушалъ онъ высокимъ своимъ житіемъ. Великому Князю Василію, сыну Донскаго, изъявляетъ онъ свое изумленіе: какимъ образомъ, будучи властителемъ всея земли Русскія, вспомнилъ Князь о рабѣ недостойномъ, не только имени но и житія иноческаго, и отъ славы міра преклонился къ его нищетѣ? — Но при такомъ униженіи, хотя не чувствуетъ себя до-

стойнымъ возноситъ за него молитвы къ Богу, однако назидаетъ Князя и словомъ пастырскимъ. «Бога ради, пишетъ онъ, внемли себѣ и всему княженію, надъ которымъ поставилъ тебя Духъ Святый пасти людей, искупленныхъ кровію Христовою. Чѣмъ большей сподобился ты власти отъ Бога, тѣмъ большему подлежишь воздаянію. Воздай же благодѣтелю долгъ, храня его святыя заповѣди, и уклонялись пути ведущаго къ погибели. Какъ бываетъ на кораблях, что если соблазнится насмникъ, одинъ изъ простыхъ гребцовъ, то малый вредъ сотворитъ плавающимъ, если же кормчій, тогда всему кораблю сотворяетъ пагубу; такъ если кто и отъ боляръ согрѣшитъ, не всѣмъ людямъ, но себѣ одному дѣлаетъ вредъ, а если самъ Князь, то наноситъ вредъ всѣмъ людямъ, подъ нимъ состоящимъ; и такъ не возвышайся временною славою къ суетному шатанію, ибо малъ и кратокъ здѣшній вѣкъ и съ плотію сопряжена смерть. Да слышалъ я, Князь Великій, что великое у тебя смятеніе съ твоими сродниками, Князьями Суздальскими, и отъ того выходитъ кровопролитіе между христіанами .... И ты, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, ибо никакая власть не можетъ насъ избавить отъ нелицемѣрнаго суда Божія.—И такъ возлюби братію свою и всѣхъ христіанъ, и твоя вѣра къ Богу и милостыня къ нищимъ пріятны будутъ Господу.»

Брату Великаго Князя, Юрію, писалъ также пре-

подобный, благодаря за милостыню, смиренно называя себя Кириллицемъ черничищемъ. Онъ не велитъ ему скорбѣть о болѣзни своей Княгини, но покаяться, обыскавъ внутрь себя свое сокровенное, дабы Господь помиловалъ, и тогда ручается, что проститъ ему Богъ всѣ согрѣшенія, и не велитъ скорбѣть, видя ее идущую въ безконечный покой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, преподобный умолялъ Князя не ѣздить въ монастырь, по давнему своему желанію, дабы не произвести молвы; иначе грозилъ удалиться, дабы не говорили люди, что поѣхалъ Князь, ради Кирилла; а если и былъ у нихъ въ обители братъ его, Князь Андрей, то потому лишь что это его отчина и нельзя было не ударить ему челомъ.

Третіе посланіе къ сему Князю Андрею написалъ святой Кириллъ: «что Господь, посылающій казнь за нечестіе, утоляетъ гнѣвъ свой, если кто искренно кается. Онъ внушаетъ ему быть полнымъ властелиномъ своей отчины и унимать людей своихъ отъ лихаго обычая; наблюдать, чтобы судіи судили праведно и чтобы не было корчемства, отъ котораго великая пагуба душамъ христіанскимъ, чтобы уняли разбои и татьбу, и самъ бы онъ не лѣнился давать управу своимъ людямъ и удерживался отъ всякаго праздная слова, подавая тѣмъ примѣръ своимъ вельможамъ, и не лѣностно бы посѣщалъ церковь, со страхомъ и трепетомъ предстоя Господу, какъ бы на небесахъ, поелику церковь есть земное небо и въ ней совершаются таинства Христовы.»

Видя себя изнемогающимъ отъ старости и частыя свои болѣзни, написалъ онъ послѣднее посланіе или духовное завѣщаніе тому же Князю Андрею, ради утвержденія общаго житія, о которомъ много заботился, чтобы не раззорилось послѣ его кончины. «Во имя Святыя и живоначальныя Троицы: се азъ грѣшный и смиренный игуменъ Кириллъ, вижу, что постигла меня старость и впалъ я въ частыя различныя болѣзни, которыми нынѣ одержимъ; но сіе есть человѣколюбіе отъ Бога, ко мнѣ бывающее, ибо нынѣ познаю, что ни что иное не возвѣщается мнѣ кромѣ смерти и страшнаго суда Спасова въ будущемъ вѣкѣ. Смутилось во мнѣ сердце мое, ради грознаго исхода, и страхъ смерти напалъ на меня; боязнь и трепетъ страшнаго судилища *пришли на меня и покрыла меня тьма* недоумѣнія. Что сотворить мнѣ не вѣдаю, но только возвергшу, по слову пророческому, печаль свою на Господа, дабы онъ сотворилъ со мною, по святой своей волѣ, ибо хочетъ онъ, чтобы всѣ человѣки спаслись и въ разумъ истины пришли.

По сему, послѣднимъ моимъ писаніемъ, предаю монастырь трудовъ своихъ и всей братіи, Богу и Царицѣ небесной, и господину духовному моему сыну, Андрею Дмитріевичу, дабы промышлялъ онъ и заботился о домѣ Пречистой. Духовнаго сына моего, священно-инока Иннокентія, благословляю въ свое мѣсто, быть игуменомъ. Ты же, Князь Андрей, Бога ради и пречистой Богородицы, и ради своего спасенія и меня, нищаго твоего бо-

гомольца, вспомни, какую ты любовь имѣлъ къ пречистой Богоматери и къ моей нищетѣ, при моей жизни, и по моемъ отшествіи имѣй ту же вѣру и любовь къ монастырю Пречистыя и свой привѣтъ къ сыну моему Иннокентію и ко всей братіи, которые будутъ жить по моему преданію и имѣть повиновеніе къ игумену. А если кто не захочетъ жить по моему преданію и станетъ что-либо разорять въ монастырѣ, отъ общаго житія и устава, и не повиноваться игумену, о такомъ со слезами молю и благословляю тебя, своего Господина и духовнаго сына, да не попустишь чтобы сіе было, но да будутъ наипаче изгнаны изъ монастыря ропотники и раскольники, которые не захотятъ игумену повиноваться и жить по моему образу жизни, дабы и прочая братія страхъ имѣла. Милость же Божія и пречистой Богоматери, да будетъ всегда съ тобою и съ твоею благочестивою Княгинею и дарованными тебѣ отъ Бога чадами.»

Посему и благочестивый Князь Андрей особенно заботился, чтобы ни одна изъ заповѣдей преподобнаго не была нарушена, ибо онъ имѣлъ великую вѣру и любовь къ обители Кирилловой и, послѣ кончины блаженнаго, не только даровалъ большія угодья монастырю, но старался всячески украсить церковь успенія Богоматери и снабдилъ ее многими иконами и книгами, которыя доселѣ видятся въ обители.

Не задолго до кончины, призвалъ святой Кириллъ весь соборъ братій своей обители, которыхъ

считалось тогда пятьдесятъ три, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ Господу, каждый противъ своей силы, и предъ всѣми вручилъ строеніе монастырское одному изъ учениковъ своихъ, Иннокентію, нарекши его игуменомъ, хотя и вопреки его желанію; онъ призвалъ во свидѣтели Бога, дабы ничто не разорилось отъ устава монастырскаго, но все бы оставалось такъ какъ было при немъ, а самъ пожелалъ крайняго безмолвія, чтобы еще до смерти любомудрствовать въ келліи. Отъ великихъ подвиговъ уже не могли служить ему ноги въ стояніяхъ церковныхъ; сидя совершалъ онъ келейное правило, но никогда молитва не переставала въ устахъ его, ибо онъ ничего не хотѣлъ оставить отъ положеннаго устава, хотя измѣняли ему силы тѣлесныя и съ большимъ трудомъ изрѣдка лишь могъ совершать божественную литургію; когда же крайне изнемогалъ, ученики приносили его на рукахъ въ церковь.

Настала пятидесятница и въ послѣдній разъ совершилъ онъ божественную службу; въ Духовъ же день, когда праздновалась память его Ангела, святаго Кирилла Александрійскаго, крѣпкій душею сталъ совершенно изнемогать тѣломъ. Вся братія со слезами стеклась къ нему въ келлію, желая съ нимъ и умереть; нѣкоторые говорили ему: «если ты насъ оставишь, отче, то и мѣсто опустѣетъ, ибо многіе переселятся изъ сего монастыря;» но святой отвѣчалъ имъ: «не скорбите о семъ, а паче по сему разумѣйте, если стяжу нѣкоторое дерзновеніе

и дѣланіе мое угодно будетъ Богу, то не только не оскудѣетъ мѣсто сіе святое, но и больше распространится по моемъ отшествіи; только любовь имѣйте между собою.» – Видно, что сіе предсмертное слово глубоко запечатлѣлось въ сердцѣ братіи, ибо оно съ тѣхъ поръ всегда пишется, на всѣхъ иконахъ преподобнаго, на хартіи которую держитъ въ рукѣ.

Рыданія не прекращались; святой, желая утѣшить плачущихъ, говорилъ имъ: «не скорбите братія и чада, въ день моего покоя, ибо мнѣ уже насталъ часъ почить о Господѣ. Предаю васъ Богу и пречистой Богоматери, да сохранятъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, и сынъ мой Иннокентій да будетъ игумномъ на мое мѣсто; имѣйте его вмѣсто меня, и онъ исполнитъ ваши недостатки». Много иное говорилъ онъ еще ради утѣшенія, самъ же находился въ такой радости, какъ будто кто изъ чуждыхъ и далекихъ странъ, возвращался въ свое отечество; онъ веселился надеждою будущихъ благъ и одну только имѣлъ заботу, чтобы ничто не разстроилось отъ общаго житія и не было раздоровъ между братіи. Иноки, цѣлуя его со слезами, просили послѣдняго благословенія, и онъ, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ благословлялъ, прощалъ ихъ и взаимно просилъ себѣ прощенія. Въ самую минуту разрѣшенія тѣлеснаго союза, успѣлъ онъ еще пріобщиться животворящихъ тайнъ Христовыхъ и, съ молитвою на устахъ, тихо предалъ Господу трудолюбивую свою

душу. Всѣми чувствуемое благоуханіе внезапно распространилось по келліи, и лице его просвѣтилось еще болѣе нежели при жизни; не было на немъ ничего мертвеннаго. Съ плачемъ положили ученики тѣло любимаго отца своего, на одръ погребальный и, понесли въ церковь съ пѣніемъ псаломнымъ.

Въ ту самую минуту, когда это происходило, служитель преподобнаго Авксентіи, который былъ изъ первыхъ жильцовъ его пустыни, находился на селѣ, страдая отъ жестокой лихорадки; какъ бы въ нѣкоемъ изступленіи, отъ сильнаго жара, видитъ онъ предъ собою блаженнаго, съ крестомъ въ рукѣ, и вмѣстѣ съ нимъ другаго священника Флора, недавно скончавшагося после великихъ подвиговъ. Преподобный осѣнилъ крестомъ своего келейника и въ ту же минуту исцѣлился онъ отъ болѣзни; съ радостію устремился Авксентіи къ блаженному наставнику, чтобы возвѣстить ему о своемъ здравіи, незная что онъ уже преставился, и встрѣтилъ погребальное шествіе; припавши къ святымъ мощамъ, предъ всѣми исповѣдалъ онъ свое исцѣленіе, и это нѣсколько утѣшило братію. Съ честію предали они землѣ многострадальное тѣло своего аввы, Іюня въ 9-й день 1423 года. Тридцати лѣтъ былъ постриженъ въ Симоновѣ преподобный Кириллъ и прожилъ тамъ тридцать лѣтъ, пришедши на место сіе, уже на шестидесятомъ году своего возраста, прожилъ онъ еще тридцать лѣтъ; въ своей обители, доколѣ не достигъ полнаго чи-

сла девяноста. Еще болѣе чудесъ совершилось послѣ его преставленія, надъ священною его гробницею, нежели сколько самъ совершилъ онъ при жизни; всѣ они были записаны въ свое время и въ нихъ особенно видно попеченіе святаго о своей обители.

Иннокентій заступилъ его мѣсто и старался во всемъ соблюсти его заповѣди, чтобы быть достойнымъ сего избранія, ибо и самъ научился послушанію, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, у великаго молчальника Игнатія. Не прошло и одного года, послѣ кончины блаженнаго, какъ съ наступленіемъ осени вся братія, будто согласившись между собою и со святымъ Кирилломъ, вышла изъ сего житія, числомъ болѣе нежели тридцать, изъ пятидесяти трехъ, которые при немъ были. Такъ исполнилось его пророческое слово ученику своему Христофору; после ихъ всѣхъ преставился игуменъ Иннокентій, котораго мѣсто заступилъ Христофоръ.

Много написалъ онъ книгъ церковныхъ въ храмъ пресвятыя Богородицы и нисколько не превознесся отъ того, что сдѣлался настоятелемъ такой именитой обители, но старался только съ должнымъ смиренно-мудріемъ исполнять то, что видѣлъ творящимъ отца своего Кирилла; до такой степени любилъ онъ убожество въ своихъ одеждахъ, что нельзя было различить игумна отъ прочей братіи, а между тѣмъ такъ велика была его забота о убогихъ, что когда, во время междоусобныхъ браней, много православныхъ взяты были

въ плѣнъ, онъ искупалъ ихъ на деньги монастырскія и возвращалъ въ свои мѣста. Сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, ратовавшій противъ племянника своего, великаго Князя Василія, приглашалъ къ себѣ для свиданія и духовной бесѣды игумна, дважды и трижды, но онъ всегда отрекался, говоря, что не имѣетъ обычая выходить изъ ограды и не можетъ нарушить чинъ монастырскій. Князь же Юрій, удивившись его твердости, изъ уваженія къ нему, отпустилъ всѣхъ своихъ плѣнниковъ.

При настоятельствѣ сего игумена, было явленіе преподобнаго Кирилла, одному изъ братіи по имени Ѳеодосію. Еще при жизни блаженнаго приходилъ къ нему Ѳеодосій, отъ лица одного именитаго боярина Даніила Андреевича, который, по любви къ обители и святому, хотѣлъ послѣ своей смерти отказать село въ монастырь и просилъ только, чтобы Кириллъ послалъ осмотрѣть оное заблаговременно; но преподобный отвѣчалъ: «при жизни моей не требую селъ, по смерти же моей дѣлайте какъ хотите.» Иноку показалась такая рѣчь, какъ бы укорительною, и онъ скорбѣлъ на старца. Когда же увидѣлъ чудеса, какими прославлялъ Господь гробницу успѣшаго аввы, пришелъ въ чувство, и много сокрушался, что навлекъ на себя неудовольствіе такого наставника. Не много времени спустя, явился святой Кириллъ ученику своему Мартиніану, (который былъ поставленъ настоятелемъ въ Ѳеранонтовъ монастырь), и сказалъ:

«скажи брату Ѳеодосію, чтобы не скорбѣлъ и не стужалъ мнѣ болѣе, ибо я противъ него ничего не имѣю;» — утѣшился Ѳеодосій, услышавъ о своемъ прощеніи. Не трогательно ли это свидѣтельство снисходительной любви преподобнаго, даже за предѣлами гроба?

Послѣ шести-лѣтняго настоятельства, преставился смиренный Христофоръ, въ добромъ исповѣданіи своего званія. Мѣсто его заступилъ игуменъ Трифонъ, изъ постриженниковъ той же обители, мужъ разсудительный въ дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ. Когда въ 1447 году, Великій Князь Василій Васильевичъ Темный, лишенный престола и зрѣнія, по козняхъ племянника своего Шемяки, и даже связанный насильственною клятвою отреченія отъ престола предковъ, за себя и наслѣдниковъ, въ унынін духа пришелъ помолиться въ Кирилловъ монастырь, игуменъ Трифонъ, не только разрѣшилъ его отъ неправильной клятвы, но и убѣдилъ вступить опять на княженіе; очищая совѣсть его, онъ говорилъ смущенному Князю: «тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи, что ты невольно цѣловалъ крестъ Князю Димитрію Шемякѣ, а ты, Государь, поди на свое княженіе.» Такова была твердость сего великаго мужа Церкви, и подвигъ его утвердилъ на будущія времена благоговѣніе державныхъ къ обители Кирилловой и блаженному ея основателю. Имя его призывалось во свидѣтельство даже и послѣ его кончины, для скрѣпленія взаимныхъ обязательствъ между Князьями,

какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ того же Темнаго съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; такое посмертное поручительство возвышало въ глазахъ ихъ и самую обитель, которую осыпали своими дарами, принимая иногда участіе и въ избраніи ея настоятеля. Трифонъ, не менѣе своихъ предшественниковъ, заботился, чтобы ничего не разорилось изъ общежительнаго устава. Братство уже было многочисленно, но церковь, которую поставилъ самъ преподобный, мала и ветха; игуменъ сталъ помышлять, какимъ бы образомъ соорудить болѣе пространную церковь? и Господь, молитвами святаго Кирилла, помогъ ему совершить благочестивое намѣреніе.

Пришелъ къ нимъ въ обитель, одинъ изъ знаменитыхъ вельможъ, Захарія Іоанновичъ, (родоначальникъ будущаго царскаго рода Романовыхъ), и видя строгое по Богѣ житіе иноковъ Кирилловыхъ, помыслилъ, нельзя ли и ему облечься у нихъ въ одежду иноческую? но это не исполнилось; однако, отходя, много далъ онъ сребра братіи для церковнаго зданія; немедленно приступили къ дѣлу, заложили они обширную церковь и собрали много работниковъ, для скорѣйшаго ея совершенія. Между тѣмъ въ окрестности былъ сильный голодъ; народъ началъ стекаться за хлѣбомъ въ монастырь, гдѣ было подаяніе всѣмъ. Смутился келарь увидя, что кромѣ множества работниковъ, необходимыхъ для церковнаго зданія, еще собираются много праздныхъ людей для хлѣба. По не-

достатку въры началъ онъ помышлять, что недостанетъ хлѣба для приходящихъ, и началъ умалять ежедневную хлѣбную дачу; но хлѣбники съ изумленіемъ замѣтили, что по мѣрѣ умаленія хлѣба при раздачѣ, умалялись запасы его и въ житницѣ, а при болѣе обильномъ раздаваніи народу, умножались сами собою; когда же вовсе оставили раздачу, совершенно оскудѣлъ и хлѣбъ. Они возвѣстили о томъ великимъ старцамъ; игуменъ повелѣлъ всѣмъ раздавать хлѣбъ и всѣмъ его достало до новой жатвы, хотя ежедневно кормили до шести сотъ душъ.

Между тѣмъ, при множествѣ работниковъ, изъ коихъ большая часть трудилась безмездно ради единаго хлѣба, сооружилась деревянная церковь, во имя успенія Богоматери и украсилась благолѣпными иконами. Вслѣдъ за тѣмъ поставлена обширная трапеза, съ теплою церковію, и распространенъ монастырь, ибо при блаженномъ Кириллѣ все было весьма тѣсно; умноженіе братіи требовало расширенія обители. Такимъ образомъ все обновилось, кромѣ однако устава общежительнаго, который сохранился непарушимо, а между тѣмъ непрестанныя исцѣленія истекали отъ его гроба, все болѣе привлекая къ нему усердныхъ молитвенниковъ.

Князь Михаилъ Андреевичь, внукъ Донскаго, рѣшился посѣтить отчину свою Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ супругою Еленою, которая страдала ногами. Еще далеко былъ онъ отъ монастыря, когда одно-

му изъ старцевъ представилось ночью, какъ-бы на яву, что онъ стоитъ у гроба блаженнаго Кирилла, и вотъ внезапно отверзся гробъ самъ собою, вышелъ изъ него преподобный, какъ-бы живой, и сѣлъ на своемъ гробѣ, сказалъ: «чадо, не малые гости хотятъ къ намъ придти и въ скорби великой; но подобаетъ намъ помолиться за нихъ, да избавитъ ихъ Господь отъ такой скорби, ибо они наши кормители.» Святый Кириллъ, возлегъ опять на свой одръ и самъ собою затворился гробъ. Воспрянулъ старецъ и съ изумленіемъ возвѣстилъ о томъ духовному своему отцу, а чрезъ пять дней пришли благочестивые Князь и Княгиня, помолиться преподобному, и Княгиня получила исцѣленіе; обрадованный Князь, обильною милостынею наградилъ монастырь, и съ тѣхъ поръ еще большую имѣли вѣру къ Св. Кириллу.

Заболѣвъ самъ, не много времени спустя, Князь послалъ просить игумена Кассіана, который наслѣдовалъ усопшему Трифону, да помолится о немъ съ братіею, и по вѣрѣ своей исцѣлился, какъ только вкусилъ присланную отъ нихъ освященную воду. Въ то же время и его Княгиня, которая была въ опасности жизни, потому что не могла родить младенца, преждевременно умершаго въ материнской ея утробѣ, едва только окроплена была освященною водою, какъ разрѣшилась отъ бремени, уже вопреки всякаго чаянія. Посему благодарный Князь приписалъ монастырю многія земли и озера, даже села, отъ которыхъ такъ долго от-

казывался преподобный Кириллъ, и такимъ образомъ, вкладами сего Князя, еще болѣе нежели дѣяніями усерднаго отца его Андрея, обогатилось обитель святаго Кирилла.

Такъ, хотя и въ пустынѣ обиталъ блаженный, но слава его добродѣтели, какъ бы на легкихъ крилахъ облетала дальнія страны, ибо не могъ укрыться градъ на верху горы: самъ Господь прославляетъ прославляющихъ его. Съ дерзновеніемъ могъ сказать преподобный о собранныхъ имъ чадахъ, при жизни и по смерти: «се азъ и дѣти яже ми даде Богъ,» (Исаі. VIII.) ибо забота о нихъ простиралась и за предѣлами гроба. Какъ не умаляются струи живыхъ ключей, наполняя землю и утоляющія жаждущихъ прохлады, такъ не изчерпаемы исцѣленія отъ мощей святыхъ, когда не оскудѣваетъ вѣра притекающихъ. Врачи, употребивъ всѣ свои зелія, требуютъ иногда другихъ; святые же не такъ, но только единой вѣры, безъ которой все прочее ни къ чему не служитъ, по слову евангельскому: «вѣра твоя спасетъ тя, и по вѣрѣ твоей буди тебѣ.» (Лук. VIII.)

Во дни сего игумена Кассіана, который въ послѣдствіи перешелъ въ Спасо-каменную обитель, присланъ былъ въ Кириллову, горы Аѳонской ученый іеромонахъ Пахомій Логоѳетъ, отъ Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго и Митрополита Ѳеодосія, чтобы написать житіе преподобнаго Кирилла, со словъ его учениковъ, которые были свидѣтелями праведнаго житія. «Да не помыслитъ кто-либо,

говоритъ ученый Пахомій, много написавшій канововъ Русскимъ Святымъ и собравшій житія ихъ, что я, какъ пришлецъ изъ чуждой земли, не могъ дознать въ точности всего, что относилось до блаженнаго Кирилла, ибо не видалъ его собственными своими очами. Когда повелѣно мнѣ было Державнымъ идти въ обитель святаго, чтобы слышать тамъ о бывшихъ чудесахъ богоноснаго отца, много распрашивалъ я достойнаго игумена Кассіана, какъ самовидца, и иныхъ учениковъ его, о дѣяніяхъ и чудесахъ преподобнаго, ибо многіе годы съ нимъ провели. Они же, съ любовію начали бесѣдовать о житіи святаго и чудесахъ, одинъ разсказывая одно, другой другое, наипаче же много слышалъ я отъ ученика его Мартиніана, бывшаго игуменомъ Сергіевой лавры, который съ юнаго возраста жилъ при святомъ Кириллѣ и все мнѣ разсказалъ подробно и въ порядкѣ; я же слышанное собралъ воедино, да не предано будетъ забвенію праведное житіе, но да послужитъ на многіе годы, къ общей пользѣ желающихъ ему подражать.»

Намъ осталось еще другое современное свидѣтельство преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, который болѣе года подвизался въ обители Кирилловѣ, о томъ, какъ уважали ученики его память своего наставника и какъ твердо стояли за уставъ его, оставленный для ихъ руководства. Іосифъ пишетъ, въ своей духовной грамотѣ, для примѣра собственнымъ ученикамъ: что по кончинѣ блаженнаго Кирилла и ближайшихъ его преемниковъ, по-

ставленъ былъ въ его обители настоятель изъ другаго монастыря, который пренебрегъ нѣкоторыя преданія и законы святаго. Былъ въ то время въ монастырѣ старецъ святой жизни, по имени Досиеей, прозваніемъ Невѣдомицынъ, съ другими старцами, которые также любили преданія святаго Кирилла и ни сколько не молчали но возбраняли игумену; блаженный же Досиеей столько пострадалъ отъ него, что даже не однократно претерпѣлъ удары. Однажды, когда говорилъ онъ настоятелю, чтобы не развращалъ преданія святаго Кирилла, разгнѣванный столкнулъ его съ помоста трапезной церкви, такъ что онъ упалъ замертво, но когда выздоровѣлъ опять сталъ говорить настоятелю: что если хочетъ даже и смерти его предать, онъ не перестанетъ однако повторять ему тѣхъ же словъ. По удаленіи сего настоятеля избрали другаго опять изъ чужаго монастыря, но тотъ, подобно первому, пренебрегалъ преданія святаго и, любя празднословіе, позволялъ себѣ говорить въ церкви на соборномъ пѣніи и за трапезой. Старцы, бывшіе въ то время, Илія Чапей, Игнатій Бурмакъ и другіе имъ подобные, также ему въ этомъ возбраняли, хотя не однократно устремлялись на нихъ съ яростію хотѣлъ бить жезломъ и даже иногда билъ; они не переставали обличать его, доколѣ устыдившись своей жестокости удалился отъ нихъ. Потомъ, во дни Геронтія Митрополита, избрали себѣ игумена, который хотя и былъ постриженикъ Кириллова монастыря, однако многіе годы прожилъ въ

другихъ обителяхъ и также началъ развращать преданія святаго. Оскорбились старцы, но хотя и говорили ему о томъ наединѣ и соборно, однако онъ пренебрегалъ ихъ рѣчами. Тогда старѣйшіе всѣ бѣжали изъ монастыря, потому что не могли видѣть попираемыми преданія святаго Кирилла, доколѣ Князь, услышавъ о томъ, велѣлъ изгнать изъ монастыря самаго игумена и опять всѣ старцы собрались въ обитель святаго Кирилла.—Такую вѣру и любовь къ своимъ уставамъ умѣлъ онъ, не только при жизни но и по смерти, внушить своимъ ученикамъ; потому и обитель его, подобно Сергіевой, долгое время почиталась основнымъ камнемъ спасенія для всего сѣвера нашего отечества.

Церкви Кириллой обители.

Никто не указывалъ мнѣ дороги къ священному гробу преподобнаго, но сердце какъ бы говорило куда идти, и я прошелъ мимо древняго собора, въ малую церковь съ южной его стороны, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій. Въ аркѣ, между

обоихъ храмовъ, стояла подъ сѣнію сребропозлащенная рака и на ней покровъ, шитый царственными руками, изображалъ самый ликъ святаго Кирилла. Подъ сею ракою, въ недрахъ земли а не открыто, почиваетъ столь великій свѣтильникъ.— Судьбы Божіи неисповѣдимы! Отецъ всѣхъ иночествующихъ на Востокѣ, великій Антоній, велѣлъ ученикамъ втайнѣ погребсти тѣло свое, дабы не почтили его послѣ кончины, и современный ему родоначальникъ нашихъ иноковъ, въ Кіевѣ, такъ же не былъ никогда обрѣтенъ. Преподобный Кириллъ даже долгое время оставался внѣ храма, въ погребальной палаткѣ, такъ что и Царь Іоаннъ упрекалъ этимъ иноковъ Бѣлозерскихъ: «у васъ надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ! Воротынской въ церкви, а чудотворецъ за церковію; мимо чудотворца, надъ нимъ церковь»! По настоянію царскому была она построена, но и въ то время святыя мощи остались подъ землею.

Къ сожалѣнію, церковь сія показалась тѣсною, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, настоятелю обители Іакинфу Карпинскому, и онъ перестроилъ ее совершенно въ новомъ вкусѣ, не соотвѣтствующемъ главному собору, къ которому прилегаетъ. Но сребропозлащенная рака, съ ликомъ на ней преподобнаго и его дѣяніями, вычеканенными по сторонамъ, сохранилась отъ временъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Боярин его, Ѳеодоръ Ивановичь Шереметевъ, призвавшій его на царство и подъ именемъ Ѳеодосія постригшійся въ

лавръ Кирилловой, соорудилъ сію раку, какъ значится на ея подписи, и украсилъ стѣннымъ писаніемъ самую церковь. Вѣнецъ около лика украшенъ драгоцѣнными камнями, а на дробницахъ, вокругъ верхней доски, изваяны преподобные Сергій и Ѳерапонтъ, Ѳеодоръ освященный и Алексій человѣкъ Божій, (Ангелы боярина и Царя, при коемъ онъ постригся, въ 1650 году). По тогдашнему времени, рака сія стоила до двухъ тысячъ рублей и достойна именитаго рода, который всегда отличался щедростію своихъ даяній церкви.

Сказать ли впечатлѣніе, которое произвели на меня пустынная церковь преподобнаго и его одинокая рака?—При всемъ благоговѣніи, съ какимъ издавна и пламенно желалъ я поклониться гробу одного изъ величайшихъ мужей нашей Церкви, больно было видѣть оскудѣніе древней его обители и пустоту самой церкви! Быть можетъ это чувство было возбуждено во мнѣ сравненіемъ, неблагопріятнымъ для Кириллова монастыря, потому что я пріѣхалъ въ него прямо изъ лавры Троицкой, которую оставилъ въ самое многолюдное ея время при стеченіи богомольцевъ. Но въ лаврѣ видимо надъ всѣмъ господствуетъ преподобный Сергій и одинъ онъ служитъ славою и цѣлію всего, какъ солнце, испускающее повсюду лучи свои и къ себѣ привлекающее взоры всѣхъ. Соборъ Троицкій, въ которомъ почиваютъ святыя его мощи, какъ бы на царственномъ ложѣ, на предалтарныхъ ступеняхъ иконостаса, есть дѣйствительно мѣсто собранія молитвеннаго для всей бра-

тіи и богомольцевъ; тамъ совершаются ежедневно всѣ службы церковныя, утреннія и вечернія и торжественная литургія; даже самые гробы ближайшихъ учениковъ Сергіевыхъ, Никона и Михея, не лишены ранних литургіи; но не такъ въ Кирилловѣ! — Отъ сырости главнаго собора и недостатка монашествующихъ, ежедневныя службы совершаются въ теплomъ особенномъ соборѣ, во имя Введенія Богоматери, и только по праздникамъ и воскреснымъ днямъ бываютъ ранніе литургіи въ церкви преподобнаго. Священная его рака стоитъ не только внѣ собора, но даже въ заднемъ углу той церкви, которая сооружена въ память его, такъ что гробница совершенно въ сторонѣ; когда впервые взошелъ я въ сію уединенную церковь, одинъ только инокъ стоялъ въ ней на стражѣ преподобнаго, ради приходящихъ богомольцевъ. Невольно вспомнилъ я укоръ Іоанновъ древнимъ инокамъ Бѣлозерскимъ, оставившимъ такое сокровище внѣ главнаго святилища.

Не менѣе грустное впечатлѣніе произвела на меня и первая литургія, въ теплomъ соборѣ Введенія: не было тамъ богомольцевъ, одни только монашествующіе, и самая церковь, передѣлавшая изъ древней по новому вкусу, утратила благолѣпіе священной старины. Прежніе своды закрыты низкимъ потолкомъ; четвероугольный столпъ на срединѣ свидѣтельствуетъ, что здѣсь была трапеза, но теперь придвинули къ ней алтарь, такъ что столпъ приходится у самыхъ царскихъ вратъ, за-

слоняя богослуженіе, а прежній алтарь загражденъ стѣною и обращенъ въ малую ризницу Какъ можно было такъ измѣнить внутренность церкви, древнѣйшей въ обители, потому что она строена въ одно время съ соборомъ и была пространнѣе всѣхъ, по ея трапезному назначенію? — Это случилось не позже, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тщаніемъ, какъ говорится въ исторіи іерархіи, архимандрита Веніамина Жукова, если только слово тщаніе можетъ быть здѣсь умѣстно. При обновленіи храмовъ Кириллова монастыря, по мѣрѣ возрастающихъ средствъ, конечно это первый, за который должно приняться, чтобы возвратить ему древній видъ. Здѣсь, въ этой трапезной церкви, совершались царскія заздравныя и поминальныя трапезы, которыя такъ часто повторялись въ Кириллов, что для нихъ существовалъ тамъ особенный чинъ, и здѣсь возсѣдалъ вмѣстѣ съ братіею самъ грозный Іоаннъ. Изъ многочисленныхъ оконъ сей лѣтописной трапезы, открывается пустынный видъ на широкое Сиверское озеро, обтекающее съ южной стороны ограду, какъ бы въ какой либо обители Венеціанской, плавающей надъ водами; слышенъ шумъ волнъ и въ яркомъ солнцѣ видно, сквозь мрачныя рѣшетки оконъ, какъ плещутся золотыя волны, подкатываясь къ громадной стѣнѣ; это зрѣлище достойно пустыннаго величія древней обители.

Въ иконостасѣ, по необходимости понижennомъ отъ потолка, сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ

хорошаго письма; особенно замѣчательны: образъ Спасителя, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, и другой успенія Богоматери, по правую. Настоятель полагаетъ, что его можно отнести къ письму преподобнаго Діонисія Глушицкаго, искуснаго въ живописи ученика Кириллова, который сохранилъ намъ ликъ блаженнаго своего учителя; извѣстно, что его икона успенія издавна существовала въ обители и вѣроятно, при передѣлкѣ иконостаса, безъ имени художника перенесена она или поставлена опять въ теплый соборъ. Достоинъ вниманія, по своему письму, и образъ преподобнаго Кирилла, одинъ изъ древнихъ хотя это не Діонисіевъ; но все вниманіе мое обращено было къ древнѣйшей иконѣ упленія Богоматери, великолѣпно украшенной, которая поставлена на столпѣ, посреди храма. Это вкладъ благочестивой Княгини Евфросиніи, въ иночествѣ Евдокіи, супруги Князя Андрея Ивановича Старицкаго, дяди Грознаго. Позлащенная риза осыпана жемчугомъ и камнями; вѣнецъ и цаты блестятъ обиліемъ яхонтовъ, лаловъ и изумрудовъ, а на дробницахъ вокругъ иконы, унизанныхъ жемчугомъ, вычеканены Ангелы ближайшихъ родственниковъ Княгини иночицы, которая приходила помолиться преподобному Кириллу, изъ сосѣдней обители Горицкой, куда временно укрылась отъ мірской суеты и гоненій Іоанновыхъ, послѣ многихъ семейныхъ бѣдствій.

Послѣ гостепріимной трапезы, просилъ я радушнаго настоятеля показать мнѣ всѣ церкви его

обители, и онъ самъ принялъ на себя этотъ трудъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе. Одиннадцать отдѣльныхъ храмовъ считается въ Кириловѣ, кромѣ придѣловъ, но теперь въ большей части изъ нихъ бываетъ служба только въ храмовые праздники, а нѣкоторые совершенно упразднены по ветхости. Прежде всего взошли мы въ главный соборъ Успенія; прежняя его паперть частію отломана, вѣроятно чтобы сохранить отъ сырости самый соборъ, который со всѣхъ сторонъ былъ застроенъ. Подъ сводами сей древней паперти, покоилось много именитыхъ усопшихъ, которыхъ могилы теперь неизвѣстны, ибо сдвинуты и утрачены гробовыя плиты, при передѣлкѣ паперти въ концѣ минувшаго столѣтія, архимандритомъ Іакинѳомъ.

Изъ подъ широкой арки, отдѣляющей паперть отъ собора, величественно открывается весь его внутренность и древній иконостасъ, плящный по своей простотѣ, которая напоминаетъ вѣка давно минувшіе. Иконы его разставлены въ нѣсколько рядовъ на полкахъ, безъ всякой рѣзьбы или колоннъ между ними, какъ это и въ святой Софіи Новгородской и въ лаврѣ Сергіевой; столпія на поклонѣ (то есть въ низу), древняго плящнаго письма и по счастію не были обновлены. Быть можетъ еще храмовая икона успенія принадлежитъ кисти знаменитаго иконописца Андрея Рублева, который, въ тишинѣ обители Андроніевской, благоговѣйно писалъ иконы, для храмовъ Москов-

скихъ, по дни Донскаго. Въ расходной книгѣ Кириллова монастыря, 1612 года, записано: «что съ иконы успенія, письма Рублева, сняты яхонты и жемчуги на икону преподобнаго, писанную ученикомъ его Діонисіемъ;» вотъ какими благоговѣйными иконописцами могла, въ свое время, похвалиться обитель! Дѣйствительно достоинъ вниманія весь нижній ярусъ иконъ: Спасителя, пресвятыя Троицы, похвалы Богоматери, неопалимой купины и самаго преподобнаго.

Но вотъ неоцѣненное сокровище, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ кипарисномъ позлащенномъ кивотѣ: чудотворная икона Одигитріи Смоленской. Это та самая, предъ которою молился преподобный Кириллъ, когда услышалъ дивный гласъ, зовущій его на Бѣло-озеро и указывающій ему мѣсто будущей славной его обители. По сему щедро излились на нее далнія царскія и осыпана она богатѣйшими камнями, по золотой сканной ризѣ: здѣсь цѣлая лѣтопись именъ державныхъ или историческихъ. По записямъ монастырскимъ, одинъ изъ первыхъ ея украсителей былъ Владыка Пименъ, изъ старцевъ Кирилловыхъ, возведенный грознымъ Іоанномъ на каѳедру Софійскую великаго Новгорода и имъ же низложенный послѣ страшнаго разгрома его паствы; Пименъ пожертвовалъ первую ризу на образъ, а самъ Іоаннъ и супруга его Анастасія привѣсили къ ней жемчужную пелену, послѣ Казанскаго похода. Тетка Царя, вдова Князя Старицкаго, инокиня Евдокія, возложила на икону драгоцѣнную цату съ

огромнымъ топазомъ, въ голубиное лйцо, и вставила крупные яхонты и перлы въ вѣнецъ Богоматери. Было и еще нѣсколько другихъ княжескихъ жертвователей, Ангелы коихъ, вмѣстѣ съ царскими, изображены на жемчужныхъ дробницахъ иконы, промежду ликовъ Сергія, Кирилла и Діонисія, столь тѣсно связанныхъ узами духовной любви. Мы же, молитвенно взирая на сію драгоцѣнную икону, вспомнимъ таинственныя слова акаѳиста, при чтеніи коихъ былъ отъ нея гласъ къ преподобному, дабы и намъ усвоить себѣ ихъ знаменательную силу:

«Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше, сего бо ради высокій Богъ на земли явился, смиренный человѣкъ, хотяй привлещи къ высотѣ воюющія ему аллилуіа.» Сколько глубокой богословіи въ сихъ не многихъ словахъ! или какъ еще яснѣе выражено, въ службѣ того же акаѳиста: «еже отъ вѣка таинство открывается днесь и Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, да худшее воспріемь, подастъ ми лучшее. Солгася древле Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти, не бысть: человѣкъ бываетъ Богъ да Бога Адама содѣлаетъ;» (то есть: обманутъ былъ древле Адамъ, и пожелавшій сдѣлаться Богомъ, не могъ имъ быть; но самъ Богъ дѣлается человѣкомъ, чтобы сдѣлать Богомъ Адама). Не вся ли система Христіанства изображена въ сихъ краткихъ словахъ?—тутъ и духовная болѣзнь наша и соотвѣтствующее ей врачество.

По богатству вкладовъ, можно судить о усердіи Царей нашихъ къ обители Кирилловой. Среброкованныя царскія двери Успенскаго собора, съ филигранными украшеніями, пожертвованы Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, какъ о томъ гласитъ надпись подъ ихъ сѣнію, на которой изображены пресвятая Троица и тайная вечеря: «Божіею милостію, повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и его благовѣрной Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукіяновны, и благородныхъ чадъ его, сдѣланы сіи царскія двери въ Кирилловъ монастырь Успенія пресвятыя Богородицы, лѣта 7153» (отъ Р. Х. 1643). Кромѣ отраженія Литовской осады, во дни его царствованія, есть и другая причина, объясняющая особенное усердіе перваго изъ дома Романовыхъ, къ обители святаго Кирилла, и мы ее находимъ въ житіи преподобнаго. Тамъ сказано, что родоначальникъ ихъ, боярин Захарія, былъ основателемъ втораго соборнаго храма Успенія и самъ хотѣлъ постричься въ обители. Въ исторіи церковной іерархіи написано, что храмъ сей сооруженъ въ 1496 году, слѣдственно около пятидесяти лѣтъ позже настоятельства игумена Трифона, при которомъ приходилъ Захарія, но это уже третій каменный, послѣ пожара деревяннаго, какъ о томъ сохранилось устное преданіе въ Кириллов*.

Такъ иногда одно слово, нечаянно обрѣтенное въ

житіяхъ угодниковъ Божіихъ нашей Церкви, объясняетъ цѣлый рядъ историческихъ событій, и здѣсь становится понятна причина особеннаго усердія дома Романовыхъ къ обители Кирилловой, начиная съ Царицы Анастасіи, супруги Іоанна. Весьма естественно, что и Великій Князь Василій Темный, подвигнутый игуменомъ Трифономъ, искать себѣ утраченный престолъ своихъ предковъ, благоговѣлъ къ памяти блаженнаго Кирилла; если онъ нарочно присылалъ Логооета Пахомія въ обитель, чтобы написать его житіе, то вѣроятно, содѣйствовалъ и боярину Захаріи, въ созиданіи храма; усердіе державнаго перешло къ его потомству. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, расписанъ былъ соборный храмъ, по усердію дьяка патріаршаго Никифора Шипулина, который долго служилъ при его родителѣ Филаретѣ Никитичѣ и постригся въ обители, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ началѣ царствованія Алексія Михайловича, пожертвовалъ другой богатый вкладчикъ и постриженикъ сей обители, пять сотъ рублей для стѣннаго писанія паперти. Это былъ боярынъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, призывавшій на царство юнаго Михаила, участвовавшій во всѣхъ дѣлахъ правительственныхъ сего времени и, въ глубокой старости, подъ именемъ схимника Ѳеодосія, скончавшійся у мощей преподобнаго Кирилла, коего раку великолѣпно украсилъ. Но стѣнное письмо его, поврежденное отъ времени, совершенно уничтожено было въ концѣ минувшаго столѣтія, при перестройкѣ паперти, а въ са-

мой церкви не больше пятнадцати лѣтъ какъ закрыто по ветхости, новою краскою.

И сей боярин, инокъ Ѳеодосій, не безъ сердечной вины имѣлъ такое усердіе къ обители Кирилловой. Тамъ постригались нѣкоторые изъ его питомца дома, волею или неволею, во дни Іоанна; туда укрылся отъ его гоненій, дядя Ѳеодосія, знаменитый воевода Иванъ Васильевичь, прозваніемъ Бо́льшій, который неоднократно поражалъ полчища Ордынскія, Казани и Крыма, и вынужденъ былъ подъ рясою иноческою, искать себѣ спасенія отъ грозы Іоанновой. «Гдѣ сокровища твои?» спрашивалъ въ темницѣ гнѣвный Царь своего вельможу.— «Руками нищихъ я переслалъ ихъ къ моему Христу Спасу,» отвѣчалъ онъ, но и въ тишинѣ обители не укрылся отъ непріязни Іоанновой: и туда преслѣдовалъ его Царь, язвительными посланіями къ инокамъ Бѣлозерскимъ, упрекая ихъ за потворство бывшему вельможѣ.

Безъ сомнѣнія, оба сіи Шереметевы положены были въ паперти, какъ люди почетные, по обычаю того времени, ибо въ обители Кирилловой не существуетъ особенной церкви для погребенія ихъ рода; мы видимъ однако таковыя, близъ собора, сооруженныя надъ родовою усыпальницею Князей Воротынскихъ и Телятевскихъ. Не было еще тогда въ обычаѣ, надъ гробами частныхъ лицъ строить церкви, и оттого такъ горько на это жалуется Царь Іоаннъ, въ посланіи своемъ къ игумну Бѣлозерскому, потому же чувству непріязни къ

Воротынскимъ, какое питалъ и къ Шереметевымъ: «у васъ надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ, и на страшномъ судилищѣ Спасовомъ, Воротынскій да Шереметевъ выше стапутъ чудотворца Кирилла, потому что Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ крѣпче (то есть, что нарушилъ уставъ Кирилловъ). Слышалъ отъ васъ брата нѣкоего глаголющаго, яко добрѣ се сотворила Княгиня Воротынская; азъ же глаголю, яко не добрѣ; посему первое, яко гордыни есть и величанія образъ, еже подобно царской власти, церковію, гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособіе, но и пагуба, души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія; второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо чудотворца, надъ нимъ церковь, и единъ священникъ всегда приношеніе приноситъ; а того бы расхода если бы не было, все было бы вмѣстѣ и молитва совокупная и мню Богу пріятнѣе бы было.» Церковь сія, во имя равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ бы запечатлѣнная въ лѣтописяхъ укоромъ Іоанновымъ, доселѣ существуетъ, хотя и въ обновленномъ видѣ, съ сѣверной стороны собора. Не видно уже въ ней гробовыхъ плитъ, но сохранились на стѣнахъ надписи погребальныя; при входѣ въ углу: «лѣта 7054, Октября 27, (1555 года), преставился рабъ Божій, благовѣрный Князь Владиміръ Іоанновичь Воротынскій.» Это славный участникъ въ походѣ Казанскомъ, вождь царской дружины, который, во

*) Ист. Церк. Іерар. Томъ IV стр. 441.

время болѣзни Іоанновой, стоялъ крѣпко за права Государя и малолѣтнаго сына его Димитрія, противъ Князя Владиміра Андреевича и его бояръ. Онъ скончался вскорѣ послѣ несчастной поѣздки Іоанновой въ Кирилловъ, которая внезапно измѣнила характеръ Царя, когда лишился любимаго младенца. Во время успѣлъ онъ умереть, равно какъ и братъ его Александръ, участвовавшій также въ походахъ царскихъ, о которомъ гласитъ другая надгробная надпись. Іоаннъ еще посылалъ по нихъ помники и вклады въ монастырь и даже богатыя шубы на гробы ихъ, какъ значится въ запискахъ монастырскихъ.

Но вотъ и третій Воротынскій, и самый именитый Князь Михаилъ, прозванный подъ Казанью слугою Государевымъ, за свои великіе подвиги, главный воевода противъ Татаръ и первый вѣстникъ побѣды; онъ сокрушилъ подъ Москвою и полчища Девлетъ-Герея Крымскаго, когда, въ отсутствіи Іоанна, дерзнулъ Ханъ подступить къ его столицѣ. Вмѣстѣ съ Сильвестромъ и другими великими дѣятелями первыхъ славныхъ лѣтъ царствованія Іоаннова, былъ онъ сосланъ на Бѣло озеро (то есть въ Кирилловъ), гдѣ пользовался свободою и получалъ даже запасы изъ казны царской. Чрезъ три года былъ онъ прощенъ, по ходатайству Митрополита и бояръ, которые поручились, въ случаѣ его бѣгства, заплатить за него пятнадцать тысячь рублей. Но спустя десять лѣтъ, и менѣе нежели чрезъ годъ послѣ своей побѣды

надъ Крымцами, мужъ доблести и славы, оклеветанный въ ворожбѣ рабомъ своимъ, преданъ былъ на смертную муку. «Дѣдъ и отецъ мой, отвѣчалъ доблестный воинъ, посреди пытокъ, на допросы Іоанновы, научили меня ревностно служить Богу и Царю, а не бѣсу; не вѣрь злобѣ бѣглаго раба.» Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить; шестидесятилѣтняго витязя привязали къ дереву, между двухъ огней, и говорятъ, что самъ грозный подгребалъ горящіе уголья къ тѣлу страдальца. Едва дышущаго повезли въ заточеніе на Бѣло озеро, но онъ скончался дорогою въ Каширѣ, и уже мертваго привезла супруга его въ обитель, чтобы положить въ родовую усыпальницу.

Прочіе Воротынскіе, здѣсь почивающіе, ничѣмъ не прославились, равно какъ и Князья Телятевскіе, надъ склепомъ коихъ поставлена смежная съ Владимірскою церковь святаго Епифанія Кипрскаго. Это было молитвенное, то есть иноческое имя Князя Ѳеодора Телятевскаго, постригшагося въ обители Кирилловой, который въ ней скончался въ 1654 году и оставилъ по себѣ вкладъ, для сооруженія сей церкви; она также поновлена какъ и церковь Воротынскихъ, хотя есть въ обѣихъ нѣсколько древнихъ иконъ. Тутъ погребены нѣкоторые изъ именитыхъ настоятелей обители, уже въ новѣйшія времена. И такъ три сіи церкви, пристроенныя къ собору, одна съ южной стороны, съ гробницею преподобнаго, и двѣ съ сѣверной, составляютъ главную массу церковныхъ зданій обители

Кирилловой. Мы обошли по порядку и прочіе отдѣльные храмы съ ихъ придѣлами, начиная съ ближайшихъ къ собору.

Между холоднымъ соборомъ Успенія и теплымъ Введенія Богоматери, который въ связи съ четырехъ-ярусною колокольнею, стоитъ небольшой квадратный храмъ, во имя Архистратига Гавріила, съ придѣломъ Царей Константина и Елены внутри алтаря. Это залогъ благочестія Великаго Князя Василія Іоанновича, который вмѣстѣ съ своею супругою Еленою, изъ рода Глинскихъ, ходилъ на дальнее богомоліе въ Кириллов, чтобы испросить себѣ сына, наслѣдника Русскому царству, и родился ему Іоаннъ. Съ тѣхъ поръ, Великій Князь имѣлъ особенное усердіе къ обители преподобнаго, даже умирая пожелалъ онъ постричься на ея имя, и уже не державный Василій, но смиренный инокъ Варлаамъ, предалъ духъ свой въ руки Божіи. Грозный сынъ его Іоаннъ, испрошенный молитвами преподобныхъ, скончался также постриженникомъ Кирилловой обители, которая такимъ образомъ, кромѣ другихъ именитыхъ иноковъ, рода княжескаго или боярскаго, можетъ вписать въ свои списки и сихъ двухъ державныхъ, Варлаама и Іону. За годъ до своей кончины соорудилъ Великій Князь храмъ Архистратигу, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ Ангела своей супруги, и съ того времени бывали заздравныя или поминальныя трапезы въ сіи два дня. Теперь церковь находится въ жалкомъ состояніи отъ ветхо-

ств; старый иконостасъ весьма простой формы; иконы не позднаго письма, свидѣтельствуютъ только о древности храма.

Недалеко отъ сей церкви, надъ вратами южной ограды, обращенными къ Сиверскому озеру, существуетъ еще въ такомъ же убожествѣ церковь, во имя Преображенія, которая строена была ранѣе 1612 года, во время возобновленія ограды монастырской. Внутреннее ея устройство сходно съ церковію Архистратига, но въ ней два придѣла, во имя Святителя Николая и Великомученицы Ирины, въ тѣсномъ алтарѣ. Мученица сія была Ангеломъ супруги Царя Ѳеодора Іоанновича, сестры Годунова, и должно отнести строеніе надворотнаго храма къ царствованію одного изъ сихъ Государей. Такъ и на противуположной, сѣверной оградѣ, поставлена надъ святыми вратами Царемъ Іоанномъ, церковь двухъ-придѣльная, Лѣствичника и Стратилата, во имя Ангеловъ двухъ его сыновей Іоанна и Ѳеодора. Замѣчательно одно слово записи монастырской, о вкладахъ обоихъ Царевичей, которое обрисовываетъ ихъ характеръ и самое обстоятельство времени.

Тамъ сказано подъ 1750 годомъ: «Царевичь Князь Иванъ Ивановичь пожаловалъ въ домъ пречистой Богоматери и чудотворца Кирилла, тысячу рублей игумену Кириллу съ братіею, и должны они за Князь Иваново здравіе молити, а на рожденіе его Марта въ 20 день, за его здравіе кормъ кормити малый ежегодно, а служити священнику и діако-

ну; а Марта въ 30 день, на памяти преподобнаго отца нашего Іоанна списателя лѣствицы, кормъ коршпи большой, и служить игумену самому со всѣмъ соборомъ.... А благоволитъ Богъ, Царевичь Князь Иванъ Ивановичь, ино похочетъ постричися, и намъ Царевича Князя Ивана, постричи за тотъ вкладъ; а если по грѣхамъ, Царевича Ивана не станетъ, то и поминати.» Тутъ же написано, подъ тѣмъ же годомъ: «Царевичь Князь Ѳеодоръ Іоанновичь пожаловалъ образъ преподобнаго, да вкладу пять сотъ рублей, за Царевичево здравіе.» Тутъ однако ни слова не сказано о его постриженіи или кончинѣ, какъ въ записи старшаго брата; — что же это значитъ и что такое 1570 годъ? Это эпоха самыхъ ужасныхъ казней Іоанновыхъ, между вторымъ и третьимъ его бракомъ, година запустѣнія Новгорода и Пскова, на которыя, конечно, не могъ равнодушно смотрѣть будущій преемникъ его престола, уже достигшій юношескаго возраста, и потому думалъ укрыться въ стѣнахъ обители Бѣлозерской; душа его была прискорбна даже до смерти, и быть можетъ предчувствовала кратковременность своей жизни. Этого не обрѣтается нигдѣ въ лѣтописяхъ, и вотъ одна полуистлѣвшая страница, въ запискахъ монастырскихъ, открываетъ тайную мысль Царевича, которому не суждено было царствовать.

Келлія Патріарха Никона.

Еще одна одинокая церковь стоитъ въ юго-восточномъ углу Кириллова монастыря и привлекаетъ взоры шатровымъ своимъ куполомъ, который придастъ ей видъ древности, хотя она моложе всѣхъ другихъ храмовъ, потому что сооружена только въ половинѣ XVI вѣка, но не смотря на то уже упразднена. Это бывшая больничная, во имя святаго Евѳимія великаго, пустынно-жителя Палестинскаго, сооруженная невѣдомо кѣмъ въ 1653 году, то есть въ первый годъ святительства Патріарха Никона. — Думалъ ли святѣйшій, во всей славѣ своего высокаго сана, когда быть можетъ достигла до него вѣсть, что въ дальнемъ Кириллонѣ строится небольшая церковь при келліяхъ больничныхъ, могъ-ли онъ подумать, что для него самаго она строится и что въ ней суждено ему слышать послѣднюю божественную службу? — Но такъ это

исполнилось, ибо въ судьбѣ Кириллова монастыря было, отъ времени до времени, служить мѣстомъ заточенія великихъ мужей Церкви и царства!—Воротынскіе и Шереметевы и знаменитый совѣтникъ Іоанна Сильвестръ, Князь Шуйскій при Годуновѣ, и Черкаскій съ семьею Романовыхъ, и бывшій Царь Касимовскій Симеонъ, неволею постриженный, и еще прежде, въ смутные дни дѣтства Іоаннова, бывшій Митрополитъ всея Руси Іоасафъ, нынѣ почіющій въ лаврѣ Троицкой. Сюда же былъ сосланъ и великій Никонъ, который провелъ здѣсь, послѣ десяти-лѣтняго заточенія въ Ферапонтовѣ, еще пять тяжкихъ лѣтъ своего затвора. Здѣсь томился вскорѣ послѣ него и отецъ Царицы Натальи Кирилловны, дѣдъ великаго Петра, неволею постриженный подъ именемъ Кипріана, въ смутную эпоху стрѣлецкихъ мятежей. Послѣднимъ именитымъ узникомъ былъ здѣсь Архіепископъ Кіевскій Варлаамъ Ванатовичъ, жертва Бирона, возвращенный Императрицею Елисаветою на свою каѳедру.

При запустѣвшей церкви есть съ боку палатка, которая теперь служитъ кладовою, а во время заточенія Никона, вѣроятно была его молитвенною храминою, гдѣ онъ могъ слушать божественную службу, отдѣльно отъ другихъ. Другой церкви ближе къ его кельѣ не было и нѣтъ сомнѣнія, что онъ ее посѣщалъ для молитвы, хотя самъ не служилъ, потому что въ житіи, написанномъ его ученикомъ Иваномъ Шушеринымъ, сказано: «что Святитель терпѣлъ въ Кирилловѣ монастырѣ великія

нужды и озлобленія, не менѣе прежняго, что претерпѣлъ въ Ѳеравонтовѣ; изъ келліи же пребыть неисходно, кромѣ церковныя службы;» слѣдственно онъ выходилъ, въ часы богослуженія, въ сію ближайшую церковь святаго Евѳимія, которая быть можетъ, въ то время, была отгорожена особенною стѣною отъ двора монастырскаго. Хотя нѣкоторые предполагаютъ, будто-бы Никонъ заключенъ былъ въ одной изъ сосѣднихъ башень, нельзя однако, при точномъ изслѣдованіи, усумниться, что келліи, которыя занималъ Патріархъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается училище духовное, съ южной стороны церкви, потому что подлѣ нихъ и досель уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся больничнымъ; мѣстность ихъ съ точностію опредѣлена въ допесеніи архимандрита Никиты Патріарху Іоакиму, по тому случаю, когда велѣно было устроить особую кухню для бывшаго Патріарха, чтобы избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постояннаго угара. Вотъ до какого убожества дошелъ Никонъ, столь великолѣпный во всѣхъ своихъ зданіяхъ.

Въ допесеніи этомъ написано: «по твоему, Государь, святительскому указу, у монаха Никона, печь образчатую цвѣтную, въ келліи построили и стѣны подновили и подволоку вновь и окна красныя, по его Никоновой потребѣ, и изъ келліи другія двери въ засѣнье, и отъ тѣхъ дверей переходы въ вышку сдѣлали, какъ имъ угодно; а особыя, Государь, каменныя поварни близь его келліи, ни

коими дѣлы построить не возможно, для того что въ одну сторону, отъ келліи его Никоновы до каменныя больницы, четыре сажени, и по тому месту по весь монастырь позади келліи дрова возятъ, и какъ, Государь, на то мѣсто повареня поставить, и у больницы свѣтъ заставить и съ дровами проѣзду за келью не будетъ; а отъ лѣтнихъ, Государь, его Никоновыхъ житей до городовыя стѣны двѣ сажени, и на то мѣсто дрова ставятъ и ставить негдѣ, а есть, Государь, подлѣ его Никоновыхъ келлій, въ томъ же ряду келлія братская, и буде, Государь, изволишь, можно въ той келліи ему монаху Никону поварню учинить и надъ печью и надъ очагомъ, гдѣ есть варить, сдѣлать кожухъ большой и трубы вывесть выше древяннаго строенія, а въ келліи помостъ наслать кирпичной, а изъ его Никоновыхъ заднихъ сѣней, въ тою келлію для ходу, только одно прясло забору разобрать, и о томъ что ты, Государь, укажешь?»

Все это и до сихъ поръ сходно съ мѣстностію, и вѣрно вымѣрено разстояніе отъ городской стѣны и отъ больницы, только можетъ быть часть келлій, особенно лѣтнихъ, были деревянныя. Я взошелъ въ жилище бывшаго Патріарха, гдѣ такъ долго томился сей знаменитый Іерархъ, и посреди запустѣнія его послѣдняго убогаго пріюта, старался обнять мыслію все широкое поле его духовныхъ и гражданскихъ подвиговъ, которыми исполнилъ онъ скрижали церкви и царства, и весь сѣверъ Руси, отъ пустыннаго острова Соловецкаго на окса-

нѣ до престольнаго града. До сихъ поръ случалось мнѣ только видѣть мѣста, напоминавшія о его славѣ, двѣ созданныхъ имъ обители, Иверскую и Новаго Іерусалима, и крестовую палату въ Москвѣ, съ его великолѣпною рѣзницею: —и вотъ, странническій посохъ привелъ меня наконецъ къ мѣсту крайняго его заточенія и, можно сказать, преставленія, ибо уже полумертвымъ вывезли отсюда изможденнаго затворомъ старца. Еще въ десять лѣтъ заключенія въ Ферапонтовѣ, онъ пользовался нѣкоторою свободою, особенно во второе пятилѣтіе, получалъ частыя помилки отъ Царя и даже былъ иногда тяжелъ сосѣднему Кириллову, взыскательными требованіями; но за то и въ свою очередь, тяжекъ былъ для него Кирилловъ, въ послѣдующія пять лѣтъ строгаго затвора, въ крѣпкихъ его стѣнахъ; – тутъ окончательно очистился бывшій Патріархъ, въ горнилѣ испытаній, на пути къ вѣчности.

Въ библіотекѣ монастырской сохранилось много старыхъ свитковъ, относящихся до времени пребыванія Никона, въ Ферапонтовѣ и Кирилловѣ, слѣдственныхъ дѣлъ и кормовыхъ статей, и самая опись домовой его казны, у него отобранной при перемѣщеніи въ Кирилловъ, которая болѣе приличествовала Патріарху нежели узнику; но для насъ болѣе занимательна повѣсть послѣднихъ дней жизни великаго мужа, сохраненная ученикомъ его; тутъ видна послѣдняя борьба сильнаго характера, съ одолѣвающимъ его бѣдствіемъ, и уже конечное

изнеможеніе плоти и духа въ человѣкѣ, нѣкогда высокомъ по своему генію. Еще въ Ферапонтовѣ, когда услышалъ Никонъ о кончинѣ Царя Алексія Михайловича, воздохнулъ онъ изъ глубины сердца, прослезился и сказалъ: «воля Господня да будетъ! аще здѣсь съ нами прощенія не получилъ, но въ страшное пришествіе Спасово, судиться будетъ со мною.» Когда же присланный съ сею вѣстію изъ Москвы требовалъ, чтобы письменно подалъ прощеніе усопшему, онъ только отвѣчалъ: «Богъ его проститъ, а на письмѣ не учиню, ибо насъ при жизни своей изъ заточенія сего не освободилъ.» Тутъ видно еще человѣческое, хотя быть можетъ сказано ему въ оправданіе, что узникъ боялся, дабы разрѣшеніе его не показалось вынужденнымъ; онъ принялъ, однако, присланныя поминки и по чину церковному совершалъ поминовеніе.

Нѣсколько времени спустя, когда поднялось опять гоненіе противъ Никона отъ Патріарха Іоакима, за то, что въ обители Ферапонтовой величали ся святѣйшимъ Патріархомъ, еще однажды вспыхнула пылкая душа его, не совершенно отрѣшася отъ себя, въ тиши келейной, воспоминанія минувшаго величія. Не могъ онъ забыть, что этотъ самый Іоакимъ, который такъ властно распоряжался его судьбою, будучи уже третьимъ Патріархомъ послѣ его низложенія, самъ нѣкогда былъ его постриженникомъ и ставленникомъ, и только по его милости достигъ архіерейскаго сана. Никонъ уже смирился съ своимъ заключеніемъ, но не могъ перенести

новыхъ обидъ, тѣмъ паче что не сознавалъ вины своего низложенія. Присланъ былъ запросъ въ Ѳерапонтовъ монастырь отъ настоящаго Патріарха: «почему тамъ величаютъ низложеннаго святѣйшимъ Патріархомъ?» Никонъ, въ порывѣ негодованія, назвалъ предъ всѣмъ народомъ, гонителя своего Іоакима, чернонедужнымъ, и не выдалъ игумена со старшею братіею, которыхъ требовали на судъ въ Кириловъ монастырь, говоря, что со времени его заключенія въ Ѳерапонтовъ, вольно въдать монастырь въ приказѣ Государевыхъ тайныхъ дѣлъ. Вѣроятно было нѣкоторое основаніе въ этихъ словахъ потому что приставъ царскій и стрѣльцы держались его стороны, и власти монастырскія остались въ Ѳерапонтовѣ; но это послужило къ умноженію скорбей бывшаго Патріарха и перемѣщенію его въ Кириловъ.

Тутъ предстоялъ ему послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ злато, искушенное въ горнилѣ, дабы сдѣлаться избраннымъ сосудомъ въ домѣ Божіемъ. Никону, который въ дѣтствѣ едва не сгорѣлъ въ печи, отъ злобы мачихи, закладшей его дровами, суждено было, въ первые годы своего заключенія въ Кириловѣ, страдать ежедневно отъ угара, въ дымныхъ келліяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что едва не скончался отъ невыносимаго томленія. Всѣхъ его присныхъ, при немъ бывшихъ въ Ѳерапонтовѣ, разослали по дальнимъ мѣстамъ, и какъ бы въ язвительный ему укоръ, въ тотъ Крестный

монастырь, который самъ онъ основалъ на Бѣломъ морѣ. Богатую келейную его казну, накопившуюся отъ милостей царскихъ въ Серапонтовѣ, всю опечатали, лишивъ его даже необходимыхъ вещей. Самъ исполнитель патріаршихъ повелѣній, архимандритъ Чудовскій Павелъ, по состраданію къ узнику, извѣщалъ Іоакима о духотѣ келліи Никоновыхъ, дабы не скончался преждевременною смертію; но слова его были положены въ забвеніе. Оставались у бывшаго Святителя всея Руси, одна монагія и двѣ печати патріаршія, которыя не отобрали у него при осужденіи: — и тѣ послалъ взять у него Патріархъ Іоакимъ, когда наконецъ приказалъ передѣлать душныя его келліи, и на сей разъ уже мирно отдалъ ихъ Никонъ, сказалъ нѣсколько словъ поучительныхъ изъ святаго писанія, присланному за ними. Онъ болѣе помышлялъ о вѣчности и желалъ только послѣдней отрады: успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители Новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловѣ, во время пятилѣтняго тяжкаго заточенія. Это былъ опять Никонъ, подвижникъ Анзерскаго скита, прилагавшій по обычаю труды къ трудамъ, но уже безъ сочувствія къ внѣшнему, и если чего еще не могъ забыть, то это лишь подобія земнаго Іерусалима, имъ начатаго и недовершеннаго, которое напоминало ему о горнемъ и гдѣ давно уже избралъ себѣ мѣсто гробоваго покоя подъ Голгоѳою; Господь внялъ его молитвѣ.

Достойно вниманія, что оттуда именно, куда стремилась скорбная душа его, какъ олень, жаждущій на источники водъ, отъ сего новаго Іерусалима, пришло ему избавленіе отъ временныхъ золъ и услажденіе послѣднихъ минутъ жизни, любовію его присныхъ, какъ-бы въ награду за постоянное стремленіе къ сему повторенному имъ образцу святыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ. Много невѣроятныхъ клеветъ, разсѣваемо было противъ Никона, о мнимыхъ будто-бы его сношеніяхъ съ шайками Стеньки Разина, проникшихъ въ Соловецкій монастырь, потому что его хотѣли выставить опаснымъ человѣкомъ, даже и въ крѣпкомъ заключеніи, предъ глазами Царя. Не могъ однако имъ повѣрить кроткій Ѳеодоръ, и позабыть, что Никонъ былъ его крестнымъ отцемъ, и что мудрыми своими распоряженіями, спасъ нѣкогда все семейство царское отъ мороваго повѣтрія. Благочестивая тетка, Царевна Татіяна Михайловна, часто напоминала юному Государю о Никонѣ, и убѣдила наконецъ посѣтить запустѣвшую обитель Новаго Іерусалима, которая, въ теченіи многихъ лѣтъ послѣ его удаленія, оставалась недостроенною. Увидя чудную церковь Воскресенія Христова, которая уже была доведена до сводовъ и предана забвенію, не смотря на все знаменательное, что она въ себѣ заключала, воздохнулъ изъ глубины сердца благочестивый Государь, и возгорѣлся ревностію прежнихъ Самодержцевъ Греческихъ, Константина и Іустиніана; немедленно приступилъ онъ къ довершенію благо-

лѣпнаго храма и самой обители, и съ тѣхъ поръ часто началъ ее посѣщать; обитель же невольно напоминала ему бывшаго Патріарха.

Однажды, по случаю кончины архимандрита Воскресенскаго, Варсонофія, добродушный Царь предоставилъ братіи набрать кого-либо изъ среды своей въ настоятели и, какъ-бы по внушенію свыше, сказалъ имъ печальное слово: «хотите-ли, чтобы взятъ былъ сюда Никонъ Патріархъ, начавшій сію церковь, дабы онъ ее и окончилъ? Если это вамъ по сердцу, подайте мнѣ о томъ челобитную за своими руками, а Богъ милостивъ, поможетъ это дѣло исправить.» Возрадовалась братія царскому милостивому слову, и всѣ единодушно написали просительную грамоту на имя Самодержца: «что имъ, прешедшимъ море Черное страстей и печалей, и уже вселившимся въ землю обѣтованія, — новый ихъ Іерусалимъ, единаго недостаетъ для подобія съ древнимъ Израилемъ: дабы и кости Іосифовы, по его завѣщанію, перенесены были къ нимъ изъ Египта, или, какъ нѣкогда жители царствующаго града умолили кроткаго Царя Ѳеодосія возвратить имъ, хотя и мертваго, отца ихъ Святителя Златоустаго изъ заточенія Комапскаго, такъ и они, доселѣ не дерзавшіе молить тишайшаго Государя о своемъ отцѣ, который, подобно Іосифу, избавилъ ихъ отъ глада неслышанія словесъ Божіихъ, и насытилъ ихъ безсмертныя трапезы неизжденаемаго агнца, нынѣ молятъ: дабы возвращенъ былъ кормчій кораблю и пастырь стаду, и глава приста-

влена опять къ тѣлу, и была-бы изведена изъ темницы душа его, по слову псаломскому, изъ заточенія Кириллова въ обитель животворящаго Воскресенія,»—Много поэзіи сердечной выразилось въ этой задушевной грамотѣ!

Вся братія подписалась подъ челобитною, вмѣстѣ съ своимъ строителемъ Германомъ и казначеемъ Сергіемъ, и милостиво принялъ ее кроткій Царь; но встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ Патріархѣ Іоакимѣ, который опасался видѣть на свободѣ бывшаго Патріарха, не разсуждая о томъ, что одинъ только его призракъ уже возвращался въ обитель Новаго Іерусалима. Іоакимъ отговаривался тѣмъ, что осужденіе Никона совершено было съ вѣдома Вселенскихъ Патріарховъ и потому ничего нельзя предпринять безъ ихъ воли. Стараясь преодолѣть несогласіе Святителя, Ѳеодоръ созвалъ соборъ Архіереевъ, въ крестовой палатѣ, и предложилъ имъ вопросъ объ освобожденіи Никона; но и тутъ сильно возсталъ Патріархъ противъ сего предложенія, хотя многіе изъ Архіереевъ желали возвратить изможденнаго старца въ его обитель; не смотря на всѣ убѣжденія, соборныя и частныя, Іоакимъ остался непреклоненъ: такъ трудно было сдѣлать что-либо въ пользу Никона.

Между тѣмъ Ѳеодоръ, памятуя смуты, бывшія во время между-патріаршества, не рѣшался самъ собою поставить двухъ Іерарховъ одного противъ другаго, дабы не нарушить мира церковнаго, и вынужденъ былъ до времени отложить свое намѣ-

реніе; однако онъ утѣшилъ узника царскимъ своимъ писаніемъ, исполненнымъ сыновней любви, и въ то же время возвратилъ изъ дальняго заточенія всѣхъ его приближенныхъ. Съ однимъ изъ нихъ, іеродіакономъ Мардаріемъ, отправилъ онъ письмо свое въ Кирилловъ, и это была первая утѣшительная вѣсть Никону, послѣ пятилѣтняго строгаго заключенія. Узникъ увидѣлъ, что еще не совершенно забытъ онъ людьми и что кроткій Царь, по примѣру отца своего, желаетъ его освободить, дабы довершилъ великое свое зданіе новаго Іерусалима и самъ державный насладился бы его премудрою бесѣдою, какъ поборника православія. Прослезился Никонъ, при видѣ присланаго своего и при чтеніи грамоты, которая внезапно вызывала его изъ глубины забвенія; онъ почувствовалъ малую нѣкую отраду въ своей болѣзни душевной и тѣлесной.

Еще болѣе утѣшило его то, что благочестивый Государь обѣщалъ ревностно заботиться о довершеніи начатаго имъ храма. Слабость здоровья препятствовала Ѳеодору дѣятельно заняться освобожденіемъ Никона, но мысль объ немъ не оставляла его. Такимъ образомъ протекло опять не малое время, въ теченіи коего болѣзнь Никона усилилась до такой степени, что уже архимандритъ Кириллова монастыря, Никита, вынужденъ былъ извѣстить Патріарха Іоакима о конечномъ изнеможеніи своего узника. Никонъ требовалъ елеосвященія и схимы, не желая измѣнить своего имени: посему архимандритъ испрашивалъ на то разрѣшенія и ка-

кимъ образомъ учинить погребеніе, на случай его смерти? Іоакимъ отвѣчалъ, чтобы посхимили Никона, а въ случаѣ смертномъ, совершили бы надъ нимъ погребеніе просто, по чину монашескому, и погребли бы въ папертн. Все сіе происходило безъ вѣдома Царя; какъ только узналъ о томъ Ѳеодоръ, онъ велѣлъ остановить грамоту патріаршую, но уже было поздно.

Между тѣмъ Никонъ, чувствуя крайнее изнеможеніе, начерталъ своею рукою послѣднее писаніе дѣтямъ своимъ и ученикамъ, въ обитель Воскресенія, новому архимандриту Герману, іеромонаху Варлааму, монахамъ Сергію, Ипполиту и всей братіи, благословляя ихъ однако какъ Патріархъ. «Вѣдомо вамъ буди, писалъ онъ, что я болѣнъ болѣзнію тяжкою и не могу уже болѣе встать съ одра, но лежу какъ Іовъ, на гноищи своего смрада. Была когда то милость Великаго Государя и писалъ онъ ко мнѣ, что хочетъ взять меня отсюда изъ заточенія, по вашему челобитью, и жаловалъ своею рукою, а нынѣ дѣло это не совершилось и милостиваго его указа нѣтъ, и умереть мнѣ здѣсь придется печально. Пожалуйте, чада мои, не помяните моей грубости, побейте обо мнѣ еще челомъ Великому Государю, не дайте мнѣ погибнуть напрасною смертію, ибо уже приходитъ конецъ житія моего. А каковъ я, подробно о томъ разскажетъ вамъ Іоаннъ, свидѣтель моей скорби.» Когда достигло плачевное сіе писаніе въ обитель Воскресенія, архимандритъ съ братіею слезно вручили оное

Государю, умоляя возвратить имъ отца ихъ, доколѣ еще живъ и Царь умилился душею, прочитавъ о крайнемъ томленіи бывшаго Патріарха. Опять началъ онъ говорить о томъ Патріарху и собору Архіереевъ, и на сей разъ не противился уже Іоакимъ. Съ его благословенія немедленно послалъ Ѳеодоръ дьяка своего въ Кириловъ и повелѣлъ ему взять оттуда Никона, живаго или мертваго, и возвратить его въ монастырь его строенія новый Іерусалимъ.

За нѣсколько дней до пришествія дьяка царскаго, Никонъ уже предчувствовалъ его приходъ, и хотя былъ крайне болѣнъ, однако какъ будто началъ готовиться въ путь. Бывшіе около него полагали, что онъ такъ дѣлаетъ въ безпамятствѣ отъ болѣзни, но старецъ это повторялъ дважды и трижды, а въ самый день пришествія дьяка облекся въ свою одежду и сѣлъ въ кресло на крыльцѣ, говоря: «я уже готовъ, а вы отчего не убираетесь? вотъ вскорѣ за нами придутъ,» и внезапно пришелъ посланный, возвѣщая Никону царскую милость, что благоволилъ Государь возвратиться ему въ Воскресенскій монастырь. При этомъ словѣ приподнялся болящій съ своего кресла, чтобы воздать подобающую честь царскому лицу, при чтеніи его указа, которому едва вѣрили слышавшіе. Начали приготовлять струги для плаванія, потому что путь лежалъ по рѣкѣ Шекснѣ; съ большимъ трудомъ довлекли пять верстъ до рѣки, въ саняхъ хотя и лѣтомъ, изнемогающаго, который не вынесъ ника-

кого движенія и тамъ, посадивши на струг, поплыли по теченію.

Духовный отецъ бывшаго Святителя, архимандритъ Кириллова монастыря, Никита, ему сопутствовалъ, а на встрѣчу выслалъ ему настоятель Воскресенской обители іеромонаха Варлаама, который долго жилъ съ нимъ въ Ѳерапонтовѣ, и другихъ изъ числа братіи; это было первое радостное свиданіе, послѣ столь долгой разлуки. Никонъ опять былъ окруженъ своими, но уже не для того чтобы жить посреди ихъ, а чтобы только умереть въ кругу своихъ и не чуждая бы рука закрыла ему очи. За двадцать верстъ отъ впаденія Шексны, встрѣтили его ученики и хотѣли везти его вверхъ по Волгѣ, но онъ велѣлъ спускаться внизъ до Ярославля, предчувствуя, что уже не достигнетъ живымъ давно желанной цѣли, и тамъ онъ скончался, на рѣкѣ, посреди стеченія и плача народнаго о великомъ пастырѣ. — Описавъ уже дважды его кончину, не повторяю здѣсь подробностей. Столько глубокихъ впечатлѣній и умилительныхъ воспоминаній о Никонѣ возбудили въ сердцѣ моемъ опустѣнія его келлій въ Кирилловѣ!

Ивановскій монастырь.

Между корпусомъ больничныхъ келлій, къ которому примыкали Никоновы и келліями намѣстника, вышли мы изъ внутренней ограды къ отдѣльному монастырю, такъ называемому Ивановскому. Послѣ всѣхъ каменныхъ зданій, которыми застроенъ большой монастырь, прославившій отъ нихъ городомъ, смиренная обитель Ивановская, произвела на меня пріятное впечатлѣніе сельской усадьбы. Высокій холмъ преподобнаго Кирилла, освященный вѣковыми деревьями, съ двумя на немъ церквами и часовнями, возвышается надъ широкимъ полемъ, по которому протекаетъ малая рѣчка Свпряга, или вѣрнѣе сказать ручей. Она выходитъ изъ Долгаго озера, съ западной стороны монастыря и, нѣсколько разъ подтекая подъ его ограду, огибаетъ холмъ Кирилловъ, и опять теряется подъ восточною оградою въ Сиверсово озеро. Вокругъ сего священнаго холма, тянется вдали боевая ограда

Кирилова, съ своими громадными башнями, придавая особенное величіе пустынному пріюту, какъ бы печально взошедшему въ объемъ вѣковыхъ твердынь. Съ вершины холма открываются живописные виды на озеро, сквозь зубцы стѣнъ и забрала башень, и душа какъ бы просится изъ сего каменнаго вѣнца, на привольный просторъ широкихъ водъ озера, горящихъ весеннимъ солнцемъ; ихъ шумное плесканіе, какъ и шумъ мірской суеты, умираютъ у подножія сихъ твердынь.

Келлія преподобнаго Кирилла была имъ самимъ пскопана, вмѣстѣ съ собесѣдникомъ его Ѳерапонтомъ, въ этомъ холмѣ, и не весьма давно обрушились совершенно ея своды: вѣроятно въ 1764 году, когда соорудили надъ нею каменный тяжелый навѣсъ, осѣняющій теперь рѣшетчетую часовню на холмѣ. Нѣкоторые принимаютъ ее за самую келлію преподобнаго, но первоначальное жилище отшельника было въ землѣ, чему способствовало положеніе круглаго одинокаго холма надъ озеромъ, въ густой чащѣ лѣса, о которой еще свидѣтельствуютъ старыя березы по его скату. Другая часовня, также подъ каменнымъ навѣсомъ, есть собственно дѣло рукъ преподобнаго и срублена имъ самимъ изъ сосноваго лѣса для молитвенной храмины, гдѣ вѣроятно, до основанія церкви, собиралась братія, не смотря на тѣсноту, ибо въ ней не болѣе одной квадратной сажени; но этого было довольно для немногихъ молитвенниковъ, въ теченіи первыхъ годовъ пустынножительства.

Тамъ воздвигъ онъ два креста, высотою въ сажень, изъ того дерева, отъ паденія коего былъ спасенъ чуднымъ гласомъ. Одинъ изъ крестовъ четверокопечный, а другой осьмиконечный и оба искусаны богомольцами, получающими отъ нихъ, по вѣрѣ своей, облегченіе отъ недуговъ. Такъ какъ они оба руки преподобнаго, то не обличаютъ ли, какъ вѣковые свидѣтели, суетное ожесточеніе мнимыхъ ревнителей старины, которые, отвергая одинъ образъ креста, пріемлютъ только другой? Самъ преподобный Кириллъ, которому они вѣруютъ, противъ нихъ свидѣтельствуетъ дѣломъ рукъ своихъ.

На стѣнѣ, между крестовъ, виситъ древняя полустертая икона, какъ бы указывающая, что это собственно было избранное мѣсто обители, потому что тутъ изображено явленіе Матери Божіей молящемуся Кириллу, когда звала его изъ Симонова, въ предѣлы Бѣлозерскіе; тутъ же написанъ собесѣдникъ его Ферапонтъ, принесшій ему первую вѣсть о невѣдомомъ краѣ. И такъ вотъ лѣтописная икона, дѣяніями какъ бы письменами, живописующая основаніе обители, но въ темнотѣ часовни едва она замѣтна; какъ драгоцѣнны такіе памятники минувшаго! — Часовня и крестъ преподобнаго въ маломъ монастырѣ, столь же священны какъ его гробница и чудотворная икона Богоматери, имъ принесенная, въ большомъ, ибо отъ нихъ возникло все величіе Кирилловой обители. Долгое время не было никакой церкви на уединенномъ холмѣ, кромѣ сей молитвенной часовни, потому что первый

деревянный соборъ Успенія и за нею трапезная церковь Введенія, сооружены были на ровномъ мѣстѣ, тамъ гдѣ они теперь стоятъ каменные. Преподобный дорожилъ уединеніемъ и удалялся безмолвствовать въ свою земляную хижину, даже и тогда когда собралась вокругъ него многолюдная братія. Здѣсь вѣроятно постигла его кончина и, по исполненію церкви на холмѣ, братія погребла его близъ Успенскаго собора.

Кто же первый соорудилъ храмъ на высотѣ холма? — Въ ветхомъ синодикѣ монастырскомъ, записано: «лѣта 7040 (1532), Декабря 13-го, освящены были въ Кирилловѣ четыре престола, два въ монастырѣ и два на горѣ, въ одинъ день: въ монастырѣ соборъ Архангела Гавріила, да царей Константина и Елены, а на горѣ усѣкновенія Предтечи, да чудотворца Кирилла, а освящалъ владыка Вологодскій Алексій.» — И такъ вотъ начало Ивановской обители; многое объясняется этою запискою. Великій Князь Василій Іоанновичь, приходившій съ супругою на богомолье въ Кирилловъ, чтобы испросить себѣ наслѣдника престола, получивъ желаемое соорудилъ въ одно время два храма, въ одной обители: во имя Архангела, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ во имя Ангела своей супруги, тамъ гдѣ былъ главный соборъ; а ближе къ преподобному, на самомъ его холмѣ, гдѣ еще до тѣхъ поръ никто не смѣлъ селиться, поставилъ церковь во имя Ангела новорожденнаго Іоанна, съ придѣломъ во имя преподобнаго, какъ-бы по-

совпал ему собственно испрошеннаго имъ младенца, и все это освящение должно было совершиться въ одинъ день, во свидетельство, что всѣ четыре престола сооружены по причинѣ одного событія. Такъ какъ младенецъ былъ крещенъ у раки преподобнаго Сергія, то вотъ и другая церковь сооружена на томъ же холмѣ, во имя сего великаго угодника Божія, покровителя державныхъ Князей Русскихъ, и въ ней придѣлъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, ученика святаго Кирилла, который сохранилъ намъ, искусною кистію, священный ликъ своего блаженнаго аввы. — Имена сихъ храмовъ, не объясняютъ ли ихъ строенія? Хотя утрачено въ запискахъ время основанія Сергіева, но если, быть можетъ, не Великій Князь Василій соорудилъ его, то уже безъ сомнѣнія, довершилъ это сынъ его Іоаннъ, который имѣлъ намѣреніе переселиться въ Кирилловъ. По сему и обитель могла получить отдѣльное образованіе и прослыла Ивановскою, въ ожиданіи царственнаго инока, который водворился однако въ слободѣ Александровской, съ дружиною опричниковъ. Быть можетъ и трапеза пристроена была на этотъ случай къ храму Сергіеву, и не далеко отъ него поставлены каменныя келліи, называемыя теперь больничными, въ которыхъ вѣроятно останавливался самъ Іоаннъ.

Въ кормовой книги монастыря, подъ годомъ 1572 записано: «что Царь Государь и Великій Князь всея Руси, Иванъ Васильевичь, въ свое богомолье пожаловалъ вкладу двѣ тысячи рублей, а

игумену съ братіею за деньги тѣ молити Господа Бога, о здравіи царскомъ, на Титовъ день, 25-го Августа, и на успѣніе честной главы предтечи, и въ тѣ дни служити ему со всѣмъ соборомъ и кормъ кормити.»—Объ церкви, и Сергіева и Предтечева, теперь не заключаютъ въ себѣ ничего достойнаго вниманія и пришли въ совершенную ветхость, особенно трапезная, которой паперть поддержана однимъ столбомъ по срединѣ и отчасти обращена въ кладовую, равно какъ и бывшія келліи. Нѣтъ древнихъ иконъ въ иконостасахъ, но по рѣзнымъ украшеніямъ видно, что они нѣкогда были изящны. Грустное впечатлѣніе производитъ на сердце запустѣніе столь священнаго мѣста, каковъ холмъ преподобнаго.

Три раза посѣщалъ Іоаннъ обитель Кириллову, къ которой питалъ съ дѣтства глубокое благоговѣніе, запечатлѣнное имъ въ часъ смертный, пострижеміемъ на ея имя: сперва въ смутные дни своего отрочества, когда былъ еще въ крамольныхъ рукахъ боляръ; потомъ въ лучшую эпоху своего царствованія, когда побѣдитель Казани, благословляемый всѣми за свои добродѣтели, обходилъ богомольцемъ именитыя лавры; но этотъ поѣздъ славущій Кирилловымъ, остался памятенъ въ исторіи, ибо съ той поры измѣнилось сердце Царя: отъ скорби ли по утраченомъ младенцѣ Димитріѣ, кончину коего предсказалъ ему въ лаврѣ Троицкой, преподобный Максимъ Грекъ? или отъ суровой бесѣды на Пѣснотѣ, съ Вассіаномъ, бывшимъ Епископ-

помъ Коломенскимъ. Сей Вассіанъ внушилъ Царю: «если хочетъ быть истиннымъ Самодержцемъ, чтобы не держалъ совѣтниковъ мудрѣе себя,» и Царь, поцѣловавъ его руку, воскликнулъ: «самъ отецъ мой не могъ бы дать мнѣ совѣта мудрѣе сего!» внезапно измѣнился Іоаннъ. Въ третій разъ посѣтилъ онъ Кирилловъ, уже въ страшную эпоху своихъ казней, со второю супругою Маріею и дѣтьми Іоанномъ и Ѳеодоромъ, въ 1569 году, когда удалены были славныя опоры его престола, Сильвестръ и Адашевъ, Шереметевъ и Воротынскій, и онъ одинокій стоялъ въ мрачномъ величіи.

Такимъ образомъ, три сіи странствія, ознаменовали три разительныя эпохи царственной его жизни и, вѣроятно, во время послѣдняго, занялся онъ устройствомъ Ивановской обители, ибо около того времени установлены имъ соборныя трапезы на дни своего рожденія и Ангела, и сооружена надъ святыми вратами церковь, въ честь Ангеловъ его дѣтей. Вѣроятно, въ это же время, и самъ онъ полупостригся въ обители, а сынъ его Царевичъ Іоаннъ, какъ бы предчувствуя горькую свою участь отъ руки родителя, изъявилъ тайное желаніе постричься въ Кирилловѣ.

Намъ сохранились три посланія Іоанновы въ монастырь Кирилловъ, которыя тамъ уже теперь не существуютъ, но по бывшимъ спискамъ напечатаны въ исторіи церковной Іерархіи. Два послѣднія суть предсмертное обращеніе Царя къ инокамъ, о вспоможеніи ему молитвою соборною, для исцѣле-

нія отъ тяжкой болѣзни. Но первое, весьма пространное, чрезвычайно замѣчательно, потому что оно писано во всей его силѣ, нравственной и тѣлесной, и вполнѣ выражаетъ весь его характеръ, смѣсь добра и зла: — тутъ онъ является ревнителемъ православія, обличителемъ безпорядковъ монастырскихъ а вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ за строгаго подвижника, какъ бы невольно смиряющагося предъ своею Кирилловскою братіею, безпрестанно выглядываетъ грозный Іоаннъ, со всѣми своими личными враждами, который въ немъ борятся съ уваженіемъ къ духовному сану. Трудно согласить двѣ сіи крайности, но онѣ такъ оригинально слились въ одномъ его лицѣ, что изъ нихъ составился этотъ неразгаданный досель въ лѣтописяхъ Іоаннъ, иногда слава и свѣтило своего времени, иногда же расоространявшій вокругъ себя печальный мракъ и ужасъ.

Не многимъ извѣстно это знаменитое посланіе, и потому я рѣшился извлечь изъ него самыя разительныя черты, на языкѣ болѣе понятномъ, дабы въ этомъ зеркалѣ собственнымъ писаніемъ отразился Іоаннъ. Оно, по праву принадлежитъ обители Кирилловой, потому-что Іоаннъ самъ почиталъ себя ея инокомъ и посылалъ въ нее свои сокровища, добытыя въ Казани и Астрахани, когда думалъ въ нее укрыться въ послѣдніе мрачные годы своего царствованія, и наконецъ дѣйствительно постригся предъ смертію на ея имя, подъ именемъ Іоны: потому и предлагается здѣсь вкратцѣ сіе посланіе Царя инока Бѣлозерскаго *).

*) Ист. Церк. Іерар. Т. IV. стр. 420—427.

«Въ пречестную обитель пречистыя Богородицы и богоноснаго отца Кирилла, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Руси, челомъ бьетъ наставнику божественнаго полка и руководителю къ небесному селенію, преподобному игумену Косьмѣ съ братіею его о Христѣ. – Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! кто я, чтобы мнѣ дерзать на такую высоту? – Бога ради, господа и отцы, молю васъ престаньте отъ такого начинанія; я даже не достоинъ назваться братомъ вашимъ, но по евангельскому слову, сотворите меня какъ единаго отъ наемниковъ вашихъ. Писано: свѣтъ инокомъ Ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки; и такъ вамъ, нашимъ государямъ, подобаетъ просвѣщать насъ, заблудившихся во тьмѣ гордости и въ сѣни смертной и въ прелести тщеславія и ласкосердія, а мнѣ смердящему кого учить или чѣмъ просвѣтить, ибо самъ я непрестанно нахожусь въ пьянствѣ и плотской нечистотѣ, въ убійствѣ, кровопійствѣ, хищеніи, ненависти и всякомъ злодѣйствѣ. По всякому Апостолу Павлу: «надѣющійся быть вождемъ слѣпыхъ, свѣтомъ сущихъ во тьмѣ, наставникомъ безумныхъ, учителемъ младенцевъ.... научая иного, себя ли не учишь? похваляешься закономъ и досаждаешь Богу преступленіемъ закона!» (Рим. II.) Бога ради, блаженные отцы мои, не тревожьте меня грѣшнаго и скверная, дабы я могъ плакаться о грѣхахъ своихъ и себѣ внимать, посреди лютаго треволненія мимотекущаго свѣта сего, наипаче же въ настоящее жестокое и многомятежное вре-

мя. Кому мнѣ, скверному и душегубцу, учителемъ быть?—О если бы Господь Богъ, ради вашихъ святыхъ молитвъ, вмѣнилъ мнѣ сіе мое писаніе въ покаяніе. Если хотите, есть у васъ дома учитель и наставникъ Кириллъ и, на его гробъ всегда взирая, отъ него просвѣщайтесь; потомъ и великіе подвижники ученики его, ваши наставники и отцы, и святой уставъ чудотворца Кирилла, который у васъ ведется: у него учитесь, имъ просвѣщайтесь, въ немъ утверждайтесь, да и насъ *убогихъ духомъ* и нищихъ благодатію просвѣщайте, а за дерзость Бога ради простите.

Вспомните, какъ нѣкогда, когда посѣтилъ я пречестную обитель вашу, судьбами Божіими по милости Богородицы и молитвами чудотворца, случилось мнѣ нѣсколько воспрянуть изъ мрака и въ помыслѣ моемъ воспріять малую зарю свѣта Божія, и я велѣлъ бывшему у васъ тогда игумену Кириллу, съ нѣкоторыми изъ братіи, придти тайно ко мнѣ въ келлію, гдѣ и самъ я упразднился отъ мятежа мірскаго. Тогда съ игуменомъ были Іоасафъ, архимандритъ Каменскій и Сергій Колычевъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а *иныхъ не упомню, и по*слѣ долгой бесѣды, я грѣшный, извѣстилъ вамъ желаніе мое о постриженіи и искушалъ святыню вашу слабыми своими словами; вы же возвѣстили мнѣ крѣпкое по Богѣ житіе, и возрадовалось скверное мое сердце съ окаянною моею душою, что обрѣлъ я узду помощи Божіей своему невоздержанію и пристанище спасенія, и съ радостію поло-

жилъ я обѣщаніе предъ вами: если благоволитъ Богъ въ благополучномъ здравіи мнѣ постричься, то нигдѣ иначе какъ въ пречестной обители чудотворца Кирилла. Покамѣстъ вы молились, я окаянный, преклонилъ скверную мою голову и припалъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена, вашего и моего, прося на сіе благословенія, и онъ, возложивъ на меня руку, благословилъ постричься, какъ нѣкоему изъ ново-приходящихъ, и мнѣ окаянному мнится, что я уже до половины черецъ, хотя и не отложилъ еще мірскаго мятежа, но уже я ношу на себѣ рукоположеніе благословенія ангельскаго образа. Видалъ я и въ пристанищѣ спасенія, много кораблей душевныхъ, обуреваемыхъ треволненіемъ; посему и не могъ я утерпѣть, малодушествовалъ и о своей душѣ поболѣлъ, какъбы уже одинъ изъ васъ, и дерзнулъ говорить, да не опустѣетъ сіе пристанище спасенія.

(Іоаннъ приводитъ здѣсь отрывокъ изъ посланія, Св. Иларіона великаго, о чувствѣ своего недостоинства, чтобы отвѣчать на просьбу нѣкоего брата, просившаго у него совѣта, и продолжаетъ): по слову Апостола Павла, буду безуменъ, и послику вы меня принудили, изреку вамъ нѣчто отъ своего безумія, не учительски или со властію, но рабски, изъ послушанія къ повелѣнію вашего преподобія, хотя и безмѣрна высота моего недоумѣнія. (Здѣсь приводитъ опять Иларіона, дерзнувшаго наконецъ писать къ брату). Вѣруйте мнѣ, господа и отцы мои, что и мнѣ на сіе писаніе было

нѣкое изволеніе Божіе, ибо свидѣтель Богъ и пречистая Богородица и чудотворецъ Кириллъ, что я досель не только не читалъ, но даже и не слыхалъ о семъ посланіи Иларіона, но когда раскрылъ книгу, нечаянно обрѣлъ оное и увидѣвъ, что оно прилично нынѣшнему времени, помыслилъ, что по волѣ Божіей обрѣлось на пользу, и потому дерзнулъ написать. И такъ примемся за бесѣду, съ помощію Божіею, и ради послушанія вотъ вамъ мой отвѣтъ на ваше понужденіе.

Во первыхъ, отцы мои, по Божіей милости, имѣете вы уставъ великаго отца вашего Кирилла: и такъ держите крѣпко преданіе чудотворца и другимъ не позволяйте разорять его по слову великаго Апостола: «возмогайте о Господѣ, въ державѣ крѣпости его, и облекитесь во все оружіе Божіе, дабы возмочь вамъ противиться козньмъ діавольскимъ» (Ефес. VI, 10. 11.). Опять повторяю: свѣтъ инокамъ Ангелы, а свѣтъ міряномъ иноки, и если свѣтъ будетъ тьмою, то мы окаянные не еще ли болѣе помрачимся? Вспомните, что святые Маккавеи, только за не вкушеніе запрещеннаго мяса, сопричлись на равнѣ съ мучениками Христовыми, и какъ отвѣчалъ Елеазаръ мучителю, который соглашался даже, чтобы онъ не ѣлъ, а только взялъ бы въ руки свиное мясо, лишь бы говорилъ народъ, что Елеазаръ ѣстъ мясо; доблестный жеотвѣчалъ: «восемьдесятъ лѣтъ не соблазнялъ я людей Божіихъ, и нынѣ ли въ старости буду соблазномъ Израилю?»

и такъ скончался. И божественный Златоустъ пострадалъ за обидимыхъ, удерживая Царицу отъ лихоимства.

Если Святые, за малыя сіи вещи, такъ страдали, то кольми паче, господа мои и отцы, подобаетъ вамъ за чудотворцево преданіе пострадать. Какъ Апостолы Христу сораспимаемы были и съ нимъ совоскресиутъ, такъ и вамъ подобаетъ усердно послѣдовать великому Кириллу и крѣпко подвизаться за истину, а не быть бѣглецами, отметая щитъ и мечь; но воспріимите все оружіе Божіе и никто изъ васъ да не предастъ преданія чудотворца, ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа сребра ради; ибо есть между вами Анна и Каіафа, – Шереметевъ и Хабаровъ, и есть Пилатъ – Варлаамъ Собакинъ, поелику отъ царской власти посланъ, и есть распинаемый Христосъ – преданіе чудотворца попираемое! Если малое въ чемъ допустите послабленіе, то и велпкое будетъ. Вспомните, святые отцы, что писалъ великій Святитель Василій Амасійскій, нѣкоему монаху, и тамъ прочтите каково ваше иноческое ослабленіе, достойное плача и умиленія: какія радость и посмѣяніе врагамъ и какіе скорбь и плачь вѣрнымъ! Писанное къ тому монаху и къ вамъ можетъ быть приложено. (Тутъ пространная выписка изъ сего посланія, обличительнаго противъ малодушествующихъ иноковъ, и за тѣмъ другая выписка изъ великаго Василія, о непрестанномъ приготовленіи себя къ смертному часу, доколѣ еще страшные Ангелы не разлучатъ

души отъ тѣла. Видно, что Іоаннъ уже раздражается, коснувшись предмета ему близкаго).

«Видите ли, продолжалъ онъ, какого плача и скорби достойно послабленіе иноческаго житія? — И вотъ однако, ради Шереметева и Хабарова, учинилось у васъ нарушеніе чудотворцевыхъ преданій. А если намъ Богъ благоволитъ у васъ постричься, то уже по сему примѣру и монастыря у васъ не будетъ, — одинъ лишь мой царскій дворъ? За чѣмъ же послѣ сего идти въ черницы и какъ произнести: «отрицаюся міра и всего, что въ мірѣ,» когда міръ весь въ очахъ? и какимъ образомъ, на этомъ святомъ мѣстѣ, терпѣть всякія напасти, со всею братіею, и оставаться въ повиновеніи игумену и въ послушаніи всего братства, какъ это сказано въ обѣщаніи иноческомъ? А Шереметева какъ назвать братіею, когда у него и десятый холопъ ѣстъ у себя лучше, чѣмъ вся братія въ трапезѣ? Великіе свѣтильники: Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ Русской землѣ, положили крѣпкіе уставы, какъ подобаетъ иноку спастися, а бояре, къ вамъ пришедшіе, вамъ и свои уставы ввели; не они у васъ постриглися, а вы у нихъ, не вы имъ учители, а они вамъ законоположители. Да, Шереметева уставъ хорошъ, держите его, а Кирилловъ не хорошъ, оставьте его. Доселѣ одинъ боярин ввелъ эту слабость, а когда-либо другой введетъ другую, да мало по малу устранится весь порядокъ монастырскій и будутъ всѣ обычаи мірскіе; и по всѣмъ монастырямъ

сперва начальники уставили крѣпкое житіе, но послѣ нихъ его раззорили.

(Здѣсь начинаетъ исчислять Іоаннъ нѣкоторыя изъ обителей, въ которыхъ поколебалась строгость устава), указываетъ на Симонову, гдѣ послѣ чудотворца Кирилла, насталъ слабый настоятель, нѣкто Сергій, такъ что тамъ, кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, только по одѣянію иноки, а совершается все мірское. И Чудовъ, при прежнихъ архимандритахъ, былъ какъ одинъ изъ убогихъ монастырей, а при Левкіѣ сравнялся съ великими, мало въ чемъ имъ уступая и въ духовномъ жительствѣ. Смотрите и вы, слабость ли утверждаете или крѣпость? говоритъ Іоаннъ, и за симъ слѣдуютъ уже извѣстные намъ упреки Кириллу за то, что надъ Княземъ Воротынскимъ поставили церковь, а чудотворецъ остался внѣ церкви. Вотъ у Діонисія преподобнаго, на Глушицахъ, и у чудотворца Александра на Свири, болре не постригаются, а обители сіи процвѣтаютъ постническими подвигами. У васъ же сперва нѣкоторымъ изъ болръ, Серапіону Сицкому и Іоанъ Ручкину, дали въ келлію только оловянную посуду, а у Шереметева уже и вся поварня своя. Вѣдь иное есть дать волю Царю, а иное псарю, иное сдѣлать послабленіе вельможѣ, а другое простому; не указывайте мнѣ на того великаго по добродѣтелямъ Римлянина, (Арсенія, наставника Императоровъ), котораго успокоили въ пустынѣ (Скитской); то было въ пустынѣ и на краткое время, безъ шума и соблазна.

Вспомните, въ книгѣ Лѣствичника, до какого смиренія достигъ бывшій Князь Александрійскій Исидоръ, называемый желѣзнымъ, также въ какое рубище облекался вельможа Авенира, Царя Индійскаго, не въ куньи меха или собольи. Да и самъ Іоасафъ, сынъ того Царя, какъ оставилъ царство для пустыни и царскія ризы измѣнилъ на власяницу и какъ, достигнувъ пустынника Варлаама, съ нимъ пожилъ, по царски или постнически? А кто болѣе, царевъ ли сынъ, или невѣдомый пустынникъ? Свой ли царскій законъ принесъ онъ съ собою, или жилъ по закону пустынному? Сами лучше насъ это знаете; а у него было много и своихъ Шереметевыхъ! И Елевзой, Ѳіопскій Царь, какое житіе жестокое пожилъ? А Савва Сербскій, какъ оставилъ родителей и царство и, воспрілявъ крестъ Христовъ, каковы труды постническіе показалъ? Да и отецъ его, Немања Симеонъ, съ матеріею его Маріею, какъ измѣнили багрянницу на ангельскій образъ и земными ли утѣшеніями пріобрѣли небесную радость? И Великій Князь Никола Святоша, державшій Кіевское княженіе, постригшись въ Печерскомъ монастырѣ, не былъ ли пятнадцать лѣтъ вратаремъ, работая тѣмъ, надъ коими прежде обладалъ и до такого уничиженія дошелъ, Христа ради, что даже братья на него негодовали, вмѣняя себѣ въ безчестіе его смиреніе; но не могли, однако, отклонить его до самой смерти, отъ такого образа жизни; а по его преставленіи, даже отъ того стула, на коемъ онъ сидѣлъ, предъ вра-

тами, прогонялемы были бѣсы. Такъ подвизались святые, Христа ради, а у тѣхъ всѣхъ были свои Шереметевы и Хабаровы! Если же трудно жить въ чернецахъ, то лучше бы оставаться въ боярахъ и не постригаться.

Сіе малое изрекъ я вамъ, отцы святые, отъ моего безумнаго суесловія, потому что вы меня къ тому принудили. Вотъ уже годъ ровно, какъ былъ игуменъ Никодимъ въ Москвѣ, и безъотходно только и говоритъ о Собакинѣ да о Шереметевѣ. Развѣ я имъ отецъ духовный или начальникъ? какъ себѣ хотятъ, такъ пусть и живутъ, если имъ спасеніе души своей не надобно. Но долго ли будутъ у васъ молвы и смущенія, споры и мятежъ, ради Василья Собакина, который не только иноческаго житія не знаетъ, но даже и по платью не можетъ быть познанъ за инока, или ради Ивана Шереметева или Хабарова? По истинѣ, отцы святые, это не чернецы, а только поругатели иноческому житію. Или не знаете Шереметева, отца Василія? (Тутъ начинаются жестокія противъ него укоризны: какъ онъ непрестаннымъ распрями разстроилъ крѣпкое и простое житіе у Троицы. Іоаннъ разсказываетъ, что случилось въ лаврѣ съ его дворецкимъ, Княземъ Иваномъ Кубенскимъ, во свидѣтельство прежняго строгаго тамъ житія:) благовѣстили ко всепощпой, а онъ еще хотѣлъ, послѣ конца трапезы, поѣсть да испить, изъ жажды, а не ради прохлады. Старецъ же Симонъ Шубинъ и другіе съ нимъ, не изъ большихъ, потому что

уже большіе давно отошли по келліямъ, ему какъ бы шуткой молвили: Князь Иванъ поздно, уже благовѣстятъ, и онъ, сидя съ одного конца стола, ѣстъ, а они съ другаго сбираютъ, да хватился хлебнуть, а ни капельки не осталось, все отнесено на погребъ: такъ бывало крѣпко у Троицы и то мірянину, а не черпецу. Слыхалъ я, что и такіе были старцы въ этомъ святомъ мѣстѣ, что въ пріѣзды бояръ нашихъ ихъ угощаютъ, а сами ни къ чему не прикасались, хотя ихъ къ тому и принуждали вельможи. Въ древнія же времена и еще того древнѣе слышалъ. Однажды пришелъ святый Пафнутій помолиться Живоначальной Троицѣ и гробу чудотворца Сергія и для духовной бесѣды съ братіею, и когда братія, ради духовной любви, провожали за святыя врата преподобнаго, вспомнили они заповѣдь своего преподобнаго Сергія, чтобы не выходить за ограду, и возбудивъ о семъ на молитву самаго Пафнутія, тутъ съ нимъ и простились. Вотъ какъ, даже ради духовной любви, не смѣли они нарушить заповѣди отеческой, а не ради тѣлесной страсти! Такова была крѣпость древле на томъ святомъ мѣстѣ, а нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и Пѣсноши, какъ до того Пѣсношь бывала, а вся эта слабость отъ Вассіана Шереметева.

Такъ и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно съ солнцемъ сіяющее въ Кирилловѣ, и отъ самой пустыни искоренить постническое житіе. Еще и въ міру живши этотъ Ше-

реметевъ съ Висковатымъ, первые перестали ходить за крестными ходами, а глядя на нихъ и другіе. До того же времени все православное христіанство, съ женами и дѣтьми, ходили за крестами, и кромѣ съѣстнаго въ тѣ дни ничѣмъ не торговали, а если кто начнетъ торговать, съ того взыскивали; и то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы они! А если кто скажетъ, что мы такъ противъ Шереметевыхъ говоримъ по гнѣву, или за Собакиныхъ, то Богъ мнѣ свидѣтель и Пречистая, и чудотворецъ Кириллъ, что говорю только ради монастырскаго порядка. Бывало у насъ и за малыя вещи прежніе старцы стояли; когда мы, въ первый разъ, были въ Кириллов‍ѣ еще въ дѣтствѣ, и опоздали ужинать, потому что у васъ, въ лѣтнюю пору, нельзя распознать дня съ ночью, и спросили для насъ стерляжей у подкеларя Исаіи Немаго, онъ отвѣчалъ: «мнѣ о томъ приказу не было, а нынѣ ночь, взять негдѣ. Государя боюсь, а Бога надобно еще больше бояться.» Такова была у насъ тогда крѣпость, по слову псаломному: «правдою и предъ Цари не стыдяхся,» (Псал. 118) ибо по истинѣ праведно такъ, а неначе вѣщать предъ Царями. А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельи и самъ какъ Царь, и Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими черпцами, пьютъ да ѣдятъ, какъ въ мірѣ, и Шереметевъ, не то со сватьбы, не то съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ гостинцы, и за монастыремъ у него дворъ съ годовыми запасами; а вы молчите о такомъ пагуб-

помъ безчинiи. Иные же говорятъ, будто вы горячее вино потихоньку къ нему въ келью приносили; это ли путь спасенiя? это ли иноческое спасенiе? Или не чѣмъ вамъ было Шереметева кормить, что у него особенные годовые запасы были? Милые мои! досель многiя страны пропитывалъ Кириловъ и въ голодныя времена; а нынѣ и самихъ васъ, въ хлѣбное время, если бы только не Шереметевъ кормилъ, то всѣмъ бы вамъ съ голоду помереть! Іона Шереметевъ также хочетъ безъ начала у васъ жить, какъ и отецъ его Вассiанъ. И отцу его есть еще извиненiе, что невольею отъ бѣды постригся, хотя и тутъ Лѣствичникъ пишетъ: «видалъ я и невольею постригшихся, которые паче вольныхъ исправлялись.» А вѣдь Іону Шереметева никто въ затылокъ не билъ: за чѣмъ же такъ безчинствуетъ? Но если у васъ такiе порядки приняты, то вы о томъ сами вѣдаете. Богъ свидѣтель, что я только говорилъ ради безчинiя монастырскаго. Мнѣ что на Шереметевыхъ гнѣвъ держать! вѣдь есть его братья въ мiру и мнѣ есть надъ кѣмъ свою опалу положить, а на черноца что гнѣваться и надъ нимъ ругаться? (Весь характеръ Іоанна выразился въ этихъ краткихъ словахъ).

Или кто скажетъ, что это все за Собакиныхъ? а мнѣ о Собакиныхъ не за чѣмъ кручиниться. Варлаамовы племянники хотѣли было меня и съ лѣтьми чародѣйствомъ уморить, но Богъ меня отъ нихъ укрылъ; ихъ злодѣйство объявилось, — что же

мнѣ еще мстить за своихъ душегубцевъ? Одно мнѣ было досадно, что вы моего слова не уважили: Собакинъ пріѣхалъ съ моимъ словомъ, и вы его не побереглн, да еще моимъ именемъ укорялн, чему да будетъ судъ Божій! Можно было бы, ради нашего слова и ради насъ, покрыть его глупость. А Шереметевъ самъ по себѣ пріѣхалъ, и вы его чтете и бережете, уже не такъ какъ Собакина. Шереметевъ для васъ больше моего слова. Собакинъ отъ моего слова погибъ, а Шереметевъ самъ по себѣ воскресъ. За чѣмъ изъ за него цѣлый годъ волнуете такую великую обитель? Это другой на васъ Сильвестръ наскочилъ! (Іоаннъ укоряетъ бывшимъ своимъ наставникомъ, который вынужденъ былъ здѣсь также постричься), и однако ему не то здѣсь было, что Собакину, ради моего слова. Какой у меня гнѣвъ былъ на Шереметева, о томъ въ міру расчетъ конченъ, а нынѣ, по истинѣ, безъ страсти говорю только ради безпорядка, не за что было Шереметеву съ Собакинымъ браниться. Слышалъ я отъ нѣкоего брата, вашей же обители, безумныя рѣчи, что между нами давняя мірская вражда. Это ли ваше учительство, что постриженіемъ прежней вражды не разрушается? Какъ же отрекаться міра и всего что въ мірѣ, а вмѣстѣ съ отъятіемъ власовъ, не отрѣзать влекущее долу мудрованіе, когда Апостолъ повелѣлъ всѣмъ намъ «шествовать въ обновленіи жизни,» и Господь велѣлъ «оставить мертвыхъ погребсти своихъ мертвецовъ» (то есть любостра-

стіе), (Лукп IX). Если постриженіе не разрушаетъ мірской вражды, то не отлагается опымъ пи царство, ни боярство, ни мірская слава, и кто былъ великъ въ бѣльцахъ тотъ и въ черпецахъ. Не то же ли будетъ и въ царствѣ пебеспомъ? – кто здѣсь богатъ и великъ, тотъ и тамъ будетъ! Не есть ли это Магометова прелесть, который тоже утверждалъ? Какой же тутъ путь спасенія, если въ черпецахъ боярпнъ пе острижетъ своего боярства, а холопъ не избавится своего холопства? Какъ же сбудется Апостольское слово: «пѣсть Іудей, ни Еллинъ, пѣсть рабъ и свободь, вси едино есте о Христѣ» (Гал. III, 28.). Какъ же будутъ едино, если все остается по старому?

Въ здѣшнихъ монастырлхъ по сіе время соблюдалось равенство между боярами и мужиками торговыми. При нашемъ родителѣ, у Троицы былъ келаремъ Ипфонтъ Ряболовскій, но съ Княземъ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; на правомъ клиросѣ Лопотало, да Варлаамъ невѣдомо какой, а на лѣвомъ также Варлаамъ и какой? – сынъ Князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго! И такъ смотрите, если былъ путь спасенія, то холопъ съ Бѣльскимъ равенъ, а Князя добраго сынъ на равнѣ со страшниками; да и предъ нашими очами Игнатій Курачевъ Бѣлоозерецъ, на правомъ клиросѣ, а Ѳеодоритъ Ступицынъ, на лѣвомъ, да и ни чѣмъ не отличенъ отъ клирошанъ. И у Василія великаго написано: «если черпецъ хвалится при людлхъ, что онъ добраго роду, то да постится восемь дней

и кладетъ по 80 поклоновъ на день.» А нынѣ только и слово: тотъ великъ а тотъ того еще больше, потому и братства нѣтъ! Вѣдь если равно, такъ и братство, а если не равно, то можетъ ли быть тутъ братство? тутъ нѣтъ иноческаго житія. Нынѣ бояре по всѣмъ монастырямъ его уничтожили своимъ любострастіемъ.

Скажу еще болѣе страшное слово: какимъ образомъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Богословъ будутъ судить Бого-отца Давида, о которомъ сказалъ самъ Богъ: «что обрѣлъ въ немъ мужа по сердцу своему,» и славнаго Царя Соломона? Рыболовы будутъ на двѣнадцати престолахъ сидѣть и судить всей вселенной? – какъ намъ тогда своего Кирилла поставить съ Шереметевымъ, котораго выше? — Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказъ у Государя не былъ. Видите ли, куда насъ слабость завела, по Апостолу Павлу: «не льститеся, беседы злыя портятъ добрые нравы» (I Корин. XV, 33.). Никто да не повторяетъ сихъ постыдныхъ рѣчей: что если только намъ съ боярами не знаться, то и монастырь безъ подаяній оскудѣетъ; Сергій и Кириллъ, и Варлаамъ и Димитрій и иные многіе святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись и обители ихъ распространялись. Благочестіемъ стоятъ монастыри и бываютъ не скудны: у Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло и монастырь оскудѣлъ. А на Сторожехъ до того дошло, что и затворить монастыря не кому; по трапезѣ трава ростетъ, а и мы ви-

дали, что братіи по посьмидесяти бывало, и клирошанъ по одиннадцати на клиросъ было; отъ благочестія распространяются монастыри, а не отъ слабости. Но возвратимся къ великому Иларіону. (Тутъ слѣдуетъ опять пространная выписка изъ сего отца, о благочестіи иноческомъ и нестяжаніи, и обличенія преподобнаго противъ корысти иноковъ и ихъ искательства у сильныхъ. Все сіе приводитъ Іоаннъ для обличенія иноковъ Кирилловыхъ, сравнивая ихъ образъ жизни съ житіемъ преподобныхъ).

Малое отъ многаго напсалъ я вамъ, вы же и сами больше насъ вѣдаете и многое обрѣтете въ этомъ божественномъ писаніи. Потомъ разсказываетъ Царь, для чего взялъ изъ монастыря Варлаама Собакина, жалуя его, чтобы за его безчиніе посмирить, по монастырскому чину, и разспросить, за что у него вражда съ Шереметевымъ? да и присовѣтовать терпѣніе, если отъ васъ ему будетъ скорбно, потому что инокамъ подобаетъ спастися скорбями и терпѣніемъ. А какъ мы, возпратясь съ Нѣмецкаго похода, стали его распрашивать, онъ началъ на васъ доводить: будто вы на насъ не хорошо говорите съ укоризною; я же плюнулъ на то и его бранилъ. Онъ юродствуетъ и говоритъ самъ не знаетъ что̀, и даже что есть черницы въ мірѣ. По сему и мы, видя его сатанинское разженіе, отпустили его жить въ любострастное житіе; пусть самъ за свою душу отвѣчаетъ, если не ищетъ себѣ спасенія; къ вамъ же его не послали, чтобы васъ

не волновать, хотя ему весьма хотѣлось къ вамъ. Да и вы неразумно его къ намъ прислали, какъ бы изъ тюрьмы, давъ ему соборнаго старца вмѣсто пристава, а онъ пришелъ къ намъ какъ бы нѣкій Государь. Вы съ нимъ прислали намъ поминки, да еще пожи, какъ бы не желая намъ здоровья. Можно ли съ такою сатанинскою враждою поминки къ намъ посылать? Надобно было съ нимъ отпустить молодыхъ черисцовъ и безъ поминковъ, а соборный старецъ унять его не могъ; что хотѣлъ то и вралъ, и мы чего хотѣли то и слушали, и Варлааму ни въ чемъ не повѣрили.

Если кто скажетъ, что это жестоко и что надобно снисходить къ немощи, что Шереметевъ безъ хитрости болѣнъ и одинъ въ кельи съ келейникомъ, то за чѣмъ же у него сходбище и пиры и за чѣмъ дворъ за монастыремъ съ запасами? Все это беззаконіе а не нужда; а если нужда, пусть ѣстъ въ кельи, какъ пищій, кусокъ хлѣба, да зелно рыбы, да чашу кваса. Если сверхъ сего что послабляете, давайте что хотите, лишь бы у него не было пировъ и сходбища, какъ бывало, кромѣ развѣ духовной бесѣды, но безъ угощенія. И чтобы вещей у себя никакихъ не держалъ въ кельи; если ему что пришлютъ братія изъ міру, пусть дѣлитъ со своею братіею, и люди его пусть живутъ за монастыремъ. Тогда и ему будетъ покойно и намъ безмятежно.

Вотъ мы сколько лучшаго знали, такъ вамъ и написали; а нынѣ прислали вы къ намъ опять гра-

моту и отдыха отъ васъ нѣтъ, все о Шереметевѣ да о Хабаровѣ. Слышу еще, будто говорилъ вамъ одинъ старецъ, моимъ словомъ, чтобы Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ со всѣми, а Шереметевъ поставилъ это себѣ въ опалу. Потому ли вамъ такъ его жаль, что братія его и поныне не престаютъ въ Крымъ посылать, да бусурманство на христіанство наводить? — И Хабаровъ велитъ мнѣ себя перевести въ другой монастырь; но а не поблажаю его скверному житію и ужь больно мнѣ наскучило; иноческое житіе не игрушка; три дня черницомъ, а уже седьмой монастырь! Покаместъ былъ въ мірѣ, образа обкладывалъ да келліи ставилъ и съ четками въ рукахъ ходилъ, а нынѣ ему съ братіею вмѣстѣ есть непріятно. Надобно четки имѣть не на скрижаляхъ каменныхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердецъ. Видалъ я какъ и по четкамъ ругательски лаютъ другъ друга: что въ такихъ четкахъ? О Хабаровѣ мнѣ писать нечего: пусть какъ себѣ хочетъ такъ и дуритъ; а что Шереметевъ говоритъ, будто болѣзнь его мнѣ извѣстна, то не для всѣхъ же лежней раззорять святые законы. Намъ писать болѣе нечего; вотъ уже конецъ словесъ моихъ къ вамъ, и впредь не докучайте намъ о такихъ нелѣпицахъ. Сами знаете, если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то скуйте Шереметеву хотя золотые сосуды и царскій санъ ему устройте; уставьте съ Шереметевымъ свое преданіе а чудотворцево отложите; такъ будетъ хорошо! Какъ лучше такъ и дѣлайте, какъ себѣ

съ нимъ хотите, а мнѣ до того ничего дѣла нѣтъ, и впредь о томъ не докучайте, ибо по истинѣ ни о чемъ отвѣчать не буду. Что касается до той злокозненной грамоты, которую къ вамъ прислали прошлою весною Собакины, какъ бы отъ моего лица, сравните ее съ нынѣшнимъ моимъ писаніемъ, по слогу, и уразумѣйте, чтобы впредь нелѣпицамъ не вѣрить. Богъ же мира и пречистыя Богородицы милость и чудотворца Кирилла молитва буди со всѣми вами и нами; а мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго.»

Таково сіе знаменитое Кирилловское посланіе Іоанна, въ которомъ ясно отразились не только характеръ грознаго Царя, но и духъ его времени. Оно писано, какъ видно изъ его содержанія, послѣ Ливонскаго похода, слѣдственно въ 1578 году, за четыре года до кончины Царя, когда уже начинала въ немъ остывать внутренняя тяжкая его болѣзнь, возбудившая къ стольнимъ жестокостямъ, и когда уже онъ записывалъ, въ помянникахъ Кирилловой лавры, и другихъ обителей, имена своихъ жертвъ, иногда обозначая ихъ только собирательнымъ числомъ. Хотя обитель Кириллова особенно была для него священна, какъ предъизбранное мѣсто его постриженія, однако страшно слышать столь раболѣпныя выраженія предъ настоятелемъ и братіею, въ устахъ человѣка, не пощадившаго святителя Филиппа. Замѣчательна глубокая начитанность Царя въ божественномъ писаніи и книгахъ отеческихъ, которыя такъ назидательно приводитъ въ обличеніе ино-

ковъ. Достойно вниманія и чрезвычайное развитіе иноческой жизни на сѣверѣ Руси; особенно процвѣло оно во дни его благочестиваго родителя и, не смотря на пристрастныя обличенія Іоанна, еще было въ полномъ блескѣ и въ его время. Великій Князь Василій, былъ какъ бы одинъ, изъ числа иноковъ своей державы, не только въ часъ смертный, но и при жизни, и находилъ большое утѣшеніе въ духовной бесѣдѣ со всѣми великими свѣтильниками его вѣка, съ Іосифомъ Волоколамскимъ, Даніиломъ Переславскимъ, Кириллемъ Комельскимъ и многими другими и, странствуя по обителямъ, не разъ вызывалъ ихъ къ себѣ въ столицу. Это благочестивое направленіе отразилось и на воспитаніи его сына, потому что самый духъ времени дышалъ расположеніемъ къ отшельнической жизни; многіе изъ боляръ и князей нашихъ оканчивали дни свои подъ схимою, а между тѣмъ самые иноки являлись миротворцами и совѣтниками Царей, въ трудныхъ обстоятельствахъ царственныхъ и гражданскихъ того вѣка, хотя ихъ единственнымъ занятіемъ, казалось, была одна только молитва.—Если бы съ этой духовной точки проследить исторію нашу, въ ней открылось бы много драгоцѣнныхъ сказаній, которыя теперь таятся въ неизвѣстныхъ для насъ житіяхъ нашихъ отечественныхъ святыхъ.

Ограда, оружейная и ризница.

Съ высоты Иваповскаго или Кирилловскаго холма открывается, во всемъ ея величіи, внѣшняя ограда обители съ ея исполинскими башнями; она простирается болѣе нежели на версту, на 716 саженъ, и усвоила монастырю названіе города, когда еще не прилегалъ къ стѣнамъ его нынѣшній уѣздный городокъ. Много жилья для ратныхъ людей помѣщалось въ нижнемъ ярусѣ ограды, потому что Кирилловъ почитался крѣпкою твердынею во время Литовскихъ набѣговъ, и если не выдержалъ столь долгой осады, какъ лавра Троицкая, однако можетъ также похвалиться отраженіемъ непріятельскихъ приступовъ и своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ. Въ лѣтописцѣ обители записано, что «въ 7120 году (1612), Іюня въ 10-й день, Литва выжгла и высѣкла Бѣлоозеро (отстоящее только за 30 верстъ отъ обители); а въ 20-й день Августа подходила подъ Кирилловъ монастырь, съ

Уломской дороги, и выжгла гостинный дворъ, конюшенный и шпальню; а въ следующемъ году, Сентября въ 22-й день, Литва выжгла Вологду и опять приступила къ монастырю, ночью, Декабря на 5-е число; панъ Бобовскій съ Черкасами, непремѣнно покушались взять монастырь, потомъ же панъ Песоцкій съ братомъ своимъ, ночью на 11-е число, приступали къ монастырю, но были отбиты.»

По преданію старожиловъ, одинокій холмъ на западной сторонѣ Сиверскаго озера, слывущій Золотухой, есть то место, где стоялъ таборъ Черкасскій и Литовскій во время осады; здѣсь былъ убитъ ядромъ, съ монастырской башни, вражескій воевода; потому и носится еще суевѣрная молва, будто бы подъ симъ холмомъ зарыты награбленныя сокровища Литовскія, которыя можно обрѣсти только въ Ивановъ день. Едва лишь умиротворилось государство, какъ уже почувствовали необходимость укрѣпить Кириллов. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ предпринялъ обновить его обширную ограду въ 1633 году; она строилась въ теченіи 33-хъ лѣтъ и окончена при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который на нее пожаловалъ въ 1666 году 45,000 рублей, сумму огромную по тогдашнему времени, кромѣ содержанія работниковъ. Еще прежде сего занято было до 5,000 рублей обителью, у боярина Морозова, скончавшагося въ ней инокомъ; но и это принялъ Государь на счетъ казны, по смерти боярина.

Стѣны съ трехъ сторонъ, восточной, сѣверной и западной, въ три яруса, и только въ одинъ съ южной, которая прилегаетъ къ Сиверсову озеру. До пяти сажень высоты въ большой стѣнѣ и до трехъ ширины: по этому можно судить какова ея прочность и чего стоила. Весь нижній ярусъ состоитъ изъ келлій или чулановъ, безъ печей и помоста; иногда по три келліи соединялись между собою, но не болѣе квадратной сажени въ каждой изъ нихъ: такихъ считается до ста въ большой оградѣ и всѣ онѣ пусты. Во второмъ и въ третьемъ ярусѣ одни лишь открытыя арки, для свободнаго хода вокругъ всей стѣны; со стороны озера стѣны утверждены быками, отъ напора волнъ, и крыша ихъ покрыта желѣзомъ. Десять каменныхъ башенъ, различной высоты и зодчества, стоятъ по оградѣ, не считая малыхъ. Всѣхъ величественнѣе Московская, прежде называвшаяся Ферапонтовою, по направленію къ сей обители, на сѣверозападномъ углу большой ограды, о 15 граняхъ и въ нѣсколько поясовъ; высота ея слишкомъ двадцать пять сажень, и 130 ступеней ведутъ на верхъ. Во всю ея высоту, отъ самаго подвала и до крыши, стоитъ внутри каменный столбъ, раздѣленный на ярусы или такъ называемые мѣшки, куда по преданію сажали преступниковъ или плѣнныхъ: страшная темница, если она дѣйствительно когда-либо тутъ существовала; но чего не дѣлалось въ средніе темные вѣка?

Посреди сѣверной стѣны Казанская башня, надъ въѣздными вратами, не столь изящна какъ

Московская; но и она имѣетъ до 14 сажень высоты. Вологодская, на юго-восточномъ углу, нарядные всѣхъ башень, возвышается надъ озеромъ, съ красными кирпичными полосами, раздѣляющими ее на восемь ярусовъ; высота ея до 16 сажень и внутри ея такой же каменный столбъ, какъ и въ Московской. На юго-восточномъ углу малаго Ивановскаго монастыря, стоитъ 16-ти гранная-башня Кузнецкая, также въ 16 сажень высоты и со столбомъ внутри, и не далеко отъ нея, на внутренней оградѣ, та небольшая башня Котельная, которую принимаютъ нѣкоторые за темницу Никонову. Еще одна высокая башня, въ 18 сажень, Мережная, на юго-западномъ углу ограды, служитъ твердынъ оплотомъ обители Прочія не столь замѣчательны, потому что не превышаютъ десяти сажень; одна изъ нихъ, Косая, посреди западной ограды, теперь ниже всѣхъ, потому что обрушилась въ 1786 году, но прежде не уступала Вологодской и Московской; она служила главною защитой съ этой стороны, гдѣ глубокое болото примыкаетъ къ монастырю. Трое внѣшнихъ вратъ сохранились отъ прежнихъ шести въ сей обширной оградѣ: Казанскія, которыя служатъ главнымъ въѣздомъ; Преображенскія, подъ церковью сего имени, съ южной стороны, и Троицкія, съ западной, близъ Мережной башни.

Я всходилъ на сію башню, такъ названную вѣроятно отъ мрежей рыбарскихъ, въ ней хранившихся по сосѣдству озера, и взошелъ можно

сказать съ опасностію, потому что всѣ внутреннія лѣстницы, изъ яруса въ ярусъ, колебались отъ ветхости и недоставало многихъ ступеней. Но за то, съ ея вершины, я былъ вознагражденъ за трудный восходъ, пространнымъ живописнымъ обзоромъ всей окрестности. Три озера облегаютъ монастырь; Сиверское, съ юга, далеко увлекаетъ взоръ синимъ своимъ зеркаломъ. Между озеръ взволнована земля лѣсистыми пригорками, которые придаютъ много живописнаго пустынной природѣ Бѣлозерскихъ предѣловъ; гора Маура, отдѣляющая обитель Горицкую отъ Кириллова и долину Шексны отъ озеръ, величественно встаетъ на небосклонѣ. Смиренный городокъ Кирилловъ прислонился съ другой стороны къ обители, подъ сѣнь преподобнаго, обязанный ему своимъ существованіемъ и весьма недавно. Съ вершины башни, открывается внутреннее запустѣніе обители, раздѣленной оградами и корпусами келлій на множество дворовъ; ихъ считалось одиннадцать: мережечный, конюшенный, поваренный, плотничій и тому подобно, ибо каждый имѣлъ значеніе въ свое время, а теперь они всѣ пусты. Если еще и до сихъ поръ огромными кажутся внутреннія зданія и внѣшняя ограда Кириллова, что же было по дни его славы? потому что, въ исходѣ минувшаго столѣтія, разобрано было за ветхостію до 13 башенъ, съ внутренними ихъ оградами, которыя раздѣляли служебные дворы, и до пяти корпусовъ жилыхъ келлій, изъ числа 15, которыя дѣйствительно давали видъ го-

рода монастырю. Онъ пришелъ бы въ совершенный упадокъ, если бы въ 1835 году, ревностный къ благолѣпію храмовъ, Митрополитъ Серафимъ, не испросилъ у Святѣйшаго Синода до 70 тысячъ рублей, для обновленія древней обители.

Изъ подъ святыхъ воротъ, мы поднялись въ церковь Лѣствичника и Стратилата, память Ангеловъ дѣтей царскихъ. Къ симъ церковнымъ примыкаетъ обширная палата, вмѣстѣ оружейная и книгохранилище, по странному смѣшенію внѣренныхъ ей предметовъ храненія. Впрочемъ, и изъ такого смѣшенія, мудрость восточная умѣла однажды извлечь назидательное слово, которое здѣсь привожу случайно, хотя и не касается оно обители Кириллової; но иногда одно слабое подобіе влечетъ къ воспоминаніямъ отдаленнымъ. Случилось въ 1828 году, при занятіи нами Ахалцыха, брату моему разбирать древнюю библіотеку покореннаго города, вмѣстѣ съ осмидесяти-лѣтнимъ муллою, которому издавна вѣрено было ея храненіе. Между пыльныхъ хартій внезапно нашлось ядро, пробившее своды во время кровопролитной осады; участникъ этой осады, подпявъ его изъ груды книгъ, съ улыбкою подалъ старцу и спросилъ: «скажи, къ какому разряду книгъ приложить эту?» – Взялъ ядро изъ рукъ его мулла, долго смотрѣлъ, какъ бы взвѣшивая и тяжесть ядра и свою тайную мысль, и покачавъ сѣдою головою, сказалъ глубокое слово: «сынъ мой! поставь это къ разряду тѣхъ, которыя говорятъ о непостоян-

ствѣ дѣлъ человѣческихъ. Уже болѣе полувѣка, какъ я блюстителемъ сего хранилища, и на моей памяти три раза переходило оно изъ рукъ въ руки, то Турокъ, то Персіянъ, и вотъ теперь оно въ вашихъ!» — Сколько глубокой поэзіи, въ такихъ немногихъ словахъ!

Теперь монастырскій арсеналъ Кириллова имѣетъ для насъ только достоинство древности и воспоминаній о прежней воинской силѣ обители. Когда смотришь на рядъ заржавленныхъ пищалей, бердышей и сѣкиръ, развѣшанныхъ кругомъ стѣнъ, или поперегъ обширной палаты, надъ полками древнихъ хартій; когда подъемлешь тяжелые шлемы, панцыри и кольчуги минувшихъ лѣтъ, воображеніе невольно переноситъ въ славные вѣка нашихъ витязей предковъ. Но было время, когда это ржавое нынѣ оружіе почиталось сокровищемъ для обители и служило оплотомъ государству противъ Литвы; укрѣпленный монастырь могъ дѣйствительно считаться тогда первостепенною твердынею, потому что кромѣ царскихъ стрѣльцовъ, вооружалъ онъ собственныхъ ратниковъ изъ 20,000 своихъ крестьянъ. Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ продолженіи XVII вѣка, столь смутнаго для нашего отечества, она нѣсколько разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами, въ 1638, 1676 и 1679 годахъ, и еще однажды въ 1701 году.

По описи 1668 года, оружейная палата Кириллова заключала въ себѣ до 8,500 различнаго рода

оружіи, начиная съ мѣдной пушки и до простаго кинжала. Каждая пушка и даже пищаль имѣли свое названіе: порывай, задоръ, полканъ и тому подобно, и пищали прозывались также: левъ, попугай и прочее. До десяти пушекъ было большаго калибра, въ 80 и болѣе пудовъ, и до 20 средняго, въ 40 и 50 пудъ, которыя разставлены были по стѣнамъ, а потомъ въ различныя времена вытребованы по городамъ, когда монастырь потерялъ значеніе крѣпости. Одного пороха хранилось въ немъ болѣе 300 пудовъ, ядеръ до 3,000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, а пищалей Турецкихъ и Шведскихъ 350 и столько же карабиновъ, и до 000 пистолетовъ и сабель великаго размѣра, кромѣ древняго оружія: — не малое собраніе по тогдашнему времени и по самому мѣсту. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по описанію церковной іерархіи, считалось тамъ до 10 пушекъ, болѣе 300 ружей и столько же пистолетовъ, бердышей до 100, кольчугъ и шишаковъ по 50. Все это, по заглавію древней описи, хранилось и отчасти еще хранится подъ сѣнію милосердія Божія, ибо такъ начинается опись: «палата оружейная каменная, а въ ней милосердія Божія образовъ: деисусъ въ кіотѣ, на трехъ доскахъ, потомъ пречистыя Богородицы, Іоанна Предтечи; ризы ихъ разцвѣчены золотомъ; видно во всемъ благочестіе предковъ!

Что сказать о древней библіотекѣ, нѣкогда весьма знаменитой, нынѣ же оскудѣвшей, въ теченіи многихъ лѣтъ упадка обители? Теперь только, за-

ботами нынѣшняго ученаго настоятеля, приводится она въ порядокъ и составляется ей опись; но это трудъ большой, потому что кромѣ множества рукописей, разставленныхъ по полкамъ, еще много есть ящиковъ, наполненныхъ ветхими свитками дѣлъ монастырскихъ, полу-истлѣвшими полу-изорванными, изъ которыхъ стараются теперь составить что-либо цѣлое. Господь да поможетъ довершить благое начало! Извѣстно, по исторіи Россійской іерархіи, что нѣсколько разъ былъ тревожимъ архивъ Кирилловской и принужденъ дѣлиться съ другими. Много извлекъ изъ него Никонъ Патріархъ, въ библіотеку Софійскую и въ свою домовую, которая теперь обращена въ Синодальную. Еще прежде Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вытребовалъ изъ Кириллова всѣ двойные экземпляры лучшихъ рукописей, въ приказъ большаго дворца, и велѣлъ списать для себя наиболѣе любопытные. При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 году, опять вытребовано было много книгъ изъ обители, для составленія степенныхъ книгъ и въ учреждаемую имъ академію, а потомъ еще поступали книги въ Святѣйшій Синодъ и въ Императорскую библіотеку. По описи XVIII вѣка, которая хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, считалось однихъ рукописныхъ книгъ въ Кирилловѣ монастырѣ до 2,092, и еще не всѣ помѣщены въ каталогъ. Послѣ всего что было взято въ разныя времена изъ библіотеки, еще по описи 1841 года, числится въ ней болѣе 1,900 книгъ, преимущественно церков-

ныхъ: между ними евангелій 66, апостоловъ 40, псалтырей 130, миней 132 и столько же канонниковъ и требниковъ.

По нынѣшнимъ ея остаткамъ, можно судить о прежнемъ богатствѣ. Много въ ней сохранилось еще книгъ отеческихъ, или патерниковъ, въ которыхъ любители русской старины отыскать могутъ свѣдѣнія, неизвѣстныя свѣту, и должно ожидать драгоцѣнныхъ открытій, изъ составляемой нынѣ описи. Покамѣсть будемъ довольствоваться учеными изысканіями Г. Шевырева, въ его поѣздкѣ въ Кирилловъ монастырь, потому что онъ отчетливо изложилъ все, что можно разсмотрѣть любознательному человѣку, въ краткій срокъ его посѣщенія. Цѣлая глава его любопытной поѣздки, посвящена сей библіотекѣ и филологическія его отмѣтки, при обширныхъ свѣдѣніяхъ по сему предмету, драгоцѣнны для каждаго ученаго. Онъ указываетъ на нѣсколько сборниковъ, восходящихъ до глубокой древности, по своему содержанію. Не повторяя сказаннаго имъ, не могу однако не указать будущимъ посѣтителямъ на драгоцѣнный псалтырь боярина Дмитрія Ивановича Годунова, роскошно написанный, съ раскрашенными картинками на листахъ, потому что эта книга невольно поразитъ взоры каждаго ученаго и неученаго.

Не слѣдуетъ ли упомянуть здѣсь, о знаменитыхъ синодикахъ Кирилловскихъ, хотя они хранятся не въ библіотекѣ, а въ соборѣ, гдѣ за каждою литургіею, въ теченіи цѣлаго года, постепенно

читаются записанныя имена усопшихъ? – Это обширное поле смерти, засѣянное тысячами именъ, славныхъ и не славныхъ, которыя накопились въ теченіи многихъ вѣковъ. Начинается родъ преподобнаго Кирилла и его присныхъ собесѣдниковъ, потомъ родословіе Царей и Князей нашихъ и Святителей, людей служилыхъ и простой чади, за коихъ постоянно молитъ Церковь, для всѣхъ широко отверзающая свои объятія, ибо по выраженію ея погребальныхъ пѣсней: «не разнствуетъ за предѣлами гроба, царь отъ воина, богатый отъ убогаго.» Вѣроятно самъ преподобный Кириллъ положилъ начатокъ синодику сему, ибо тутъ записанъ родъ его а потомъ слѣдуютъ, въ страшномъ смѣшеніи, сильные и убогіе міра сего, съ такаго рода отмѣтками надъ ихъ именами: надъ Игнатіемъ, – Вологодскій крестьянинъ; надъ инокомъ Іоною, – Воротынскій; надъ Варлаамомъ, – Воротынскаго человѣкъ; надъ Арсеніемъ, – глухой; надъ Ѳеодосіемъ – Шереметевъ; надъ Евстратіемъ, – кузнецъ; надъ Аврааміемъ, – былъ въ Казани Митрополитъ; надъ священно-инокомъ Спиридономъ, – попъ Селиверетъ, (бывшій совѣтникъ Іоанна); надъ Княземъ Петромъ, въ инокахъ Пименомъ, – Щепятевъ, (замученный Грознымъ) и тому подобное. Иногда, по Государеву указу, бывалъ записываемъ помянъ по всякаго рода чинахъ, которые побиты подъ Псковомъ или подъ Смоленскомъ; а иногда и цѣлыя тысячи жертвъ Іоанновыхъ, подъ однимъ краткимъ собирательнымъ словомъ: «помяни Госпо-

ди души рабъ своихъ, тысящю пять сотъ пятн человѣкъ Новгородцевъ, отдѣланныхъ по Малютинѣ сказкѣ.» (т. е. убіенныхъ).

Такъ какъ самъ преподобный Кириллъ занимался писаніемъ книгъ и послѣ него нѣсколько осталось келейныхъ рукописей, то и присные ученики его, Ѳерапонтъ, Мартиніанъ, Христофоръ, Нилъ Сорскій и другіе, подражая его примѣру, занимались также писаніемъ книгъ; въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго, сказано, что онъ по себѣ оставилъ много книгъ своего письма въ Кирилловѣ, которыхъ впрочемъ уже теперь тамъ нѣтъ, но еще сохранились въ ризницѣ нѣсколько рукописей, письма Христофорова. Любитель просвѣщенія духовнаго, святый Іосифъ Волоколамскій, подвизавшійся въ обители Кирилловой, быть можетъ въ ней почерпнулъ свою любовь къ ученымъ занятіямъ и, можно сказать, что любознательный духъ святаго Кирилла, сдѣлался наслѣдіемъ его учениковъ, которые вмѣнили себѣ въ обязанность, прилагать письменные труды свои къ его трудамъ; такимъ образомъ, составилась сія обширная библіотека, единственная въ свое время, потому что ни въ какой иной обители, ни даже въ лаврѣ Троицкой, не было подобной. Не достойно ли особеннаго вниманія, что въ такой глуши, на дикомъ сѣверѣ, Кирилловъ монастырь, служившій мѣстомъ заточенія, былъ не только разсадникомъ иночества, по многому числу вышедшихъ изъ него настоятелей, но въ то же время источникомъ просвѣщенія

по своимъ книгамъ, и одною изъ сильнѣйшихъ твердынь государства, въ тревожныя его эпохи?

Мнѣ оставалось видѣть еще древнюю ризницу, и на слѣдующій день я могъ внимательно ею заняться; признаюсь, грустное впечатлѣніе она во мнѣ оставила. Послѣ лаврской не было ризницы богаче Кирилловой, потому что ни въ одной обители, не было столько драгоцѣнныхъ вкладовъ, отъ Царей и богатѣйшихъ вельможъ нашихъ; въ теченіи четырехъ вѣковъ поступила въ нее огромная сумма, по тогдашнему времени, 140,000 рублей одними денежными вкладовъ, какъ значится по старымъ монастырскимъ описямъ. Самымъ щедрымъ вкладчикомъ былъ Царь Іоаннъ, одинъ пожертвовавшій въ обитель слишкомъ 23,000 рублей; терзаемый совѣстію, единовременно взносъ онъ по душѣ убіеннаго имъ сына, Царевича, 2,355 рублей, и по «опальныхъ, избіенныхъ, истопленныхъ и сезженныхъ, съ женами, чадами и домочадцами,» дано имъ 2,200 рублей: — не страшная ли это лѣтопись его царствованія записана въ синодикахъ Бѣлозерскихъ? Не забылъ онъ и своего добродѣтельнаго наставника, іерея Сильвестра, удалившагося въ Кириллову обитель отъ его гоненій и потомъ сосланнаго въ Соловецкую; Царь послалъ по немъ и по сынѣ его Аѳонѣ, 25 рублей, а душепрокащики ихъ внесли еще 140 рублей, и боярин Адашевъ, также бывшій другъ и гонимый Іоанномъ, внесъ сюда 200 рублей помяновенія по отцѣ своемъ инокѣ Арсеніѣ, постриженномъ въ Кирил-

ловъ, ибо это было тогда общее пристанище обуреваемыхъ вельможъ. Ихъ денежныхъ вкладовъ достаточно было, чтобы обогатить обитель; одни Шереметевы пожертвовали 3,800 рублей, Голицыны 3,500 рублей, Воротынскіе 1,600 и такъ далѣе, и каждый Святитель посильное приносилъ отъ себя подаяніе преподобному Кириллу.

Можно судить по симъ вкладамъ и о богатствѣ прежней ризницы, въ которой жемчужныхъ облаченій считалось до семнадцати, по описи 1664 года. Одинъ Іоаннъ прислалъ на шесть тысячъ рублей богатѣйшихъ ризъ, ради поминовенія по сынѣ своемъ Царевичѣ Іоаннѣ. Но въ исходъ минувшаго столѣтія начался упадокъ обители и постепенное оскудѣніе ризницы. Въ 1785 году, вытребовано было въ Москву, много драгоцѣнныхъ вещей изъ Кириллова, жемчужныхъ одеждъ, золотыхъ крестовъ и потировъ, которые потомъ поступили въ различныя лавры; такимъ образомъ невозвратно взяты 12-ть панагій и до шести крестовъ, четыре архимандричьи шапки, и до 15-ти ризъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще болѣе оскудѣла древняя ризница, потому что много старинныхъ вещей сосудовъ и облаченій, числомъ до 400, какъ безполезные, были обращены въ слитки серебра, что составило до четырехъ пудовъ, но утратилось невозвратимое – древнія святыня. Это объясняетъ нынѣшнюю скудость ризницы Кирилловой; тѣмъ драгоцѣннѣе становится для насъ Троицкая, которая

соблюдаетъ въ лѣтописномъ порядкѣ всѣ царственныя даянія своихъ вкладчиковъ.

Самый драгоцѣнный предметъ въ ризницѣ, есть подлинный образъ, или лучше сказать портретъ преподобнаго Кирилла, писанный ученикомъ его, также прославленнымъ въ ликахъ святыхъ, Діонисіемъ Глушицкимъ. Не болѣе пяти вершковъ въ сей чудной иконѣ, но святый Кириллъ изображенъ въ ростъ, уже въ старческихъ лѣтахъ, съ открытою головою, съ челомъ возвышеннымъ, выражающимъ благочестивую думу; руки его сложены на персяхъ; на немъ мантія иноческая и аналавъ съ крестами. Золотые вѣнецъ и цата, на иконѣ, великолѣпно украшены крупнымъ жемчугомъ, яхонтами, изумрудами и алмазами; не менѣе богато украшены сребропозлащенныя поля вокругъ иконы, съ изображеніемъ на нихъ знаменія Божіей Матери и Херувимовъ, усыпанныхъ лалами и бирюзой. На подписи значится, что образъ сей обложенъ въ 1614 году, при игуменѣ Матѳеѣ, который былъ въ послѣдствіи Митрополитомъ Казанскимъ и оставилъ по себѣ много драгоцѣнной утвари; есть на иконѣ драгоцѣнныя припѣски, отъ Княгини старицы Евфросиніи, жившей въ Горицкомъ монастырѣ. Особенный кивотъ устроенъ для храненія сей драгоцѣнной иконы, которая обыкновенно стоитъ въ Успенскомъ соборѣ, а на кивотѣ подпись, что она писана еще при жизни преподобнаго, въ 1424 году. На внутреннихъ створахъ, во дни того же игумена Матѳея, изображены четыре событія изъ жиз-

ни святаго Кирилла: его рожденіе, явленіе ему Божіей Матери, сооруженіе имъ креста при основаніи обители, и писаніе съ него портрета, преподобнымъ Діонисіемъ.

Отъ блаженнаго Кирилла сохранились и нѣкоторыя келейныя вещи, бывшія у него въ употребленіи: напрестольное евангеліе, писанное ученикомъ его Христофоромъ въ 1417 году. На заглавномъ листѣ начертано полууставомъ молитвенное предисловіе: «Господи Іисусе Христе, Сыне единородный безначальнаго Отца, рекій пречистыми ти усты, яко безъ мене не можете творити ничтоже; Господи мой Господи! вѣрою объемь въ душѣ моей и въ сердцѣ, тобою реченное, припадаю къ твоей благости; помози мнѣ грѣшному сіе желанное мною начесть, о тебѣ самомъ и наверипти,» а въ концѣ столь же смиренное послѣсловіе: «края достигохъ, о Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ возмогаемь, святаго евангелія божественную книгу сію, грубыми и неудобренными алфавиты, въ лѣто 6925, Іюля въ 12 день, на память преподобнаго отца Онуфрія.» Среброкованный окладъ сдѣланъ былъ на сіе евангеліе, еще при жизни преподобнаго Кирилла, повелѣніемъ Великаго Князя Василія Васильевича, какъ значится въ подписи, и потомъ оно было поновлено Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году; тогда вставлена въ окладъ икона Знаменія, съ ликами преподобныхъ Сергія и Кирилла. Есть еще до тринадцати келейныхъ

книгъ, писанныхъ самимъ преподобнымъ, или ближайшими его учениками.

Сохранилась и риза святаго Кирилла, изъ бѣлаго мухояра, обшитая голубою камкою, съ такимъ же крестомъ, подбитая простой холстиною, драгоцѣнная не по своему убранству, подобно Сергіевой, и стихарь изъ той же матеріи, съ голубымъ оплечьемъ. Тамъ и его духовное завѣщаніе, которое уже намъ извѣстно, на имя Можайскаго Князя Андрея, писанное собственною рукою угодника Божія, столбцемъ, длиною въ 11 вершковъ, полууставомъ, почеркомъ довольно четкимъ и краснымъ съ титлами. Есть и двое вериг съ крестами, въ которыхъ подвизался преподобный: въ одной изъ нихъ вѣса болѣе 8 фунтовъ, и шерстяной его колпачекъ и шуба изъ черныхъ овчинъ, и такъ называемый татаурецъ, или ременный поясъ, съ деревянною пряжкою и карманнымъ ножикомъ, двѣ чашки изъ красной мѣди, въ видѣ ковшей, съ кожаными ихъ влагалищами, приспособленныя къ дорогѣ, дабы могъ онъ, по слову псаломному, «изъ потока на пути пить» (Пс. 109.) и путническій костыль его, изъ орѣховаго дерева; а изъ священной утвари, деревянные сосуды, съ которыми совершалъ самъ божественную литургію: красный потиръ съ денсусомъ и такой же дискосъ, совершенно подобные тѣмъ, съ коими служилъ и блаженный учитель его, Радонежскій Сергій, ибо нѣсть ученикъ болѣе учителя, по слову евангельскому (Матѳ. X, 24), а Кириллъ подражалъ ему въ смиреніи. Не умилитель-

но ли видѣть, что въ сей нѣкогда великолѣпной ризницѣ, убогая утварь перваго настоятеля, пережила все собранное и въ послѣдствіи утраченное богатство, которое, казалось, закрѣплено было столькими грамотами и замками.?

Посмотримъ, что же осталось отъ всѣхъ великолѣпныхъ вкладовъ Царя Іоанна Васильевича? осталися: *одни* золотые его сосуды, потиръ, дискосъ и лжица, гладкіе безъ украшеній, съ обычнымъ денсусомъ и причастными на нихъ словами, и два серебряныя блюдца; копіе же и звѣздица отъ нихъ, уже утрачены, и еще серебряный ковшъ Царя: – вотъ и вся память Грознаго, въ любимой его обители, на чье имя даже постригся. Есть еще другой золотой потиръ, но уже не царскаго вклада, а современнаго Іоанну Святителя Полоцкаго Аванасіл, который былъ тринадцать лѣтъ игумномъ обители, потомъ столько же лѣтъ возсѣдалъ на каѳедрѣ Полоцкой и успокоился опять на мѣстѣ иноческаго своего обѣта. Еще серебряные сосуды, пожертвованы Императрицею Анною, которая особенно благоговѣла къ обители; другихъ болѣе драгоцѣнныхъ не сохранилось у преподобнаго Кирилла, котораго ризница не уступала Сергіевой. Заслуживаетъ вниманія еще одна позлащенная кадильница, въ видѣ пятиглаваго собора, которая пожертвована, въ 1668 году, служителемъ Князя Воротынскаго, съ изображеніемъ на ней семи первыхъ діаконовъ Апостольской церкви.

Между замѣчательными покровами на раку пре-

подобнаго, уцѣлѣло нѣсколько шитыхъ шелками и золотомъ съ ликомъ святаго, тѣлеснаго цвѣта, но они рѣдко возлагаются на его гробницу. Самый древній изъ нихъ, 1514 года, есть даръ Великаго Князя Василія Іоанновича, постригшагося на имя обители. Второй изъ нихъ его невѣстки, Царицы Анастасіи изъ дома Романовыхъ, 1555 года, пожертвованный послѣ взятія Казани, но уже утратились жемчуги, которыми былъ унизанъ. Третій покровъ шитъ золотомъ и шелками, по голубому полю: это приношеніе отъ святаго святому, даръ мученика Царевича Димитрія преподобному Кириллу, съ которымъ вмѣстѣ сопричтенъ къ ликамъ заступниковъ земли Русской. Сверху вышита икона Святой Троицы, а въ каймѣ тропарь святому Кириллу; въ подписи сказано, что «повелѣніемъ Царя Ѳеодора Іоанновича и его супруги, Божіею милостію Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руси сынъ, Царевичъ Князь Димитрій Іоанновичъ Угличкій, приложилъ покровъ сей Кириллу Бѣлозерскому чудотворцу, за ихъ Государево здравіе, и за свое и за матерь свою, Царицу и Великую Княгиню Марію.» Изъ сего видно, что Царевичъ, будущая жертва Годунова, уже въ Угличѣ и какъ бы домогается напомнить о себѣ предъ лицемъ всей Россіи, что онъ дѣйствительно сынъ Царя и слѣдственно его наслѣдникъ. Есть нѣчто лѣтописное, и вмѣстѣ траурное въ этомъ покровѣ! Четвертый устроенъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, супругою его Маріею Ильинишною.

Драгоцѣнна плащаница, шита древнимъ высокимъ искуствомъ, въ Горицкой обители, которая всегда славилась своимъ рукодѣльемъ. На ней изображено положеніе во гробъ Спасителя, а вокругъ восемь Апостоловъ и столько же Пророковъ, три Святителя Греческіе и три Московскіе и еще нѣсколько ликовъ Святыхъ, съ предстоящими Ангелами. Это даръ Княгини инокини Евфросиніи, вдовы Князя Старицкаго Андрея, которая была столь великолѣпна въ своихъ вкладахъ обители Кирилловой: она ихъ жертвовала по своемъ мужѣ, для царскомъ, замученномъ въ темницѣ Московской, во дни малолѣтства Іоаннова, его суровою матерью правительницею Еленою, и по сынѣ своемъ Князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, который пострадалъ, быть можетъ, по ея честолюбивому совѣту, когда внушила ему дерзновенную мысль, во время болѣзни Царя, что онъ можетъ быть его наслѣдникомъ. Но еще плащаница устроена, какъ видно по надписи, при жизни сына, когда однако уже висѣлъ мечъ надъ его главою; честолюбіе проглядываетъ изъ словъ самой надписи: «въ царство благовѣрнаго Царя Іоанна Васильевича всея Руси, при преосвященномъ Митрополитѣ Макаріи, повелѣніемъ благовѣрнаго Князя Владимира Андреевича, внука Государя Іоанна Васильевича всея Руси». Мать инокиня напоминаетъ здѣсь о высокомъ происхожденіи своего сына, которое обольстило ее столькими несбывшимися надеждами. Вскорѣ сынъ ея, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, вынужденъ былъ вы-

пить ядовитый кубокъ, предъ лицемъ Грознаго, а его мать, не пощаженная даже въ иночествѣ, утоплена въ рѣкѣ Шексне, подъ стѣнами обители Горицкой.

Посмотримъ теперь, что же осталось отъ богатыхъ облаченій, которыхъ громкая память сохранилась еще въ описи монастырской? Тамъ упоминаются ризы для двухъ священниковъ, пожалованныя Царемъ Іоанномъ, сплошь унизанныя жемчугомъ сверху и до низу, съ драгоцѣнными на нихъ камнями въ золотыхъ дробницахъ, въ коихъ считалось до 160 лаловъ, изумрудовъ, яхонтовъ и алмазовъ, такъ что полное облаченіе весило болѣе полупуда, едва выносимое для служащаго, и такой же при немъ полновѣсный стихарь. Были еще пятнадцать ризъ жемчужныхъ, не много уступавшихъ сему царскому дару, хотя и невѣдомыхъ вкладчиковъ, и болѣе 150 ризъ парчевыхъ, не считая прочихъ мелкихъ предметовъ. Когда же при Патріархѣ Іоасафѣ II въ 1679 году, игуменъ Кирилловскій Аоанасій, возведенъ былъ на степень архимандрита, съ предоставленіемъ ему и осѣненія архіерейскаго, то нѣсколько великолѣпныхъ митръ устроилось въ ризницѣ. По старымъ описямъ ихъ считалось семь и одна превосходила другую богатствомъ. Теперь же осталась одна только митра, нѣсколько украшенная жемчугами и камнями, съ золотыми дробницами, не весьма давній вкладъ жены окольничьяго Алферова, и жемчужное оплечье, богато унизанное перлами и камня-

ми драгоцѣнными, которое достойно еще временъ минувшихъ; тутъ все сокровища Кирилловы!

Вотъ и еще одно свидѣтельство, мимотекущаго счастія и непостоянства славы человѣческой въ ризницѣ Кирилловой, и этимъ заключу ея описаніе. Въ незамѣтномъ углу ея виситъ бѣлый клобукъ, бывшаго Никона Патріарха, и стоятъ его деревянныя кресла, весьма простыя, имъ самимъ сдѣланныя, во время заточенія; ручки рѣзныя, окрашены голубою краскою, сидѣнье обито зеленымъ полубархатомъ. Снизу на ручкахъ начертана полууставомъ крупная надпись: «лѣта 7176 (1668), Марта дня сей стулъ сдѣланъ смиреннымъ Никономъ Патріархомъ, въ заточеніи за слово Божіе, за святую Церковь, въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ». Бывшій Патріархъ перенесъ ихъ съ собою и въ тюрьму Кириллову, и на нихъ, вѣроятно, сидѣлъ онъ на крыльцѣ, въ послѣдній день своего заточенія, когда по тайному предчувствію сталъ собираться въ путь; съ нихъ болѣзненно онъ приподнялся, чтобы выслушать милостивый указъ царскій о своемъ возвращеніи, и двинуться въ желанный путь къ своей обители, который не суждено ему было довершить живымъ, ибо вмѣсто земнаго Іерусалима ожидалъ его небесный и только одна могила, подъ устроенною имъ Голгоѳою.

Какія странныя бываютъ встрѣчи въ жизни! Вечеромъ, въ сопровожденіи намѣстника, обходилъ я опять пустынные дворы монастыря, останавливаясь предъ его древними храмами, чтобы еще болѣе на-

печатлѣлся въ памяти ихъ лѣтописный образъ. Долго стоялъ я подъ святыми вратами, и читалъ на нихъ въ лицахъ, отечественный нашъ патерикъ, начертанный на стѣнахъ, какъ бы для сравненія, въ противуположность съ Греческимъ. На одной сторонѣ написаны великіе отшельники наши; на другой, дивные подвижники Египта и Палестины, но болѣе было тутъ родственныхъ намъ пустынножителей, нежели восточныхъ. Два Кирилла, Бѣлозерскій и Новоезерскій, другъ противъ друга, вѣроятно по ихъ тезоименитству, ибо они не современны и не равною пользовались славою Сергій Радонежскій и Савва Освященный, достойные другъ друга, какъ родоначальники многихъ обителей; тутъ же и именитые иноки сей обители, Ѳеранонтъ и Мартиніанъ, Діонисій Глушицкій и Кириллій Комельскій, Пилъ Сорскій и Филиппъ Ирабскій, если не измѣняетъ мнѣ память; но я весьма помню Симеона столпника, на его дивномъ столбѣ, а напротивъ него, какъ райскую птицу, на развѣсистомъ древѣ, преподобнаго Павла Обнорскаго, который дѣйствительно прожилъ нѣсколько лѣтъ въ древесномъ дуплѣ, окрыляемый вѣрою, и вмѣстѣ съ хоромъ пернатыхъ, возсылалъ утреніе и вечерніе гимны Творцу всея твари, видимыхъ и невидимыхъ.

И вотъ, покамѣстъ стоялъ я, погруженный въ глубокую думу о сихъ великихъ подвижникахъ, чуждыхъ всего земнаго, внезапно услышалъ я съ земли, женскій голосъ, непріятно нарушившій мои

думы: «здравствуй, баринъ, мы давно съ тобою знакомы». Съ изумленіемъ я оглянулся и увидѣлъ женщину, которая подползла ко мнѣ на колѣняхъ, потому что не имѣла ногъ, и что еще болѣе меня удивило, на вопросъ мой: «гдѣ же мы видѣлись?» весьма рѣшительно отвѣчала: «въ Италіи! — Помнишь ли, когда я ѣздила на богомолье къ Николаю чудотворцу въ Барп, и еще лошадь моя оставалась у нашего Графа въ Неаполѣ?» Тогда я вспомнилъ Марѳу, родомъ изъ Перми, о которой я писалъ въ моихъ Римскихъ письмахъ; но мы съ нею не встрѣчались въ Италіи, а только я слышалъ о ея необычайной поѣздкѣ, отъ нашего посланника въ Неаполѣ, въ то время, какъ она находилась въ Барп. «Какъ же ты теперь очутилась въ Кириловѣ?» спросилъ я неутомимую путешественницу. «Собиралась къ Соловецкимъ чудотворцамъ, да не пускаютъ, отвѣчала она; говорятъ, тамъ Англичанинъ, такъ я пришла сюда помолиться Преподобному».—«А гдѣ же твоя дочь, которая возила тебя по Италіи?» — Она мнѣ не дочь и теперь уже меня другая возитъ, отвѣчала Марѳа, а ту я оставила въ Горицкомъ монастырѣ; захотѣла тамъ основаться.»—«А что я чаю, трудно было вамъ скитаться по чужимъ землямъ, безъ языка и безъ проводниковъ? сказалъ я нашей паломницѣ, какъ еще васъ Богъ помиловалъ, что вы остались цѣлы?» —И, баринъ, весело отвѣчала она, смѣлымъ Богъ владѣетъ, а языкъ и до Кіева доведетъ; ночью мы не ѣздили, а только днемъ, и все большими доро-

гами, а ночевали больше на дворѣ, подъ окнами постоялыхъ дворовъ, чтобы дешевле было, да и нечего у насъ было ограбить. Итальянцы-то, добрые люди, но отъ Нѣмцевъ намъ больно доставалось и много мы отъ нихъ смѣха приняли; такой уже нелюбовный народъ.»—«Да какъ же вы находили дорогу?»—«А вотъ какъ, батюшка: мы все спрашивали большіе города, что наши столицы; вотъ у Нѣмцевъ, слышали мы, главный городъ Вѣльна (то есть Вѣна Wien), мы все и спрашивали Вильну, а намъ рукою туда и указывали путь; а потомъ стали спрашивать Италію, а потомъ Рому, гдѣ у нихъ Папа сидитъ, а оттолѣ все стали спрашивать Наполе, наполе, (то есть Неаполь, по Итальянски Napoli), да такъ и доѣхали, а назадъ-то мы и безъ проводниковъ дорогу нашли; только бы первый разъ попасть, а уже потомъ Нѣмцамъ мы не клапялись.»

Не странная ли, по истинѣ, встрѣча, на дальнемъ сѣверѣ, подъ святыми вратами Бѣлозерской обители, съ безногою богомолкою, которая разсказывала мнѣ, что видѣла она «наполѣ», по ея обрусѣвшему названію очаровательной столицы южной Италіи. Если бы дѣйствительно я не слыхалъ объ ней въ Неаполѣ, отъ нашего посланника, и самъ бы ее не видѣлъ въ Кирилловѣ монастырѣ, трудно было бы повѣрить ея словамъ; но такова уже предпріимчивость народа Русскаго! Не обошелъ ли недавно другой слѣпой паломникъ, также изъ Перми, весь Востокъ, да еще и способствовалъ къ

изданію книги Святогорца, о такихъ мѣстахъ, гдѣ хотя и самъ былъ вмѣстѣ съ нимъ, но который однако не видѣлъ, а только объ нихъ слышалъ, вблизи какъ бы издали?

Горицы.

На третій день моего пребыванія въ Кирилловѣ, просилъ я отца Архимандрита, отпустить со мною его намѣстника, для посѣщенія Горицкой женской обители и пустыни Нила Сорскаго. Мы рано собрались въ путь, чтобы еще застать позднюю литургію въ Горицахъ, которыя отстоятъ за семь верстъ отъ монастыря; намъ благопріятствовало ясное весеннее утро; извучистая дорога пролегала сперва вдоль величественнаго озера Сиверскаго, а потомъ лѣсистыми пригорками, огибая высокую гору Мауру, поросшую лѣсомъ, которая господствуетъ надъ живописною долиною Шексны. На берегу сей тихой рѣки, въ одномъ изъ ея своенравныхъ изгибовъ, пріютилась у подошвы Мауры, скромная обитель иноковъ, робко искавшихъ себѣ пріюта, и здѣсь между горъ обрѣтшихъ, подобно

голубицѣ Ноевой, мѣсто столпія ногамъ своимъ, отчего и обитель прозвалась Горицами. Но это безбурное пыне пристанище, отколѣ, какъ изъ чистаго многоводнаго источника, непрерывно почерпаютъ духовную струю окрестныя обители, чрезъ набираемыхъ отселѣ настоятельницъ, – эта мирная обитель, отъ самаго своего начала, долгое время была мѣстомъ плача и царственной скорби великихъ земли, неволею здѣсь постригаемыхъ или заточаемыхъ. Горицы были, какъ и Кирилловъ, во дни Іоанна и позже, исключительнымъ мѣстомъ ссылки для княжескихъ и царскихъ инокинь, ибо не было другой женской обители, въ такой суровой глуши, подъ крѣпкою стражею Кирилловыхъ твердынь.

Первая горько обновила сію темницу великая инокиня Евдокія, бывшая въ мірѣ Княгиня Старицкая Ефросинія. Она, во дни своей славы, будучи супругою меньшаго изъ сыновей Великаго Іоанна, устроила сію обитель въ 1544 году, для неизвѣстныхъ намъ инокинь, потому что не сохранилось даже имени первой настоятельницы; она соорудила здѣсь первую церковь, доселѣ существующую, во имя Воскресенія Христова, такъ какъ предѣлы Бѣлозерскіе были всегда достояніемъ Князей Можайскихъ или Старицкихъ, младшей отрасли державствующаго великаго Князя. Не думала тогда честолюбивая Княгиня, тетка Царя Іоанна Васильевича, хотя уже испытанная бѣдствіемъ во время его малолѣтства, при жестокой правительницѣ Еле-

ив, которая умерила въ темницѣ сн мужа, недумала она, что обитель Воскресенская, ею устрояемая на дальнемъ сѣверѣ, будетъ для нее мѣстомъ заточенія: но такая горькая судьба ее здѣсь ожидала. Когда во время болѣзни Іоанновой, не состоялись ея честолюбивые замыслы, она вынуждена была сперва клятвенно отказаться отъ всякихъ притязаній, для сына своего, на вѣнецъ царскій. Потомъ, по кончинѣ кроткой Анастасіи, когда уже предвидѣлась гроза Іоаннова, Княгиня постриглась, волею или неволею, въ одно время съ своею племянницею, вдовою царскаго брата Юрія, и еще со всею пышностію двора княжескаго, сопровождена была въ Горицы, откуда осыпала своими благодѣяніями сосѣднюю обитель Кириллову. Это было въ 1568 году, а шесть лѣтъ спустя, княгиня инокиня Евдокія, по волѣ грознаго Царя, утоплена была въ мимотекущей Шексѣ, вмѣстѣ съ племянницею своею Іуліаніею, въ иночествѣ Александрою, въ виду основанной ею обители. По гнѣвъ Іоанновъ не помѣшалъ воздать имъ послѣдняго долга и обѣ княжескія страдалицы погребены были противъ олтаря соборнаго, въ особой часовнѣ, гдѣ часто надъ ихъ гробами служили панихиды.

Протекли не многіе годы и тамъ явилась другая именитая узница, вдова мучителя Ефросиніи, осиротѣвшая Царица Марія, въ иночествѣ Марѳа, которая только что лишилась сына своего мученика Царевича Димитрія, убіеннаго въ Угличѣ, и неволею была пострижена въ Череповской обители свя-

таго Николая, что на Выксѣ; но она, отъ времени до времени, посѣщала Горицы и тамъ устроила два придѣла въ соборной церкви, во имя Богоматери Одигитріи, путеводительницы на бѣдственномъ морѣ житейскомъ, и святаго Кирилла Бѣлозерскаго, какъ ближайшаго покровителя, пустыннаго ея заточенія. Вскорѣ однако, съ сердечною радостію, соорудила она и третій придѣлъ въ томъ же соборѣ, во имя прославленнаго сына ея Царевича Димитрія, котораго истлѣнныя мощи уже перенесены были въ соборъ Архангельскій, и сама она, возвращенная изъ заточенія, водворилась въ Кремлевской обители Вознесенія, при державѣ Василія Шуйскаго. Образъ сына, ею присланный для сего новаго придѣла, досель стоитъ въ церкви. Какъ утѣшительно было сердцу матери, призывать въ ликахъ святыхъ имя милаго своего отрока, столь горько и столько лѣтъ, ею оплакиваемаго!

И другихъ именитыхъ изгнанниковъ, видѣла въ стѣнахъ своихъ обитель Горицкая, во дни Годунова, въ числѣ коихъ былъ также царственный отрокъ, будущій Царь Михаилъ. Когда утвердился на престолѣ Царь Борисъ, онъ простеръ свое гоненіе на всѣхъ родственниковъ бывшаго Царя Ѳеодора, и первыми жертвами были Романовы, ближайшіе по родству къ престолу. Боярин Ѳеодоръ Никитичъ, будущій Патріархъ, былъ постриженъ неволею въ Сійскомъ монастырѣ Архангельскихъ предѣловъ; супруга его, великая инокиня Марѳа, въ одномъ изъ за-Онежскихъ погостовъ, а дѣти,

Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и малолѣтными дѣтьми брата ея, заточили на Бѣлоозеро; самаго Князя въ Кирилловъ, жену же съ отрокомъ Михаиломъ, въ Горицахъ: и такъ обитель сія была свидѣтельницею отроческихъ его слезъ и отсюда переселился онъ въ Костромскія свои отчины. Едва только возвращены были изъ заточенія Царица Марія и Романовы, какъ ихъ тамъ на время смѣнила другая жертва, уже самозванца, — дочь ихъ гонителя Годунова, прекрасная Ксенія, опозоренная лже-Димитріемъ и сосланная имъ на Бѣлоозеро. Казалось уже такая была участь Горицъ, что въ ихъ оградѣ всѣ державные гонители платили, собственными присными жертвами, за пролитую ими кровь или за гонимыхъ въ сей пустынѣ. Тотчасъ однако, по смерти самозванца, освобождена была несчастная Царевна.

Есть еще одинъ придѣлъ, въ соборномъ храмѣ Троицкомъ, близъ Димитріева, во имя Великомученицы Екатерины, который, быть можетъ, былъ сооруженъ на память другой царственной, невольной инокини Маріи, супруги Шуйскаго; извѣстно, что она была пострижена подъ именемъ Екатерины и увезена въ Суздаль, а можетъ быть и на Бѣлоозеро. Не приложила ли и она своей печальной памяти, къ памяти другихъ узницъ Горицкихъ, и не ею ли устроенъ придѣлъ, во имя Великомученицы? — впрочемъ это одне только предположенія. Что касается до колокольни, то извѣстно, что она сооружена была иждивеніемъ Царицы Маріи, ма-

тери мученика Димитрія, которая особенно благоволила къ обители Горицкой. Вотъ все, что намъ сохранила о ней отечественная исторія;—болѣе царственныхъ слезъ въ ней было пролито, нежели сколько разсыпано жемчуга на богатыхъ приношеніяхъ ея великихъ затворницъ!

Съ такими воспоминаніями взошелъ я въ мирную ограду Горицкой обители и уже засталъ литургію въ теплomъ Троицкомъ соборѣ; его соорудила усердная игумения Маврикія на мѣстѣ той часовни, которая была поставлена надъ гробами Княгинь Евфросиніи и Іуліаніи. Внутреннее устройство храма очень изящно; есть два придѣла, на пространныхъ хорахъ, и всѣ почти иконы художества самихъ сестеръ. Чудотворная икона Владимірской Богоматери привлекаетъ молитвенниковъ, благочинное священно-дѣйствующихъ и поющихъ ликовъ возбуждаетъ къ молитвѣ; повсюду видѣнъ порядокъ и материнская забота многолѣтней настоятельницы, которая уже болѣе сорока лѣтъ управляетъ обителью и сдѣлала ее разсадникомъ иночества на сѣверѣ, ибо до трехъ сотъ сестеръ и послушницъ собралось подъ ея мирную сѣнь. Еще недавно, отъ тихой лампады Горицкой, возжглась другая болѣе яркая, въ сѣверной столицѣ, и малая сперва семья иноковъ, скромно пріютившаяся на берегахъ Невы, въ бывшемъ подворьѣ Уніатскомъ, теперь торжественно и многолюдно переселилась въ новую великолѣпную обитель Воскресенія, которая для нихъ сооружена Царскими щедро-

тами, во исполненіе благочестивой мысли державной Елисаветы. И сколько другихъ отраслей пустила отъ себя мирная обитель Горицкая, куда преимущественно уединяется цвѣтъ нашего дворянства, чтобы вдали отъ мірской суеты, на безвѣстныхъ берегахъ Шексны, насыщать душу созерцаніями духовными! Келліи иноковъ деревянныя, малыми домиками разсѣяны кругомъ двора, на скатѣ холма спускающагося къ рѣкѣ; по смиренной наружности Горицъ, нельзя себѣ вообразить какое духовное богатство въ ней таится и сколько опытныхъ руководительницъ, изъ глубины своего смиренія, даровала она другимъ болѣе прославленнымъ обителямъ!

Послѣ обѣдни взошелъ я въ холодный соборъ Воскресенія, чтобы взглянуть на его историческіе престолы, но кромѣ нѣкоторыхъ древнихъ иконъ, Одигитріи, преподобнаго Кирилла и Царевича Димитрія, не нашелъ въ немъ древностей, потому что постепенно все поновляемо было съ годами, и даже внутреннее расположеніе храма передѣлано въ недавнее время для расширенія ризницы. Участь первой храмоздательницы Княгини Евфросиніи, Царицы иноки Маріи, Царевны Ксеніи и другихъ страдалицъ сего лѣтописнаго мѣста, живо представились моему воображенію, особенно въ придѣлѣ Царевича Димитрія, который вмѣстѣ напоминалъ и о земномъ плачѣ матери и о небесной славѣ ея отрока.

Покамѣсть осматривалъ я церковь, взошла сама

игуменья Маврикія. Двѣ послушницы возвели осьмидесятилѣтнюю старицу на церковное крыльцо, и я изумился ея бодрости въ такіе преклонные годы. Сама она усердствовала показать мнѣ все что было устроено въ долгое ея управленіе, и я напрасно убѣждалъ ее пощадить свои силы. Трогательно было ея смиреніе: ничего не приписывала она себѣ, хотя все, можно сказать, было дѣломъ рукъ ея, и безпрестанно оттоваривалась своимъ невѣдѣніемъ и простотою. «Я, батюшка, ничего не помню и не знаю, потому что меня уже одолѣваетъ старость, а вотъ, извольте сами смотрѣть, что у васъ есть предъ глазами.» На вопросы историческіе о ея обители, она смиренно отвѣчала: «гдѣ мнѣ все это знать, вѣдь я изъ простыхъ», и дѣйствительно, не со стороны исторической, замѣчателенъ теперь монастырь; надобно видѣть, что она въ немъ сдѣлала, въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, дабы вполнѣ оцѣнить сорока-лѣтній ея подвигъ. Не напрасно и тѣ настоятельницы, которыя вышли въ другія обители изъ подъ ея свѣта, желали бы опять возвратиться къ ней въ качествѣ послушницъ.

Игуменья предложила мнѣ прежде всего осмотрѣть ризницу, и есть чѣмъ полюбоваться въ этомъ богатомъ хранилищѣ; не знаешь чему больше дивиться: богатству ли украшенія или изяществу вкуса, ибо тутъ все слито вмѣстѣ; одной этой утвари стало бы на многія обители. «Много ли вы сами тутъ трудились?» спросилъ я у игуменьи. — «Умѣла я шить въ свое время, отвѣчала она, те-

перь уже давно глаза и руки отказались, да и прежнихъ золотошвей у насъ теперь нѣтъ; вотъ то, что собрала въ сорокъ лѣтъ.» Когда удовлетворилось мое любопытство въ рязницѣ, неутомимая настоятельница повела меня въ нижній ярусъ соборной церкви, гдѣ устроена трапеза съ придѣломъ святаго Кирилла Новоезерскаго. Можно было полюбоваться на опрятность и порядокъ, которые наблюдались между многочисленными сестрами. Далѣе повела она въ хлѣбню и поварню, куда проведена сю вода изъ кладезя, не безъ многихъ издержекъ, чтобы только соблюсти вездѣ чистоту и для облегченія служащихъ сестеръ. Потомъ мы посѣтили больницу, и это было вѣнецъ ея христіанскихъ подвиговъ. Мнѣ совѣстно было утруждать почтенную старицу, но она хотѣла непремѣнно всюду за мною слѣдовать, и ее, какъ бы несли на рукахъ по монастырю, потому что кости ея по выраженію псаломному, «яко сушило сохошася,» и только бодрость духовная оживляла это обветшалое тѣло. «Вы меня не ждите, а я уже нагоню васъ,» говорила она и дѣйствительно, едва только дошелъ я до больничнаго корпуса, уже Маврикія была тамъ. Это вмѣстѣ больница и богадѣльня для неизлѣчимыхъ; въ ней устроена церковь Покрова Богоматери и еще во второмъ ярусѣ два придѣла, Небесныхъ Силъ и Предтечи; служба видна и слышна и для живущихъ внизу. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть, какъ всѣ болящія встрѣчали свою мать игуменью, въ полномъ смыслѣ сего сло-

ва; всѣ желали поцѣловать ея руку; одна многолѣтняя страдалица, прикованная къ одру болѣзни, просила только, чтобы игуменья подошла къ перегородкѣ, дабы могла на нее взглянуть: такую общую любовь и уваженіе умѣла она возбудить во всѣхъ, безъ различія возраста и званія.

Изъ больницы взошелъ я въ келлію радушной настоятельницы, которая хотѣла непремѣнно чѣмъ-либо меня угостить, не смотря на краткость времени, потому что я спѣшилъ въ пустынь Нила Сорскаго, чтобы къ вечеру возвратиться опять въ Кириллову, а между тѣмъ черныя тучи скопились уже на вершинѣ лѣсистой горы Мауры. Съ балкона келліи открывался живописный видъ, на внутренность обители и на веселую окрестность, оживленную теченіемъ рѣки; старица все заботилась о угощеніи. «Куда вы такъ спѣшите, говорила она, пріѣхавъ однажды сюда, изъ такихъ далекихъ мѣстъ! — на нѣсколько часовъ стоило ли пріѣзжать?» — «Но развѣ я уже не осмотрѣлъ всего, что наиболѣе достойно вниманія въ вашей обители? отвѣчалъ я, теперь могу составить себѣ полное и ясное объ ней понятіе; а между тѣмъ, вы сами знаете, что до обители Нила Сорскаго отсюда еще пятьнадцать верстъ, и столько же оттуда обратно до Кирилловой, и вотъ посмотрите на Мауру: она грозитъ дождемъ.» Но почтенная старица, для которой одна ея обитель, составляла всю вселенную, не могла постигнуть, какимъ образомъ, въ теченіи одного дня, думаю я вмѣстить столько предметовъ, когда вся ея жизнь

протекла на одномъ мѣстѣ. «Развѣ не исполнилъ я слова, даннаго вамъ еще въ Петербургѣ, нынѣшнею зимою, сказалъ я, посѣтить вашу обитель? — Много лѣтъ я туда собирался; довольно и того отраднаго впечатлѣнія, которое она оставила навсегда въ моемъ сердцѣ; хорошо, если и нѣсколько такихъ душистыхъ цвѣтковъ случится намъ поднять, на многотрудной жизненной дорогѣ. Въ столицѣ мы опять, можетъ быть, свидимся.» Такъ мы разстались, и благословеніе добродѣтельной старицы мнѣ сопутствовало въ дальнѣйшее странствеі.

Пустынь Нила Сорскаго.

По веселымъ холмамъ и долинамъ пролегаетъ сперва извилистая стезя, отъ Горицъ въ Нилову пустынь, до столбовой Бѣлозерской дороги, по за нею начинается та лѣсистая, болотистая дебрь, которая завлекла любителя безмолвія Нила въ его Палестину, ибо въ простонародіи палестинами слывутъ такія дебри. Проѣхавъ послѣднее селеніе, встрѣчаешь крестъ на опушкѣ лѣса и это означаетъ начало пустыни Ниловой, потому что отсель

малопроѣзжая дорога, по хворосту, проложена чрезъ болото въ чащу лѣса, по теченію смиренной рѣчки Сорки, которая дала свое названіе пустынѣ и самому отшельнику. Осенью и весною не проходима эта дорога, а въ прежнія времена одни только пѣшеходы могли тутъ пробираться по мосткамъ, да и теперь отъ частыхъ дождей мѣстами почти невозможно было проѣхать. По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ чащу лѣса, привлекательнѣе представлялась намъ сія дебрь и понятнѣе влеченіе Нила въ его пустыню. Уже слышно было тихое журчаніе Соры, изъ ручья образовавшей рѣчку по зеленой полянѣ, испещренной весенними цвѣтами, между разступившагося съ обѣихъ сторонъ лѣса, и эта поляна все расширялась, подъ ропотъ растущей рѣки, которая далѣе уже шумѣла, вращая колесы уединенной мельницы, и привела насъ наконецъ къ самой обители. Прежде, не только во дни преподобнаго Нила, но и еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, мѣсто сіе дѣйствительно было отрадно, сельскою своею простотою, въ окраинѣ дремучаго лѣса, когда внезапно открывалась взорамъ скромная обитель, съ разсѣянными вокругъ нея келліями, какъ оазисъ въ зеленой пустынѣ: такъ устроилъ ее преподобный Нилъ и такъ оставалась она до нашихъ временъ. Посреди убогой деревянной ограды, возвышались на насыпномъ холмѣ, двѣ сросшіяся церкви съ шатровою колокольнею, и еще одна стояла вић ограды, налъ усыпальницею братіи: скитокъ основателя съ

его кладеземъ, видѣнъ былъ за мельницею въ лѣсу.

Но не весьма давно разстроился, хотя и по благочестивому усердію, сей пустынный образъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій внутреннему устройству пустыни и воли самаго Нила.—Не онъ ли отпустилъ, въ часъ кончины, собесѣдника своего Иннокентія, съ которымъ долго странствовалъ по Востоку, въ предѣлы Вологодскіе, чтобы тамъ составить себѣ общежительную обитель, ибо хотѣлъ, чтобы собственный его скитъ, тогда единственный на Руси, оставался всегда скитомъ, т. е. собраніемъ уединенныхъ келлій, разсѣянныхъ вокругъ пустынной церкви? Не онъ ли явился, въ сонномъ видѣніи, державному богомольцу Іоанну, когда изъ Кириллова, привлеченный посмертною славою Нила, посѣтилъ его убогій скитъ, и съ царскою щедротою хотѣлъ соорудить въ немъ великолѣпный храмъ?—Нилъ запретилъ ставить у себя каменную церковь, или чѣмъ либо украсить существующія, кромѣ необходимаго, изъ опасенія хищниковъ плотскихъ и душевныхъ. Цѣлыя столѣтія оставалась въ такомъ первобытномъ видѣ его пустыня, временемъ цвѣла, какъ ея окрестная поляна, и временемъ упадала, но не выходила изъ предначертаній своего основателя, касательно внѣшняго убожества, доколѣ наконецъ, не была приписана къ большому Кириллову монастырю.

Пришло на мысль строгому, впрочемъ, подвижнику, завѣдывавшему сею приписною пустынею, основать въ ней каменную церковь, и не вспомнивъ за-

вѣщанія основателя преобразовать дѣло рукъ Иловыхъ. Онъ коснулся завѣтнаго холма, насыпаннаго руками Нила и его учениковъ подъ основаніе ихъ церкви, который служилъ имъ отчасти усыпальницею, и сплъ съ его вершины два деревянные храма, Срѣтенія Господня и Предтечи, чтобы на ихъ мѣстѣ соорудить одну каменную трехъпрестольную, съ придѣломъ во имя святаго отшельника; но своды ея обрушились надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прежде стояла рака преподобнаго, поверхъ его могилы, и до сихъ поръ еще не окончѣнъ храмъ; сердце невольно ищетъ прежнихъ уничтоженныхъ церквей. Продолжатели начатаго дѣла основали также каменныя зданія для настоятеля съ братіею; одна только уцѣлѣвшая деревянная ограда, со смиренными башенками, свидѣтельствуетъ еще о прежней пустынѣ, какою она была до нынѣшняго ея обновленія.

Оставимъ настоящее, обратимся къ минувшему и къ самому преподобному, сему великому свѣтильнику созерцательной жизни, который обновилъ на дальнемъ сѣверѣ память, прославленныхъ созерцаніемъ духовнымъ на Востокѣ, Исаака Сирина, Варсонофія, Лѣствичника, Синаита и сопмснаго ему Нила. Къ сожалѣнію, намъ не сохранилось житія его, которое вѣроятно въ свое время было написано, когда такъ тщательно записывали дѣянія и словеса святыхъ мужей, и утрачено уже въ позднѣйшіе вѣка; но его скитскій уставъ остался намъ зерцаломъ его жизни и образцомъ для иноческа.

Не извѣстно откуда былъ онъ родомъ, но процвѣталъ въ началѣ XV столѣтія, въ одно время со многими великими подвижниками нашего отечества, не много спустя послѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго, въ обителп коего постригся. Есть рукопись въ Синодальной Московской библіотекѣ XVI вѣка (№ 927), одного архимандрита Волоколамскаго монастыря, и въ ней письмо непзвѣстнаго писателя, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на историческія дѣянія преподобнаго Нила Сорскаго. Мы узнаемъ его мірское прозваніе, Майковъ, и должно предполагать, по его обширнымъ связямъ съ именитыми лицами того времени и по высокому образованію, что и самъ онъ принадлежалъ къ роду боярскому. Въ Кирилловѣ, какъ извѣстно изъ собственныхъ его писемъ, онъ постригся и былъ ученикомъ знаменитаго по своимъ добродѣтелямъ старца, Паисія Ярославова, который въ послѣдствіи заступилъ мѣсто игумена въ Тропцкой лаврѣ и воспринималъ отъ купели державнаго младенца Василія Іоанновича. Въ числѣ же собственныхъ учениковъ преподобнаго Нила находились и великіе міра сего: племянникъ Темпаго, Князь Васспанъ косой, который невольно былъ постриженъ въ Кирилловѣ, Великимъ Княземъ Іоанномъ, и этимъ только спасся отъ смерти, по ходатайству Митрополита. (Къ сему Васспану писалъ свое посланіе о помыслахъ преподобный Нилъ и онъ, вѣроятно, раздѣлялъ съ нимъ уединеніе въ пустынѣ скитской.) Туда же на безмолвіе удалились къ нему два

именитыхъ иноковъ, изъ обители Іосифа Волоколамскаго: Діонисій, Князь Звенигородскій и Нилъ Полевъ, изъ дома Князей Смоленскихъ, оба прославившіеся строгостію жизни.

Великій Князь Іоаннъ особенно уважалъ преподобнаго Нила и призывалъ его на соборы, вместѣ со старцемъ Паисіемъ, котораго хотѣлъ даже возвести на каѳедру митрополіи, когда сложилъ онъ игуменство, но Паисій предпочелъ удалиться въ Спасо-каменный монастырь, на Кубенское озеро. Такимъ образомъ, вместѣ обличали они ересь Жидовствующихъ, въ 1492 году, и еще прежде, знаменитый Архіепископъ Новгородскій Геннадій, долго боровшійся у себя съ этою ересью, просилъ Архіепископа Ростовскаго Іоасафа, посовѣтоваться съ двумя мудрыми старцами его церковной области, Паисіемъ и Иломъ: какъ надлежитъ разсуждать о народномъ ожиданіи преставленія свѣта, которое предполагали по истеченіи седьмой тысячи лѣтъ (1492 годъ), ибо чрезъ три года уже наступало сіе роковое время? Но преподобный Нилъ наиболѣе показалъ на соборѣ 1508 года, о монастырскихъ имуществахъ, до какой степени отложилъ онъ всѣ мірскія пристрастія и какъ стремилась душа его къ одному горнему. Согласуясь съ нестяжательнымъ духомъ Максима Грека и другихъ Святогорцевъ, прежде всѣхъ предложилъ на соборѣ Нилъ, чтобы не было селъ у монастырей и черницы жили бы въ пустынѣ и кормились рукодѣльемъ. Всѣ пустынники Бѣлозерскіе, слѣдуя въ этомъ заповѣди отца сво-

его Св. Кирилла, поддерживали мнѣніе великаго скитоначальника, а Максимъ Грекъ даже пострадалъ за это въ послѣдствіи отъ Митрополита Даніила, хотя вящею гоненія была вымышленная ересь. Іосифъ Волоколамскій, будучи самъ строгимъ подвижникомъ, держался однако противнаго мнѣнія и приводилъ свидѣтельства Ѳеодосія, общаго житія начальника, Аѳанасія Аѳонскаго и настоятелей другихъ обителей, которыя владѣли селами, и его мнѣніе превозмогло. Послѣ старца Нила, ученикъ его Князь Вассіанъ косой, также сильно поборалъ по своемъ блаженномъ учителѣ и съ нимъ всѣ Святогорцы, чтобы не имѣть монастырямъ селъ, но ихъ мнѣніе не было принято. Не замѣчательна ли такая внутренняя борьба ипочества въ XVI вѣкѣ, представителями коей были два великіе подвижника, Нилъ и Іосифъ, оба знаменитые въ свое время отшельники и церковныя свѣтила?

Изъ краткихъ свѣдѣній о жизни преподобнаго Нила, извѣстно только, что онъ много странствовалъ по Востоку и долго обиталъ на Св. горѣ Аѳонской, гдѣ вѣроятно возлюбилъ скитскій образъ жизни. Возвратившись на родину со своимъ собесѣдникомъ Иппокентіемъ, изъ роду боляръ Охлѣбининыхъ, онъ сперва думалъ водвориться опять въ Кирилловѣ; но слишкомъ глубоко запала въ душу его любовь къ уединенію и онъ удалился, за 15 верстъ отъ монастыря въ свою Палестину, обрѣтенную имъ въ дикой глуши, на берегу безвѣстной Сорки. Тамъ водрузилъ первый крестъ и пско-

палъ кладезь, подлѣ котораго поставилъ свою деревянную хижину. Не вдалекѣ отъ него, такъ чтобы можно было подавать другъ другу голосъ, по обычаю Палестинскому, поставилъ себѣ келлію собесѣдникъ его Иннокентій, и другіе отшельники мало по малу начали къ нему собираться; такимъ образомъ составился первый Русскій скитъ, котораго образцы видимъ мы доселѣ на Св горѣ Аѳонской.

Для потребы житейской, равно какъ и для занятія братіи, устроилъ преподобный небольшую мельницу на рѣчкѣ и сталъ помышлять о сооруженіи малой церкви, по мѣрѣ силъ своихъ. Такъ какъ мѣсто вокругъ было низко и болотно и каждую хижину, по необходимости, строили на маломъ возвышеніи, то и для основанія храма потрудился онъ вмѣстѣ съ братіею, насыпать своими руками высокій холмъ, который могъ бы служить усыпальницею, и на немъ сооружены были въ послѣдствіи обѣ церкви. Нельзя угадать, почему онъ избралъ храмовымъ праздникомъ Срѣтеніе Господне, а не Успеніе Богоматери, которому праздновалъ первый Русскій скитъ на Аѳонѣ, Кеплургу, гдѣ вѣроятно самъ обиталъ и который теперь въ рукахъ Болгаръ, близь новѣйшаго Русскаго скита Пророка Иліи. Быть можетъ церковь, во имя Срѣтенія, находилась въ одной изъ отдѣльныхъ келлій, разсѣянныхъ по Св. горѣ, въ которыхъ уединялся преподобный. Не задолго до блаженной кончины, предчувствуя уже отшествіе свое къ Богу,

послалъ онъ собесѣдника своего Иннокентія, въ предѣлы Вологодскіе, на рѣку Пурму, и предсказалъ ему будущую славу его обители, которая должна была процвѣсти тамъ общежитіемъ. «Здѣсь же, говорилъ преподобный, какъ было при жизни моей, такъ пусть будетъ и по смерти: братія пусть живутъ по одиночкѣ, каждый въ своей келліи», что и было по немъ. Онъ скончался, по записи Иннокентія, въ лѣто 7016 (1508), мѣсяца Маія въ 7-й день, въ третію недѣлю по Пасхѣ, Св. Женъ Мироносицъ. Вотъ какія сохранились подробности о преставленіи блаженнаго старца, котораго житіе не извѣстно. Умирая оставилъ онъ умилительный завѣтъ ученикамъ, касательно своего погребенія, и это предсмертное завѣщаніе выражаетъ всю глубину смиренія высокой души его.

«Завѣщаваю о себѣ моимъ присным господамъ и братіямъ, которые суть моего права, и молю васъ: повергните тѣло мое въ пустынѣ, да съѣдятъ его звѣри и птицы, понеже согрѣшило оно предъ Богомъ и много недостойно погребенія. Если же сего не сотворите, то покопавъ ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ живемъ, со всякимъ безчестіемъ меня тамъ погребите. Бойтеся слова, сказаннаго великимъ Арсеніемъ ученикамъ своимъ: на судѣ стану съ вами, если кому дадите тѣло мое; ибо сколько въ моей силѣ было, старался я не быть сподобленнымъ никакой чести и славы вѣка сего, въ этой жизни; такъ да будетъ и по смерти моей. Молю же всѣхъ, да помолятся о грѣшной моей ду-

ше, и отъ всѣхъ прошу прощенія и самъ подаю его всѣмъ, да всѣхъ насъ проститъ Богъ».

Посланія преподобнаго Нила.

Намъ сохранились три посланія преподобнаго Нила, къ различнымъ старцамъ, о помыслахъ и о пользѣ душевной; но одно изъ нихъ особенно любопытно, потому что отчасти объясняетъ причину его удаленія изъ Кириллова и начало Сорскаго скита. Можетъ быть, это случилось въ то время, когда, по свидѣтельству Св. Іосифа Волоколамскаго, многіе изъ старѣйшихъ старцевъ, будучи недовольны поведеніями своего игумна, нарушавшаго завѣтъ преподобнаго Кирилла, удалились изъ его обители, доколѣ не былъ самъ онъ изъ нея изгнанъ по волѣ Великаго Князя; тогда опять возвратились старцы, преподобный же Нилъ, какъ любитель безмолвія, остался въ своей пустынѣ. Въ этомъ письмѣ онъ изображаетъ свою уединенную жизнь, и оно напоминаетъ отчасти духовную пере-

писку великаго Василія съ другомъ своимъ Григоріемъ Богословомъ, котораго звалъ къ себѣ въ пустыню. Передаю краснорѣчивое посланіе на болѣе понятномъ языкѣ.

«Ты просишь у меня отвѣта на твое писаніе и думаешь, что скорблю на тебя ради тѣхъ рѣчей, которыя говорилъ тебѣ, когда ты былъ еще здѣсь; прости меня въ томъ, ибо это были только совѣты и напоминаніе, равно себѣ и тебѣ, какъ присному и любимому мною, по слову Св. писанія: «тайны мои сыновьямъ дома моего открываю». Не просто и не случайно подобаетъ намъ дѣйствовать, но по божественному писанію и по преданію Св. отцевъ. Изшествіе мое изъ монастыря (Кирилловa) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради нея, потому что я не видѣлъ въ немъ сохраненія образа жизни, по закону Божію и преданію отеческому, но по своей волѣ и человѣческому помыслу; много же обрѣталось и такихъ, которые, дѣйствуя столь превратно, мечтали еще будто проходятъ добродѣтельное житіе. Мы воздаемъ въ такое забвеніе отъ того, что не вѣдаемъ Божественнаго писанія и не стараемся изучать его со страхомъ Божіимъ и смиреніемъ, но пренебрегая божественное, упражняемся въ человѣческомъ. Бесѣдую съ тобою такъ искренно, потому что и ты не притворно хочешь слышать слово Божіе и творить оное; а я, не лаская тебя и не скрывая жестокости тѣснаго и прискорбнаго пути, предлагаю бесѣду мою тебѣ и другимъ, каждому противъ его мѣры. Какъ прiемный

мнѣ и духовно любимый, ты отъ самаго начала знаешь мою худость; потому и я откровенно пишу тебѣ о себѣ, понуждаемый твоею любовію, которая дѣлаетъ меня безразсуднымъ. Когда мы жили вмѣстѣ въ монастырѣ, ты знаешь, какъ удалялся я мірскихъ сплетеній и старался подвизаться по Божественному писанію, хотя и не успѣлъ, ради лѣности моей и небреженія. Послѣ моего отшествія (въ Палестину) и странничества, возвратился я опять въ свой монастырь, но вмѣ его устроилъ себѣ келлію и жилъ тамъ, сколько было по моей силѣ, и потомъ переселился далѣе отъ монастыря; и вотъ, по благодати Божіей, обрѣлъ я себѣ мѣсто, угодное моему сердцу, такъ какъ оно мало входно для мірскихъ людей. Живя уединенно, испытую Божественныя писанія, по заповѣди Господней, и ихъ толкованіе, также и Апостольскія преданія, житія и ученіе Св. отцевъ и внимаю имъ; и что согласно моему разумѣнію къ угожденію Божію и пользѣ душевной, то переписываю себѣ и изучаю: — въ этомъ жизнь моя и дыханіе; немощь же мою и нерадѣніе возложилъ на Бога и пречистую Богородицу. Если мнѣ приключается недоумѣніе и не обрѣтаю въ Св. писаніи разрѣшенія, отлагаю до времени, доколѣ обрѣту оное, ибо ничего не смѣю творить своею волею и своимъ разумомъ; если кто прилѣпляется ко мнѣ духовною любовію, и тому совѣтую поступать также, паипаче же тебѣ это заповѣдую, поелику издавна ты связанъ со мною узами духовной любви и я подаю

совѣтъ сей ко благу твоей души, предлагая то, что для самаго себя считаю полезнымъ. Хотя мы нынѣ и раздѣлены тѣломъ, но сопряжены духомъ, и я съ тобою бесѣдовалъ тогда, ради сей божественной любви; нынѣ же пишу, поучая во спасеніе души, а ты, избравъ угодное тебѣ изъ того, что слышалъ устно или видѣлъ очами, подражай тому, чтобы тебѣ быть сыномъ и наслѣдникомъ Св. отецъ; исполняй ихъ преданія и заповѣди Божіи и тоже внушай братіи, сущей съ тобою. Живешь ли ты отдѣльно, или въ общежитіи, внимай Св. писанію и слѣдуй по стопамъ Св. отецъ, или повинуйся такому человѣку, который будетъ свидѣтельствовать, какъ мужъ духовный, въ словѣ и дѣлѣ и разумѣніи, по слову великаго Василія. Если же такой не обрящется, то повинуйся Богу и божественному писанію, а не дѣйствуй безразсудно, какъ нѣкоторые, мечтающіе быть въ повиновеніи, когда они, по своему самоволію, безсловесно пасутся въ монастырѣ вмѣстѣ съ братіею, или удаляются изъ него столь же неразумно, руководясь плотскою своею волею и не вѣдая, что сами творятъ и на чемъ утверждаются.

Нынѣ я огорчился тѣмъ, что ты скорбенъ, и потому понудилъ себя писать тебѣ, чтобы ты не огорчался; Богъ же всякой радости да утѣшитъ сердце твое, и извѣститъ о нашей къ тебѣ любви. Если и грубо написалъ къ тебѣ, то не къ кому иному, какъ къ моему присному и возлюбленному, дабы не презрѣть твоего прошенія, надѣясь, что и

ты съ любовію примешь мое писаніе и не зазришь моему неразумію. Что касается до вещей нашихъ, о которыхъ просилъ твою святыню, чтобы ты ихъ устроилъ, опять о томъ же бью тебѣ челомъ и Богъ да воздастъ тебѣ награду, по мѣрѣ твоего труда. Еще однажды умоляю, не принимай съ огорченіемъ словъ, сказанныхъ тогда, ибо хотя по внѣшнему и кажутся они жестокими, но по внутреннему исполнены пользою, такъ какъ не отъ себя говорилъ, а отъ Св. писанія; по истинѣ, жестоко оно лишь для того, кто не хочетъ смириться въ страхѣ Божіемъ и отступить отъ земныхъ мудрованій, а напротивъ того, думаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не только не хотятъ со смиреніемъ испытывать Св. писаніе, но даже и слышать, какъ слѣдуетъ по оному жить, какъ будто не для насъ оно писано и не должно соблюдать его въ нынѣшнемъ родѣ. Но истиннымъ подвижникамъ, и въ древнія времена и въ нынѣшнія и во вѣки, словеса Господни всегда будутъ, по выраженію псаломскому, словесами чистыми, какъ сребро разженное, искушенное и очищенное седмерицею, и заповѣди Господни для нихъ свѣтлы и вожделѣнны, паче злата и каменій драгихъ, и услаждаютъ ихъ паче меда и сота, и хранящіе ихъ воспріимутъ многое воздаяніе. (Пс. XI, XVIII.) Здравствуй о Господѣ, отче, и моли о насъ грѣшныхъ, а мы твоей святыни весьма челомъ бьемъ».

Но самое драгоцѣнное, что намъ осталось послѣ Нила и что конечно пройдетъ еще сквозь рядъ

столѣтій, безсмертнымъ зерцаломъ житія иноческаго,—это его созерцательныя главизны или скитскій уставъ, достойный первыхъ временъ пустынножительства Египта и Палестины, ибо онъ проникнутъ духомъ Антонія и Макарія. Многое почерпнулъ изъ писаній Ниловыхъ преподобный Кириллій Комельскій, вскорѣ послѣ него подвизавшійся въ Кирилловѣ, въ свой иноческій уставъ; а собесѣдникъ Св. Нила, Иннокентій, собравшій во едино для своей общежительной обители, одиннадцать духовныхъ главъ блаженнаго своего учителя, называетъ его: изящнымъ явленіемъ иночества въ наши времена и ревнителемъ древнихъ отецъ, и говоритъ, что онъ собралъ изъ богодухновенныхъ писаній сіи главизны, проникнутыя духовною ихъ мудростію, для спасенія душъ и въ образецъ житія иноческаго.

Преподобный Нилъ говоритъ самъ въ предисловіи, что многіе Св. отцы возвѣщали намъ: о дѣланіи сердечномъ, соблюденіи помысловъ и охраненіи душевномъ, въ различныхъ бесѣдахъ, какія внушены имъ были благодатію Божіей, каждый по своему разумѣнію. Прежде всего научились они, отъ самаго Господа, очищать внутреннее своего сосуда, ибо отъ сердца исходятъ помыслы злые, оскверняющіе человѣка (Матѳ. XXIII, 25; XXV, 18), и уразумѣли, что подобаетъ духомъ и истиною покланяться Отцу (Іоан. IV, 24). Памятовали они и слово Апостольское: «аще молюся языкомъ (т. е. устами только) духъ мой молится (т. е. гласъ мой), умъ же мой безплоденъ есть; помолюся убо духомъ,

помолюся и умомъ», (Кор. XIV, 14, 15), и потому наипаче заботились о умной молитвѣ, по заповѣди того же Апостола: «хощу пять словъ умомъ моимъ рещи, нежели тму словъ языкомъ» (19).

Послѣ сихъ изреченій Божественнаго писанія, приводитъ преподобный Нилъ и свидѣтельство нѣкоторыхъ Отцевъ о сей умной молитвѣ, начиная отъ святаго отшельника Агавона, который говоритъ въ Патерикѣ скитскомъ: тѣлесное дѣланіе есть только листъ одинъ; внутреннее же есть самый плодъ, а всякое древо, не приносящее плода добраго, посѣкается и въ огнь вметается. Въ слѣдъ за тѣмъ, другой великій подвижникъ и пустынникъ, Св. Исаакъ Сиринъ, сравниваетъ тѣлесное дѣланіе, безъ духовнаго, съ неплодными ложеснами и сосцами изсохшими, ибо безъ того мы не можемъ приблизиться къ разумѣнію божества; а Филоѳей Синаитъ повелѣваетъ молиться о такихъ инокахъ, которые по простотѣ не понимаютъ мысленной брани и потому нерадятъ о умѣ, и внушаетъ имъ: чтобы въ той мѣрѣ какъ они дѣятельно удаляются отъ злыхъ дѣлъ, также бы очищали и умъ свой, который есть зрительная сила души.

Прежде бывшіе Отцы, продолжаетъ Нилъ ихъ подражатель, не только въ пустынномъ безмолвіи соблюдали умъ свой и обрѣтали благодать безстрастія и душевной чистоты, но многіе изъ нихъ, обитавшіе по городамъ въ своихъ монастыряхъ, какъ Симеонъ, новый Богословъ, и блаженный его учитель Симеонъ Студитъ, жившіе среди много-

людиаго Царьграда, просіяли тамъ какъ свѣтила, своими духовными дарованіями. Григорій Синаитъ, зная, что всѣ Святые обрѣли благодать Духа чрезъ исполненіе заповѣдей, сперва чувственно а потомъ духовно, велитъ поучать трезвенности и безмолвію, которыя суть охраненіе ума не для однихъ только отшельниковъ, но и для собравшихся въ общежительной обители, ибо по замѣчанію Исихія, Патріарха Іерусалимскаго: «какъ невозможно жить человѣку безъ пищи и питія, такъ и безъ охраненія ума своего невозможно достигнуть духовнаго настроенія души, если даже и понуждаемъ себя не согрѣшать, страха ради будущихъ мукъ.» Симеонъ новый Богословъ опытно говоритъ: что многіе пріобрѣли сіе свѣтозарное дѣланіе посредствомъ наставленія, и рѣдкіе получали его прямо отъ Бога, усиліемъ подвига и теплотою вѣры, и что не малый подвигъ обрѣсти себѣ наставленіе не обольщающее насъ, т. е. человѣка стяжавшаго опытное вѣдѣніе и духовный путь Божественнаго писанія. Если же не обрящется, то долженъ стараться почерпать оное прямо изъ сего писанія, по слову евангельскому: «испытуйте писанія и въ нихъ обрящете животъ вѣчный (Іоан. V, 9).»

И такъ, вотъ и Св. отцы, въ свое время свидѣтельствовали, что и тогда уже трудно было обрѣсти нелестнаго наставника; нынѣ же, при духовномъ оскудѣніи, это еще труднѣе для любознательныхъ. Отцы, подвизаясь тѣлесно, въ то же время и духовно воздѣлывали виноградъ своего сердца и,

такимъ образомъ очистивъ умъ отъ страстей, обрѣтали Господа и снискивали разумъ духовный. Намъ же, разжигаемымъ пламенемъ страстей, повелѣли почерпать воду живую изъ источника Божественнаго писанія, который можетъ угасить опаляющія насъ страсти, и наставить на разумъ истинный. Посему и я, многогрѣшный и неразумный, собравъ нѣчто отъ Св. писанія и то, что говорили намъ Св. отцы, написалъ сіе для напоминанія самому себѣ, чтобы я самъ, нерадивый и лѣнивый, былъ дѣлателемъ сихъ, потому что доселѣ былъ пустъ отъ всякія добродѣтели духовной и тѣлесной и, какъ нѣкій рабъ, былъ купленъ неподобающими страстями, во всемъ себя покоривъ грѣху. Все сіе собралъ я, не въ благодушіи своего здравія и не пользуясь тишиною безстрастія, но связанный самъ узами страстной болѣзни, и не отъ себя, но отъ Св. писанія, извлекая малое изъ многаго, какъ песъ питающійся отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы словесной господей своихъ, (Матѳ. XV, 27.) блаженныхъ Отцевъ, дабы хотя нѣсколько быть ихъ подражателями.»

Слишкомъ пространно было бы положить здѣсь весь скитскій уставъ иноческаго житія преподобнаго Нила, но не слѣдуетъ и лишать себя духовныхъ сокровищъ, имъ собранныхъ съ такимъ обиліемъ; по его примѣру, можно также извлечь малое изъ многаго, дабы и намъ нѣсколько напитаться крупицами, падающими съ его духовной трапезы. Можно сравнить сей высокій и созерцательный уставъ съ

тѣмъ душистымъ вѣнкомъ покаянія, собраннымъ изъ лучшихъ евангельскихъ цвѣтовъ, о которомъ говоритъ въ своемъ посланіи блаженный Іероним: изъ глубины пещеры Виѳлеемской совѣтуетъ онъ другу своему, въ дальнемъ и шумномъ Римѣ, возложить вѣнокъ сей на чело, воспріять вмѣстѣ съ нимъ легкія крылія голубицы и полетѣть искать себѣ успокоенія у Господа, сего общаго всѣхъ Отца. Этотъ душистый вѣнокъ нашего Сорскаго отшельника такъ мало извѣстенъ родному краю, что не излишнимъ, быть можетъ, извлечь изъ него нѣсколько цвѣтковъ, дабы облагоухать ими внимательныхъ.

Скитскій уставъ. (*)

Глава I.

Въ первой главѣ, о борьбѣ противъ помысловъ, различаетъ преподобный Нилъ, по слову отеческому, разныя ихъ движенія въ духовной брани и раз-

(*) Истор. Церк. Іерар. Т. V. стр. 227—236.

дѣлятъ ихъ на пять степеней, указывая на побѣду и предостерегая противъ пораженія. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ и Св. Филоѳей Синаитъ называютъ «прилогами» простой помыслъ или образъ, который неволяніемъ вносится намъ въ сердце и объявляется уму; а Григорій Синаитъ говоритъ, что это есть, какъ бы напоминовеніе отъ врага, внушающаго намъ сдѣлать то или другое, какъ нѣкогда самому Господу Іисусу дерзнулъ онъ сказать: «рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ» (Матѳ. IV, 3). Такого рода прилогъ или помыслъ безгрѣшенъ самъ по себѣ и не заслуживаетъ ни похвалы, ни укора, поелику онъ внѣ насъ обрѣтается и невозможно намъ быть безъ прилога вражіихъ помысловъ. По словамъ Симеона, новаго Богослова: діаволъ обрѣлъ къ душѣ доступъ, съ тѣхъ поръ какъ первый человѣкъ, чрезъ непослушаніе, изгнанъ былъ изъ рая и отъ Бога, и разумъ каждаго сталъ колебаться. Но дѣло совершенныхъ пребывать непоколебимыми противъ нападенія помысловъ, хотя и имъ временно случается колебаніе, по замѣчанію Св. Исаака Сирина.

Вторая степень есть «сочетаніе» то есть, какъ-бы тайное отъ насъ слово къ являющемуся помыслу, по страсти или безстрастно, принятіе онаго и обращеніе съ нимъ и собесѣдованіе отъ произволенія нашего, и это не всегда безгрѣшно. Оно можетъ быть и похвально, если богоугодно разрѣшится; разрѣшается же такимъ образомъ: если кто немедленно не отразитъ лукаваго помысла, но нѣ-

сколько съ нимъ собесѣдуетъ, и врагъ уже будетъ налагать на него страстное помышленіе, то пусть всячески старается преложить его на благое, а какимъ средствомъ? мы о томъ скажемъ въ послѣдствіи.

«Сложеніемъ» называется охотное преклоненіе души къ явившемуся въ ней помыслу т. е. если кто, воспріявъ сіи помыслы или образы, отъ врага представляемые, и мысленно съ ними бесѣдуя, какъ бы одобритъ въ мысли своей то, что говоритъ ему вражескій помыслъ, и это, говорятъ Отцы, бываетъ по мѣрѣ душевнаго устройства подвизающихся: если кто пріялъ отъ Господа помощь отгонять помыслы, а между тѣмъ обленится и не радитъ отстранять ихъ, то это уже для насъ не безгрѣшно: если же онъ только новоначальный и немощный, то хотя бы сколько нибудь собесѣдовалъ помыслу, однако, когда только опомнившись исповѣдуется Господу, съ чувствомъ покаянія и сокрушенія, и не медлитъ призвать Бога на помощь, то милосердіе Божіе прощаетъ ему ради его немощи. Такъ разсуждаютъ Св. отцы о сей степени мысленнаго боренія, если кто во время подвига неволею побѣждается отъ помысловъ, но корень ума его утвержденъ на томъ, чтобы не согрѣшить и не совершать на самомъ дѣлѣ беззаконія; но если кто, говоритъ Св. Григорій Синаитъ, волею пріемлетъ вражескій помыслъ и, собесѣдуя съ нимъ, побѣждается отъ него и къ тому уже не борется противъ страсти, но твердо согласится самъ съ собою ей удо-

влетворить, или если и старается исполнить на дѣлѣ то, что положилъ въ мысли своей, но воспрепятствовали ему только время и мѣсто, или какая либо иная причина,—то и это уже весьма тяжко и подлежитъ запрещеніямъ церковнымъ.

«Плѣненіе» есть невольное увлеченіе нашего сердца или постоянное совокупленіе съ приключившимся помысломъ,—поврежденіе добраго нашего устроенія, когда умъ нашъ будетъ плѣненъ лукавыми помыслами вопреки своему желанію и опять, съ помощію Божіею, возвращается самъ въ себя, или когда онъ, какъ бы бурею и волнами носимый, отъ добраго настроенія низводится къ лукавымъ мыслямъ, и не можетъ достигнуть въ тихое и мирное устроеніе. Это наипаче случается отъ молвы и многихъ суетныхъ бесѣдъ; иначе разсуждается о такомъ состояніи, если оно случается во время молитвы или не во время оной, иначе, если помыслы, насъ увлекающіе, бываютъ безгрѣшны или лукавы. Болѣе тяжко, если плѣняемся лукавыми помыслами во время молитвы, ибо тогда наипаче должно собирать умъ къ Богу и, внимая молитвѣ, отвращаться отъ всякихъ мыслей; если же не въ часъ молитвы и о необходимыхъ житейскихъ потребахъ, то это безгрѣшно, ибо и Святые вынуждены были благословно заботиться о житейскихъ нуждахъ; но и тогда, говорятъ Св. отцы, въ каждомъ помыслѣ, благочестивый умъ всегда будетъ обращаться съ Богомъ и отстраняться всего лукаваго.

«Страстно» собственно назвать должно, если ка-

кой либо помыслъ долгое время гнѣздится въ душѣ и усвоится ей уже по навыку, непрестанно обуревая ее страстными мыслями, которыя произвольно въ ней утвердились, отъ частаго и совершеннаго согласія съ симъ прежескимъ совѣтомъ и мечтаніемъ. Это происходитъ отъ того, если человѣкъ, по небреженію, позволялъ себѣ много и неприлично размышлять и собесѣдовать о какой-либо страстной вещи, которою діаволъ паче болѣе разжигалъ его воображеніе, часто представляя ее, и такимъ образомъ, волею или неволею, мысленно наконецъ побѣждался ею. Это требуетъ покаянія, дабы избавиться отъ такой страсти, или подлежитъ будущей мукѣ, ради нераскаянности и непротивоборства. Подобаетъ ратуемому какой-либо страстію тщательно ей противиться, говорятъ Св. отцы: такъ если кто боримъ страстію къ какому либо лицу, долженъ всячески отъ него удаляться, избѣгая бесѣды и сближенія, ибо если отъ сего не охраняется, то уже совершаетъ страсть и согрѣшаетъ помыслами въ сердцѣ, самъ раскаляя пещь своихъ страстей и, какъ звѣря, вводитъ въ душу свою лукавые помыслы.

Глава II.

Изложивъ, такимъ образомъ, въ первой главѣ, различныя степени помысловъ, возрастающихъ до

страсти, преподобный Нилъ научаетъ насъ, во второй главѣ, какимъ образомъ противиться симъ искушеніямъ діавольскимъ, противупоставляя имъ молитву и безмолвіе, и открываетъ тѣ таинственныя дарованія, какими Господь благодатно просвѣщаетъ своихъ угодниковъ, свыше всѣхъ помысловъ человѣческихъ.

Святые отцы совѣтуютъ противупоставлять всегда, въ духовной борьбѣ, усиліе равномѣрное борящему насъ, который побѣждаетъ насъ собственною нашею волею, или самъ мысленно побѣждается нами, или, проще сказать, сколько есть силъ, сопротивляться лукавымъ помысламъ, и такая духовная борьба есть для насъ причина вѣнцовъ или томленій: вѣнцы побѣдившимъ, муки же согрѣшившимъ и не покаявшимся въ сей жизни. Св. Петръ Дамаскинъ называетъ согрѣшеніе достойнымъ мукъ, если оно совершается на самомъ дѣлѣ, а крѣпко борющимся и не изнемогающимъ, противъ сильнаго ратованія вражія, свѣтлѣйшіе сплетаются вѣнцы. Благоразумное и искусное бореніе есть начальное отсѣченіе пришедшаго помысла, когда онъ еще представляется въ видѣ прилога, при непрестанной молитвѣ; такимъ образомъ, съ одного раза отсѣкаются всѣ дальнѣйшіе его виды, потому что борющійся разумно отвергаетъ отъ своихъ мыслей матерь зла, то есть лукавый помыслъ. Нилъ Синайскій совѣтуетъ поставить умъ свой, во время молитвы, какъ бы совершенно нѣмымъ и глухимъ, а Исихія Іерусалимскій: имѣть сердце безмолвствующее отъ вся-

каго помысла, хотя бы въ началѣ и казался онъ благимъ, ибо извѣстно по опыту, что за безстрастными слѣдуютъ страстные и допущеніе первыхъ бываетъ виною входа другихъ. Посему необходимо стараться молчать мыслію и отъ помысловъ, представляющихся правыми, и всегда смотрѣть въ глубину сердца, восклицая: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! или короче: Сыне Божій помилуй мя! или что еще утѣшительнѣе грѣшнику, прилагая къ сему и такое сознаніе: помилуй мя грѣшнаго!

Будемъ произносить это прилѣжно и со всякимъ вниманіемъ, стоя и сидя и лежа, умъ свой затворяя въ сердце и даже удерживая благоговѣйно дыханіе наше, какъ учатъ Григорій Синаитъ и Симеонъ, новый Богословъ, ибо призывающій терпѣливо, съ желаніемъ и ожиданіемъ, имя Господа Іисуса, отвращается отъ всѣхъ помысловъ. Если же не можешь, въ безмолвіи сердца, молиться безъ помысловъ, но видишь ихъ умножающимися въ умѣ своемъ, не малодушествуй а пребывай постоянно въ молитвѣ; Синаитъ вѣдалъ опытно, что намъ страстнымъ не возможно самимъ побѣдить лукавые помыслы; говоритъ, онъ что никто изъ новоначальныхъ не удерживаетъ ума своего и не отгонялетъ помысловъ, если Богъ не удержитъ ума и не отженетъ ихъ, ибо это есть дѣло сильныхъ, но и они, не сами собою, отсѣкаютъ помыслы, но съ Богомъ подвизаются на брань сію, какъ уже облеченные во всеоруженіе его благодати.

Ты же, если видишь нечистоту лукавыхъ духовъ, то есть помысловъ воздвигаемыхъ въ умѣ твоемъ, не ужасайся и не дивись и не внемли имъ, но умъ затворяя въ сердцѣ, вместо оружія призывай Господа Іисуса, часто и прилѣжно, и отбѣгутъ они, какъ огнемъ палимые божественнымъ именемъ.

Если почувствуешь облѣненіе или изнеможеніе, призывай на помощь Бога и, сколько будетъ силъ, не отставай отъ молитвы, доколѣ съ помощію Божіею не отбѣгутъ помыслы. Когда же утихнетъ отъ нихъ умъ, внемли опять сердцу и продолжай молитву душою и умомъ; ибо хотя и весьма полезно дѣланіе, но только отчасти, сердечная же молитва есть источникъ всякаго блага и напояетъ душу, какъ нѣкій садъ, по словамъ Григорія Синаита. Онъ повелѣваетъ имѣть непрестанное попеченіе о молитвѣ и искать въ сердцѣ Господа, безмолвіемъ отсѣкая всякіе помыслы, дабы не увлечься ими, но умомъ соблюдать сердце и внутрь его всегда обращаться. Жестокимъ и неудобнымъ кажется такое дѣланіе для новоначальныхъ, какъ это извѣстно по опыту, но кто однажды обрящетъ благодать, тому уже это не трудно, и онъ съ любовію молится, утѣшаемый благодатію: ибо когда приходитъ дѣйствіе молитвы, оно по истинѣ содержитъ въ самомъ себѣ, веселитъ умъ его и упраздняетъ отъ всякаго плѣненія. Златоустъ же предлагаетъ такой порядокъ дѣланія для раздѣленія времени, по мѣрѣ и по силѣ каждаго изъ подвизающихся: часъ молиться, и потомъ часъ читать, и еще

часъ пѣть, чтобы такимъ образомъ хорошо проходилъ день. Когда же, благодатію Божіею, усладится молитва и уже дѣйствуетъ въ сердцѣ, велитъ онъ наипаче прилежать ей и не оставлять ее для пѣнія, доколѣ сама по устроенію Божію, насъ не оставитъ; ибо не должно, оставляя Бога внутрь насъ, извнѣ его призывать, отъ высокихъ преклоняясь къ нижнимъ, и молвою возмущать умъ отъ водворившейся въ немъ тишины. Безмолвіе, по самому имени своему, выражаетъ упраздненіе отъ всякой молвы, въ смиреніи и тишинѣ, и оно выше всякаго молитвеннаго вопля, ибо въ немъ обрѣтается самъ Господь: Богъ есть смиреніе, говоритъ Лѣствичникъ.

Иное есть дѣланіе безмолвія, а иное общаго житія, и всякая мѣра хороша по слову премудрыхъ: и такъ должно въ мѣру пѣть, какъ говорятъ святые Отцы, а болѣе упражняться въ молитвѣ; ослабѣвшему въ молитвѣ надобно пѣть, или заниматься чтеніемъ отеческихъ дѣяній. Когда вѣтрила напряжены вѣтромъ, корабль не требуетъ веселъ, чтобы переплыть страстное море, а когда корабль остановился, тогда надобно двигаться веслами. А тѣмъ, которые съ любопрѣніемъ указываютъ на святыхъ Отцевъ, или на примѣръ нѣкоторыхъ творившихъ всенощное стояніе и непрестанное пѣніе,—Св. Григорій Синаитъ велитъ по Писанію отвѣчать такъ: не во всѣхъ все совершенно, по недостатку ревности или изнеможенію силы, но и малое въ великихъ не всегда бываетъ мало, равно какъ и великое въ малыхъ не всегда совершенно. О предуспѣвшихъ и

достигшихъ просвѣщенія онъ говоритъ: не требуется для нихъ псалмопѣнія, а болѣе молчанія и неоскудной молитвы и созерцанія; они уже совокуплены съ Богомъ и не должны отторгать отъ него умъ свой и повергать въ смущеніе, ибо прелюбодѣйствовать будетъ ихъ умъ, если отступитъ отъ памяти Божіей и исполнится заботою о худшихъ вещахъ.

Испытавшій такое высокое состояніе, Св. Исаакъ Сиринъ пишетъ: что когда приключается духовная неизреченная сія радость, она внезапно отсѣкаетъ въ устахъ молитву, ибо тогда какъ бы престаютъ уста и языкъ и сердце – хранитель помысловъ, и умъ – кормчій чувствъ, и мысль – скоролетящая докучливая птица; тогда уже мысль не имѣетъ своей молитвы и движется не самовластіемъ, но сама она наставляется иною силою, содержится въ таинственномъ плѣненіи и обрѣтается въ непостижимомъ, котораго сама не вѣдаетъ. Это есть то, что называется собственно ужасомъ и видѣніемъ молитвы, а не самая молитва: ибо умъ бываетъ тогда уже превыше молитвы, которая отлагается ради обрѣтенія лучшаго, и онъ находится въ изступленіи, безъ всякаго желанія, по слову Апостола: «аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть» (2 Кор. XII, 2). Молитву называетъ Св. Исаакъ сѣменемъ, а сіе состояніе собираніемъ сноповъ, когда живущій самъ изумляется неизреченнымъ видѣніемъ того, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ посѣялъ,

внезапно прозябли предъ нимъ зрѣлые колосья. Молитвою же сіе называется потому только, что отъ нея происходитъ, и Святымъ дается сіе неизреченное дарованіе, котораго имени никто опредѣлить не можетъ. Когда, дѣйствіемъ духовнымъ, подвигнется душа къ божественному и, чрезъ непостижимое соединеніе, уподобится Божеству, и просвѣтится въ своихъ движеніяхъ лучемъ высокаго свѣта, и сподобится умъ ощущенія будущаго блаженства: тогда забываетъ сама себя, все временное сущее здѣсь, и уже не имѣетъ движенія въ чемъ либо.

О чудо! восклицаетъ Симеонъ новый Богословъ, какое слово сіе изглаголетъ, ибо это страшно во истину и свыше всякаго слова! — Вижу свѣтъ, котораго не имѣетъ міръ, и сидя въ кельи вижу внутрь себя Творца міра, и бесѣдую съ нимъ, и люблю его, и питаюсь единымъ боговидѣніемъ и соединившись съ нимъ, превосхожу небеса: гдѣ же тогда тѣло? не знаю; ибо Господь меня любитъ и въ самаго себя пріемлетъ, и на объятіяхъ скрываетъ и, будучи на небесахъ, въ то же время и въ моемъ сердцѣ, и здѣсь и тамъ видимъ мнѣ. Владыка являетъ меня не только равнымъ Ангеламъ, но и преимуществующимъ предъ ними, ибо невидимый для нихъ и неприступный существомъ, мнѣ видимъ бываетъ и съ моимъ соединяется существомъ. Это есть то, о чемъ возвѣщаетъ Апостолъ: «что око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце плотяно не взыде» (I Кор. 2, 9.), и, пребывая въ этомъ, не

только не хочешь выйдти изъ келліи, но желалъ бы укрыться въ глубинѣ земли, дабы и тамъ, внѣ всего міра, созерцать безсмертнаго своего Владыку и Создателя.

Тоже говоритъ и Св. Исаакъ, согласуясь съ новымъ Богословомъ: что когда отымется у человѣка покрывало страстей, отъ мысленныхъ его очей, и узритъ онъ сію неизреченную славу, — внезапно умъ его возвышается до ужаса, и если бы Богъ не положилъ предѣла въ сей жизни такому состоянію, сколько въ немъ оставаться: то, хотя бы допущено было продолжаться оному и во всю жизнь человѣка, никогда не захотѣлъ бы онъ выдти изъ сего дивнаго видѣнія. Но такъ устроилъ Богъ по своей милости, чтобы на время умалялась благодать его во Святыхъ, дабы могли они промышлять и о братіи своей служеніемъ слова, поучающаго благочестію; ибо, какъ говоритъ Макарій великій: если бы кто имѣлъ такую благодать, чтобы постоянно быть объятымъ сладостію сихъ чудныхъ видѣній, не могъ бы онъ болѣе ни о чемъ временномъ слышать или говорить, или принять на себя тяжесть словеснаго ученія и какой либо малѣйшей заботы. Вкусившіе однажды, въ мертвенномъ семъ тѣлѣ, безсмертной пищи и въ маловременномъ мірѣ сподобившіеся отчасти той радости, которая предуготовляется въ небесномъ отечествѣ, уже не могутъ привязываться краснымъ міра сего, или бояться чего либо скорбнаго и лютаго, но съ Апостоломъ дерзаютъ восклицать: «ничто-

же возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіей» (Рим. VIII, 39.).

Это говоритъ Св. Исаакъ о древнихъ великихъ Отцахъ; мы же непотребные, исполненные многихъ грѣховъ и страстей, присовокупляетъ блаженный Нилъ, не достойны даже и слышать такихъ рѣчей. Уповая на благодать Божію, дерзнулъ я изречь нѣсколько ихъ духоносныхъ глаголовъ, для того чтобы мы познали, хотя немного, какимъ окаянствомъ мы объяты и какому безумію мы себя предаемъ, заботясь паипаче объ успѣхѣ въ дѣлахъ міра сего, пріобрѣтая тлѣнныя вещи и ради ихъ поднимая брань и молву, на пагубу душамъ нашимъ, и мы еще вмѣняемъ себѣ это въ похвалу и на пользу. Горе намъ, ибо мы не хотимъ познать сами своей души и не разумѣемъ, въ какое жительство мы призваны, вмѣняя житіе міра сего, скорби или покой его, за нѣчто существенное, и отъ лѣности, міролюбія и небреженія говоримъ: будто это было свойственно только древнимъ Святымъ, а намъ уже не возможно и не нужно. Но это не такъ: невозможно только не хотящимъ истинно покаяться и попещись о дѣлѣ Божіемъ, но, по любви къ міру, произвольно вметающимъ себя въ различныя страсти и безполезныя попеченія; а кто тепло кается и съ любовію и страхомъ ищетъ Господа, и къ нему единому зритъ и заповѣди его творитъ: таковыхъ всѣхъ милуетъ, благодѣтельствуетъ и прославляетъ Богъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ все священное писаніе.

Некоторые и слышать не хотятъ; – есть ли въ нынѣшнее время благодать? – до того омрачены они безчувствіемъ и неразумнымъ маловѣріемъ, говоритъ Св. Григорій; мы же, увѣдавъ все сіе изъ Св. писаній, если хотимъ имѣть истинное прилежаніе о дѣлѣ Божіемъ, удалимся прежде всего, сколько можно, отъ суеты міра сего, и постараемся умалить наши страсти, т. е. блюсти сердце отъ лукавыхъ помысловъ, во всемъ исполнять заповѣди Божіи, и съ храненіемъ сердца будемъ имѣть молитву. Св. отцы совѣтуютъ наипаче подвизаться на семъ дѣланіи ночью, ибо ночь наболѣе очищаетъ умъ, говоритъ блаженный Филоѳей, а Св. Исаакъ говоритъ: что всякая молитва, приносимая ночью, будетъ въ твоихъ очахъ честнѣе всѣхъ дневныхъ дѣлній; ибо самая сладость, которая дается днемъ постникамъ, проистекаетъ отъ свѣта ночныхъ подвиговъ; потому и Лѣствичникъ болѣе совѣтуетъ ночь посвящать молитвѣ, нежели пѣнію. Такъ и намъ подобаетъ дѣлать: когда умъ нашъ утрудится въ молитвѣ, то давать ему нѣсколько ослабу въ пѣніи, какое есть у каждаго правило, ибо часто многословіе разсѣявало умъ во время молитвы, а малословіе его соблюдало; во время же разсѣянія ума, чтеніе и рукодѣліе бываютъ полезнѣе молитвы, какъ то Ангелъ предалъ великому Антонію; для новоначальныхъ, при нашествіи помысловъ, особенно полезно рукодѣліе съ молитвою, или какое–либо послушаніе, наипаче же, чтобы избавиться скорби и унынія, по совѣту От-

цевъ. Внимая сему, каждый изъ насъ да подвизается подобающимъ ему образомъ.

Глава III и IV.

Въ двухъ послѣдующихъ главахъ преподобный Нилъ говоритъ о томъ: какъ и чѣмъ укрѣпляться, при наступленіи борьбы мысленнаго подвига, и въ чемъ состоитъ вся полнота дѣланія въ жительствѣ нашемъ.

Всѣ Св. писатели говорятъ намъ, для укрѣпленія нашего въ борьбѣ сей, чтобы мы не малодушествовали и не унывали, когда сильно будемъ ратуемы лукавыми помыслами, и да не престанемъ идти впередъ на пути нашего подвига: ибо это есть хитрость злобы діавольской, — внушать намъ стыдъ о побѣжденіи нашемъ лукавыми помыслами, для того, чтобы не могли возврѣть къ Богу съ покаяніемъ и помолиться противъ нихъ. Но мы побѣдимъ ихъ, всегдашнимъ покаяніемъ и искреннею молитвою, и не обратимъ тыла предъ врагами нашими, хотя бы и тысячи язвъ приняли отъ нихъ ежедневно, и положимъ себѣ, доколѣ не умремъ, никогда не отступать отъ сего живоноснаго дѣланія: ибо при этомъ бываетъ намъ тайное посѣщеніе милости Божіей. Не только намъ страстнымъ и немощнымъ, но и тѣмъ, которые стоятъ на высокой степени чистоты и пребываютъ въ

житіи, достойномъ похвалъ, и въ состояніи внутренняго безмолвія, подъ мышцею разума Господня, бываютъ мысленныя паденія, а за ними миръ и утѣшеніе и помыслы цѣломудренные и кроткіе, какъ говоритъ Св. Исаакъ Сирінъ.

И вотъ Святые опытно насъ научаютъ и отъемлютъ сомнѣніе отъ нашихъ мыслей, дабы мы не ослабѣвали въ борсніи мысленномъ, во время смущенія отъ скверныхъ помысловъ, и не уклонялись бы въ отчаяніе. И опять, когда бываетъ присѣщеніе благодати, Отцы внушаютъ, чтобы мы не сдѣлались безпечны и не превознеслись, но да исповѣдаемся Богу и благодаримъ его, и возобновлемъ въ себѣ память согрѣшеній нашихъ во время бывшихъ попущеній: до какой низости мы тогда ниспадали, стяжавъ себѣ умъ какъ бы скотскій, и какіе нечистые помыслы и нелѣпыя мечтанія, въ часъ сихъ вражескихъ навѣтовъ, мы допускали водружаться въ нашемъ умѣ, и какъ отъ малыхъ помысловъ, возстававшихъ на насъ, когда еще мы не примѣчали нашего помраченія, вскорѣ мы преклонялись къ самымъ страстямъ и собесѣдовали съ ними, въ омраченіи нашего смысла. Все сіе воспоминая, кайся и укоряй себя, говоритъ Григорій Синаитъ, разумѣя, что все сіе попускаетъ промыслъ Божій, чтобы смирить насъ.

И такъ внимай со страхомъ: если не смиришь ты своего мудрованія, оставляетъ тебя благодать, и ты совершенно падаешь въ такихъ вещахъ, въ которыхъ только искушаешься помысломъ. Не сво-

сею силою стоишь ты въ добродѣтели, но это есть дѣло благодати, тебя носящей на рукахъ своихъ и соблюдающей отъ всѣхъ сопротивныхъ: намъ же подобаетъ внимать со всякою осторожностію, чтобы не отъ насъ происходила причина, по которой будутъ противъ насъ укрѣпляться лукавые помыслы, если мы не право будемъ шествовать по пути божественному, но неосторожно и развращенно: ибо хотящій прилежать любви Божіей и истинно спастись, долженъ всегда безъ лѣности и небреженія дѣлать дѣло Господне, сколько у него есть силъ, смиренія и благочестія. Блаженный Филоѳей говоритъ: что подобно тому какъ мы, живя еще въ мірѣ посреди его суеты, умомъ своимъ и всѣми чувствами поработились прелести грѣховной: такъ подобаетъ намъ и тогда, когда мы начали жительствовать по Богѣ, работать умомъ и всѣми нашими чувствами Богу живому и истинному, правдѣ и волѣ его, творить святыя его заповѣди и удаляться всячески отъ всего, что ему не угодно.

Возставъ отъ сна, прежде всего должно прославить Бога и исповѣдаться ему, а потомъ уже начинать дѣланіе, т. е. молитву, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе или какое-либо послушаніе. Умъ всегда должно имѣть утвержденнымъ въ благоговѣніи и упованіи на Бога, дабы все творить въ благоугожденіе Богу, а не ради тщеславія или человѣкоугодія, вѣдая, что всегда съ нами тотъ, кто вездѣ обрѣтается и все исполняетъ. Если приключится бесѣда, да

будетъ она по Богѣ, съ соблюденіемъ отъ всякаго ропота и осужденія, празднословія и любопрѣнія. Такимъ же образомъ, и въ пищи и питіи, все со страхомъ Божіимъ да пріемлется. Наипаче должно соблюдать себя, во время сна, благоговѣйно, съ помышленіями внутрь себя собранными и съ благочиніемъ въ самомъ положеніи нашихъ членовъ: ибо сонъ сей маловременный есть образъ вѣчнаго сна, т. е. смерти, и возлежаніе наше на одрѣ должно напоминать намъ положеніе наше во гробѣ; — поступающій такимъ образомъ, всегда въ молитвѣ пребываетъ. Если кто имѣетъ тѣло здоровое, долженъ утомлять его постомъ и бдѣніемъ и труднымъ дѣланіемъ, поклонами или рукодѣліемъ, чтобы поработилось душѣ и избавилось отъ страсти, благодатію Христовою; если же тѣло немощно, да управляемъ имъ по мѣрѣ силъ своихъ. Но о молитвѣ всегда должно радѣть, и здоровому и немощному: ибо тѣлесное дѣланіе востребуется отъ крѣпкихъ тѣломъ по силѣ каждаго, а мысленное, т. е. чтобы имѣть всегда въ умѣ своемъ благоговѣйное упованіе на Бога и прилежать къ его любви, — есть обязанность каждаго, даже и въ великихъ болѣзняхъ.

Мы должны также, по заповѣди Господней, имѣть любовь къ ближнимъ нашимъ и доказывать ее словами и дѣлами, если близъ насъ обрѣтаются, съ соблюденіемъ однако и любви Божіей. Если же они далеко, то мысленно любовію мы должны съ ними сочетаться, изгоняя изъ сердца всякое злопа-

мятованіе, повинулсь имъ душею со смиреніемъ, и угождал имъ ко благому съ добрымъ намѣреніемъ. Если Богъ узритъ насъ таковыми, то проститъ намъ согрѣшенія и приметъ молитвы наши, какъ благой даръ, и щедро подастъ намъ свои милости.

Глава V и VI.

После сего общаго изложенія обуревающихъ насъ помысловъ и тѣхъ духовныхъ средствъ, которыя свыше намъ дарованы, чтобы имъ противиться, преподобный Нилъ описываетъ въ пятой главѣ своего скитскаго устава, отдѣльно, восемь главныхъ помысловъ, отъ коихъ, по словамъ Отцевъ, раждаются прочія страстныя помышленія, и называетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: [1]) чрево-объяденія, [2]) блудный, [3]) сребролюбія, [4]) гнѣвный, [5]) печальный, [6]) уныніе, [7]) тщеславія, [8]) гордости; онъ научаетъ какъ и противустоять симъ искушеніямъ. Помыслы сіи и противоборство онымъ занимаютъ почти треть всей его книги и слишкомъ далеко завлекло бы здѣсь подробное ихъ изложеніе: мы будемъ довольствоваться нѣсколькими, болѣе разительными чертами, чтобы воспользоваться его назидательными совѣтами, отлагая то, что болѣе приспособлено къ быту иноческому, нежели къ живущимъ посреди міра.

Такъ напримѣръ, касательно перваго помысла

помолиться и призвать мученицу Ѳоманду, убіенную ради цѣломудрія, и помолившись у ея гроба, внезапно былъ онъ избавленъ. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ научаетъ насъ, когда настаетъ сильная брань сего помысла, не ухищренными глаголами, но смиренными выраженіями взывать къ могущему спасти насъ: «помилуй мя, Господи, яко немощенъ семь!» и тогда, говоритъ онъ, познаетъ Вышняго силу и невидимыхъ невидимо отженешь: всегда именемъ Іисусовымъ бей ратниковъ, ибо крѣпче сего оружія не обрящешь, ни на небеси, ни на земли. Что для насъ дороже нашей души, восклицаетъ Св. Паисій великій, ради которой Христосъ умеръ и воскресъ? Избѣгай же слышанія неприличныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ необходимо воздвигаются въ насъ нечистыя страсти.

Отъ сихъ двухъ, совершенно чувственныхъ помысловъ, преподобный Нилъ переходитъ къ болѣе утонченному, сребролюбія, хотя еще и весьма вещественному, и говоритъ, что недугъ сей извнѣ нашего существа приключается, отъ маловѣрія и неразумія; посему и не великъ противъ него подвигъ для тѣхъ, которые внимаютъ себѣ, со страхомъ Божіимъ, и хотятъ по истинѣ спастись. Но когда онъ укрѣпляется въ насъ, то становится злѣе всѣхъ недуговъ, и если только ему покоришься, вводитъ насъ въ такую пагубу, что и Апостолъ называетъ его не только корнемъ всякому злу (I Тим. VI, 10), гнѣву, скорби и прочимъ, но даже идолослуженіемъ (Кол. III, 5). Многіе ради сребро-

любія, не только отпали отъ благочестія въ жизни, но и погрѣшили въ вѣрѣ и пострадали душевно и тѣлесно, какъ повѣствуется въ Св. писаніи. Отцы говорятъ, что кто собираетъ золото и серебро и уповаетъ на него, тотъ не вѣруетъ, что есть Богъ печущійся о немъ; и если кто будетъ одержимъ гордынею или сребролюбіемъ, т. е. какою либо одною изъ сихъ страстей, уже бѣсъ не ратуетъ противъ него другою, потому что и той одной довольно для его погибели. И такъ подобаетъ намъ сохранять себя отъ сей душетлѣнной страсти и молить Господа Бога, да отженетъ отъ насъ сребролюбивый духъ. Истинное отдаленіе отъ всякаго вещелюбія не только состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть имѣнія, но и не желать пріобрѣсти оное, и это насъ наставляетъ къ душевной чистотѣ.

Если же насъ томитъ гнѣвный помыслъ, понуждая къ злопамятству и поощряя къ мести, воздать зло оскорбившему насъ, мы должны вспомнить слово евангельское: «аще не оставите брату, отъ сердецъ вашихъ, согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный не оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Матѳ. XVIII, 35).» Явно, что если мы сами не оставимъ, то и намъ не оставится; такъ надобно разумѣть сіе, что если даже мы думаемъ благотворить, но не отлагаемъ гнѣва, то это непріятно Богу. Отцы говорили: гнѣвливый если и мертваго воскреситъ, молитва его непріятна, — не потому чтобы, по ихъ мнѣнію, дѣйствительно могъ воскре-

шать гнѣвливый, но чтобы показать мерзость его молитвы. Посему всячески не должно намъ гнѣваться, ни творить зло брату, не только дѣломъ или словомъ, но и видомъ; ибо иной можетъ и однимъ взоромъ оскорбить брата своего, а помыслы гнѣвные слѣдуетъ по мѣрѣ отмстать. Великая надъ ними побѣда бываетъ, когда мы молимся за оскорбившаго насъ брата, какъ повелѣваетъ авва Дорофей, такими словами: «помоги, Господи, брату моему и, ради его молитвъ, помилуй и меня грѣшнаго.» Молитва за брата есть любовь и милованіе, а призывать на помощь его молитву есть смиреніе, и такъ исполняется законъ Господа: «любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ обиду (Матѳ. V, 44).» Столь великое обѣщалъ воздаяніе таковымъ Господь: не одно лишь царство небесное, или какое-либо утѣшеніе и дарованіе, какъ и прочимъ, но самое сыноположеніе: «будете сынове отца вашего, иже на небесѣхъ (Матѳ. V, 45).» Самъ Господь, давши намъ сію заповѣдь, научаетъ насъ и своимъ примѣромъ, дабы мы по силѣ ему подражали; — сколько зла претерпѣлъ онъ отъ Іудеевъ, насъ ради грѣшныхъ, и не только не прогнѣвался на нихъ, но молился за нихъ Отцу: «Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ (Лук. XXIII, 34).» И всѣ Святые, шествовавшіе путемъ симъ, обрѣли благодать: ибо не только не воздавали зла оскорбившимъ ихъ, но молились о нихъ, покрывали ихъ недостатки и радовались

ихъ исправленію, когда они приходили въ чувство, и наставляли ихъ съ милостію и любовію.

Далѣе преподобный Нилъ разсуждаетъ о двухъ помыслахъ, печали и уныніи, хотя сходныхъ между собою по имени, но различныхъ по степени. Не малъ намъ подвигъ на первый изъ нихъ, потому что онъ вметаетъ душу *въ погибель и отчаяніе*. Если скорбь будетъ отъ человѣковъ, должно переносить ее благодушно и молиться за оскорбившихъ, такъ какъ не безъ промысла Божія это намъ приключается, и все намъ Богъ посылаетъ на пользу и спасеніе души, хотя въ настоящее время и кажется намъ, будто это не полезно, потому что не по нашей волѣ исполняется, но въ послѣдствіи обнаруживается польза. Посему мы всею душею должны вѣровать, что все видитъ Всевидящее око и что ничто безъ воли Божіей намъ не бываетъ, и должны терпѣливо переносить искушенія, дабы получить отъ Бога вѣнецъ, и за все благодарить Господа, удерживаясь отъ ропота на оскорбившихъ насъ. Уста благодарящія пріемлютъ благословеніе и въ сердце благодушное впадаетъ благодать, говоритъ Св. Исаакъ Сиринъ; всѣ немощи посетъ Богъ человѣка не ропщущаго. Полезна и намъ скорбь о грѣхахъ нашихъ, съ покаяніемъ и благою надеждою, что нѣтъ грѣха побѣждающаго человѣколюбіе Божіе; такая скорбь смѣшана бываетъ съ радостію и дѣлаетъ человѣка терпѣливымъ ко всякой болѣзни. Противуположную же скорбь, отъ бѣсовъ намъ наносимую, тщательно должно отме-

гать отъ сердца, какъ и прочія злыя страсти, молитвою, чтеніемъ и собесѣдованіемъ съ духовными людьми: ибо она есть причина всякаго зла, и если въ насъ утвердится, то дѣлаетъ душу унылою, слабою и нетерпѣливою къ молитвѣ.

Лютъ весьма духъ уныніи и еще тяжелѣе бываетъ, когда сопряженъ съ духомъ скорбнымъ; борьба сія напаче налегаетъ на пребывающихъ въ безмолвіи: когда воздвигнутся на душу жестокія сіи волны, не надѣется уже человѣкъ получить отъ нихъ когда либо избавленіе, и такіе помыслы внушаетъ ему врагъ, какъ будто онъ уже совершенно оставленъ Богомъ, безъ всякаго промысла, и что, слѣдовательно, зло возрастать будетъ съ каждымъ днемъ. Не только насъ грѣшныхъ, говоритъ преподобный Нилъ, но даже и Святыхъ, благоугодившихъ Богу смиряетъ онъ, чадолюбивый отецъ, симъ духовнымъ жезломъ, для будущаго успѣха въ добродѣтели, и вскорѣ опять бываетъ премѣненіе и посѣщаютъ насъ милость и утѣшеніе Божіе. Врагъ же не можетъ ничего намъ сдѣлать, безъ попущенія Божія, и не по той мѣрѣ опечаливаетъ душу, какъ сего желаетъ, по сколько лишь ему позволено: ибо вѣренъ Господь, и не попуститъ на насъ искушеній свыше силы нашея (1 Кор. X, 13). Такимъ образомъ, человѣкъ умудряется по опыту, крестомъ искушенія, и терпитъ оное доблестно, вѣдая, что въ этомъ обнаруживается любовь его къ Богу. Когда наступаетъ сія страшная брань, крѣпко надобно вооружиться про-

тивъ духа неблагодарности и бояться хулы: потому что человѣкъ исполняется тогда и страха и сомнѣнія, и діаволъ внушаетъ, что ему уже не возможно быть помилованну отъ Господа и спастись отъ вѣчныя муки. Тогда паипаче, сколько есть силъ, надобно радѣть о молитвѣ, дабы не впасть въ отчаяніе, и умилительно взывать: «Господи, виждь скорбь мою и помоги мнѣ грѣшному, и не попусти выше силы моей искушеніе!» Должно понуждать себя къ молитвѣ, чтенію и рукодѣлію, ибо это великая помощь противъ сей немощи. Святый Макарій великій говоритъ, что вражія хитрость влагаетъ намъ уныніе, дабы душа наша отступила отъ Бога: ибо Богъ никогда не оставляетъ душу, уповающую на него, быть одолѣнною напастьми. Если человѣкъ знаетъ, сколько бремени можетъ понести подъяремный скотъ его, и скудельникъ вѣдаетъ, сколько можно держать въ огнѣ сосуды, дабы они не расплавились: то кольми паче разумъ Божій вѣдаетъ, какое искушеніе можетъ понести каждая душа, дабы не только сподобиться небеснаго царства, но и здѣсь сподобиться благодатныхъ утѣшеній Духа Святаго.

Два послѣдніе помысла—тщеславія и гордости. Преподобный предостерегаетъ, что много надобно имѣть бдительности противъ духа тщеславія, потому что онъ тайно, всѣми способами, окрадываетъ доброе расположеніе наше и лишаетъ усовершенствованія, старался, чтобы всякое наше дѣло было не по Богѣ, но ради человѣкоугодія. Посему намъ

должно испытывать себя съ крайнею осторожностію, и мысленно и чувственно, чтобы каждое дѣло совершалось нами для душевной пользы и мы бы избѣгали во всемъ похвалъ человѣческихъ. Если почувствуемъ, что насъ коварно смущаетъ помыслъ тщеславія, воспріимемъ мысль о кончинѣ временнаго житія и тѣмъ отразимъ безстыдное его нападеніе, или хотя помыслимъ о срамѣ, который необходимо слѣдуетъ за тщеславіемъ, ибо сказано въ Св. писаніи, что всякъ возносяйй ся смирится (Лук. XI.) и здѣсь, еще прежде будущаго. Если же кто начнетъ насъ хвалить, или помыслъ тщеславія принесетъ будетъ въ умъ нашъ невидимыми врагами: тотчасъ представимъ себѣ мысленно всю тяжесть и множество согрѣшеній нашихъ, и мы обрящемъ себя недостойными похвалъ человѣческихъ, и немедленно оставитъ насъ сіе помышленіе бѣсовское. Если даже, говоритъ Никита Стифатъ, нѣтъ за тобою злыхъ дѣлъ, помысли о совершенствѣ заповѣдей, и ты найдешь себя недостаточнымъ, какъ малая купель для вмѣщенія великаго моря.

О презрѣніи другихъ и гордыни — что̀ и говорить? спрашиваетъ смиренный Нилъ, хотя они различествуютъ именами, но сходствуютъ въ одно понятіе Ясно говоритъ писаніе, что Господь гордымъ противится, (Притч. III, 34) и мерзокъ есть предъ Богомъ и нечистъ всякъ высокосердый (XVI, 5.) Если же имѣешь себѣ сопротивникомъ самаго Бога и ты предъ нимъ не чистъ, то гдѣ и въ чемъ надѣешься обрѣсти себѣ какое либо благо? отъ кого

будешь помилованъ и очищенъ? Побѣжденный сею страстію самъ себѣ и бѣсъ и ратникъ, и всегда имѣетъ въ себѣ готовую погибель. Посему должно всегда трепетать гордости и убѣгать ея, помышляя, что никакое благо не можетъ въ насъ совершиться безъ помощи Божіей. Если же оставлены будемъ Богомъ, то какъ листъ или прахъ, возметаемый вѣтромъ, смятены будемъ діаволомъ, въ посмѣяніе врагу и плачь человѣкамъ. Сіе же да послужитъ намъ началомъ смиренія: будемъ считать себя ниже всѣхъ, вмѣняя себя за худшаго и болѣе грѣшнаго всѣхъ человѣковъ, даже хуже бѣсовъ, ибо отъ нихъ побѣждаемся. На трапезѣ и посреди братіи будемъ всегда избирать послѣднее мѣсто, носить худыя ризы, любить черныя работы, молчать и не превозноситься въ бесѣдахъ, не препираться, не желать поддержать своего слова, хотя бы оно казалось и добрымъ. Отцы говорятъ, что въ новоначальныхъ, внутренній человѣкъ сообразуется внѣшнему и, не сохранивъ себя во внѣшнемъ, не вѣруй во внутреннее свое благоустроеніе, говоритъ св. Василій Великій.

Разсматривая различные образы превозношенія, преподобный Нилъ говоритъ, что есть между иноками и такіе, которые кичатся тѣмъ, что происходятъ отъ знаменитыхъ родителей и имѣютъ родственниковъ, славныхъ въ мірѣ, или же сами занимали прежде высокую степень въ оставленномъ ими мірѣ. Если же кто, по случаю добродѣтельнаго житія, дойдетъ до такого безстыдства, чтобы

предаться помысламъ тщеславія и гордости, то лучшая противъ нихъ побѣда есть сія молитва къ Богу: «Господи Владыко, Боже мой! духъ тщеславія и гордыни отжени отъ мене, духъ же смиренномудрія даруй ми, рабу твоему.»

Глава VII.

Послѣ того, что сказалъ преподобный Нилъ о помыслахъ, намъ враждебныхъ, научаетъ онъ насъ въ 7-й главѣ своего созерцательнаго устава: какіе чистые помыслы должны мы стараться пріобрѣтать въ душѣ нашей, и наипаче память смертную и страшнаго суда, которая по словамъ Отцевъ, весьма полезна для нашего духовнаго дѣланія. Филоѳей Синаитъ полагаетъ даже, какъ бы нѣкій порядокъ сему образу дѣланія: утро, говоритъ онъ, займемся памятованіемъ о Богѣ, то есть молитвою и храненіемъ сердца до времени обѣда, а потомъ, возблагодаривши Бога, будемъ помышлять о смерти и о судѣ. Наипаче подобаетъ намъ имѣть въ своей мысли изреченія Господни: въ сію нощь Ангелы истяжутъ душу твою отъ тебя (Луки XII, 20), и что мы дадимъ отвѣтъ, въ день судный, о каждомъ праздномъ словѣ, и что сердечныя помышленія скверняютъ человѣка (Мат. XII, 36, XV, 18). Полезно воспоминать и Апостольскія слова: что день Господень пріидетъ, какъ тать ночью (Сол. V, 2),

и всѣмъ намъ подобаетъ предстать судилищу Христову, (2 Кор. V, 10), и что слово Божіе судитъ не только дѣла и слова, но и помышленія сердечныя (Евр. IV, 12). Начальникъ же Отцевъ, великій Антоній, говоритъ: «что такъ подобаетъ намъ держать самихъ себя, какъ будто и весь настоящій день не имѣемъ пребыть въ этой жизни,» и всѣ Святые имѣли такое же дѣланіе.

Что же сотворимъ мы, страстные и немощные? спрашиваетъ преподобный Нилъ; какимъ образомъ научимся, чтобы хотя нѣсколько водрузить такой помыслъ въ сердцахъ нашихъ? потому что совершенно стяжать сію непрестанную память, есть дарованіе Божіе и дивная благодать, по словамъ Св. Исаака Сирина. Насъ же развлекаетъ парѣніе нашего разума и омрачающее самозабвеніе; часто бесѣдуемъ мы другъ съ другомъ о смерти, но внутрь сердца не можемъ углубить и укрѣпить сихъ благихъ рѣчей; однако же да не малодушествуемъ и не отступимъ отъ сего дѣланія, ибо только помощію Божіею, трудомъ и временемъ, входимъ мы въ это состояніе. Подобно какъ всѣхъ брашенъ нужнѣе хлѣбъ, такъ и память смертная нужнѣе прочихъ добродѣтелей, и какъ не возможно алчущему не вспоминать о хлѣбѣ, такъ и хотящимъ спастися нельзя не помнить о смерти, говорили Отцы. Полезно, пишетъ блаженный Григорій бесѣдодовникъ, часто воспоминать намъ различныя смерти, видѣнныя и слышанныя во дни наши.

Многіе, не только изъ мірянъ, но и изъ ино-

ковъ, въ благодействіи возлюбивше житіе вѣка сего и надѣясь на долготу дней, еще не достигши старости, вскорѣ были пожаты смертію. Нѣкоторые не могли даже произнести ни единаго слова въ часъ смертный, но просто, стоя или сидя, похищены; иные умерли, во время яствъ или питія, или на дорогѣ; другіе же, возлегши на ложахъ своихъ, думали успокоить тѣло мало-временнымъ сномъ, и заснули сномъ вѣчнымъ А инымъ, какъ намъ извѣстно, были великія истязанія и трепетъ грозный и бѣдственное устрашеніе, въ послѣдній часъ, такъ что и одно воспоминаніе о томъ не мало должно насъ устрашать.

Все сіе, приводя на память, размыслимъ: гдѣ же други и знаемые наши? и что отъ сего пріобрѣли, если кто изъ нихъ былъ славенъ или властителемъ въ мірѣ семъ, или имѣлъ великое богатство и тѣлесное питаніе! Не все ли сіе обратилось въ тлѣніе и смрадъ и прахъ? Вспомнимъ церковныя пѣсни святаго Дамаскина, которыя поются при погребеніи: «какая житейская сладость пребываетъ непричастна печали, или какая слава стоитъ на земли непреложно?—не все ли слабѣе тѣни и обманчивѣе сновидѣній?—одно мгновеніе и все сіе наслѣдуетъ смерть! По истинѣ, суета въ сей жизни все то, что съ нами не пребудетъ по смерти: что же всуе мятемся? Кратокъ путь, которымъ течемъ; дымъ житіе наше, и перстъ и паръ; на малое время является и вскорѣ изчезаетъ!»—Когда путникъ, предпринимаетъ странствіе, говоритъ свя-

тоій Златоустъ, онъ идетъ въ какую страну хочетъ, и остановившись въ гостинницѣ вечеромъ, знаетъ въ какой часъ утромъ хочетъ изъ нее выдти, ибо имѣетъ власть и долѣе въ ней оставаться или скорѣе ее оставить. Мы же, хотя или не хотя, отходимъ изъ житія сего и не знаемъ когда выйдемъ, и не имѣемъ власти, если бы и хотѣли, пробыть здѣсь многіе годы; но внезапно находитъ страшное таинство смерти и душа исторгается изъ тѣла, разлучаясь по волѣ Божіей отъ своего естественнаго союза. Что же будемъ дѣлать въ тотъ страшный часъ, если прежде о немъ не озаботились и не обрящемся готовы? ибо тогда уразумѣемъ, какой тяжкій подвигъ имѣетъ душа, разлучаясь отъ тѣла. Увы, сколько тогда слезитъ, и нѣтъ кто бы ее помиловалъ!—къ Ангеламъ, возведя взоры, безуспѣшно молится; къ человѣкамъ простираетъ руки, и никто ей помочь не можетъ, кромѣ добрыхъ по Богѣ ея дѣлъ. Посему, уразумѣвъ кратковременность жизни, попечемся о часѣ смертномъ, не вдаваясь въ молвы міра сего и безполезное попеченіе, ибо всуе мятется всякъ земнородный, говоритъ Св. писаніе; если и міръ весь пріобрящемъ, то и тогда во гробъ вселимся, ничего не взявши съ собою изъ сего міра, ни красоты, ни славы, ни чести, ни власти, ни инаго какого-либо наслажденія житейскаго.

Приникнемъ во гробы и увидимъ созданную нашу красоту, безобразною и безславною. Видя обнаженныя кости, объясним ли себѣ, кто царь

или нищій, славный или не славный?—не все ли человѣческое, какъ цвѣтъ увяло и какъ тѣнь прошло мимо? Подивимся, какое таинство совершилось съ нами! какъ предалися тлѣнію, какъ сопряглися смерти?—истинно повелѣніемъ Божіимъ, за преступленіе заповѣди Адамомъ въ раю, когда во весь его родъ взошла смерть, пожирающая человѣковъ. По глубинною мудрости своей, полагая неизреченные предѣлы нашей жизни, Владыка, низшедъ сокрушилъ адъ и даровалъ намъ воскресеніе, преселяя рабовъ своихъ къ иной жизни. И такъ воспріимемъ въ умъ нашемъ второе пришествіе Господне и наше воскресеніе и страшный судъ, предлагая себѣ слова Господни въ Евангеліи, какъ засвидѣтельствовалъ ихъ богогласный Матеей: «померкнетъ солнце и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небеси, и силы небесныя подвигнутся, и явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси и восплачутся тогда всѣ племена земныя, и узрятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ, съ силою и славою многою (Матѳ. XXIII, 29, 30). Возлюбленный же ученикъ Господа, Іоаннъ Богословъ, такъ приводитъ его глаголы: «грядетъ часъ, въ который всѣ сущіи во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворившіе благое въ воскресеніе жизни, а сотворившіе злое въ воскресеніе суда» (Іоан. V, 28, 29).

И что, братія, горше страшнаго и грознаго того отвѣта и видѣнія, когда узримъ всѣхъ согрѣшившихъ и непокаявшихся, отсылаемыхъ къ вѣчнымъ

мукамъ праведнымъ судомъ Божіимъ, трепещущихъ и вопіющихъ безъ пользы и горько плачущихся? Какой страхъ намъ будетъ тогда, когда поставятся престолы и книги разогнутся, и Богъ на судѣ сядетъ со славою, и сами Ангелы въ трепетѣ предстоять будутъ? Что будемъ отвѣчать тогда, когда всѣ дѣла наши предстанутъ намъ на обличеніе, и все наше тайное явлено будетъ, что согрѣшили днемъ или ночью, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ? Какой стыдъ насъ тогда обыметъ, ибо никому уже нельзя будетъ отречься отъ грѣховъ своихъ, при ихъ обличеніи самою истиною. Кто исповѣдуетъ, братія, ужасъ втораго пришествія Господня и страшнаго его суда? — Одинъ изъ отцевъ сказалъ: «если бы возможно было тогда умереть, весь міръ умеръ бы отъ такого страха!»

И такъ убоимся и пріимемъ все сіе въ умъ нашъ, хотя бы и не хотѣло сердце, принудимъ его помышлять о томъ и скажемъ душѣ своей: увы, мрачная душа, приблизилось время къ исходу тоосему изъ тѣла! доколѣ не отрываешься отъ злыхъ, доколѣ предаешься упынію? Что не помышляешь о часѣ смертномъ и не трепещешь судилища Спасова? вотъ и дѣла твои предстоятъ, обличая и свидѣтельствуя противъ тебя. Впрочемъ, о душа, доколѣ еще имѣешь время, отступи отъ дѣлъ срамныхъ и возьмись за благое житіе; теки, предвари, и съ вѣрою воскликни: согрѣшила я, Господи, согрѣшила предъ тобою, но знаю благоутробіе твое человѣколюбіе и, припадая молюсь тебѣ, да пріи-

идетъ милость твоя на меня, Владыко! Смутилась душа моя и болѣзненно исхожденіе ея изъ окаяннаго и скверная моего тѣла; да не встрѣтитъ ее во тьмѣ лукавый совѣтъ супостата, за невѣдомые и вѣдомые грѣхи въ сей жизни, но да воспріимутъ ее свѣтлые твои Ангелы. Когда возсядешь на страшномъ твоемъ судилищѣ творить испытаніе нашимъ согрѣшеніямъ, тогда, о преблагій, не обличи моихъ тайныхъ дѣлъ, ниже посрами меня предъ Ангелами и человѣками, но Господи благоутробный, Отче, Сыне и Душе Святый, помилуй меня и избавп тогда отъ огня неугасимаго, и сподоби одесную тебя стать, Судія праведнѣйшій!»

Глава VIII и IX.

Если размышлял такимъ образомъ, продолжаетъ Св. Илъ, можемъ мы по благодати Божіей, обрѣсти и слезы, то подобаетъ плакать, сколько имѣемъ силы и крѣпости, ибо по словамъ Отцевъ, плачемъ можно избавиться отъ огня и вѣчныхъ мукъ; если же не можемъ плакать, поцудимъ себя источить хотя малую каплю слезъ, ибо все пріемлется отъ добраго нашего судіи, говоритъ Лѣствичникъ, и въ слезахъ, какъ и во всемъ, есть своя сила. Видалъ я, говоритъ онъ, и малыя капли, какъ кровь съ болѣзнію изливаемыя, и видалъ источники слезъ, безъ болѣзни текущія; я же судилъ о

труждающихся, болѣе по болѣзни ихъ сердца нежели по слезамъ; – думаю, что и Господь также! Если же не возможемъ обрѣсти хотя и малой слезы, ради слабости и небреженія нашего, да не малодушествуемъ, но да скорбимъ и воздыхаемъ и позаботимся, съ благою надеждою, о взысканіи слезъ; печаль нашего ума исполнитъ мѣру всѣхъ тѣлесныхъ дѣлъ, по словамъ Св. Исаака, и благодать слезъ есть великое дарованіе, которое Отцы повелѣваютъ просить у Господа.

Но какъ будемъ просить и о томъ молиться? Поелику мы сами не въ состояніи что либо вымыслить отъ себя, то будемъ заимствовать себѣ пособіе изъ полноты богодухновенныхъ писаній Св. отецъ. Андрей Критскій такъ начинаетъ свой великій канонъ покаянія: «откуда начну плакать, страстнаго моего житія дѣянія? какое положу начало нынѣшнему рыданію? по милосердыій Господи, даруй мнѣ слезы умиленія, да плачуся тебѣ, Создателю нашему и Богу; исповѣдую тебѣ, Спасе, что согрѣшилъ окаянною моею душею и скверною плотію, дабы укрѣпляемый твоею помощію, оставилъ я прежнее свое неразуміе и принесъ тебѣ въ покаяніе слезы!»

Св. Ефремъ Сирин молитъ: «чтобы Господь даровалъ ему всегда слезы сіи, для просвѣщенія сердца въ чистой молитвѣ, дабы малыми слезами смыто было великое написаніе грѣховъ его, и малымъ симъ плачемъ угасился палящій огнь.»—«О Христе, всѣхъ Царю, восклицаетъ пѣснописецъ,

тучу мнѣ подаждь слезъ божественнаго умиленія, какъ нѣкогда женѣ грѣшницѣ, да омою нечистоту моихъ страстей!»

Нѣкоторые, еще не совершенно получившіе дарованіе слезъ, различно пріобрѣтаютъ оное: одни, отъ тайнаго смотрѣнія и человѣколюбія Божія, другіе отъ чтенія повѣстей и поученій Святыхъ; иные отъ одного лишь повторенія краткой молитвы Іисусовой; иные же приходятъ въ умиленіе отъ нѣкоторыхъ молитвъ, составленныхъ Святыми, отъ каноновъ и тропарей; другіе получаютъ даръ сей, чрезъ воспоминаніе грѣховъ своихъ, отъ памяти смертной и страшнаго суда, или желаніемъ будущаго наслажденія. Какими бы размышленіями ни пріобрѣтались слезы, въ тѣхъ и должно намъ пребывать и удерживать плачь, доколѣ не пройдетъ, ибо это есть путь и плодъ покаянія; хотящіе избавиться отъ грѣховъ, плачемъ отъ нихъ избавляются, и хотящіе отъ нихъ предохранитьсѧ, плачемъ сохраняются. Симеонъ, новый богословъ, сравниваетъ всѣ добродѣтели съ воинствомъ, а умиленіе и плачь, съ ихъ Царемъ и военачальникомъ, ибо онъ вооружаетъ и укрѣпляетъ ратовать противъ врага мысленнаго.

Если даже не въ похвальныхъ помыслахъ обрѧщется умъ нашъ, и отъ неполезныхъ для насъ скорбей произойдутъ намъ слезы, должно и ихъ преложить на полезныя, на славословіе Божіе или на исповѣданіе грѣховъ своихъ. Если по благодати Божіей, душа наша, безъ всякаго со стороны на-

шей старанія и усилія, исполнится умиленія слезъ: это есть знакъ посѣщенія Господня, и подобаетъ хранить благочестивыя слезы сіи какъ зѣницу ока, доколѣ сами собою не отыдутъ, ибо онѣ имѣютъ болѣе силы для истребленія грѣховъ и страстей, нежели тѣ слезы, которыя извлекаются съ нѣкоторымъ усиліемъ. Когда явится сіе духовное дѣйствіе въ молитвѣ, согрѣвающее сердце, утѣшающее душу, веселящее умъ и распаляющее насъ къ любви Бога и человѣковъ, тогда слезы сами собою изливаются, подобно какъ у младенца, который вмѣстѣ и плачетъ и свѣтло улыбается, и этихъ слезъ да сподобитъ насъ Господь!

Когда же даруетъ намъ Господь, благодатію своею, обрѣсти слезы и плакать или чисто помолиться, тогда всячески подобаетъ намъ сохраняться отъ духа гнѣвнаго и прочихъ неподобныхъ помысловъ, потому что тогда особенно старается врагъ смутить насъ внутреннимп помыслами, или извнѣ навести на насъ мятежъ и брань. Такъ предостерегаетъ насъ преподобный Иларіонъ, приводя слова сонмснаго ему подвижника Синайскаго: «помолился какъ подобаетъ, ожидай того что не подобаетъ, и стань мужественно, охраняя плодъ свой, ибо на то былъ ты поставленъ, чтобы дѣлать и хранить, дабы не утратить снисканное трудомъ, иначе не воспользуешься самою молитвою.» Св. писаніе говоритъ: «сотворилъ Богъ Адама и поселилъ его въ раю, дабы возлѣлывать и хранить рай (Быт. II, 1).» Здѣсь дѣломъ райскимъ называетъ онъ молитву, а

хранениемъ после молитвы – соблюдение себя отъ неподобныхъ помысловъ, и если посѣтитъ насъ Господь такимъ райскимъ состояніемъ, будемъ соблюдать себя всячески отъ неприличныхъ помысловъ, словесъ и дѣлъ, и чувства наши станемъ охранять со всякою осторожностію, дабы отъ нихъ не подвиглась какая-либо на насъ брань. Если же, по неволѣ, душа наша впадетъ въ какія-либо помышленія, немедленно обратимся съ молитвою къ Создателю нашему, и онъ разсоритъ всѣ сіи навѣты!

Глава X и XI.

Въ десятой главѣ своего устава, преподобный Нилъ говоритъ, объ отсѣченіи всѣхъ попеченій и о томъ, чтобы умереть всему житейскому, дабы пребывать въ этомъ чудномъ дѣланіи. Великій Макарій пишетъ: что хотящій приступить къ Богу и сподобиться вѣчной жизни, сдѣлаться жилищемъ Христу и исполниться Св. Духа, чтобы творить заповѣди Господни непорочно, долженъ положить такое начало: прежде всего вѣровать Богу и вполнѣ предать себя его заповѣдямъ и отречься міра, дабы упразднившійся умъ только единаго Господа имѣлъ предъ очами, старался во всемъ быть ему угоднымъ и пребывать всегда въ молитвѣ, чая помощи и посѣщенія Божія. Тогда Господь, видя такое

произволеніе, творитъ милость свою вѣрующему, избавляетъ его отъ всѣхъ враговъ и отъ живущаго въ немъ грѣха, и исполняетъ его Духа Святаго. Великій Василій говоритъ: что начало чистоты душевной есть безмолвіе, а Лѣствичникъ предостерегаетъ насъ: что не большой волосъ смущаетъ око и не большая забота истребляетъ безмолвіе. Часто, вкусившій сладость молитвы, однимъ праздным словомъ оскверняетъ умъ, и когда потомъ станетъ опять на молитву, уже не обрѣтаетъ того что возлюбилъ.

Св. Исаакъ Сиринъ такъ совѣтуетъ хотящимъ безмолвствовать истинно и очищать умъ молитвою: «удались отъ видѣній міра и отсѣки бесѣды, и не принимай по обычаю друзей своихъ въ келлію, даже и подъ какимъ либо хорошимъ предлогомъ, кромѣ тѣхъ, которые съ тобою единоправны и тебѣ единодушны; бойся душевнаго смущенія отъ собесѣдованій, которое по неволѣ бываетъ и тогда когда уже отрѣшишься отъ внѣшнихъ бесѣдъ, ибо это извѣстно по опыту, что неблаговременныя и излишнія рѣчи, даже къ людямъ намъ приспымъ, растлѣваютъ храненіе нашего ума и тайное поученіе сердца.» Онъ это сравнивалъ съ суровостію гололедицы, которая, внезапно напавъ на верхи древесные, изсушаетъ ихъ, и съ лютостію имея пожирающаго новыя прозябенія: такъ и суетныя бесѣды человѣческія могутъ изсушить корень ума нашего и начавшіеся ростки добродѣтелей!

Наконецъ, въ послѣдней главѣ, преподобный Нилъ

разсуждаетъ о томъ, какъ подобаетъ не прежде времени и съ благоразумною мѣрою предаваться сему духовному дѣланію. Все должно совершаться съ разсужденіемъ, говоритъ Св. Василій великій, ибо безъ сего и доброе можетъ быть употреблено во зло; когда же все будетъ и во время и въ мѣру, тогда чудный оттого произойдетъ прибытокъ. И Лѣствичникъ напоминая слова Св. писанія «что есть время всякой вещи подъ небесемъ» (Еккл. III. 1,) говоритъ: что есть время для безмолвія и время для безмятежной молвы, время непрестанной молитвы и время для нелицемѣрной службы; время свять труды и время пожинать класы — неизреченные дары благодати. Приводитъ онъ и примѣръ: какъ не безопасно неопытному воину, отдѣлившись отъ множества вступать въ единоборство, такъ и опасно иноку, прежде искуса и долгаго обученія въ борьбѣ съ душевными страстями, начинать безмолвіе; воинъ можетъ пострадать отъ сего тѣлесно, а инокъ подвергаетъ опасности душу.» (Слов. 4).

Варсонофій великій сказалъ одному брату, который прочелъ въ Патерикѣ: «что хотящій по истинѣ спастися долженъ сперва понести отъ людей досажденія, поношеніе и безчестіе, по примѣру самаго Господа, и тогда только идти на совершенное безмолвіе, то есть взойти на крестъ и всему умереть въ мірѣ;»—«справедливо изрекли сіе Отцы и иначе быть не можетъ.» (вопр. 108.) А другому совѣтовалъ онъ (вопр. 113,): держаться средины, внимая волѣ Бо-

жіей, чтобы старался взойдти выше своей мѣры, не утратить и того что имѣетъ; ибо иногда, по причинѣ безмолвія, приходитъ высокоуміе, если человѣкъ прежде самъ себя не пріобрѣтетъ; пріобрѣтеніе же сіе состоитъ въ томъ, чтобы сохранить себя непорочнымъ въ смиреніи. Если кто хочетъ прежде времени отстать отъ всякой заботы, то и тогда общій врагъ нашъ приготовляетъ ему смущеніе вмѣсто покоя, такъ что доводитъ его до отчаяннаго восклицанія: «лучше бы мнѣ не родиться!»

Св. Григорій Синаитъ говоритъ: что памятованіе о Богѣ, то есть умная молитва, свыше всякаго дѣланія и есть глава всѣхъ добродѣтелей, какъ любовь Божія. Кто хочетъ самонадѣянно и дерзостно взойдти къ Богу, бесѣдовать къ нему чисто и стяжать его усиліемъ, — тотъ удобно умерщвляется отъ духовъ нечистыхъ, если сіе попущено будетъ: ибо онъ съ величаніемъ взыскалъ дерзновенно столь высокаго состоянія, свыше своего достоинства и прежде времени. Мы же, внимая сему, да сохранимся, чтобы не повредить душѣ своей, но да будемъ держаться средняго пути, который не скользокъ къ паденію: то есть, предобучившись прежде въ обществѣ людей, будемъ жить въ уединеніи, съ однимъ или двумя братіями. Преподобный Нилъ свидѣтельствуетъ, что самъ онъ часто видѣлъ такой образъ духовнаго сожительства, на Св. горѣ Аѳонской, въ странахъ Цареградскихъ и въ другихъ мѣстахъ. Духовные старцы держатъ тамъ при себѣ въ келліи двухъ, а иногда трехъ учениковъ,

и если кто вблизи отъ нихъ безмолвствуетъ на едипѣ, то въ приличное время сходятся между собою, просвѣщаясь взаимно духовною бесѣдою. И мы, новоначальные и неразумные, другъ отъ друга вразумляемся и утверждаемся, какъ написано: «братъ братомъ помогаемъ, яко градъ твердъ,» (Прит. XVIII, 19), и мы имѣемъ учителя нелестнаго, въ богодухновенномъ писаніи, и такъ, благодатію Божіею, направляемся на дѣла благія.

Мы написали это, смиренно заключаетъ преподобный, съ Божіею помощію, по мѣрѣ худости нашего разума, себѣ въ напоминовеніе и инѣ подобнымъ, которые еще обрѣтаются въ чинѣ учащихся; не отъ себя говорилъ я, но извлекалъ изъ богодухновенныхъ писаній Св. отецъ, просвѣщенныхъ разумомъ, ибо все здѣсь засвидѣтельствовано божественнымъ писаніемъ. Если же что либо обрящется въ томъ, что я изложилъ, неугоднымъ Богу и неполезнымъ для души, ради моего неразумія, да не сохранится;—одна лишь воля Божія, совершенная и благопріятная да исполняется, а я себѣ прощенія прошу. Если же кто лучше и полезнѣе сего разумѣетъ, тотъ такъ пусть и дѣйствуетъ, и я о томъ радоваться буду; если же кто, отъ спхъ моихъ словъ получитъ пользу, пусть обо мнѣ грѣшномъ помолится, да и я сподоблюся помилованія отъ Бога.

Преподобный Иплъ оставилъ по себѣ скитскій обиходъ на всѣ дни, въ которые скитяне должны были сходиться въ общую церковь, и тутъ есть

нѣкоторая особенность, напоминающая образъ жизни отшельниковъ Аѳонскихъ, ибо оттуда Нилъ заимствовалъ свои правила, но теперь уже они большою частію не соблюдаются. По образцу постоянному, во время литургіи въ скиту его, пѣли только Трисвятую пѣснь, аллилуіа, Херувимскую, достойно и причастный стихъ; прочее все говорили а не пѣли, и послѣ каждой обѣдни вся братія, сотворивъ взаимное прощеніе въ церкви, расходилась по келліямъ, не выходя изъ затвора безъ благословной вины; собирались въ храмъ не всякій день, а только по субботамъ, воскресеніямъ и праздникамъ, прочее же время безмолвствовали наединѣ. Каждую субботу, какъ и теперь бываетъ это на Аѳонѣ, всѣ сходились на усыпальницу братскую, въ церковь святаго Ефрема, гдѣ совершалась общая панихида, за упокой усопшихъ. Если же случались субботы, въ которыя не положено поминовенія, какъ на примѣръ отъ Рождества до Богоявленія и отъ пятой субботы великаго поста до Троицкой, то собирались только къ вечерни. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь, въ полномъ смыслѣ сего слова, съ многочисленными чтеніями изъ Отцевъ, при каждой каѳизмѣ, и даже съ особенными канонами, и прежде литургіи служили акаѳисты; но между утренни и литургіи расходились и не бывало сплошной службы, какъ теперь на Востокѣ.

Церковь и гробница преподобнаго Нила.

Мы пріѣхали уже въ скитъ послѣ вечерни и, чтобы не тревожить братіи, прошли мимо пустыни въ отдѣльную келлію бывшаго строителя, который началъ дѣло обновленія и потомъ уединился на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хижина преподобнаго за мельницею. Туда перенесъ онъ и прежнюю деревянную церковь Предтечи, со всѣми ея древними иконами, снятую имъ съ холма, и соорудивъ себѣ келлію въ саду, близъ кладезя преподобнаго, подвизается тамъ по мѣрѣ силъ: его рукодѣліе—иконопись. Я видѣлъ его лѣтъ за двадцать предъ симъ въ сѣверной столицѣ, когда еще въ полной силѣ возраста, пріѣзжалъ онъ ходатайствовать о самобытности своей пустыни:—какъ изумился я, когда теперь мнѣ отперъ двери уединенной церкви, согбенный годами и совсѣмъ изсохшій старецъ, въ одеждѣ схимнической, ибо онъ уже давно облекся

въ сей великій образъ, приявъ имя блаженнаго основателя пустыни; истинно слово псаломское: «человѣкъ яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ!» (Пс. 102, 15.) Тотъ же человѣкъ встрѣчалъ меня и онъ уже казался мнѣ другимъ; дѣйствительно протекло столько времени, что и по внѣшности и по внутренности могъ онъ измѣниться. Меня не узналъ онъ и вѣроятно не помнилъ, да и могло ли придти ему на мысль, что мы встрѣтимся въ сей дикой пустынѣ?

Я просилъ показать мнѣ церковь и древнюю святыню, сколько ея уцѣлѣло. Замѣчательна икона преподобнаго, перенесенная изъ кладбищенской церкви святаго Ефрема Сирина, съ обличительною выпискою изъ твореній сего отца, противъ нерадивыхъ иноковъ, которая начертана на хартіи въ его рукѣ. Самая церковь несовременна Св. Нилу, потому что была перестроена въ 1660 году, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ; но грустно было думать что она сдвинута съ мѣста, избраннаго самимъ преподобнымъ! Мнѣ желательно было отслужить молебенъ надъ его ракою въ новомъ храмѣ; по звуку колокола собралась братія. Церковь каменная, весьма обыкновеннаго зодчества; въ лѣвомъ ея придѣлѣ, во имя Св. Николая, временно поставлена гробовая рака, которая будетъ перенесена на самое мѣсто могилы преподобнаго Нила, внутри главнаго собора Успенія, когда онъ приведется къ окончанію. Съ благоговѣйною любовію приложился я къ надгробному лику великаго труженика и паломника,

обошедшаго Востокъ и оставившаго намъ чистое зерцало подвижнической жизни, въ скитскомъ своемъ уставѣ. Чудесное преданіе сохраняется въ обители, о священномъ ликѣ написанномъ на гробовой доскѣ; преподобный изображенъ въ одеждѣ схимнической, въ благолѣпномъ покоѣ посмертнаго созерцанія, начатаго имъ еще на землѣ.

Нѣкто богатый человѣкъ Московскаго государства, захваченъ былъ Турками и многіе годы оставался у нихъ въ плѣну; сильно скорбѣлъ онъ о своемъ семействѣ и призывалъ къ себѣ на помощь угодниковъ Божіихъ. Однажды ночью является ему, въ тонкомъ снѣ, святолѣпный старецъ и велитъ написать образъ преподобнаго Нила, обѣщая возвращеніе на родину. Воспрянулъ человѣкъ отъ сна и только что хотѣлъ, поклонившись спросить: какъ можетъ это исполнить? но уже явившійся, какъ молнія скрылся отъ его взоровъ, ослѣпленныхъ яркимъ свѣтомъ. Плѣнникъ началъ размышлять самъ съ собою: кто это преподобный Нилъ, о которомъ впервые слышалъ, и гдѣ обрѣтается? Онъ сталъ призывать его на помощь, хотя и не вѣдалъ, изъ какихъ предѣловъ и какъ написать его ликъ? а между тѣмъ горько плакалъ и помышлялъ о избавленіи отъ плѣна. И вотъ опять, въ другую ночь, является ему тотъ же старецъ и говоритъ: «въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ Нилъ, за двѣнадцать поприщъ отъ Кириллова монастыря.» Вскочивъ съ постели, плѣнникъ ясніе хотѣлъ разглядѣть лице явившагося и подробнѣе его распро-

сить, но опять столь же быстро изчезъ старецъ, оставивъ за собою струю свѣта и благоуханія. Тогда увѣровалъ человѣкъ, что дѣйствительно послалъ Господь къ нему своего угодника, и молилъ святаго Нила, дабы явилъ ему лепше лик свой; и въ третью ночь является ему преподобный, оставляетъ у его возглавія начертаніе своего лика, и говоритъ ему утѣшительное слово: «человѣкъ Божій, возьми листъ сей и иди въ Русскую землю.»

Едва опомнился утѣшенный узникъ и дѣйствительно обрѣлъ, у своего изголовья, начертаніе лика преподобнаго; въ сердцѣ его возникла надежда на скорое избавленіе. Уже онъ начиналъ помышлять о бѣгствѣ, и со слезами молилъ Господа и его угодника, указать ему путь, чтобы избавиться отъ руки невѣрныхъ; – опять былъ къ нему голосъ: «иди ночью въ степь и увидишь предъ собою яркую звѣзду; послѣдуй за нею и избѣгнешь Агарянъ.» Пленникъ, укрѣпляемый вѣрою, дерзновенно ночью пустился въ неизмѣримую невѣдомую степь, взявъ съ собою немного хлѣба, и дальняя звѣзда его руководила, по обѣщанію Нила, доколѣ не возсіяла денница. Тогда услышалъ за собою топотъ коней и крики варваровъ, ищущихъ своей добычи; въ ужасѣ палъ онъ на землю, моля Господа о своемъ сохраненіи, и внялъ его молитвѣ Господь, осѣнивъ его невидимою силою отъ ихъ взоровъ, такъ что они съ воплемъ пронеслись мимо.

Со слезами благодарности, поднялся отъ земли

спасенный и, озираясь вокругъ себя, продолжалъ путь, не видя болѣе враговъ. День и ночь странствовалъ онъ въ безпріютной степи, и вотъ подходитъ къ рѣкѣ глубокой и быстрой, хотя и не широкой, а первопочина путь и теченіе ея чрезъ всю степь. Варвары знали, что нельзя миновать рѣки, и гнались до ея берега съ твердою увѣренностію, что поймаютъ своего бѣглеца. Увидѣвъ его издали, устремились на него съ дикими воплями и обнаженными мечами; онъ же, не видя себѣ ни откуда спасенія, ограждался знаменіемъ крестнымъ и бросился въ рѣку: быстро понесла его вода, внизъ по теченію, и напрасно стрѣляли въ него съ берега Агаряне, ибо его охраняла благодать Божія. Быстрѣе ихъ коней мчала его рѣка; они возвратились, почитая его уже утопшимъ, но рѣка, плескомъ волны, выбросила человѣка на противуположный отлогій берегъ, и оттолѣ безпрепятственно шелъ онъ чрезъ степь, питаясь быліемъ травнымъ и непрестанно призывая въ молитвахъ Господа и его угодника Пила.

Рѣка сія, вѣроятно, была Донецъ, которая въ то время служила границею отъ Крымской орды; освобожденный плѣнникъ благополучно достигъ городовъ Русскихъ, гдѣ былъ съ любовію встрѣчаемъ властями и на подводахъ доставленъ въ Москву. Но прежде нежели взошелъ въ домъ отеческій, отыскалъ иконописца и велѣлъ изобразить ему ликъ преподобнаго, съ листа ему даннаго, въ мѣру гробовой доски; тогда только переступилъ

родной порогъ; потомъ созвалъ священниковъ и убогихъ и, угостивъ ихъ трапезою, снабдилъ обильною милостынею, разсказывая всѣмъ, какъ избавилъ его Господь отъ плѣна. Когда же написанъ былъ образъ преподобнаго, сдѣлалъ большое торжество, въ честь святаго Нила, и съ вѣрнымъ служителемъ послалъ честную икону въ скитъ его, въ предѣлы Бѣлозерскіе, снабдивъ его многими дарами и церковною утварью. Икона сія и досель лежитъ на ракѣ и, молитвами преподобнаго Нила, истекаютъ отъ нея исцѣленія.

Недавнее событіе, совершившееся въ Ниловой пустынѣ, свидѣтельствуетъ, что и досель не престаетъ преподобный изливать милости свои на любимую имъ обитель. Въ прошломъ году оказалась при строеніи новой церкви трещина, въ сводахъ главнаго купола, и предпринято было разобрать основные столбы внутри храма; но какъ только коснулись средней большой арки, высотою въ четыре сажени, она вдругъ обвалилась. Изъ трехъ каменьщиковъ, двое успѣли схватиться за желѣзныя связи и висѣли на нихъ, доколѣ не были сняты другими рабочими; а третій, 16-ти-лѣтній юноша, упалъ съ высоты арки, вмѣстѣ съ обвалившимися кирпичами и былъ ими засыпанъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находилась прежде могила преподобнаго. На шумъ его паденія и на крикъ висѣвшихъ на связяхъ, сбѣжалась вся братія; рабочіе кричали, что одного человѣка задавило, какъ вдругъ изъ подъ груды кирпичей, послышался стенящій

голосъ, который просилъ о скорѣйшей помощи. Всѣ бросились разбирать камни, чтобы достать изъ подъ ихъ груды несчастнаго, хотя и не надѣялись обрѣсти его въ живыхъ, но къ общему всѣхъ изумленію, нашли его почти невредимымъ; на немъ была только изорвана рубашка и видѣнъ на лицѣ его рубецъ. Всѣ съ радостію прославили Бога; а молодой каменьщикъ, встав изъ подъ груды камней, перекрестился, началъ со слезами молиться и пошелъ въ свое жилище отдохнуть; на другой же день продолжалъ работу вмѣстѣ съ товарищами.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ Кириллов, и тамъ уже меня ожидалъ посланный отъ доброй игумены Маврикіи, съ ея гостинцами, рукодѣліемъ Горицкимъ и припасами на дорогу, потому что она, какъ заботливая мать, попеклась и о томъ, чтобы путнику было чѣмъ прокормить себя въ пустынной дорогѣ. На слѣдующее утро, другой посланный явился съ новыми помнками; меня весьма тронуло такое вниманіе добродѣтельной старицы къ чуждому ей пришельцу, за то лишь что посѣтилъ, на нѣсколько краткихъ часовъ, ея пустынную обитель: таково бываетъ любящее сердце, отрѣшенное отъ земнаго, но тѣмъ паче проникнутое любовію къ ближнему.

Признаюсь, когда въ сѣняхъ гостепріимныхъ келлій настоятельскихъ, смотрѣлъ я на изображеніе пяти обителей, составляющихъ духовное пятиградіе предѣловъ Бѣлозерскихъ, вокругъ главнаго монастыря Кириллова: Ферапонтовъ, Горицы, Пи-

ловъ скитъ, другой Кирилловъ Новоозерскій и Филиппо-Ирабскій, – весьма сожалѣлъ я, что не могъ посѣтить двухъ послѣднихъ. Мнѣ особенно было грустно, что по необходимости лишался я утѣшенія видѣть пустынную обитель Новоозерскую, куда уже давно меня звалъ радушный настоятель. Добрый инокъ, отецъ Ѳ.....ъ, старался замѣнить своей обители знаменитаго ея старца, Архимандрита Ѳеофана, которому она обязана своимъ благосостояніемъ, ибо онъ ее вызвалъ изъ долгаго запустѣнія. Любопытна для меня была бы и самая обитель, на маломъ островѣ посреди Новаго-озера, сооруженная вся на сваяхъ, какъ бы одинъ изъ Венеціанскихъ монастырей, такъ что мѣстами и самая ограда обмывается волнами изнутри и снаружи; всѣ ея башни господствуютъ надъ водною стихіею смирившагося озера. Но время и дорога не позволяли пуститься въ дальнѣйшее странствіе: какъ ни мало кажется пространство 70 верстъ, но надобно было испытать весеннюю дорогу отъ Ярославля до Вологды и до Кириллова, на разстояніи 300 верстъ, чтобы узнать, чего стоитъ каждая верста, по непроходимымъ колеямъ и мостовинамъ. Большой Кирилловъ монастырь былъ главною цѣлію моего пути и я достигъ желаемаго, хотя не безъ большихъ трудовъ; отсель помышлялъ уже о возвращеніи и потому дорожилъ каждымъ днемъ. Но обитель заточеннаго Патріарха Никона, Ѳерапонтовская, лежала за нѣсколько верстъ въ сторону отъ большой дороги, и я рѣшился посѣтить ее,

чтобы довершить, по крайней мѣрѣ, ближайшій обзоръ монастырей окружающихъ Кириллов, и не оставить въ забвеніи память великаго мужа Церкви, съ которымъ давно уже меня сродилъ Новый его Іерусалимъ.

Преподобный Ферапонтъ.

Прежде нежели посѣтить какую либо обитель, должно познакомиться съ тѣмъ, кто положилъ ей начало, дабы не чуждымъ пришельцемъ взойти въ священную ограду и не проходить равнодушно мимо гробовъ основателей; здѣсь же два преподобныхъ могутъ почитаться ктиторами сей обители: Ферапонтъ, преждевременно изъ нея удалившійся, и Мартиніанъ, изъ учениковъ великаго Кирилла, продолжавшій его благочестивое дѣло.

Отъ благородныхъ и благовѣрныхъ родителей происходилъ Ферапонтъ, прозваніемъ Поскотиныхъ, изъ дѣтей боярскихъ города Волоколамска. Съ юнаго возраста, уже исполненный страха Божія, онъ помышлялъ только: какъ избѣжать

ему суетнаго міра и попеченій житейскихъ. Ѳеодоръ было его мірское имя и часто, въ домѣ своихъ родителей, любилъ онъ бесѣдовать о благочестивыхъ предметахъ, непрестанно моля Господа, дабы сподобиться ему иноческаго образа. Избравъ на то благопріятное время, тайно удалился онъ изъ отеческаго дома и пришелъ на Симоново въ обитель; тамъ умолилъ архимандрита немедленно постричь его, и свыше было внушено настоятелю, принять юнаго пришельца, безъ обычнаго испытанія; но его отдали подъ руководство опытному старцу, который научилъ Ѳерапонта первымъ началамъ иночества.

Съ должнымъ послушаніемъ прошелъ онъ весь искусъ монастырскій, трудясь въ черныхъ работахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, неослабно пребывая на бдѣніяхъ всенощныхъ и въ келліи на молитвѣ, въ непрестанномъ постѣ укрѣплялся благодатію Божіею; всѣ свои тайные помыслы ежедневно исповѣдывалъ онъ старцу духовному и тѣмъ соблюдалъ чистоту тѣлесную и душевную, ограждался отъ стрѣлъ вражіихъ; наипаче же остерегался исполнять въ чемъ-либо свою волю. Смиренно просилъ братій своихъ инокъ Ѳерапонтъ, чтобы молились о его спасеніи, и радовалась братія такому сподвижнику, который терпѣливо и безпрекословно исполнялъ всѣ послушанія. Хотя не искусенъ былъ онъ грамотѣ, но стяжалъ доброту душевную и здравый умъ, и многіе годы провелъ такимъ образомъ, служа въ обители. Настоятель, замѣтивъ его

опытность во всякомъ дѣлѣ, посылалъ его въ ближнія и дальнія мѣста, для потребы монастырской, и всегда возвращался съ успѣхомъ Ѳерапонтъ.

Однажды былъ онъ посланъ на Бѣлоозеро, въ предѣлы отдаленные и мало извѣстные. Пустынно было мѣсто и исполнено болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ, и воды тамъ многія, рѣки и озера. Ѳерапонтъ, желая лучше распознать страну сію, обошелъ ее всю съ путническимъ посохомъ, и душа его, давно жаждавшая безмолвія, возлюбила сію пустыню. Дивный во Святыхъ своихъ Господь, какъ бы перстомъ указывалъ на сію землю обѣтованія иноческаго, первому ея соглядатаю Ѳерапонту, какъ нѣкогда посланнымъ отъ дѣтей Израилевыхъ въ землю точащую медъ и млеко, будущее ихъ наслѣдіе. Богомъ хранимый, возвратился путникъ въ обитель Симонову, гдѣ спасался тогда великій подвижникъ Кириллъ. Ему предназначено было, вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ, поселиться въ сей безплодной пустынѣ и даже отъ нея заимствовать свое названіе. Онъ уже безмолвствовалъ въ то время, на старомъ Симоновѣ, при церкви Рождества Богоматери, и помышлялъ только: гдѣ бы обрѣсти ему совершенное уединеніе, далеко отъ мятежнаго міра? – Съ теплою о томъ молитвою, обратился преподобный къ пречистой Матери Христа Бога, дабы она наставила его на сей новый путь спасенія.

Мы уже знаемъ, изъ житія Кириллова, о чудномъ гласѣ къ нему бывшемъ, во время акаѳист-

наго пѣнія пречистой Дѣве, и какъ указано ему было избранное мѣсто въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, для сооруженія обители, но онъ еще не зналъ, гдѣ и какъ обрѣсти его въ пустынѣ? Не много времени спустя пришелъ посѣтить его блаженный Ѳерапонтъ, сверстникъ его по годамъ и постриженію и связанный съ нимъ узами духовной пріязни. Кириллъ вопросилъ друга: «есть ли на Бѣломъ озерѣ мѣсто, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку?» и Ѳерапонтъ отвѣчалъ, что ихъ тамъ много. По долгомъ совѣщаніи, согласились они втайнѣ оставить монастырь и идти въ дальній путь на сѣверъ.

Послѣ многихъ странствованій пришли на Бѣлоозеро и обходили многія мѣста, но ни одно изъ нихъ не полюбилось Кириллу; повсюду искалъ онъ то, которое указано ему было въ тайномъ видѣніи; когда же достигъ сего мѣста, возлюбилъ его душею и сотворилъ тутъ молитву. Оба отшельника водрузили крестъ и, воспѣвши канонъ хвалебный Богоматери, начали копать себѣ землю для жилища. Не много времени провелъ тутъ преподобный Ѳерапонтъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ; ему пришло на мысль отойти въ уединенное мѣсто и онъ сообщилъ о томъ преподобному Кириллу, такъ какъ они имѣли обычай повѣрять взаимно тайные свои помыслы и просить другъ у друга совѣта.

«Есть у меня желаніе и оно непрестанно влечетъ меня, идти безмолвствовать на особое мѣсто,» простосердечно сказалъ Ѳерапонтъ, и столь же некреп-

но отвѣчалъ ему Кириллъ: «если воля Божія на то будетъ, можешь и на дѣлѣ исполнить.»—«Мѣсто сіе не далеко отсель, отче, сказалъ опять Ѳерапонтъ, за 15-ть поприщъ или не много дальше; хочу, если Богъ соизволитъ, тамъ безмолвствовать, и молю твою святыню, дабы ты не оскорбился на меня за такую разлуку; отпусти меня съ любовію и моли Господа и пречистую его Матерь, дабы мнѣ все было на пользу,» и съ любовію отпустилъ его Кириллъ, говоря: «воля Господня да будетъ.» Они согласились, однако, по прежнему имѣть во всемъ совѣтъ между собою и такъ разлучились: блаженный Кириллъ остался на своемъ мѣстѣ, преподобный же Ѳерапонтъ отошелъ на прекрасное мѣсто, между двухъ живописныхъ озеръ; тамъ водворился и молитвенно поставилъ себѣ келлію. Хотя пустынно и дико было мѣсто, но оно казалось ему краше всѣхъ селеній на землѣ. Не много времени спустя, пришелъ возвѣстить о избранномъ мѣстѣ преподобнаго Кирилла, и благословилъ его отшельникъ тамъ жительствовать.

Вырубивъ сперва довольно лѣса, вокругъ своей одинокой келліи, Ѳерапонтъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы разчистить землю, для разведенія необходимыхъ овощей, ибо не откуда было ожидать себѣ припасовъ въ сей безплодной пустынѣ. Прилагая труды къ трудамъ, слѣдовалъ онъ духовнымъ наставленіямъ, которыя преподаны святыми Отцами, для жительства пустыннаго, постомъ, молитвою и бдѣніемъ, отгонялъ сонъ и упы-

ніе и помыслы лукавыхъ бѣсовъ; когда же утвердился самъ въ своей уединенной келліи, началъ ставить около нея и другія для приходящей братіи. По ихъ настоятельной мольбѣ соорудилъ онъ и церковь, во имя Рождества Богоматери, испросивъ на то благословеніе святительское. Однако много пострадалъ преподобный, при началѣ общежитія, отъ вражіихъ искушеній и нападеній разбойниковъ, которые съ угрозою смерти требовали, чтобы онъ вышелъ изъ ихъ предѣловъ, ибо не могли терпѣть злые люди праведника между собою; но преподобный, уповая на Бога и на пречистую Дѣву, не упадалъ духомъ; беззаконные со стыдомъ отъ него отходили, хотя дикое мѣсто сіе, между лѣсовъ и озеръ, благопріятствовало разбоямъ; самые звѣри, по молитвѣ его, уступали ему свое пустынное наслѣдіе.

Господь, видя терпѣніе раба своего, благословилъ распространяющуюся его обитель, ибо многіе стали приходить къ нему, ради пользы душевной. Особенно обрадовался онъ пришествію одного инока, сана пресвитерскаго, который сталъ у нихъ совершать божественную службу, и Ѳеранонтъ почиталъ его, какъ родпаго отца, а самъ избѣгалъ всякаго старѣйшинства и подвизался день и ночь, во всѣхъ тяжкихъ работахъ, не упуская ни церковной службы, ни келейнаго правила, по примѣру древнихъ отпельниковъ Египта и Палестины. Братія, видя столь великій примѣръ предъ собою, старались во всемъ ему подражать, исполняя

безропотно уставъ общежительный. Отъ времени до времени посѣщалъ Ѳерапонтъ Св. Кирилла, заимствуя отъ него свѣтъ духовный, какъ лучь отъ солнца, и какъ древо жаждущее себѣ воды текущей, потому что братство его все болѣе умножалось и болѣе приходили къ нему просить наставленія, надѣляя обитель обильными подаяніями.

Все сіе принималъ блаженный, не какъ отъ человѣковъ, но какъ отъ самаго Бога, и часто говорилъ: «не я оградилъ мѣсто сіе святое, но пречистая Богородица; она одна можетъ насъ наставить на полезное, какъ намъ спастися.» Чрезъ нѣсколько времени, братія поставили себѣ игумена, ибо преподобный отклонилъ отъ себя сію почесть, хотя самъ о всѣхъ заботился и назидалъ словомъ, растворенным божественною солью; съ утѣшеніемъ духовнымъ каждый выходилъ изъ его келліи, какъ бы окрыленный для новыхъ подвиговъ. Сходились къ нему изъ дальнихъ монастырей дѣвицы и каприки всякаго чина; всѣхъ принималъ онъ съ любовію, но строго наблюдалъ, чтобы во всемъ подражать чину Кирилловой обители; никто не смѣлъ держать въ келліи особыхъ яствъ или какихъ либо вещей, кромѣ святыхъ иконъ и божественныхъ книгъ и орудій рукодѣльныхъ. Служба церковная совершалась съ глубокимъ благоговѣніемъ, и строгое безмолвіе наблюдалось за трапезою и по келліямъ, гдѣ братія занималась переписываніемъ книгъ, или плетеніемъ мрежей, судя по силѣ и расположенію каждаго, и все въ глубокомъ

мирѣ исполняли возложенныя на нихъ послушанія; мірскимъ же людямъ не было участія въ трудахъ монастырскихъ.

Молва о новой обители дошла до Князя Андрея Дмитріевича Донскаго, и онъ возблагодарилъ Бога, прославившаго такими мужами дальнюю его отчину. Князь послалъ много милостыни и утвари для церквей, предоставляя окрестныя земли и воды въ пользу обители, и прося молитвъ себѣ и своему роду; такъ исполнилось слово псаломное: «сей нищій воззва, и Господь услыша, и отъ всѣхъ скорбей его спасе» (Псал. 33, 7). Случилось однажды намѣстнику Князя придти въ Ѳерапонтовъ монастырь, побесѣдовать съ преподобнымъ, и такъ сладостна показалась бесѣда сія, что всею душею возлюбилъ онъ старца. Возвратившись къ своему Князю, разсказалъ онъ, какое сокровище таится въ его отчинѣ, гдѣ все еще тогда было пусто. Много утѣшился Князь сею вѣстію, ибо и самъ былъ чрезвычайно благочестивъ и расположенъ къ иноческому. Давно уже онъ имѣлъ желаніе составить обитель, близъ удѣльнаго своего города Можайска, но не зналъ гдѣ бы найти человѣка, могущаго положить ей благое начало. Когда же услышалъ отъ своего намѣстника о блаженномъ Ѳерапонтѣ, пришло ему на мысль, что никто кромѣ его не можетъ совершить сего дѣла. Онъ отправилъ богатую милостыню въ монастырь его, съ однимъ изъ своихъ ближнихъ бояръ, который пригласилъ старца идти благословить Князя, потому что имѣется

до него тайное слово. Услышавъ нечаянное приглашеніе, Ѳеранонтъ впалъ въ недоумѣніе, и отвѣчалъ только посланному: «воля Господня да будетъ!» Онъ просилъ совѣта у всей братіи; братія отвѣчала: что не должно оскорблять сильнаго властелина, Бога ради его зовущаго, отъ котораго зависитъ обитель, потому что на его землѣ она основалась. Однако еще колебался труженикъ, оставить любимое мѣсто своего подвига и, пригласивъ посланнаго въ соборъ иноческій, умолялъ открыть тайную причину зова княжескаго, потому что не разумѣлъ, какое дѣло можетъ имѣть державный до человѣка грубаго и невѣжественнаго, тѣмъ паче, что инокамъ подобаетъ у себя безмолвствовать, а не скитаться въ мірѣ на позоръ людямъ. Посланный отвѣчалъ старцу, что ему крѣпко заповѣдано, не возвращаться безъ него къ Князю и, падши на землю, умолялъ не ослушаться державнаго; то же повторила и братія, такъ что Ѳеранонтъ многія пролилъ слезы. «Воля Божія и пречистыя Богородицы и ваша любовь, да будутъ со мною,» сказалъ онъ наконецъ и повиновался, хотя вопреки желанію, общему приговору.

На другой день, отпѣвъ молебенъ Спасу и Богоматери, далъ онъ совѣтъ братіи: какъ довершить строеніе храма и соблюсти уставъ монастырскій, а самъ пустился въ дальній путь, въ сопровожденіи одного лишь инока, не предвидя, что уже ему не суждено возвратиться въ свою обитель. Благополучно достигъ онъ города Можайска,

гдѣ жилъ удѣльный Князь, и встрѣченъ былъ отъ него съ подобающею честію. «Господь да сочтетъ стопы твои, сказалъ ему Князь, и воздастъ тебѣ мзду за твой подвигъ, я же всегда останусь должникомъ твоей святыни.» Князь угостилъ его трапезою, отвелъ у себя въ домѣ храмину для успокоенія и, чрезъ нѣсколько дней отдыха, съ участіемъ распросилъ его о странахъ Бѣлозерскихъ и новой его обители, и радовался духовно, что обрѣлъ старца себѣ по мысли, такимъ какъ о немъ возвѣстили; потомъ спросилъ его: «знаетъ ли за чѣмъ былъ призванъ?» — Преподобный отвѣчалъ: «Богъ одинъ вѣдаетъ тайны сердецъ человѣческихъ.» Недоумѣвая, какъ открыть сію тайну, державный просилъ старца, безусловно обѣщать ему, что исполнитъ одно его теплое желаніе, но ему смиренно отвѣчалъ Ферапонтъ: «я нищій и худой черецъ; что могу даровать твоему величію, одаренному столькими благами?» Князь наконецъ рѣшился открыть ему тайную мысль и, ласково посадивъ близь себя старца, умолялъ, чтобы устроилъ ему обитель иноческую близь роднаго его города Можайска.

Смутился преподобный нечаянному прошенію, и ни чѣмъ кромѣ слезъ не могъ отвѣчать державному; такимъ образомъ протекло нѣсколько дней, въ безмолвіи съ его стороны, ибо сердце его лежало къ родной его пустыни Бѣлозерской и горько помышлялъ онъ о сиротствѣ чадъ своихъ, собранныхъ въ пустыни и остающихся безъ призрѣнія. Съ теплою молитвою обратился онъ къ Го-

внушилъ его родителямъ привести сына къ преподобному Кириллу. Отрокъ, видя его предъ собою какъ Ангела Божія, ничего другаго не умѣлъ сказать, какъ только, припадая къ стопамъ его, умиленно взывалъ: «возьми меня къ себѣ, Господине!» Умилосердился преподобный Кириллъ о лѣтницѣ и, проразумѣвъ благородство души его, съ радостію его принялъ, какъ бы отъ рукъ Божіихъ.

Жилъ тогда близъ обители, опытный въ грамотѣ діакъ; ему вѣрилъ святой старецъ юнаго пришельца, чтобы научилъ его и соблюдалъ какъ зѣницу ока и, по благодати Божіей, вскорѣ показалъ такіе успѣхи его питомецъ, что всѣ изумились. Преподобный, испытавъ его нравъ и видя чрезвычайное смиреніе и душевную чистоту, возлюбилъ его всею душею и облекъ въ иноческій образъ, нарекши имя ему Мартиніанъ. Онъ велѣлъ ему жить у себя въ кельи, какъ прилежному ученику, и читать отеческія книги, самъ за нимъ наблюдая, чтобы совершенствовался на пути иноческомъ; а юный Мартиніанъ, имѣя предъ очами примѣръ великаго старца, который подвизался до глубокой старости въ исполненіи всего устава, ревностно подражалъ ему, пребывая въ совершенномъ послушаніи, и такимъ образомъ, укрощая плоть, просвѣщалъ свою душу.

Когда блаженный Кириллъ молился въ своей кельи, Мартиніанъ полагалъ поклоны и, вкусивъ не много сна, незадолго до благовѣста, первый являлся на службу соборную; если же смущали его какіе-либо помыслы, со страхомъ исповѣдывалъ ихъ

своему старцу и такъ усердно ему служилъ, что преподобный только радовался о немъ и благодарилъ Бога, поставляя его въ примѣръ прочей братіи. Испытавъ его во всѣхъ послушаніяхъ, уразумѣлъ Св. Кириллъ, что ученикъ его можетъ и наединѣ обитать въ келліи; онъ отпустилъ его отъ себя и просилъ Святителя Ростовскаго, поставить во діакона Мартиніана, для соборнаго съ нимъ служенія, а потомъ и во пресвитера. Нѣкоторые изъ братіи завидовали благосклонности къ нему своего аввы, но юный труженикъ все съ терпѣніемъ переносилъ, равную являя ко всѣмъ любовь; когда же преставился блаженный старецъ, Мартиніанъ, воздавъ ему съ горькими слезами послѣдній долгъ, началъ еще болѣе подвизаться, призывая молитвенно на помощь усопшаго о, какъ бы на хартіи, собирая въ сердцѣ своемъ всѣ его изреченія.

Пришелъ ему помыслъ безмолвствовать и онъ, благословившись у гроба своего учителя, уединился на островъ пустыннаго озера Воже, за сто верстъ отъ обители. Не малое время проходилъ онъ тамъ совершенный подвигъ безмолвія, когда начали собираться къ нему братія; онъ создалъ вмѣстѣ съ ними церковь, во имя преображенія Господня. Устроивъ порядокъ у себя въ обители, Мартиніанъ пожелалъ итти помолиться въ Ферапонтовъ монастырь; тамъ игуменъ и братія стали просить его остаться съ ними; видя ихъ неличемѣрную любовь, обѣщалъ онъ, что если изволитъ Господь и пречистая его Матерь не отринетъ грѣшника,

то, на будущее время, будетъ жительствовать съ ними, а между тѣмъ возвратился въ основанную пустынь и провелъ тамъ еще десять лѣтъ. Когда же собралось тамъ многочисленное братство, преподобный далъ имъ наставленіе, какъ устроить храмъ и обитель, а самъ пошелъ на свое обѣщаніе въ Ѳерапонтовъ, гдѣ былъ принятъ съ особенною любовію. Вся братія видѣла въ немъ будущаго преемника ихъ игумену, когда блаженный Ѳерапонтъ внезапно отозванъ былъ Княземъ Можайскимъ изъ своей обители.

Оспротивніе иноки умолили преподобнаго Мартиніана, принять на себя настоятельство, и долго онъ отрекался, полагая бремя сіе выше силъ своихъ; однако былъ убѣжденъ усильнымъ моленіемъ всего братства. Сынъ Князя Можайскаго, Михаилъ Андреевичъ, живній въ отчинѣ своей, равно какъ и отецъ его, имѣли большую вѣру къ преподобному и, утвердивъ его избраніе, съ большею милостынею отпустили въ обитель. Новый строитель заботился наипаче, чтобы все было по чину преподобнаго Кирилла, и молитвами его во всемъ успѣвалъ. Какъ пчелы, ищущія медовыхъ цвѣтовъ, отовсюду стекались къ нему міряне, прося ангельскаго образа и, по собственному опыту, крѣпкое давалъ имъ начало блаженный ихъ учитель, наставляя ихъ духовному дѣланію; Господь благословлялъ его труды, ибо ни какое приношеніе не бываетъ столь пріятно Богу, какъ забота о душахъ спасающихся: а благовѣрные Князья благодарили

Бога, тамъ за блаженнаго Ѳерапонта, здѣсь же за Мартиніана, которые оба, какъ два домовитыхъ брата, стройно исполняли заповѣди Божіи и приносили плоды добродѣтели.

Не малое время, болѣе двадцати лѣтъ, подвизался на игуменствѣ преподобный Мартиніанъ, когда, по грѣхамъ князей и народа, воздвиглось сильное междоусобіе державныхъ земли Русской. Великій Князь Московскій Василій Васильевичъ, измѣнническки схваченъ былъ въ лаврѣ Сергіевой, братомъ своимъ двоюроднымъ, Княземъ Димитріемъ Шемякою, ослѣпленъ, сведенъ съ царства и сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Угличъ. Обличаемый однако въ спосѣй измѣнѣ Святителями, смутился духомъ Шемяка и, вмѣстѣ съ Епископами и Князьями, посѣтилъ Темнаго въ его заточеніи въ Угличѣ; онъ далъ бывшему властителю смиренный удѣлъ Вологду, связавъ клятвою, чтобы никогда не искалъ великаго княженія. Но Господь отвратилъ лице свое отъ Шемяки и обратилъ сердца всѣхъ къ законному державцу; Христіане и Агаряне пришли къ нему на помощь, и всѣ бывшіе его князья и бояре собрались къ нему съ дружинами въ Вологду, чтобы возвести опять на престолъ отеческій. Господь умудряетъ слѣпцевъ, говоритъ псаломникъ, и даетъ, кому хочетъ, премудрость и силу: — такъ сбылось сіе и съ Великимъ Княземъ Темнымъ.

Прежде нежели идти ратію на измѣнника, благочестивый Князь пошелъ помолиться въ Ѳерапонтовъ и Кирилловъ, чтобы принять благословеніе отъ нихъ

блаженныхъ строителей. Съ великою честію встрѣтилъ преподобный Мартиніанъ Государя своего, соборно внѣ монастыря, осѣнилъ животворящимъ крестомъ, окропилъ святою водою и, угостивъ трапезою, укрѣпилъ утѣшительнымъ словомъ. Онъ велѣлъ ему идти на супостата, дерзнувшаго совершить надъ нимъ такое злодѣйство, и обѣщалъ побѣду, такъ какъ всѣмъ извѣстно было, что не волею Божіею сѣлъ на великомъ княженіи Димитрій Шемяка, а только надѣялся на свою гордыню, и весь его умъ возмущенъ врагомъ человѣческимъ. Принявъ благословеніе отъ Святаго, возлюбилъ его душевно Великій Князь и сказалъ: «отче Мартиніане, если будетъ надо мною милосердіе Божіе и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ моленіе, и сяду я, твоими молитвами, на своемъ престолѣ, я упокою монастырь твой и приближу тебя къ себѣ;» это и случилось въ послѣдствіи.

Исполнилось обѣщаніе преподобнаго Мартиніана: враги бѣжали предъ лицемъ державнаго, бѣдственною смертію скончался Шемяка и Великій Князь водворился опять въ Москвѣ, на своемъ отеческомъ княженіи. Случилось тогда скончаться въ Сергіевой лаврѣ игумену, пятому послѣ Сергія чудотворца; Великій Князь, вспомнилъ обѣтъ свой, немедленно послалъ на Бѣло-озеро за преподобнымъ Мартиніаномъ и, вызвавъ его противъ желанія, изъ любимой имъ пустыни, поставилъ игуменомъ въ лавру, у живоначальныя Троицы; мѣсто же его въ Ферапонтовѣ занялъ строгій подвиж-

никъ Филоѳей, бывшій въ послѣдствіи тридцать лѣтъ Епископомъ великой Перми, гдѣ много окрестилъ язычниковъ, довершая апостольскій подвигъ Святителя Стефана.

Во время игуменства Мартиніанова въ лаврѣ, переѣхалъ одинъ именитый боярин, отъ Великаго Князя Василія къ Тверскому Великому Князю, и весьма о томъ огорчился Темный, потому что это былъ одинъ изъ близкихъ его совѣтниковъ. Онъ послалъ просить преподобнаго, чтобы какими нибудь средствами возвратилъ къ нему боярина, какъ духовнаго своего сына, обѣщая ему противъ прежняго больше почестей и богатства, и старецъ умолилъ бѣжавшаго возвратиться, взявъ его себѣ на поручительство; но какъ только пришелъ въ Москву боярин, раздраженный Князь велѣлъ его оковать; испуганные сродники явились съ жалобою къ преподобному. Сильно оскорбился блаженный старецъ такому нарушенію даннаго слова; немедленно поспѣшилъ онъ въ столицу, ради великой своей печали. Тамъ, помолившись святымъ церквамъ, прямо пришелъ въ храмину велико-княжескую, гдѣ его ни кто не зналъ, и толкнулъ въ двери; дверники возвѣстили о его пришествіи Великому Князю. Допущенный немедленно Мартиніанъ, сотворивъ молитву, смѣло сказалъ Государю: «такъ ли праведно научился ты судить, Князь Великій, и такъ ли подобаетъ Самодержцу? За чтмъ продалъ ты грѣшную мою душу? за чтмъ приказалъ оковать боярина, призваннаго мною. съ

поручительствомъ моей души, и преступилъ свое слово? Не буди надъ тобою благословенія меня грѣшнаго, ни на твоемъ великомъ княженіи!» Съ гнѣвомъ обратился онъ и быстро вышелъ изъ храмины и, ни мало не медля въ Москвѣ, возвратился въ лавру.

Что же Государь, по истинѣ великій и мудрый, ибо стяжалъ крайнюю добродѣтель смиренномудрія? — Убоялся онъ суда Божія и сказалъ самъ себѣ: «и я человѣкъ, судимый Богомъ, и правда отъ меня истяжется, хотя и царскую принялъ я власть, чтобы судить самовластно; но предъ очами Божіими все обнажено и онъ судитъ Царя какъ и простаго человѣка!» Позналъ неправду свою державный и не прогнѣвался за обличительное слово, но раскаялся предъ Богомъ. Собрались къ нему бояре; онъ же, какъ бы гнѣвались предъ ними, сказалъ: «посмотрите бояре, что со мною сдѣлалъ тотъ болотный черецъ! – внезапно пришедши въ мою храмину, обличилъ и снялъ съ меня благословеніе Божіе, и безъ великаго княженія меня оставилъ.» Недоумѣвали бояре, что отвѣчать Великому Князю: онъ же со смиреніемъ продолжалъ: «виноватъ я, братія, предъ Богомъ и предъ нимъ, ибо забылъ слово свое и неправду сотворилъ; и такъ пойдемъ къ живоначальной Троицѣ, – Она насъ разрѣшитъ, и къ преподобному Сергію и къ игумену Мартиніану, и помолимся вмѣстѣ, чтобы получить прощеніе.» Въ тотъ же часъ велѣлъ онъ

снять оковы и опалу свою съ боярина и сыне прежняго поставилъ его въ своей милости.

Когда же пришелъ Великій Князь въ Сергіеву лавру, преподобный съ честію встрѣтилъ его внѣ монастыря, благодари Бога и благословляя державнаго, за его доброе обращеніе, великое смиреніе и покаяніе. Не вспомнилъ Князь Василій ни малѣйшаго досажденія, но воспріявъ прощеніе, смиренно помолился у гроба преподобнаго Сергія, осыпалъ милостями его обитель и возвратился радостно въ свою столицу съ благословеніемъ преподобнаго; Господь же благословилъ смиреніе державнаго благополучнымъ царствованіемъ, до конца дней его жизни, и славнымъ преемникомъ — великимъ Іоанномъ, собирателемъ земли Русской.

До восьми лѣтъ потрудился блаженный Мартіанъ на игуменствѣ въ лаврѣ у Св. Сергія, и началъ помышлять о приближеніи старости, которая ознаменовала себя частыми недугами, а между тѣмъ, соседство столицы обременяло его посѣщеніемъ Князя и бояръ. Еще на нѣсколько времени братія умолили его остаться; онъ послушался ихъ ради любви, но у него на мысли безпрестанно воспоминались слова блаженнаго отца его, чудотворца Кирилла: «добро иноку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмутить душевныя чувства.» Много заботила преподобнаго Мартиніана оставленная имъ обитель Ферапонтова, и онъ укорялъ себя, что не все довершилъ въ ней на пользу братіи. Эта мысль, какъ острѣемъ, разли-

рала его сердце, а между тѣмъ Господь хотѣлъ украсить обитель пречистыя своея Матери въ Ферапонтовѣ, сокровищемъ мощей вѣрнаго своего служителя Мартиніана, какъ бы неотъемлемымъ ея наслѣдіемъ. Созвалъ преподобный весь соборъ Сергіевой лавры и, сказавъ имъ послѣднее поученіе, сдалъ все монастырское управленіе, а самъ, взошедши въ церковь живоначальныя Троицы, припалъ къ мощамъ преподобнаго Сергія и, по взаимномъ прощеніи съ братіею, оставилъ стадо свое на великаго пастыря Христа, чтобы съ міромъ удалиться въ предѣлы Бѣлозерскіе.

Съ великою радостію встрѣтили его въ Ферапонтовѣ игуменъ и братія, какъ истиннаго отца, учредивъ большое торжество по случаю его пришествія. Игуменъ Филоѳей уступилъ ему свое настоятельство, и какъ на опытнаго кормчаго всѣ возлагали на него свои заботы; такимъ образомъ, надѣявшійся обрѣсти безмолвіе, вмѣсто того долженъ былъ принять на себя новую обязанность, ради общаго къ нему усердія. Старецъ утѣшался любовію учениковъ своихъ и все сіе приписывалъ молитвамъ брата своего и начальника мѣста сего преподобнаго Ферапонта, какъ онъ его называлъ; сперва отказывался отъ настоятельства, потомъ же, видя ихъ неотступность, смиренно говорилъ: «братія и отцы, недостоинъ я принять на себя такое попеченіе, ибо отъ того и вышелъ изъ обители преподобнаго Сергія, отъ живоначальныя Троицы, чтобы только плакаться о грѣхахъ своихъ

и обрѣсти моей старости покой и безмолвіе;» наконецъ, тронутый общими слезами, сказалъ: «если такъ угодно Господу и пречистой его Матери и вашей любви, готовъ я изъ послушанія и умереть въ сей обители, ради брата моего господина Серапіона.» Игуменъ и вся братія, падши на землю, благодарили святаго аввy за то, что исполнилъ ихъ пламенное желаніе; Мартиніанъ же, какъ бы окрыляемый юностію орлею, началъ еще паче прежняго заботиться о устроеніи монастыря; иное заимствовалъ онъ изъ устава Кириллова монастыря, а иное изъ Сергіева, и принималъ съ любовію всѣхъ, которые притекали къ нему, какъ къ неисчерпаемому кладезю, чтобы утолить жажду духовную назидательною его бесѣдою. О его высокой добродѣтели свидѣтельствовалъ Пахомій Логоѳетъ, Святогорецъ, который много отъ него заимствовалъ въ свое сказаніе, о преподобныхъ Сергіѣ и Кириллѣ.

Писатель житія самаго Мартиніана разсказываетъ нѣчто и объ одномъ юродивомъ Галактіонѣ, присномъ его ученикѣ, который служилъ старцу и переносилъ его на себѣ въ церковь, когда по дряхлости не могъ уже самъ туда ходить преподобный. Однажды братія взошли во вновь устроенную трапезу, при теплой церкви, и начали ею хвалиться; «добра но не долговѣчна» сказалъ юродивый, и на другой день сгорѣла трапеза. Загорѣлась келлія, у одного изъ братіи, и пламя распространялось по обители; тутъ жилъ на покоѣ, бывшій Святитель Ростовскій Іоасафъ, изъ рода Князей Смо-

ленскихъ, весьма дружный съ преподобнымъ Мартиніаномъ; сильно скорбѣлъ онъ, что въ его келліи погибнетъ одна вещь, весьма драгоцѣнная, по своему изяществу. Юродивый укорилъ его за такую житейскую скорбь; когда же услышалъ, что это сокровище монастырское, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросился въ пламя и вынесъ оттуда желанную вещь; онъ ее поставилъ предъ владыкою Іоасафомъ и сказалъ ему: «вотъ оно, не тужи; ты скорбишь о худомъ дѣлѣ.»

Между тѣмъ, опасность угрожала колокольнѣ; сбѣжавшійся народъ хотѣлъ спасти колокола, но Галактіонъ отогналъ людей съ сѣкирами, говоря: «сему не горѣть,» и дѣйствительно колокольня не сгорѣла. Мартиніанъ самъ благословилъ ему юродствовать, зная его высокую жизнь и тайные подвиги. Когда одинъ изъ братіи хотѣлъ оставить обитель, обуреваемый уныніемъ, Галактіонъ сѣлъ на прагѣ его келліи и сказалъ: «что это братъ умыслилъ ты послушать врага? нельзя будетъ тебѣ избѣжать волненія, хотя бы ты отъ насъ и удалился, а лукавыхъ сѣтей врага нигдѣ ты избѣжать не можешь.» Провидѣлъ и свое преставленіе блаженный Галактіонъ, за нѣсколько дней предсказавъ о томъ братіи; скорбѣвшему же сотруднику своему Саввѣ, сказалъ, что онъ послѣдуетъ за нимъ чрезъ восемь дней, что дѣйствительно и случилось.

Преподобный Мартиніанъ достигнулъ глубокой старости и ожидалъ уже послѣдняго часа, но никакъ не оставлялъ соборнаго пѣнія и келейнаго прави-

ла, какъ наученъ былъ отъ отца своего блаженнаго Кирилла, памятуя, что всѣ Святые въ трудахъ окончили свою жизнь; братія носили его въ церковь, или только поддерживали, ради крайней его дряхлости. Онъ призвалъ къ болѣзненному одру своему всѣхъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ Богу въ его обители, заповѣдалъ игумену Филовею сохранять преданіе отеческое, ничего не раззоряя отъ монастырскаго устава, и съ миромъ предалъ душу свою Богу, пріобщившись святыхъ тайнъ Христовыхъ. Болѣе семидесяти лѣтъ прожилъ онъ въ иночествѣ и послѣдніе года въ великомъ образѣ схимническомъ, скончался же въ 1483 году, Генваря въ 12 день, и, при общемъ плачѣ всей братіи, положенъ былъ во гробъ, у большой церкви Богородицы, съ правой стороны олтаря.

Тридцать лѣтъ послѣ его кончины, когда хотѣли погребсти подлѣ него друга и ученика его, Архіепископа Іоасафа, долго безмолвствовавшаго въ обители Серапонтовой, совершилось чудное явленіе. Игуменъ и братія со страхомъ начали разгребать землю, насыпанную надъ гробомъ Святаго, и съ изумленіемъ обрѣли тѣло его, совершенно не тлѣвшимъ, такъ что не повредилась и самая одежда, хотя весь гробъ его наполненъ былъ водою, какъ это случилось и при обрѣтеніи мощей святаго Сергія; вода сія послужила къ исцѣленію многихъ болящихъ, и съ тѣхъ поръ начали истекать чудеса отъ раки преподобнаго, для врачеванія вѣрующихъ отъ различныхъ недуговъ.

Ферапонтовъ монастырь.

Когда оставлялъ я обитель Св. Кирилла, настоятель позволилъ своему намѣстнику проводить меня до Ферапонтовой, отстоящей за 15 верстъ, чтобы тамъ поручить опытному руководству мѣстнаго протоіерея, такъ какъ древній сей монастырь обращенъ въ приходскую церковь, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія. Дикая природа начинала оживать, по мѣрѣ того какъ мы приближалось къ Ферапонтову; послѣ болотныхъ перелѣсковъ, открылось между волнообразныхъ холмовъ обширное озеро, заимствующее имя свое отъ обители, которую огибаетъ живописною дугою. Майскій солнечный день благопріятствовалъ мѣстной красотѣ; обитель историческая Никона Патріарха издали предстала въ полномъ блескѣ, какъ бы еще не упраздненная, съ своими шатровыми главами, въ видѣ острокопечныхъ башень, кото-

рыл давали ей видъ болѣе готическій, нежели византійскій. Такъ величава ея наружность и такъ живописно положеніе, что нельзя не пожалѣть о ея запустѣніи, потому что мѣсто сіе, какъ будто нарочно создано для монастыря, преимущественно предъ многими другими. Далеко надобно объѣзжать озеро, чтобы приблизиться къ обители; она стоитъ какъ бы на острову и только узкимъ перешейкомъ можно туда подъѣхать.

Вокругъ широкихъ водъ, холмы, рощи и поля, имѣли столь веселый и пріятный видъ, что невольно радовались имъ взоры и сердце: таково первое впечатлѣніе Ферапонтова; но оно обращается въ весьма грустное, когда взошедши во святыя врата, увидишь внутреннее запустѣніе бывшей обители, развалившіяся келліи и ограду, и дворъ поросшій травою, съ затоптанными могилами, и груду камней тамъ гдѣ было жилье. Никоновыхъ келлій уже не существуетъ; онѣ расположены были вдоль западной ограды и были въ связи со святыми вратами, надъ коими досель возвышается бывшая крестовая церковь Патріаршая; еще цѣлы ближайшія деревянныя къ ней пристройки, служившія для сообщенія, когда каменныя келліи уже срыты. Но такъ давно однако, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще о нихъ упоминалось въ исторіи нашей іерархіи; онѣ были расписаны ликами пустынножителей, коихъ трудолюбивымъ подвигамъ искалъ подражать Никонъ, во время десяти лѣтняго своего заточенія въ Ферапонтовѣ, какъ онъ

это дѣлалъ и въ новомъ Іерусалимѣ, будучи еще Патріархомъ. Самый живописный видъ открывался изъ сихъ келлій на синюю пучину водъ, посреди коихъ Никонъ, съ келейною своею братіею, сложилъ маленькій островокъ изъ громадныхъ камней, въ подножіе знаменательному кресту. На этомъ крестѣ начерталъ онъ ту обличительную надпись, за которую отчасти подпалъ еще болѣе строгому заключенію въ обители Кирилловой: «Никонъ, Божіею милостію смиренный Патріархъ, поставилъ крестъ сей въ заточеніи своемъ, за слово Божіе и за Церковь святую, въ Ѳерапонтовѣ.»

При входѣ въ обитель, нельзя не вспомнить о Никонѣ, потому что его судьба оставила и здѣсь выразительную печать свою. Мы осмотрѣли съ любопытствомъ все то, что пощадило время и осталось достойнымъ вниманія въ монастырѣ. Ревностный блюститель опустѣвшихъ храмовъ, почтенный протоіерей А.....ій, старается всѣми средствами, какія въ рукахъ его, хотя они и скудны, соблюсти древность и не только предохранить отъ паденія церкви, но даже обновить что можно. Такимъ образомъ устроилъ онъ, въ нынѣшнемъ году, изъ полуобвалившейся трапезы, обширную теплую церковь Благовѣщенія, гдѣ можетъ на просторѣ совершаться богослуженіе въ зимнее время, а прежде народъ тѣснился въ малой убогой церкви, пристроенной къ трапезѣ, самая же палата оставалась впустѣ; усердіе его достойно всякой похвалы.

У входа въ сію церковь изсѣчен на камнѣ

годъ первоначальнаго ея строенія 7043, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Архіепископѣ Вологодскомъ Кириллѣ и игуменѣ Ѳерапонтѣ. Длинная галлерея или паперть, надъ которою возвышается шатровая колокольня, соединяетъ теплый благовѣщенскій соборъ съ холоднымъ Рождества Богоматери, современнымъ ему по строенію. Высокій иконостасъ рождественскаго храма примѣчателенъ символическими своими иконами, временъ Патріарха Никона, который быть можетъ хотѣлъ выразить ими свои душевные помыслы. Такимъ образомъ, сошествіе во адъ Господа для изведенія праотцевъ, изображено съ начертаніемъ различныхъ страстей, влекущихъ въ бездну: скорбь, отчаяніе, неразуміе, величаніе, сквернословіе, скупость и тому подобное. Все сіе написано на дни геенны и, въ противоположность погибельнымъ страстямъ, Ангелы держатъ по сторонамъ Господа, хартіи съ надписаніемъ добродѣтелей, возносящихъ насъ къ небу: смиреніе, кротость, терпѣніе, мудрость, милостыня и проч. Достойна также вниманія икона Богоматери, такъ называемая Ангельскій соборъ: вокругъ пресвятой Дѣвы, ликъ Ангеловъ поетъ ей божественный гимнъ пѣснопѣвца Іоанна Дамаскина: «о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣческій родъ;» а внизу, подъ ликомъ безплотныхъ, изображенъ весь родъ человѣческій въ созерцаніи Царицы Ангеловъ; сочинитель же священнаго гимна святый Дамаскинъ, въ бѣломъ куколѣ, какъ его всегда пишутъ, близъ

Ангела своего Предтечи, подносить ей на хартіи другую свою пѣснь: «мати убо познался еси, паче естества Богородице.»

Сохранились еще неприкосновенными, въ древнемъ ихъ видѣ, нѣкоторыя иконы: храмовая Рождества Богоматери, Троицы съ богатыми цатами, двухъ преподобныхъ Кирилловъ, Серапіона и Мартиніана. Другую мѣстную икону Одигитріи опалило молніею; въ верхнихъ же ярусахъ иконы, къ сожалѣнію, всѣ уже замѣнены новыми. Внутри алтаря есть тѣсный придѣлъ Святителя Николая, съ древнею его иконою; съ правой стороны примыкаетъ къ нему ризничная палата, въ которой заслуживаетъ вниманія Греческая плащаница 1650 года; кругомъ ея вышита по Гречески субботняя пѣснь: «Ангельскій соборъ удивися, зря тебя въ мертвыхъ вмѣнившася,» а на концѣ: «помяни Господи душу раба твоего, іерея Мануила Амбаратопуло.»—Кто сей невѣдомый, занесшій свое приношеніе во глубину Россіи? Колокольня, которая стоитъ надъ папертью, въ бронѣ чешуйчатаго пятра своего, украшена была нѣкогда боевыми часами, но уже давно пересталъ бой ихъ указывать время въ упраздненной обители: иначе изображается оно тамъ, не мѣрою часовъ, но печальнымъ зрѣлищемъ развалинъ, и, сквозь зіяющія врата подъ колокольнею, горько напоминаютъ о мимотекущемъ времени разбросанные памятники бывшаго кладбища монастырскаго; – здѣсь уже не нужно боя часовъ: послѣдній пробилъ для обители!

Къ холодному собору пристроена, въ нижнемъ ярусѣ, церковь во имя преподобнаго Мартиніана, надъ самою его гробницею, которая сперва находилась вероятно снаружи. Священная рака окована серебромъ и по краямъ ея вычеканено время ея устройства: «лѣта 7151 (1643) 17-е Марта (это день Ангела царскаго, Алексія человѣка Божія), при державѣ Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руси, при святѣйшемъ Патріархѣ Іоасафѣ, и при Митрополитѣ Ростовскомъ Варлаамѣ, и при игуменѣ Ферапонтова монастыря также Варлаамѣ.» Въ четырехъ кругахъ, на ракѣ, изображено время преставленія преподобнаго, Генваря 12-го 6991 года (1483), время его прославленія въ 7022, по случаю кончины Святителя Ростовскаго Іоасафа, изъ рода Князей Оболенскихъ, котораго хотѣли положить подлѣ его гроба и нечаянно обрѣли тѣло самаго Мартиніана совершенно нетлѣннымъ. Тутъ же записаны и два исцѣленія, бывшія при его ракѣ, инока Памвы, одержимаго тяжкимъ недугомъ, и женщины села Суслова, по имени Акилины, бѣсноуемой, которая видѣла какъ преподобный поражалъ духа нечистаго, ее томившаго. Надъ ракою стоятъ древнія складни, образъ Страстной Богоматери, въ богатомъ окладѣ, который быть можетъ принадлежалъ Архіепископу Ростовскому Іоасафу, по его княжескому происхожденію, и знаменовалъ мѣсто его погребенія близъ самой раки.

У входа въ церковь преподобнаго Мартиніана, изсѣчено на камнѣ время ея построенія, въ лѣто 7083

(1495); но кто былъ строителемъ неизвѣстно, или имя его стерлось съ камня. Острокопечный шатеръ, поставленный надъ сею церковію, равно какъ надъ колокольнею и надъ святыми вратами, даетъ оригинальный видъ монастырю. Преподобные Ѳерапонтъ и Мартиніанъ изображены на святыхъ вратахъ созданной ими обители, съ ликами другихъ пустынножителей, а надъ вратами есть двухъ-придѣльная церковь Богоявленія и преподобнаго Ѳерапонта, бывшая крестовою Никона Патріарха, и до его времени праздновавшая Предтечи. Сюда были жертвованы богатые вклады Царя Алексія Михайловича, тѣмъ болѣе, что она была сооружена при началѣ его царствованія, въ 1645 году, какъ явствуетъ изъ напрестольнаго креста, т. е. въ одно время съ гробовою ракою; но теперь всѣ иконы уже поновлены.

При выходѣ изъ обители Ѳерапонтовой, равно какъ и при входѣ, невольно встрѣчаетъ и провожаетъ насъ память о Никонѣ, бывшемъ Патріархѣ, потому что онъ ее прославилъ долгимъ своимъ заточеніемъ. Тутъ испыталъ онъ въ началѣ всю его строгость, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келлій, весьма убогихъ и недавно обгорѣвшихъ, при пожарѣ монастыря; однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ о ослабу отъ незаслуженныхъ томленій; Никонъ даже началъ пользоваться совершенною свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго

Царя, который никогда не питалъ къ нему непріязни, не смотря на происки бояръ. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцемъ всѣхъ своихъ дѣтей, и Никонъ, по его желанію, вскорѣ по пріѣздѣ въ монастырь, написалъ миролюбивую грамоту Царю и всему царскому семейству, въ которой однако по прежнему называлъ себя Патріархомъ. Не прекословилъ Царь сему титулу и даже не противился, чтобы приближенные его такъ называли, не смотря на то, что въ самый день пріѣзда въ Ѳерапонтовъ, окончательно были отобраны у Никона архіерейская мантія и посохъ, которые не рѣшались взять у него въ Москвѣ.

Милостыня царская, утварь церковная, деньги и съѣстные припасы, въ видѣ поминокъ, то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему Патріарху, который въ началѣ отъ нихъ отказывался. По приказанію Государя, выстроены были для него новыя обширныя келліи, съ 25 жилыми покоями и деревянными переходами на стѣнѣ, въ 30 сажень длины, въ надворотную крестовую церковь. По своему властительскому характеру, можно сказать, Никонъ былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣстѣ своего заточенія; игуменъ монастыря и братія, и даже самые Стрѣльцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ, по тому непзъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ геніальный и твердый волею.

Никонъ всегда любилъ труды подвижническіе, когда еще былъ Патріархомъ, чему служитъ свидѣтельствомъ скитъ его въ новомъ Іерусалимѣ; еще менѣе оставилъ онъ труды свои, когда заточенъ былъ въ Ферапонтовъ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братіею, разчистилъ по другую сторону озера, лѣсистый участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещово, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Обширное хозяйство осталось послѣ него монастырю Ферапонтову, который домогался получить наслѣдіе патріаршее, при его переводѣ въ Кирилловъ (до 200 четвертей ржи и болѣе 100 овса, кромѣ иного хлѣба и овощей). Лошадей и домашній скотъ требовалъ онъ изъ обители Кирилловой и не всегда легко было его удовлетворить; такъ, когда однажды прислали ему изъ Кириллова сѣрую лошадь, для верховой ѣзды по окрестностямъ, онъ возвратилъ ее, какъ слишкомъ цвѣтистую и по масти неприличную для его сана. Иногда, вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать, требовалъ онъ денегъ въ замѣнъ ихъ; не забывала своего ктитора и бывшая его обитель новаго Іерусалима. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности и тѣмъ умножалось его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду, не только за денежнымъ пособіемъ, на которое былъ весьма щедръ, но и за лѣкарствами и для его молитвъ, потому что Никонъ читалъ ихъ надъ болящими.

особенно надъ бѣснуемыми, помазывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ письменно о томъ извѣщалъ Царя.

Никонъ монахъ, уже какъ будто забылъ, что онъ болѣе не Патріархъ: и прежде, не занимаясь дѣлами церковными, съ однимъ лишь титуломъ патріаршимъ, провелъ онъ семь лѣтъ въ новомъ Іерусалимѣ, въ ожиданіи своего суда; также и здѣсь протекло десять лѣтъ въ новомъ его положеніи, и уже узникъ сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Но вдругъ нечаянная кончина кроткаго Царя жестоко ему напомнила о его узахъ; можетъ быть такое тяжкое испытаніе нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрѣшить отъ всего земнаго и сдѣлать его достойнымъ той Голгоѳы, подъ которою избралъ себѣ мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже, слишкомъ привольное его положеніе въ Ѳеранопотовѣ, приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались его представить опаснымъ, даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ Волжскимъ атаманомъ Стенькою Разинымъ; не охотно смотрѣли на множество народа, къ нему стекавшагося въ монастырь; келейныя посѣщенія людей, всякаго званія и пола, возбуждали неблаговидное подозрѣніе и, быть можетъ, въ этомъ былъ неостороженъ Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю свою жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. По смерти Царя, начались навѣты отъ бѣглаго келейни-

ка патріаршаго Іоны, который былъ строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ по суду монастырскому; Іона разсказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ, съ титуломъ патріаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, по молодости, не могъ сперва вступиться за своего крестнаго отца. Послѣдовало новое соборное опредѣленіе Патріарха Іоакима, о переводѣ Никона монаха, для болѣе строгаго надзора, въ Кириловъ монастырь. Изъ поставленій, данныхъ архимандриту Чудовскому Павлу и окольничему, посланному съ нимъ, для изслѣдованія доносовъ, въ Ѳерапонтовъ, видно, какъ еще боялись Никона въ Москвѣ и не довѣряли его покорности, хотя и напрасно. Велѣно было позвать его къ допросу въ соборную церковь и, въ случаѣ отказа, идти къ нему въ келлію съ приговоромъ; но бывшій Патріархъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, спокойно пошелъ въ церковь и отвѣчалъ на многочисленныя статьи допросовъ.

Не отрекался онъ, что допускалъ къ своей рукѣ и позволялъ себя называть святѣйшимъ Патріархомъ, говоря, что о томъ извѣстно было Великому Государю; не отвергалъ и того, что принималъ къ себѣ въ келлію мужей и женъ, молитвенно помазывая ихъ елеемъ; онъ даже присоединилъ таинственное слово: что самъ Господь вручилъ ему чашу исцѣленій, въ чудномъ видѣніи. Клеветы, о мнимыхъ сношеніяхъ съ Стенькою Разинымъ, его нисколько не смутили; но онъ не скрылъ, что ког-

да шайки атамана были въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, самъ приставъ царскій допустилъ и привелъ къ нему въ Оерапонтовъ, двухъ казаковъ, которые извѣщали его о силѣ своего атамана, хотя это не имѣло никакихъ послѣдствій и не было тайною. Видно, что совѣсть бывшаго Патріарха была совершенно спокойна и онъ не боялся никакихъ уликъ; касательно же виновнаго и наказаннаго келейника, объявилъ: что у него не было своей расправы и суда, какъ его въ томъ обвиняли, но что приговоръ надъ нимъ совершился по суду монастырскому.

Не смотря однако на такіе искренніе отвѣты, бывшему Патріарху не позволено было даже возвратиться въ свои келліи, и прямо изъ церкви, былъ онъ отвезенъ въ Кириловъ монастырь, подъ строгій затворъ; все его имущество келейное описано и отобрано, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей; присные его всѣ разосланы по дальнимъ монастырямъ и приставлены къ нему, болѣе для надзора нежели для услуженія, два совершенно чуждые ему старца въ Кириловѣ, всякое же свиданіе и переписка запрещены и выходъ изъ келліи дозволенъ только въ ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; самъ слѣдователь архимандритъ Павелъ, сжалившись надъ нимъ, доносилъ Патріарху Іоакиму, что Никонъ заплакалъ, услышавъ о намѣреніи удалить его присныхъ, и со слезами просилъ оставить ихъ при немъ, ради его старости, обѣщал впредь по-

минать Іоакима святѣйшимъ Патріархомъ, чего прежде не дѣлалъ потому, что почиталъ его причиною всего зла. Онъ даже намекнулъ, что при началѣ своего удаленія въ новый Іерусалимъ, когда дѣло шло о избраніи ему преемника, самъ онъ указывалъ на Іоакима, какъ на человѣка, могущаго занять его престолъ; но всѣ просьбы оперстарѣлаго узника остались тщетными, ибо ему надлежало испить до дна всю горькую чашу заточенія. Тутъ же у него былъ отнятъ и послѣдній знакъ его святительства, панагія, которую дотолѣ могъ у себя удержать, хотя и въ тайнѣ.

Замѣчательно, какъ постепенно лишали бывшаго Святителя всѣхъ принадлежностей его высокаго сана, будто бы въ предзнаменованіе того, что онъ долженъ былъ ему со славою возвратиться. Сперва отняли у него на пути въ новый Іерусалимъ, еще до суда, посохъ Петра Митрополита, который взялъ съ собою, когда въ послѣдній разъ посѣтилъ соборъ Успенскій; потомъ Патріархи Восточные, лишая его сана, сняли съ него одинъ лишь клобукъ съ серафимами, не рѣшившись отнять у него мантіи и посоха, ради народа; они были отъ него отобраны только впослѣдствіи, въ безлюдной пустынѣ Ферапонтовой, и вотъ послѣднее лишеніе панагіи совершилось уже въ стѣнахъ Кириллова; но Никонъ, вышедши оттолѣ узникомъ и простымъ монахомъ и, въ такомъ смиренномъ образѣ, скончавшійся въ Ярославлѣ на струѣ рѣчномъ,—съ почестью патріаршею, по волѣ Царя, погребенъ былъ подъ

избранною имъ Голговою, и всѣ Патріархи Вселенскіе, признавая его церковныя заслуги, грамотами своими разрѣшили, чтобы имя его было опять включено въ священный ликъ Патріарховъ, ибо сей великій мужъ Церкви всегда былъ достоинъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ искушенія и скорби. Съ такимъ впечатлѣніемъ въ сердцѣ оставилъ я скромную обитель его заточенія, гдѣ испыталъ онъ много горя, но гдѣ временно отдохнула душа его отъ заботъ правительственныхъ и отъ постигшихъ его въ началѣ гоненій, до новаго ихъ напора. Благоговѣйно чтится его память въ новомъ Іерусалимѣ, которымъ подарилъ онъ Россію.

Спасо-каменный на озерѣ,

преподобный Іоасафъ.

И оставилъ опять предѣлы Новгородскіе и выѣхалъ на прежнюю Вологодскую дорогу. Она пролегала мимо Сямскаго монастыря, *основаннаго*

во дни Великаго Князя Василія Іоанновича, по случаю явленія чудотворной иконы Рождества Богоматери, и я зашелъ ей поклониться во вновь устроенномъ благолѣпномъ храмѣ. Почти, при самомъ въѣздѣ въ Вологодскую губернію, показалось влѣвѣ обширное Кубенское озеро, на 70 верстъ длины, оживляющее своими водами всю окрестность, потому что многочисленныя села и деревни выстроились съ обѣихъ сторонъ вдоль его береговъ, на маломъ разстояніи одно отъ другаго. Вечеръ былъ самый благотворный: ни одной тучки на небѣ, ни одной волны на озерѣ, которое разстилалось синимъ зеркаломъ на необозримую даль, и только легкіе паруса рыбарей на немъ бѣлѣли.

Еще нѣчто бѣлое виднѣлось вдали, посреди озера, и это уже было не рыбарское вѣтрило, но пятиглавый соборъ Спасо-каменной обители, цѣль моего странствія. Я долженъ былъ воспользоваться тишиною вечернею водъ, чтобы ея достигнуть, потому что съ разсвѣтомъ обыкновенно подымаются непогоды на безпокойномъ озерѣ; меня заблаговременно ожидала большая лодка изъ села Кубенскаго, на ближайшемъ разстояніи отъ монастыря; но сколько ни спѣшилъ я пріѣхать къ условленному сроку, ночь застигла на дорогѣ и, только послѣ полуночи, могъ я пуститься по озеру; уже сильно оно волновалось, такъ что нельзя было поставить паруса, отъ частыхъ порывовъ вѣтра, и веслами разсѣкали волны, косвенно направлялись къ острову. Вспомнилъ я бурное плаваніе Князя Глѣ-

ба Бѣлозерскаго, который первый открылъ жительство отшельниковъ на дикомъ островѣ. Заря вечерняя еще не совсѣмъ угасла, а уже востокъ багровѣлъ ожиданіемъ утренней зари; молодой мѣсяцъ прорѣзывался рогами изъ за тучь, которыя висѣли надъ пучиной: какая разница съ вечернею незыблемою тишиною! — это какъ бы сонъ младенца, который разыгрался въ жизни бурными страстями юности.

Однако, хотя и съ трудомъ, достигли мы благополучно желанной цѣли. Предваренный настоятель ожидалъ насъ на берегу; но мы не могли причалить къ настоящей пристани, отъ сильнаго прибоя волнъ, и должны были объѣхать кругомъ островка, чтобы выйти на берегъ съ противуположной стороны. Нѣсколько сажень составляютъ всю каменную площадку сего острова, ровно столько, чтобы можно было на немъ помѣстить церковь и келліи; волны били въ основаніе настоятельскаго дома и сильно завывалъ вѣтеръ въ окна. Утомленный долгимъ путемъ изъ Кириллова и неспокойнымъ плаваніемъ по озеру, просилъ я себѣ краткаго отдыха до ранней литургіи.

Обитель Спасо-каменная послужила разсадникомъ иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ. Постриженникъ ея, благоговѣйный старецъ Паисій Ярославовъ, бывшій нѣкоторое время игуменомъ Сергіевой лавры и возвратившійся на свое постриженіе, послѣ бѣдственнаго ея пожара, собралъ изъ сохранившихся записокъ и уцѣлѣвшихъ преданій,

все что могъ, о ея началѣ и подвижникахъ. Не извѣстно, кто именно былъ первымъ ея основателемъ, но какъ повѣствуетъ Паисій, уже во дни перваго Великаго Князя Московскаго Іоанна Даниловича Калиты, внукъ Великаго Князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Князь Глѣбъ Васильковичь, печалію обрѣлъ на пустынномъ озерѣ Кубенскомъ давнее населеніе иноческое. Онъ плылъ на стругѣ, изъ отчины своей отъ Бѣлоозера къ городу Устюгу, рѣкою Порозовицею, и взошелъ въ озеро Кубенское; но волны были такъ велики на озерѣ, что Князь долженъ былъ простоять десять дней у берега, тамъ гдѣ церковь преподобнаго Антонія великаго. Едва утихла пучина и двинулся онъ въ путь, какъ опять настигла черная туча, со страшнымъ громомъ и молніею, и княжій насадъ началъ заливаться волнами. Князь, съ людьми своими, стали молиться всемилостивому Спасу, дабы избавиться имъ отъ належащей бѣды и дали обѣтъ: гдѣ и въ какой день принесетъ ихъ ко брегу, на томъ мѣстѣ соорудить церковь во имя празднуемаго Святаго и устроить обитель; и вотъ, благоволеніемъ Божіимъ, въ 6 день Августа, на праздникъ преображенія Господня, принесло ихъ бурею на средину озера къ острову, называемому каменнымъ.

Были на томъ островѣ пустынножители, состарѣвшіеся въ подвигахъ духовныхъ, числомъ до 23, уже многіе годы спасавшіеся на дикомъ утесѣ озера, но церкви у нихъ не было, по причинѣ ихъ

убожества и нападенія невѣрныхъ человѣковъ, ибо въ то время не всѣ еще пріяли Св. крещеніе и много жило язычниковъ вокрай великаго Кубенскаго озера. Вмѣсто церкви собирались пустынники въ молитвенный домъ, или часовню, и втайнѣ возсылали тамъ теплыя молитвы къ Богу. Причаливъ къ острову каменному, съ изумленіемъ увидѣлъ Князь собравшійся тамъ сонмъ пустынножителей; относя къ промыслу Божію чудное свое пришествіе по бурнымъ водамъ, рѣшился тутъ же исполнить данный имъ обѣтъ Господу. Немедленно собралъ онъ древодѣлей на пустынный островъ и поставилъ церковь, во имя преображенія Господня, украсивъ ее потомъ иконами и всякою утварью, построилъ вокругъ нея ограду съ кельями и вручилъ старѣйшинство одному изъ пустынножителей, богобоязливому старцу Ѳеодору, для устроенія обители, которая съ тѣхъ поръ прослыла Спасо-каменною.

Послѣ многихъ лѣтъ, продолжаетъ свое сказаніе Паисій Ярославовъ, уже при Великомъ Князѣ Димитріи Донскомъ, пришелъ въ Москву изъ Царя-града инокто Діонисій, постриженникъ Св. горы Асонской, которому Великій Князь повелѣлъ дать келлію въ Богоявленскомъ монастырѣ, а такъ какъ въ то время пришли къ державному старцы изъ Спасо-каменнаго, просить себѣ игумена, то Князь Димитрій далъ имъ игуменомъ сего Святогорца. Много лѣтъ пребылъ на игуменствѣ Діонисій, изнуряя тѣло свое бдѣніемъ и постомъ и про-

ходя великій путь добродѣтели; къ нему стекались отовсюду ревновавшіе подражать доброму его житію и собралось множество братій; онъ же, украсивъ благолѣпно обитель, предалъ ей и уставъ Св. горы Аѳонской. Слава о немъ распространялась повсемѣстно; тогда пришелъ къ нему на послушаніе юноша Димитрій, изъ сосѣдняго города Вологды, и со слезами молилъ постричь его въ иноческій образъ; старецъ же, видя доброе его произволеніе, постригъ и нарекъ ему собственное имя Діонисія, поручивъ его опытному руководителю. Юноша, проживъ многіе годы въ послушаніи, не измѣнялъ возложеннаго правила, испросилъ себѣ у игумена позволеніе безмолвствовать на уединенномъ мѣстѣ; обходя вокругъ Кубенскаго озера, съ мыслію обрѣсти себѣ мѣсто безмолвія, онъ пришелъ въ весь, называемую Святая Лука, и тамъ нашелъ церковь во имя Св. Апостолъ, развалившуюся посреди опустѣвшаго монастыря, ни кѣмъ не оберегаемую. Діонисій обновилъ упраздненную обитель и поставилъ новую церковь во имя чудотворца Николая; самъ же, отойдя оттуда за 15 верстъ, соорудилъ еще монастырь во имя Богоматери, честнаго ея покрова.

Пришелъ и другой юноша на островъ Каменный, по имени Алексій, также изъ города Вологды, къ игумену Діонисію, и былъ съ любовію принятъ старцемъ, провидѣвшимъ его назначеніе духовное, ибо и сей новопостриженный Александръ, проведя многіе годы въ обители въ постѣ и послу-

шаніи, сдѣлался, подобно Діонисію, основателемъ многолюдной обители Куштской: такими свѣтильниками возсіяла обитель Спасо-каменная.

Между тѣмъ преставился Епископъ Ростовскій, Григорій, а на великомъ княженіи водворился Василій Дмитріевичь, на мѣсто отца своего Донскаго. Вспомнилъ онъ игумена Діонисія, на пустынномъ его отокѣ, и послалъ звать его къ себѣ въ престольный градъ; тамъ встрѣтилъ его съ великою честію и, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молилъ принять епископію Ростовскую. Пустынный житель рукоположенъ былъ Святителемъ Фотіемъ, Митрополитомъ всея Руси, на сію каѳедру. Великій моръ былъ въ Ростовѣ и во всѣхъ его предѣлахъ, когда Владыка Діонисій пришелъ въ свой стольный городъ: исполненный вѣры немедленно совершилъ онъ соборный молебенъ, со всѣми настоятелями обителей и пресвитерами Ростова, окропилъ св. водою весь народъ и градскія стѣны и, по неизреченному милосердію Божію, сбылись здѣсь пророческія слова Давида Царя: «Господь сотворитъ волю боящихся его (Псал. 144, 19);» внезапно престала смертоносная язва.

Діонисій поставилъ вмѣсто себя на Каменномъ, ученика своего Иларіона, мужа сіявшаго добродѣтелью, постриженника той же обители. Тогда къ Святителю Ростовскому пришелъ изъ уединенія своего, прежде бывшій ученикъ его Діонисій, прозванный Глушицкимъ, по мѣсту своего подвига, и принялъ отъ него, вмѣстѣ съ душеполезною бесѣ-

дою, чудотворную икону Богоматери въ новую свою обитель, гдѣ она источала исцѣленія притекающимъ съ вѣрою къ ея лику. Пришелъ къ нему и другой ученикъ съ Каменнаго, прося устроить новую обитель близъ озера Кубенскаго, на рѣкѣ Куштѣ, и съ благословенія святительскаго устроилась сія пустынь Куштская, гдѣ просіялъ иноческими подвигами первоначальникъ ея Александръ. Вскорѣ послѣ сего преставился благочестивый Епископъ Діонисій, въ 1425 году, послѣ 33-хъ лѣтняго святительства, исполненный дней и дѣяній; онъ былъ на Руси первый Епископъ изъ-за-Волотскія земли (то есть вѣроятно Славянинъ), по замѣчанію Паисія Ярославова.

Грѣхъ ради нашихъ, продолжаетъ онъ, въ 1442 году, Князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка измѣнилъ крестное свое цѣлованіе Великому Князю Василію Васильевичу Московскому и, сведя его съ великаго княженія, далъ ему удѣломъ Вологду. Нѣсколько времени спустя, слѣпой, развѣнчанный Князь, пошелъ на свое богомолье къ Спасу на каменный островъ, желая тамъ утѣшить братію своею милостію, и многія пролилъ слезы предъ Господомъ и пречистою его Матерью и Святителемъ Петромъ чудотворцемъ, во имя коего былъ тамъ придѣлъ, дабы возвратиться ему въ престольный градъ свой. Игуменомъ былъ тогда преподобный Евѳимій; онъ возвѣстилъ Великому Князю первую радостную вѣсть, что пришли многіе Князья и бояре, готовые служить ему и возвратить на великое княженіе. Дер-

жавный же, въ залогъ своей благодарности, поставилъ въ обители чудотворную икону Спаса Еммануила, которая принесена была изъ Царьграда дѣду его, Донскому, и многія чудеса отъ нея проявились въ обители Спасо-каменной, исцѣленіемъ болящихъ; поставилъ онъ въ той же церкви Спасовой и другую икону пречистой Богоматери Одигитріи и просилъ, вмѣстѣ съ Княгинею и дѣтьми, игумена Евѳимія, дабы помолился о возвращеніи его на отеческій престолъ. Игуменъ съ братіею отвѣчали: «мы, Государь Великій Князь, твои богомольцы, молимъ о тебѣ Бога всеусердно; иди въ желаемый путь твой, на великое княженіе и Богъ устроитъ твое шествіе.»

Оттолѣ пошелъ Великій Князь на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь и въ Тверь, и дойдя до своего престольнаго града, сѣлъ опять на великое княженіе съ сыномъ своимъ, благороднымъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ всея Руси; Князь же Димитрій Шемяка бѣжалъ изъ Москвы въ Галичь. Вслѣдъ за нимъ устремился Іоаннъ Васильевичь и поплѣнилъ всю его землю а, на обратномъ пути къ отцу своему, слушалъ божественную литургію у Спаса на каменномъ, и хлѣбъ-соль вкусилъ за трапезою вмѣстѣ съ братіею. Пятнадцатилѣтняго возраста былъ тогда доблестный наслѣдникъ земли Русской и, по его прошенію, родитель его Великій Князь, даровалъ обители Спасовой, во исполненіе своего обѣта, село Покровское по своемъ родѣ, а Великая Княгиня Марія отписала малую обитель

Николая чудотворца на Святой Лукѣ, обновленную Діонисіемъ Глушицкимъ, отъ Борисоглѣбскаго монастыря, вмѣстѣ съ деревнями, къ Спасу на каменномъ, вознаградивъ деньгами взятое у одной обители для другой. Послѣ Евѳимія поставленъ былъ игуменомъ постриженникъ Каменнаго, Кассіанъ, который прожилъ многіе годы въ Кирилловѣ, на Бѣломъ озерѣ, и былъ тамъ еще свидѣтелемъ житія преподобнаго Кирилла. Великій Князь и Митрополитъ Іона посылали его въ Царьградъ, по нѣкоторымъ дѣламъ церковнымъ, къ Патріарху и, когда возвратился онъ въ Москву, державный отпустилъ его, съ честью и дарами, настолтелемъ на мѣсто постриженія въ Спасо-каменной.

При этомъ игуменѣ Кассіанѣ, пришелъ спасаться въ обитель преподобный отрокъ Князь Іоасафъ, будучи только двѣнадцати лѣтъ и, богоугодно проживъ пять лѣтъ въ обители, въ трудахъ постническихъ, свято тамъ скончался. Мірское имя его было Андрей; онъ происходилъ отъ благовѣрныхъ родителей, Князя Заозерскаго Димитрія Васильевича, меньшаго сына Великаго Князя Василія Темнаго, и благочестивой Княгини Маріи, изъ знаменитаго дома Князей Ярославскихъ. Едва только началъ разумѣть грамоту отрокъ, какъ уже погрузился умомъ своимъ во глубину божественныхъ писаній и, созерцая въ нихъ богатство благости Божіей, сталъ чуждаться юношескихъ обычаевъ. Родитель его, Князь Димитрій,

исполненный благоговѣнія къ вышедшему изъ Спасо-каменной обители, преподобному Діонисію, даровалъ ему обильную милостыню и искусныхъ древодѣлей, для сооруженія храма во имя Богоматери, на урочищѣ называемомъ Глушицы, гдѣ основалъ онъ новую обитель, и въ то же время вспомоществовалъ преподобному Александру къ устроенію другой обители на рѣкѣ Куштѣ. Домъ Князя Димитрія стоялъ надъ рѣкою Кубеницею и близъ его двора была церковь Ангела его, великомученика Димитрія Селунскаго, въ урочищѣ называемомъ Чирково. Въ этотъ храмъ часто приходилъ онъ приносить теплыя молитвы Богу, дабы данъ ему былъ плодъ чадородія, и Господь даровалъ ему благодатнаго младенца, который просіялъ житіемъ иноческимъ. Бѣдственная была тогда година для земли Русской, попущеніемъ Божіимъ иногда былъ голодъ, иногда моръ, иногда же нашествіе иноплеменныхъ Казанскихъ Татаръ, которые часто разоряли города и селенія и убили самаго благовѣрнаго Князя Димитрія въ Ярославлѣ.

Тогда блаженный отрокъ, видя суету свѣта сего, вспомнилъ слова Христовы по святомъ евангеліи: «кая польза человѣку, аще миръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?» и «что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?» (Матѳ. XVI, 26.) Все вмѣнилъ онъ за уметы, подобно Апостолу Павлу, да Христа пріобрящетъ, и еще болѣе утвердился въ сей мысли, когда вслѣдъ за его родителемъ, отошла въ небесныя селенія мать Княгиня Марія: онъ

остался единственнымъ наслѣдникомъ ихъ удѣла, ибо не было у нихъ другихъ чадъ, кромѣ испрошеннаго ими у Бога отрока. Слѣдуя давнему тайному влеченію сердца, приходитъ онъ къ Спасу на каменный и молитъ игумена Кассіана, чтобы постригъ его въ святой иноческій образъ. Устрашился игуменъ его высокаго рода и колебался принять къ себѣ въ обитель наслѣдника княженія; отрокъ же сказалъ ему: «что смущаешься суетнымъ, помышляя о величіи нашего рода и не внимая словамъ Спасителя нашего: Сынъ человѣчь не пріиде, да послужатъ ему, но да послужитъ (Марк. X, 45), и аще кто не возненавидитъ отца своего и матерь, и не носитъ креста своего и въ слѣдъ мене не грядетъ, не можетъ быти мой ученикъ (Лук. XIV, 26, 27).» Склонился наконецъ игуменъ на моленіе княжескаго сына и, въ свою чреду, увѣщавалъ его, чтобы однажды воспріявъ на себя благое иго Христово, не совращался уже любовію міра, или памятью родителей и оставленнаго имъ величія, но шелъ бы узкимъ путемъ къ избранной имъ цѣли, готовясь на всякій подвигъ, съ отверженіемъ всего житейскаго, такъ какъ не можетъ человѣкъ служить двумъ господамъ. После многихъ назиданій, игуменъ сократилъ для него урочное время испытанія и облекъ въ иноческій образъ; онъ нарекъ ему имя Іоасафъ, на память Индійскаго Царевича, который также отложилъ царскій санъ и долу влекущее мудрованіе, для спасительнаго ига Христова. Игуменъ отдалъ отрока

на ученіе старцу духовному Григорію, который впослѣдствіи былъ Епископомъ града Ростова, по кончинѣ Діонисія, но и самъ поучалъ новопостриженнаго терпѣнію и послушанію, съ совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли, при непрестанномъ памятованіи страшнаго суда.

Блаженный Князь, какъ древо, насажденное при исходищахъ водъ, наполнялся слезами умиленія и, бодрствуя непрестанно въ церкви, добрымъ своимъ произволеніемъ возбуждалъ общее удивленіе братіи; радуясь, посреди лишеній, имѣлъ онъ единую заботу, какъ бы угодить Богу. Пустынно и умилительно было мѣсто иноческаго его подвига, волнами какъ бы стѣнами огражденное; самъ онъ былъ, какъ птица особящаяся на гнѣздѣ своемъ, и псаломски говорилъ душѣ своей: «се покой мой, здѣ вселюся.» Съ братіею имѣлъ общеніе только въ дневныхъ и ночныхъ молитвахъ; прочее же время пребывалъ въ безмолвіи, вооружаясь духомъ противъ врага невидимаго, который старался искусить его помыслами; но отрокъ, какъ нѣкогда Давидъ, пращею молитвы отражалъ мысленнаго Голіаѳа. Игуменъ Кассіанъ ежедневно посѣщалъ новаго подвижника, напоминая ему долгъ новаго званія и научая, какъ подобаетъ ему бороться съ лукавымъ искусителемъ, котораго навѣты безсильны противъ истиннаго воина Христова. Пять лѣтъ пребывалъ такимъ образомъ блаженный Іоасафъ, подъ руководствомъ святыхъ старцевъ Кассіана и Гри-

горія и, какъ добрый сынъ послушанія, направленъ былъ ими въ царство небесное.

Еще на землѣ сподобился онъ благодатныхъ видѣній и осіялъ его отчасти отрадный свѣтъ лицезрѣнія Господня, который обѣщанъ для чистыхъ сердцемъ, въ вѣчныхъ селеніяхъ. Самъ Господь и Спасъ нашъ, имя коего непрестанно онъ призывалъ въ обители, основанной на память свѣтлаго его преображенія, явился ему и обѣщалъ, ради вольнаго его отреченія отъ наслѣдія отеческаго, исполнить всю сію отчину пустынелюбцами, имѣющими подражать отроку въ блаженномъ пути его; такимъ образомъ утраченное имъ на землѣ достояніе, изъ земнаго обратилось въ небесное и сторицею ему возвратилось. Не умилительно ли такое воздаяніе, по слову евангельскому: «аминь, глаголю вамъ, яко никто, иже оставитъ домъ, или родителей, или братію, или сестры, или жену, или чада, царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею во время сіе и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный» (Лука XVIII, 29. 30.) Утѣшительнымъ явленіемъ Господа, блаженный юноша не превознесся, но еще болѣе смирился, и повѣдалъ о семъ явленіи игумену, дабы самодовольствіемъ не впасть въ сѣти лукаваго.

Тѣмъ паче вооружился противъ него врагъ человѣческій, видя его внѣ своихъ сѣтей, ради обитавшей въ немъ благодати. Онъ вздумалъ прельстить, стяжаніемъ злата, отложившаго всякое стяжаніе и, въ свѣтломъ образѣ, явился дляя Іоасафа

Князю Борису Васильевичу Ржевскому, дабы легче обольстить его родственною любовію. Богатому Князю внушаетъ искуситель мнимо-добрый помыслъ, идти на озеро Кубенское къ Спасу на каменный, гдѣ спасается въ убожествѣ родной его племянникъ, украшенный всякими добродѣтелями, и снабдить его золотомъ, дабы вышедши изъ общей обители, могъ онъ себѣ составить особое жительство иноческое. Подвигся лукавымъ совѣтомъ Князь Борисъ и направилъ путь свой на Кубенское озеро; но Господь открылъ блаженному отроку предстоявшую лесть, и еще прежде пришествія родича своего, возвѣстилъ о немъ игумену Іоасафъ, испрашивая разрѣшенія не видать болѣе въ сей жизни никого изъ сродниковъ, дабы не прельститься любовію міра сего. Но старецъ Кассіанъ, зная духовную твердость его, отвѣчалъ юношѣ: «о пустынное произрастеніе и чадо послушанія, ни о чемъ не сомнѣвайся, но иди прямо въ срѣтеніе Князю Борису.» Повиновался юноша и простодушно встрѣтилъ невѣдомаго ему родича, не знавшаго его въ лицо. Князь Борисъ вопросилъ самаго Іоасафа, о инокѣ Іоасафѣ, и возвѣстилъ о принесенномъ для него златѣ; преподобный же отвѣчалъ дядѣ: «о христолюбче, нѣтъ для насъ потребности въ сребрѣ и златѣ, если хотимъ жить въ пустынѣ; возвратись въ домъ твой и не скорби; Богъ пріемлетъ даръ твой, ты же принесенное намъ раздай убогимъ и многое воздаяніе получишь отъ Господа Бога.» Благочестивый Князь Борисъ по-

слушался племянника и съ миромъ возвратился въ домъ свой.

Блаженный юноша прилагалъ труды къ трудамъ, какъ бы предчувствуя скорый исходъ свой, и еще на земли уподоблялся безплотнымъ; благодать Божія въ немъ обитавшая, возвела его однажды, въ духѣ, на крыліяхъ молитвы, въ селенія райскія, гдѣ созерцалъ онъ Церковь первородныхъ, о коей говоритъ Апостолъ, (Евр. XII, 23.) и, причастившись тамъ невещественной пищи Боговѣдѣнія, сталъ на землѣ чуждаться пищи вещественной: только однажды въ недѣлю онъ вкушалъ ее, въ день воскресный, послѣ пріобщенія святыхъ таинъ и опять пребывалъ въ постѣ до слѣдующей недѣли; многіе были тому свидѣтелями въ обители, по сказанію описателя его житія, который будучи ревнокъ вѣрою къ преподобному Іоасафу, собиралъ о немъ свѣдѣнія, отъ живущихъ издавна старцевъ у Спаса на каменномъ и особенно изъ рукописей благоговѣйнаго старца Паисія Ярославова.

Послѣ трудныхъ лѣтъ подвига, изнемогъ тѣлесно благовѣрный Князь Іоасафъ, будучи еще 17-ти лѣтъ, но и оскудѣвая силами, благодарилъ Бога за посѣтившую его болѣзнь. Предчувствуя кончину, призвалъ онъ игумена съ братіею и заклиналъ ихъ, именемъ Божіимъ, ничего не раззорять изъ общежительнаго ихъ устава; при малѣйшемъ облегченіи самъ онъ являлся въ церковь и, когда насталъ праздникъ рождества Богородицы, велѣлъ вести себя къ литургіи, для пріобщенія въ послѣд-

ній разъ божественныхъ таинъ, отъ руки преподобнаго Кассіана; возвратясь въ келлію, уже не поднимался болѣе съ одра болѣзни. Игуменъ и братія скорбѣли, о его конечномъ изнеможеніи, и готовы были, по чрезвычайной къ нему любви, съ нимъ и за него умереть: «ты насъ оставляешь, говорили они со слезами умирающему юношѣ, и многіе изъ насъ переселятся послѣ тебя изъ мѣста сего.» Преподобный же, утѣшая ихъ, говорилъ: «мнѣ приспѣло время почить о Господѣ; васъ же предаю Богу и пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, да сохранятъ васъ отъ всякихъ искушеній, и Кассіанъ игуменъ восполнитъ всѣ ваши недостатки.» Каждый изъ иноковъ подходилъ принять отъ него напутственное благословеніе, и у каждаго просилъ онъ себѣ молитвы, обнимая всѣхъ и благословляя, какъ нѣжный отецъ дѣтей своихъ, и увѣщавая жить въ мирѣ и любви. Одному изъ иноковъ велѣлъ онъ читать канонъ на исходъ души; во время чтенія, внезапно приподнялся и, взявъ кадильницу, подалъ ее игумену, повелѣвая окадить ѳиміамомъ всю келлію и пришедшую братію; самъ же произнесъ молитву человѣколюбивому Богу: да пріиметъ его въ вѣчное покоище и проститъ ему всѣ грѣхи, вольные и невольные, и сохранитъ рабовъ своихъ, спасающихся въ обители, отъ всякаго искушенія діавольскаго, да прославится въ нихъ имя Господне. Потомъ, преклонивъ колѣна, помолился Богородицѣ: чтобы за него и за братію была ходатаицею къ Сыну своему и Богу, какъ

крѣпкая поборница всѣхъ на нее уповающихъ. Онъ поручалъ ей молитвенно святую обитель, въ которой сподобила его обрѣсти пристанище; воспомянулъ единокровныхъ себѣ, державныхъ князей и княгинь, и всѣхъ православныхъ христіанъ и, возлегши опять на одръ, просилъ всѣхъ молиться о мирномъ его отшествіи туда, гдѣ уже нѣтъ печали: такъ отлетѣла душа его къ Богу, возлюбившему его и возлюбленному имъ отъ первыхъ дней жизни. Посреди общаго плача, лице его было свѣтло, какъ будто не умиралъ свѣтло прешедшій непорочное житіе свое; преставился же блаженный Іоасафъ, Сентября въ 10 день, 1453 года.

Игуменъ и вся братія, съ подобающею честію и псалмопѣніемъ, понесли на одрѣ блаженнаго Князя въ церковь и едва могли довершить отъ слезъ надгробное пѣніе. Не продавая тѣло землѣ, поставили его въ теплой церкви Покрова Богоматери, съ правой стороны, ибо много было притекающихъ къ мощамъ преподобнаго и многія потекли отъ него исцѣленія; но въ теченіи первыхъ 85 лѣтъ послѣ его преставленія, никто не записывалъ бывшихъ чудесъ; тогда только подвигся благочестивый писатель житія его воспомянуть нѣкоторыя отъ устныхъ преданій и тѣ, какія самъ видѣлъ; между не именитыми, называетъ онъ и именитыхъ, получившихъ прощеніе у его раки, — Князя Романа, нѣмаго отъ рожденія, сына Князя Іосифа Дорогобужскаго. По кончинѣ родителей, бабка его Княгиня Анна, приняла къ себѣ сироту, снабжая его всѣмъ потреб-

нымъ, какъ подобало дѣтямъ княжескихъ. Услышавъ о чудесахъ преподобнаго Іоасафа, она послала внука своего въ Вологду, съ богатою милостынею къ Спасу на каменной, и молила Господа, чтобы его помиловалъ; сама же, во все время пути любимаго отрока, молебствовала, кормила нищихъ и посылала милостыни по церквамъ. Встрѣтивъ Князя съ подобающею честію, настоятель поставилъ болящаго близь раки, и самъ служилъ для него молебенъ съ водоосвященіемъ; юный Князь, взирая на иконы Спаса и Богоматери и преподобнаго, слезно имъ молился; когда же приложился къ мощамъ и началъ по немногу вкушать святую воду, при освященіи честнымъ крестомъ, внезапно проговорилъ, какъ бы никогда не связанный языкомъ, и всѣ, видѣвшіе чудо, прославили Бога. Игуменъ велѣлъ звонить во всѣ колокола: собралось множество народа изъ окрестныхъ мѣстъ, подивиться бывшему чуду, ибо сей Князь Романъ до 15-ти лѣтняго возраста не владѣлъ языкомъ; онъ оставался еще три дня въ обители и взялъ съ собою въ путь освященную воду, отъ мощей чудотворца, оставивъ тамъ обильную милостыню: съ такою радостію возвратился Князь Романъ къ благочестивой бабкѣ.

Въ 1477 году, 3-го Сентября, 25 лѣтъ послѣ преставленія блаженнаго Іоасафа, попущеніемъ Божіимъ, загорѣлся Спасо-каменный монастырь и цер-

ковь его сгорѣла, со всѣми украшеніями и чудными иконами, съ трапезою, келліями и казною монастырскою; погорѣли и мощи преподобнаго Князя, въ деревянной церкви, и много живыхъ старцевъ и дѣтей погорѣло въ обители. Нѣкоторые метались на суда, чтобы избѣжать пламени, но буря была ужасная на озерѣ и они потонули, а иныхъ сохранилъ Богъ отъ огненнаго запаленія и потопа водная. Старецъ же Мартиніанъ, родомъ изъ Устюжны, прозваніемъ Сокольниковъ, постриженникъ обители Спасо-каменной, собралъ въ ковчегъ остатки мощей блаженнаго Іоасафа; они были потомъ вложены въ позлащенный крестъ и сохранялись въ новой каменной церкви Богоматери, продолжая источать исцѣленія одержимыхъ отъ различныхъ недуговъ.

Девять лѣтъ спустя послѣ бѣдственнаго пожара, сынъ Василія Темнаго, Князь Андрей Угличкій, соорудилъ на пепелищѣ пятиглавый каменный соборъ Спасовъ, который въ то время былъ благолѣпнѣйшимъ изъ всѣхъ окрестныхъ храмовъ и едва ли не первымъ каменнымъ зданіемъ въ Вологодскихъ предѣлахъ. Ничего не щадили для его прочности, чтобы оградить отъ наводненія и пожаровъ, и самый кирпичь для кладки возили изъ Старицы и Торжка; соборъ сей устоялъ и до нашихъ временъ, хотя и не разъ съ тѣхъ поръ опустошаемый огнемъ. Нѣсколько позже, въ 1541 году, при державѣ Великаго Князя Василія Іоанновича, сооружена была въ обители теплая трапезная цер-

ковь, во имя успенія Богоматери; которая теперь совершенно перестроена, а при сынѣ его, Царѣ Іоаннѣ, воздвигнута надъ святыми вратами церковь, во имя ангела его, Предтечи. Странно однако, что Іоаннъ, столько разъ бывшій въ Вологдѣ, ни раза не посѣтилъ сей замѣчательной обители, хотя и усердствовалъ къ ней, приславъ туда колоколъ.

При Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, Спасо-каменный монастырь, по его древности, почтенъ былъ архимандріей; первый настоятель, носившій митру, Маркеллъ, устроилъ въ 1650 году благолѣпную раку для священныхъ останковъ преподобнаго Князя Іоасафа. Послѣдній же архимандритъ, Мельхиседекъ, пережилъ свою обитель, будучи переведенъ въ Вологду, послѣ страшнаго пожара въ 1773 году. Странная судьба Спасо-каменнаго!—Окруженный отовсюду водою на утесѣ, имѣющемъ не болѣе 60 саженъ въ длину и 20 въ ширину, гдѣ едва могли только помѣститься монастырскія зданія, онъ болѣе другихъ обителей пострадалъ отъ пожаровъ, когда казалось такъ легко можно было погасить ихъ на водѣ, и дважды былъ истребляемъ почти до основанія, такъ что совершенно запустѣлъ. Послѣдній пожаръ произошелъ отъ одного безумнаго, который тутъ содержался; спасли только нѣсколько иконъ съ остатками Св. мощей, все прочее сгорѣло. Самый монастырь былъ упраздненъ и, съ переводомъ братіи въ Духовъ монастырь, даже и названіе Спасо-каменнаго перешло туда вмѣ-

ств съ ними; въ такомъ запустѣніи древняя обитель оставалась около 30 лѣтъ. Но въ послѣдній годъ минувшаго столѣтія, Вологодское дворянство и особенно купечество сосѣдняго уѣзднаго города Кадникова, съ начальниками волостей, окружающихъ озеро Кубенское, движимые усердіемъ къ древнему святилищу, ходатайствовали предъ Св. Сунодомъ о возстановленіи обители; она возстановлена въ 1801 году, повелѣніемъ Императора Павла Петровича, хотя и не подъ своимъ прежнимъ именемъ, но подъ названіемъ Бѣлавинской пустыни, которой штатъ былъ переведенъ въ бывшій Спасо-каменный; такимъ образомъ возникла изъ развалинъ обитель преподобнаго Іоасафа.

Усердіемъ окрестныхъ жителей возстановлены были по возможности древнія зданія, два собора и настоятельскія келліи; но церковь надворотная Предтечи, слишкомъ пострадала и потому оставлена была впустѣ. Обитель процвѣла опять, въ 1812 году, когда нашли въ ней пристанище иноки, бѣжавшіе изъ различныхъ монастырей Московскихъ, послѣ разгрома столицы: такимъ образомъ одно бѣдствіе послужило къ исправленію другаго. До 40 человѣкъ братіи, подъ начальствомъ строителя Ѳеодосія, изъ іеромонаховъ Пѣсношскаго монастыря, обитали болѣе трехъ лѣтъ на пустынномъ острову и привели обитель въ самое благоустроенное состояніе, строгостію жизни и церковнаго порядка. Милостыня обильно текла отовсюду, ради ихъ благочинія, такъ что они могли обновить всѣ храмы,

въ краткое свое пребываніе. Разобравъ клонившуюся къ паденію церковь Предтечи, они надстроили настоятельскія келліи подъ одну крышу съ теплымъ соборомъ, и устроили придѣлъ во имя трехъ Святителей Московскихъ, въ нижнемъ ярусѣ холоднаго собора, и самый соборъ ими благолѣпно украшенъ; отъ тѣсноты помѣщенія принуждены были даже устроить келліи подъ соборомъ, котораго нижнія арки закладены для большей прочности послѣ пожара. Съ удаленіемъ Московскаго братства, опять началъ оскудѣвать монастырь и, по странной его участи, въ 1850 году, едва опять не истребился пожаромъ, отъ загорѣвшихся деревянныхъ его службъ; однако каменное зданіе уцѣлѣло, хотя и обгорѣли двѣ соборныя главы;—такова краткая лѣтопись обители.

Я всталъ къ ранней обѣдни, которая совершалась въ нижней церкви трехъ Святителей, устроенной въ гробовой палаткѣ блаженнаго юродиваго Василія; она была нѣкоторое время упразднена, но недавно опять обновлена усердіемъ нынѣшняго настоятеля А.....я; послѣ пожара 1850 года, сооружена въ ней мѣдная позлащенная рака блаженному, коего память особенно чествуется въ Спасокаменномъ и по всей окрестности, хотя неизвѣстны время и подвиги его труженическаго житія: свидѣтельствомъ ихъ служатъ тяжкія вериги и желѣзный колпакъ надъ его гробомъ. Достойно вниманія, что въ бѣдственный пожаръ 1773 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что только

могло сгорѣть, бывшая деревянная рака и образъ на ней сего угодника Божія остались неприкосновенными, хотя вся его гробовая палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ. Онъ почіетъ съ сѣверной стороны собора, а съ южной, настоятель указалъ мнѣ гробовой камень другаго блаженнаго труженика сей обители, игумена Кассіана, ученика Св. Кирилла Бѣлозерскаго, при которомъ спасался здѣсь преподобный Князь Іоасафъ. Прилично было бы и тутъ устроить придѣлъ, чему благопріятствуетъ самая палатка.

Настоятель ввелъ меня въ верхній соборъ Спасовъ и я полюбовался внутреннимъ его расположеніемъ и стройностію размѣровъ. Старинное зодчество нашихъ храмовъ особенно было приспособлено ко всѣмъ потребностямъ богослужебнаго чина, а между тѣмъ и молящемуся можно себѣ найти, за столбами или въ паперти, уединенное мѣсто для молитвы. Ни главный соборъ, ни два его придѣла, во имя преподобныхъ Іоасафа и Василія, и всѣхъ Вологодскихъ чудотворцевъ, не были освящены и ожидали для сего посѣщенія архіерейскаго. Бывшій предъ симъ строитель передѣлалъ иконостасъ въ новомъ вкусѣ, хотя старый вѣроятно болѣе соотвѣтствовалъ древнему собору. Рака преподобнаго Князя стоитъ съ правой стороны у олтаря, но упразднена во время пожара, съ 1773 года, вмѣстѣ съ обителью. Теперь, можетъ быть, удѣлится часть Св. мощей изъ Духова монастыря, ибо и самъ преподобный, по жительству своему, принадлежалъ Спасокаменному,

и большое къ нему усердіе всѣхъ окрестныхъ мѣстъ. Надъ ракою изображено утѣшительное явленіе отроку Господа Іисуса, обѣщающаго населить, ради его подвига, всю бывшую его область пустынными подвижниками, дабы такимъ образомъ сторицею ему возвратилось то, что онъ пожертвовалъ Богу.

Изъ собора холоднаго мы перешли въ теплый, чрезъ ризницу, устроенную въ бывшемъ придѣлѣ Василія блаженнаго. Два престола въ этомъ храмѣ, который примыкаетъ къ келліямъ настоятельскимъ и болѣе походитъ на домовую церковь. Оба устроены Московскими иноками: одинъ во имя святителя Николая, другой, который былъ посвященъ успенію Богоматери, теперь, послѣ пожара 1850 года, празднуетъ ея чудотворной иконѣ неутолимыя печали. Частые сіи пожары много истребили и еще болѣе измѣнили въ древней обители, но утѣшительно и то, что она, всегда возрождалась изъ своего пепелища; грустно было бы видѣть на пустынномъ островѣ, какъ бы остовъ сего древнѣйшаго изъ всѣхъ святилищъ Вологодскихъ; кругомъ великаго озера Кубенскаго до 30 богатыхъ селъ благоговѣйно взираютъ на Спасокаменный, величественно возстающій изъ пучины, какъ путеводительный фаросъ, спасающій пловцевъ ихъ на волнахъ, отъ частыхъ непогодъ.

Весьма скудно братство оставшейся обители, такъ что едва есть достаточно іеромонаховъ для ежедневной службы, но надобно вспомнить и о томъ, что они претерпѣваютъ въ зимнее время, когда почти нѣтъ богомольцевъ. Настоятель мно

разсказывалъ, что напоръ весеннихъ льдовъ съ западной стороны, т. е. почти во всю длину озера, такъ великъ, что даже стеръ значительную часть берега и ежегодно вынужденъ укрѣплять его булыжникомъ и новымъ тыномъ. Иногда ледъ подымается до такой высоты, что какъ стѣною окружаетъ со всѣхъ сторонъ настоятельскія келліи и даже ихъ превышаетъ своимъ хрустальнымъ гребнемъ. Въ 1833 году, льдами заброшенъ былъ огромный камень, въ тысячу пудовъ вѣса, на самую крышу, и большаго труда стоило его сбросить; и до сихъ поръ можно его видѣть между грудою камней монастыря; а въ 1837 году, въ страшную бурю, пробило кусками льда стекла въ настоятельскихъ келліяхъ. Насыпью камней и крѣпкими сваями стараются разбить напоры льдовъ, но когда, отъ времени до времени, зарекутъ весеннія бури и грозятъ разрушеніемъ обители, иноки ея спасаются только теплою молитвою; собравшись въ храмъ, они возжигаютъ лампады предъ св. иконами и всю ночь проводятъ въ бдѣніи молитвенномъ. Въ такое время, недѣли по двѣ, не бываетъ сообщенія съ берегомъ, такъ что иногда можетъ случиться недостатокъ въ припасахъ; но за то лѣтомъ бываютъ годы, когда совершенно пересыхаетъ озеро, между восточнымъ его берегомъ и островомъ, гдѣ разстояніе не такъ велико и есть много отмелей; такимъ образомъ случилось однажды и преосвященному Иннокентію, при обозрѣніи своей паствы, сухимъ путемъ достигнуть до Спасокаменной обители.

Куштская пустынь

Преподобнаго Александра.

Буря не утихала и бѣлые валы высоко подымались съ запада, а между тѣмъ время было дорого. Не смотря на непогоду, мы рѣшились плыть въ пустынь преподобнаго Александра Куштскаго, приписанную къ Спасокаменному, которая находится на восточномъ берегу озера, при устьѣ рѣчки Кушты; плаваніе туда было менѣе опасно по отмелямъ, а иногда доводилось проходить между островками, поросшими тростникомъ, и отъ того напоръ волнъ менѣе чувствителенъ. Послѣ часоваго хода на веслахъ, мы благополучно достигли малаго залива Кушты и, вышедши на мирный берегъ, забыли о непогодахъ озера; солнце сіяло въ полномъ блескѣ, день былъ весьма жаркій, благоухало весной. Скромная пустынь преподобнаго Алек-

сандра произвела на меня впечатлѣніе самое пріятное, такъ какъ она сохранила свой первобытный характеръ безмолвія скитскаго.

Посреди смиренной деревянной ограды, мѣстами обвалившейся и замѣненной даже простымъ заборомъ, на широкомъ привольи зеленаго луга, испещреннаго майскими цвѣтами, возвышалась старинная дубовая церковь, съ шатровою главою и широкими крыльями, виснущими на столбахъ. Съ одной стороны пристроена къ ней небольшая каменная церковь и, хотя она выходитъ изъ характера первобытнаго зданія, однако главный соборъ покрываетъ ея новизну своимъ древнимъ старческимъ видомъ. Сами преподобные Александръ и Евоимій, съ ученикомъ своимъ Харитоніемъ, и другіе пустынножители здѣсь подвизавшіеся, священнымъ своимъ ликомъ встрѣтили насъ во святыхъ вратахъ убогой ихъ обители, и отраденъ былъ пустынный привѣтъ ихъ на порогѣ мирнаго пріюта. Вокругъ ограды разросся частый сосновый лѣсъ, хотя и невысокій, но мрачностью соотвѣтствующій дикому уединенію, въ которомъ, какъ малый оазисъ, открывалась обитель. Нѣсколько монастырскихъ службъ, мельница, братскія келліи и лѣтній домикъ настоятеля, куда пріѣзжаетъ онъ подышать на свободѣ изъ каменнаго своего острова, — вотъ все, что составляетъ нынѣ обитель Куштскую, въ свое время многолюдную. На противоположной оконечности пространнаго двора монастырскаго стоитъ еще одно деревянное зданіе,

весьма древнее: это была нѣкогда церковь Святителя Николая, но она запустѣла и отломаны наперть ея и олтарь, такъ что только по преданію можно узнать о прежнемъ ея назначеніи.

По неутоптанному бархату густаго луга, ибо и нѣкому прилагать по немъ учащенныхъ стезей, пошли мы къ древнему собору, обращенному олтарями къ святымъ пратамъ. Между двухъ престоловъ каменной и деревянной церкви, произрастаетъ деревцо, какъ бы изъ самой гробовой раки преподобнаго, и сія отрадная литоросль ограждена по благоговѣнію настоятеля. По ветхому крыльцу, уже чувствующему тяжесть ноги человѣческой, отъ вѣковаго хожденія многихъ поколѣній, взошли мы сперва въ холодный соборъ Успенія, который сохранилъ извнѣ и внутри древній священный видъ свой, хотя и почернѣвшій отъ времени. Внутреннее его расположеніе крестообразно и, къ счастію, ничего въ немъ не измѣнилось съ половины XVI вѣка, когда сооружена была сія церковь, послѣ опустошительнаго пожара, истребившаго въ 1519 году всю пустынь, современную преподобному Александру; и такъ уже три столѣтія совершается священнослуженіе въ этомъ святилищѣ; древній его дубъ имѣетъ прочность камня, хотя требуетъ поддержки. Въ высокомъ иконостасѣ сохранились старыя иконы: храмовыя, Успенія и Святителя Николая, перенесенная изъ упраздненной церкви, Святой Троицы и Воскресенія Господня, въ видѣ сошествія во адъ, ибо такъ всегда писалась въ старину

сія икона. Тутъ и Воздвиженіе честнаго креста, съ дѣяніями, икона Одигитріи и Ангельскій Соборъ, съ человѣческимъ родомъ воспѣвающимъ пресвятую Дѣву, и преподобные Куштскій и Новоезерскій. Царь пророкъ и благоразумный разбойникъ, на олтарныхъ дверяхъ, открываютъ входъ во внутреннее святилище, скромно обитое тесомъ, гдѣ еще нѣсколько древнихъ иконъ и крестовъ разставлено по полкамъ; все носитъ отпечатокъ пустынnаго убожества давно минувшаго времени.

Каменная двухъярусная церковь пристроена на место южнаго отсѣченнаго крыла соборнаго, надъ самою гробницею преподобнаго, которая сохранилась неприкосновенно, ибо тутъ и прежде былъ придѣлъ. Верхній престолъ во имя святаго Александра Куштскаго; тамъ съ лѣвой стороны иконостаса, поставлена мѣдная позлащенная рака съ его священнымъ ликомъ на гробовой доскѣ. Надъ ракою чудотворная икона Печерскія Божіей Матери, быть можетъ его келейная, ибо къ ней иконни питаютъ особенное усердіе, и тутъ же приписаны, вѣроятно уже впослѣдствіи, преподобные: Александръ, Зосима и Савватій и священномученикъ Антипа. На стѣнѣ поверхъ раки изображены всѣ пустынножители дремучихъ лѣсовъ и дебрей Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, общимъ молитвеннымъ сонмомъ, припадающіе къ ногамъ Спаса; умилителенъ братскій соборъ ихъ, въ такомъ дикомъ уединеніи, надъ гробомъ ихъ сподвижника, какъ бы во свидѣтельство взаимной любви и памя-

тованія другъ о другѣ, каждаго на мѣстѣ ихъ подвига, предъ общимъ ихъ Господомъ. Съ сердечною любовію припалъ я къ ракѣ преподобнаго и просилъ блюстителя его гроба отслужить молебенъ, предъ ликомъ всѣхъ его чудотворныхъ собратій.

Хотя рака блаженнаго Александра стоитъ вверху, но гробница его собственно находится въ нижней церкви, ибо онъ почиваетъ подъ спудомъ, и ограждестарыми иконами. Здѣсь, по настоящему, должна бы стоять и самая рака, тѣмъ болѣе, что ежедневная служба совершается большею частію въ нижнемъ придѣлѣ Святителя Николая, какъ единственной теплой церкви. И тутъ есть также нѣсколько древнихъ иконъ, хотя отчасти и поновленныхъ: Святителя Николая, похвалы Богоматери, Господа сѣдящаго на престолѣ, съ припавшими къ ногамъ его, преподобными Іоасафомъ и Александромъ Куштскимъ, и еще одна страшнаго суда, въ паперти, замѣчательная по своему древнему рисунку. Я упоминаю о сихъ иконахъ, какъ памятникахъ давно минувшаго въ полуоставленной пустынѣ; но лучшее ея сокровище есть самый гробъ преподобнаго, положенный въ незыблемое основаніе обители, ибо конечно одни только его молитвы могли спасти мѣсто его подвига отъ совершеннаго разворенія, подобно тому, какъ и сокровище мощей Діонисіевыхъ охранило Глушицкую обитель отъ запустѣнія, тогда какъ Покровская его лавра и столько другихъ знаменитыхъ обителей, запустѣли въ предѣлахъ Вологодскихъ.

Неведомый юноша Алексій, родомъ изъ Вологды, пришелъ однажды на пустынный островъ Кубенскаго озера, въ обитель Спасокаменную. Увидевъ монаховъ, стоящихъ предъ святыми вратами, онъ поклонился имъ до земли и просилъ благословенія. «Богъ да благословитъ тебя, чадо, отвѣчали они, чего ты хочешь?»—Юноша просилъ видѣть игумена, и они возвѣстили о немъ игумену Діонисію. Съ радостію взошелъ въ ограду блаженный и, припавши къ ногамъ игумена, со слезами просилъ, чтобы облекъ его въ иноческій образъ. Умилился старецъ такою ревностію неведомаго юноши и, провидя имѣющую въ немъ открыться благодать, говорилъ ему: «чадо, видишь ли, что мѣсто сіе весьма скорбно и требуетъ подвига, а ты еще юнъ и не можешь перенести его.» Но блаженный со смиреніемъ отвѣчалъ: «о честный отче, Богъ хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися, привелъ и меня, спасенія ради, къ твоей святынѣ; все, что повелишь, исполню, только спаси меня,» и уже игуменъ ему болѣе не возражалъ; онъ возблагодарилъ Бога за такое усердіе пришельца и велѣлъ ему со смиреніемъ служить братіи; вскорѣ потомъ постригъ его, нарекши имя ему Александръ, и поручилъ руководству опытнаго старца; новый инокъ совершенно предалъ себя Богу, исполняя всякія послушанія, изнуряя плоть свою постомъ, постоянно пребывая въ молитвѣ, и сонную лѣность отгоняя рукодѣліемъ, такъ что вся братія дивилась его крайнему смиренію и взирала на него, какъ на Ангела Божія.

Преподобный Александръ, не любя славы человѣческой, началъ помышлять, какъ бы ему выйти изъ монастыря и провести прочее время жизни въ совершенномъ незнаніи міра; тайно оставилъ онъ Спасокаменный и обошелъ многія пустынныя мѣста, ища себѣ мѣста упокоенія, гдѣ бы наединѣ работать Богу. Имъ наставляемый пришелъ онъ на рѣку Сяжему, гдѣ еще существуетъ монастырь, называемый Евѳиміевымъ, но не было тогда церкви на томъ мѣстѣ, а только болото и непроходимая дебрь, и возлюбилъ дикое сіе мѣсто Александръ; онъ тамъ поставилъ себѣ малую келыцу и провождалъ въ ней молитвенно многотрудное житіе; мало по малу начали къ нему собираться люди изъ окрестныхъ странъ, благословляя Бога за такого подвижника, и опять ужаснулся молвы человѣческой любитель безмолвія; имѣвшій себѣ въ грѣхъ всякое прославленіе, бѣжалъ онъ изъ одной пустыни въ другую, псаломски чая Бога, спасающаго его отъ малодушія и отъ бури. Слышалъ онъ о преподобномъ отцѣ Евѳиміѣ и о святой его жизни, какъ водворился онъ за 85 поприщъ отъ рѣки Сяжемы, близъ великаго озера Кубенскаго, на восточной его сторонѣ, близъ рѣчки называемой Кушта, посреди непроходимыхъ дебрей, и тамъ въ малой келліи работалъ Богу, въ постѣ и молитвѣ, не давая себѣ успокоенія отъ труда.

Туда пришелъ Александръ къ отшельнику Евѳимію и взаимно обрадовались они другъ другу; оба имѣя единую волю, вмѣстѣ подвизались

къ духовной любви, и возлюбилъ место сіе инокъ Александръ. Онъ исповѣдалъ тайное свое помышленіе Евѳимію и отшельникъ, приявъ его, какъ посланника Божія, смиренно уступилъ ему мѣсто свое, а самъ рѣшился удалиться на то, которое прежде избрано было Александромъ: таково было взаимное смиреніе обоихъ подвижниковъ. Въ послѣдній разъ побесѣдовавъ между собою, на томъ мѣстѣ, гдѣ довольно долго обитали вмѣстѣ, и евангельски поучивъ другъ друга, они разлучились на долго, сохранивъ однако духовное общеніе во Христѣ. Евѳимій благословилъ при отшествіи, животворящимъ крестомъ своего сподвижника и, получивъ отъ него взаимно миръ и благословеніе, водворилъ его въ своей убогой келліи, а самъ пошелъ далѣе къ сѣверу, поселиться въ той, которую соорудилъ своими руками преподобный Александръ, и тамъ основалъ обитель;—не умилительна ли такая мѣна, основанная на христіанской любви!

Не долго оставался преподобный Александръ въ своемъ уединеніи; онъ подошелъ ближе къ озеру и, водрузивъ крестъ, который всегда носилъ съ собою, преклонилъ колѣна и помолился Господу Іисусу, чтобы благословилъ мѣсто сіе и, молитвами пречистой своей Матери, позволилъ соорудить тутъ храмъ во имя славнаго ея успенія; не исполненія своей воли желалъ онъ, но воли Божіей, дабы подъ покровомъ пресвятой Дѣвы, хотящіе на этомъ мѣстѣ работать Господу, утвердились во спасеніи и безмятежно возсылали свои молитвы къ Богу,

о христолюбивыхъ князьяхъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Тутъ поставилъ себѣ другую келлію Александръ и началъ еще болѣе изнурять плоть свою постомъ и молитвою; много потерпѣлъ онъ отъ духовъ нечистыхъ, доколѣ не одолѣлъ ихъ силою крестною; одинокій копалъ онъ землю лопатою и сѣялъ жито ему потребное, питался же сухимъ хлѣбомъ, мало вкушая и самой воды. Спустя нѣкоторое время пришелъ въ его уединеніе нѣкій старецъ и обрадовался ему преподобный, какъ посланному отъ Бога; пять лѣтъ пробыли они двое въ пустынѣ, а потомъ присоединился къ нимъ и третій братъ. Александръ однажды сказалъ имъ: «братія, возлагаю надежду мою на Бога и, если ему угодно, можетъ онъ привести въ исполненіе мой тайный помыслъ: желаю на этомъ пустынномъ мѣстѣ соорудить церковь,» и братія ему отвѣчали: «воля Господня да будетъ, честный отче, да прославится на этомъ мѣстѣ имя Господа и пречистой его Матери.»

Тогда преподобный пошелъ въ городъ Ростовъ, къ бывшему своему игумену Діонисію, который занималъ уже тамъ каѳедру епископскую, и добрый пастырь, благословилъ возлюбленнаго сына своего на строеніе пустынное, давъ ему для сего все нужное. Утѣшенный Александръ, возвратясь въ свою пустыню, соорудилъ тамъ церковь по имя успенія пречистой Дѣвы. Въ то время отчиною своею Заозерское, вокругъ великаго Кубенскаго озера, владѣли Кня-

зьл Димитрій и Симеонъ, изъ рода Ярославскихъ. Возрадовался христолюбивый Князь Димитрій, что близь его державы хочетъ соорудить себѣ обитель преподобный, и поспѣшилъ дать ему отъ себя все нужное для ея сооруженія; а Княгиня его Марія, имѣя большую вѣру къ святому старцу, посылала ему жизненные припасы, которыми кормилъ онъ неимущихъ, поучая братію, что многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе небесное. Спустя нѣсколько времени, Князь Димитрій пошелъ далеко отъ своей отчины воевать съ супостатами, а между тѣмъ пришли полчища Татарскія и опустошили села его близь монастыря и на устьѣ рѣки Кубены; пять Татаръ заскакали въ самую пустынь: — спокойно встрѣтилъ ихъ преподобный, осѣнилъ крестомъ и они пали какъ мертвые; много часовъ пролежали они такимъ образомъ, доколѣ не возбудилъ ихъ отъ мертвеннаго нечувствія самъ пустынножитель, именемъ живоначальныя Троицы.

Послѣ кончины Князя Димитрія, супруга его Марія пришла на поклоненіе въ обитель и печально увидѣла преподобнаго, когда онъ стихословилъ псалтырь внутри церкви, будучи обнаженъ до персей и терзаемъ насѣкомыми. Огорчился святой тайному ея пришествію, нарушившему его молитву, и сказалъ: «не подобаетъ тебѣ, Княгиня, наблюдать въ тайнѣ наше странничество, посмику я инокъ и убогъ.» Созналась въ своей погрѣшности Княгиня и просила прощенія у огорченнаго старца; онъ же смиренно простилъ ее, но велѣлъ ей свою ни-

щету кормить у себя въ домѣ. Возвратясь, она вскорѣ занемогла и послала просить молитвъ преподобнаго; старецъ, прозрѣвъ духомъ скорую ея кончину, предварилъ ее о томъ за 20 дней, дабы могла приготовиться къ мирному отшествію.

Въ обители Куштской народилось довольно пшеницы, посѣянной трудами преподобнаго и братіи; однажды работавшіе на гумнѣ, выгребли пшеницу и разошлись отдыхать; пришелъ поселянинъ и вздумалъ воспользоваться чужимъ добромъ; онъ насыпалъ полный мѣшокъ пшеницы, но никакъ не могъ приподнять его; нечаянно засталъ его Александръ и съ кротостію сказалъ: «для чего сынъ мой, берешь ты не по своимъ силамъ?» Обличенный тать бросился къ ногамъ его, но незлобивый старецъ велѣлъ ему еще насыпать пшеницы, сколько было можно вмѣстить ее, и внушивъ, чтобы впредь не похищалъ чужаго, разрѣшилъ взять мѣшокъ; прощенный поселянинъ легко поднялъ его, какъ только обѣщалъ исправиться и, не чувствуя никакой тягости, возвратился въ домъ свой, благословляя великодушнаго старца.

Преподобный достигъ уже глубокой старости и началъ крайне изнемогать; при немъ было только два брата, Савватій и Симеонъ; онъ говорилъ имъ: «изнемогаю, братія, вы же, сколько вамъ Богъ благоволитъ, терпите на этомъ мѣстѣ и любите другъ друга, какъ самихъ себя; Богъ вамъ помощникъ и прибѣжище отъ сѣтей вражіихъ. Украшайтесь смиреніемъ и чистотою, странноприміи не

забывайте и ни во что вмѣняйте славу житія сего, ожидая вмѣсто сего воздаянія отъ Бога, вѣчныхъ небесныхъ благъ.» Огорчились братія, слыша о скоромъ отхожденіи своего старца, и со слезами ему говорили: «ты оставляешь насъ въ скорбяхъ и страстяхъ и кому же поручаешь пещись о душахъ нашихъ?»—«Оставляю васъ Богу, отвѣчалъ имъ старецъ, и пречистой Богородицѣ, и святому чудотворцу Николаю; сооруднте церковь во имя Святителя на томъ мѣстѣ, гдѣ я вамъ укажу, и миръ Божій да пребываетъ съ вами, направляя васъ на путь истинный.»

Предчувствуя близкое свое преставленіе, преподобный Александръ, въ день воскресный, самъ совершилъ божественную службу и въ послѣдній разъ пріобщился св. тайнъ Христовыхъ; потомъ, поднявши взоры къ небу и съ глубокимъ сокрушеніемъ ударя себя въ грудь, со слезами на колѣняхъ молилъ Господа человѣколюбца, дабы принялъ его въ вѣчныя свои обители, не помянулъ его прегрѣшеній, и сохранилъ бы обитель его отъ всякихъ искушеній лукаваго, враговъ видимыхъ и невидимыхъ. И пречистую Матерь Іисусову, упованіе всѣхъ Христіанъ, умолялъ онъ, дабы осѣнила своимъ покровомъ обитель, созданную во имя ея; а братію свою о Христѣ просилъ, чтобы поминали душу его въ молитвахъ, и такъ, съ цѣлованіемъ мира, предалъ праведную свою душу Богу, 68 лѣтъ, Іюня 9-го 1439 года. Роста былъ онъ средняго, лице имѣлъ круглое, но тѣломъ былъ сухъ, до

персей спускалась борода, полнал, темнорусая и до половины сѣдая, глаза же имѣлъ тихіе и кроткіе.

Ученики погребли тѣло своего блаженнаго учителя тамъ, гдѣ онъ самъ указалъ, близъ церкви съ полуденной стороны олтаря; тамъ и донынѣ почиваетъ и, какъ неизсякаемый источникъ, потекли всякаго рода исцѣленія отъ его гроба; особенно, одержимые духами нечистыми, облегчались отъ тяжкаго своего недуга, когда молитвенно прикасались къ раку преподобнаго. Годъ спустя послѣ его кончины, произрасло само собою малое деревцо рябина надъ самымъ его гробомъ. Случилось въ день праздника успенія Богоматери, при многомъ стеченіи народа, отрокъ изъ поселянъ, по имени Матвей, отломилъ вѣтку отъ сего дерева и внезапно разболѣлась его рука; родители, съ молитвою къ пречистой Дѣвѣ, повели сына своего на гробъ преподобнаго, и онъ исцѣлился также внезапно какъ и заболѣлъ. Съ тѣхъ поръ народъ сталъ собирать ягоды съ этой рябины себѣ на исцѣленіе; ученики же Александровы соорудили подлѣ теплую церковь во имя Святителя Николая, и освятили ее въ день памяти блаженнаго своего учителя. Многимъ болящимъ, которыхъ приносили въ церковь сію къ его гробу, являлся онъ вмѣстѣ съ Святителемъ, въ молитвенномъ образѣ, или кадящимъ святилище, и посреди сего дивнаго благоуханія, болящіе разрѣшались отъ болѣзни. Въ 1519 году, при игуменѣ Наоанаилѣ, на память великомученика Димитрія Селунскаго, погорѣли оба храма и весь монастырь;

но опять возведено было новое деревянное строеніе и, послѣ столь тяжкаго испытанія обители, первымъ утѣшительнымъ чудомъ надъ гробомъ преподобнаго, было исцѣленіе разслабленнаго, за которымъ послѣдовали многія другія исцѣленія, во утвержденіе братіи и во славу святаго основателя сей мирной пустыни.

Пользуясь временемъ, мы, вмѣстѣ съ настоятелемъ, осмотрѣли ближайшую окрестность, доходили по лѣсу до первоначальной келліи отшельника Евѳимія, гдѣ обиталъ сперва и самъ Александръ; но отъ устья рѣчки Куштуы не успѣли однако дойти до устья Кубены и большаго села, которое процвѣтаетъ торговлею и богатствомъ. Тамъ, на урочищѣ Чирковѣ, стоитъ часовня, сооруженная на мѣстѣ княжеской усадьбы родителей преподобнаго Іоасафа Спасо-каменнаго. Мнѣ хотѣлось дойти и далѣе, на истокъ изъ озера рѣки Сухоны, гдѣ на мѣстѣ, называемомъ Святая Лука, еще осталась отъ древней обители, основанной Діонисіемъ Глушицкимъ, уединенная церковь святителя Николая, и въ ней гробница Пахомія, ученика Діонисіева; но время не позволяло отлучиться такъ далеко, потому что погода утихла и гребцы настаивали плыть немедленно, пока опять не разыгралось озеро. Мы поѣхали опять по тихимъ заливамъ, палимые знойнымъ солнцемъ, доколѣ не вышли на самое озеро, гдѣ освѣжилъ насъ не совсѣмъ утихшій вѣтеръ. Дорогою распрашивалъ я настоятеля, который за-

ввдуетъ тремя пустынями: Спасо-каменною, Кушт-
скою и Бѣлавинскою, о началѣ сей послѣдней. Она
также на острову, но небольшаго озера, въ 20 вер-
стахъ отъ Кубенскаго, и основана была въ 1630
году, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Архіепи-
скопѣ Вологодскомъ Варлаамѣ, во имя Богоявленія
Господня, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде кел-
лія отшельника Марка; при послѣднемъ же об-
новленіи Спасо-каменнаго, была упразднена и те-
перь въ ней одинъ только іеромонахъ, какъ и въ
Александровой пустынѣ, съ нѣсколькими послу-
шниками, для церковной службы. Въ пріятной
бесѣдѣ мы не видали, какъ быстро пронеслись
черезъ широкое озеро, съ попутнымъ вѣтромъ; на
берегу, простившись съ добрымъ настоятелемъ, по-
спѣшилъ я въ Вологду, черезъ село Кубенское и
Прилуцкій монастырь, котораго еще достигъ преж-
де захожденія солнца.

Прилуцкій монастырь преподобнаго Димитрія.

Большое движеніе было въ слободѣ Прилуцкой, народъ толпился около монастыря и въ оградѣ, потому что это былъ второй день лѣтняго праздника сей обители,—память перенесенія иконы преподобнаго, которую прислалъ Великій Князь Іоаннъ, по случаю бывшаго ему видѣнія въ походѣ Казанскомъ. Наканунѣ служилъ Епископъ Вологодскій въ Прилукахъ, и городскіе жители во множествѣ стекаются въ обитель, такъ что и внутренній садъ ея былъ наполненъ гуляющими. Хотя не совсѣмъ удобно было осматривать древности монастырскія, однако, такъ какъ уже три раза я это откладывалъ и не надѣялся болѣе быть въ Прилукахъ, то рѣшился осмотрѣть все достойное вниманія въ обители, сколько сіе позволяло время и стеченіе народа.

Настоятель, ректоръ Семинаріи, былъ такъ снисходителенъ, что самъ вызвался показать мнѣ древніе храмы вѣренной ему обители; прежде всего привелъ онъ меня въ нижній ярусъ соборной церкви, праздпующей преподобному, гдѣ стоитъ его цѣлебная рака и рядомъ съ нею другая, Князя узника и схимника, Игнатія Угличскаго. При пѣніи тропаря преподобнымъ, поклонился я ихъ священнымъ гробамъ и сердечно призывалъ молитвенный покровъ ихъ пришельцу, посѣтившему ихъ обитель. Ихъ тяжкія вериги, повѣшенныя надъ гробницами, предъ ихъ ликами, свидѣтельствовали о ихъ земномъ подвигѣ и небесной наградѣ.

Отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей, званія купеческаго, родился Дмитрій въ Переславлѣ Залѣсскомъ, и отъ юнаго возраста возлюбилъ небесную мудрость, которую почерпалъ въ божественныхъ писаніяхъ, пренебрегая благами міра и куплею житейскою своихъ родителей, хотя и во всемъ имъ повиновался. Блаженный помышлялъ только о будущемъ вѣкѣ, о судѣ и царствіи Божіемъ, и ни во что вмѣнялъ все временное. Влекомый жаждою безмолвія, совершенно оставилъ онъ міръ и постригся въ иноки въ родномъ Переславлѣ, въ Горицкой обители. Не одни только власы отсѣкъ онъ при постриженіи, но и всякую привязанность къ міру, дабы пріобрѣсти единаго Христа и, служа братіи, совершенно отрекся отъ своей воли, поучаясь въ законѣ Господнемъ день и ночь и, въ непрестанной молитвѣ, проводя ангельское житіе;

духовные и міряне, всѣ любили Димитрія за его многую добродѣтель, и какъ не можетъ укрыться, по евангельскому слову, градъ стоящій на верху горы, такъ и высокая добродѣтель Димитрія возвела его на степень священства.

Въ то время преподобный Сергій основалъ свою лавру въ лѣсахъ Радонежскихъ; Св. Димитрій имѣлъ обычай часто приходить къ нему для собесѣдованія: какъ бы лучше устроить между иноками общежитіе? и съ любовію взаимно подавали они другъ другу духовные совѣты; по истинѣ Господь просвѣтилъ землю Россійскую столь великими своими угодниками. Блаженный Димитрій вскорѣ соорудилъ свой монастырь, во имя святителя Николая, у озера Переяславскаго, и тамъ съ любовію поучалъ стадо свое, водворяя общежитіе, по примѣру Сергіеву.

Разсказываютъ, что одаренный необычайною красотою, любилъ онъ, отъ юнаго возраста, библейскую повѣсть о цѣломудріи Іосифа, и даже предпринялъ суровое житіе постническое, чтобы увяла сія тлѣнная красота; но чѣмъ болѣе подвизался, тѣмъ болѣе просвѣщалось лице его, процвѣтая самымъ постомъ, какъ нѣкогда у трехъ отроковъ Вавилонскихъ; посему закрывалъ онъ лице свое куколемъ иноческимъ и не позволялъ себѣ бесѣдовать съ міряны, особенно съ женщинами, такъ что немногіе могли видѣть лице его. Одна изъ именитыхъ женъ Переяславскихъ, слышавшая о чрезвычайной красотѣ и цѣломудріи сего новаго Іосифа, полюбо-

пытствовала видѣть сокровенный ликъ его, и ей это случилось однажды въ церкви, когда онъ готовился къ богослуженію; но внезапно напалъ на нее ужасъ и разслабленіемъ изнемогло все ея тѣло; братія, увидѣвъ ее едва живую предъ дверьми обители, молили преподобнаго подать ей разрѣшеніе; тронутый ея слезами и покаяніемъ, онъ только сказалъ: «для чего хотѣла видѣть ты грѣшника, уже умершаго міру?» и крестнымъ знаменіемъ возвратилъ ей здравіе.

Слава преподобнаго простиралась за предѣлы его родины и достигла Великаго Князя Донскаго; онъ призвалъ его къ себѣ въ столицу, для благословенія, и просилъ воспріять отъ купели дѣтей своихъ, потому что уважалъ его наравнѣ съ другимъ столпомъ Россіи, чудотворцемъ Сергіемъ. Смутился смиренный Димитрій похвалой человѣческою и пожелалъ отъ нея укрыться; онъ взялъ изъ своей обители ученика, ему единоправнаго, по имени Пахомія, (который впослѣдствіи засвидѣтельствовалъ о его добродѣтельномъ житіи), и съ нимъ вмѣстѣ устремился къ странамъ полунощнымъ, къ морю студеному, дабы тамъ въ безмолвіи угодить Богу. Обходя дремучіе лѣса и пустынныя дебри, въ предѣлахъ Вологодскихъ, помыслилъ онъ основаться на великой рѣкѣ, близъ селенія Авнежскаго, и тамъ соорудилъ церковь во имя воскресенія Христова; но, по лести діавольской, окрестные жители возроптали на Святаго, опасаясь, что со временемъ принуждены будутъ подчиниться по-

вой обители, и просили его удалиться изъ ихъ предѣловъ.

Тогда пришелъ въ Вологду, уже украшенную святыми церквами и обителями; онъ не нашелъ въ ней однако общаго житія иноческаго, которое не было тогда извѣстно въ сихъ предѣлахъ, начиная отъ Волги до самаго океана. Понравилось преподобному мѣсто уединенное, за три версты отъ города, при лукѣ, образуемой колѣномъ рѣки Вологды, и тамъ пожелалъ онъ основаться. Благонамѣренные владѣльцы мѣста сего, Илія и Исидоръ, съ любовію пожертвовали ему нужное пространство земли для обители и даже сами затоптали озимыя, зеленѣвшія свои нивы, чтобы только не отлагать построенія церкви. Такое же усердіе возгорѣлось и въ гражданахъ, когда достигла до нихъ радостная вѣсть, что Господь посѣтилъ ихъ великимъ чудотворцемъ; малый и великій, богатый и убогій, устремлялись въ Прилуки принять благословеніе преподобнаго, какъ бы нѣкій драгоцѣнный бисеръ, и жертвовали ему, каждый по силѣ своей, что могъ, для сооруженія церкви. Такъ, общими силами, въ скоромъ времени она воздвиглась, деревянная вначалѣ, во имя Господа и пречистой его Матери, и происхожденія честнаго древа животворящаго креста, празднуемаго 1-го Августа.

Сюда стеклось много братіи изъ обители Переяславля, когда пришла вѣсть о водвореніи въ Прилукахъ любимаго ихъ наставника; такимъ обра-

зомъ составилась близь Вологды первая общежительная обитель. Обрадовался Великій Князь Димитрій Донской, когда услышалъ, что великій старецъ возвратился изъ невѣдомыхъ предѣловъ; онъ послалъ ему много милостыни для устройства новаго монастыря, потому что хотя и отдаленъ былъ мѣстомъ, но близокъ къ преподобному вѣрою и любовію. Такую же духовную пріязнь питалъ къ Князю и сименный ему Святой и, по сей духовной близости, прозрѣлъ часъ его отшествія къ Богу. Однажды, когда вмѣстѣ съ братіею, занимался на дворѣ монастырскомъ устройствомъ нѣкоторыхъ церковныхъ вещей, внезапно воздохнувъ, сказалъ имъ: «мы, братія, строимъ сіи земныя тлѣнныя вещи, а благовѣрный Великій Князь Димитрій Іоанновичь, уже отъ сего дня не печется вмѣстѣ съ нами о суетномъ семъ житіи.» Хотя страннымъ показались братіи слова сіи, однако преподобный началъ помнить, съ того часа, Князя Димитрія между преставльшимися; черезъ нѣсколько же дней пришла изъ Москвы печальная вѣсть, что дѣйствительно Великій Князь скончался, въ тотъ день и часъ, когда сіе провидѣлъ Св. Димитрій.

Однажды братія жаловались ему, что мало у нихъ книгъ духовныхъ; онъ отвѣчалъ: «довольно будетъ для насъ, братія, и обычныхъ книгъ, утѣшительныхъ душамъ нашимъ, если безъ лѣности будемъ хвалить Бога, отъ чистаго сердца, какъ труба, вопіющая къ нему на всякій день и на всякую ночь.» Онъ велѣлъ оградить для себя досками

особое мѣсто, съ лѣвой стороны олтаря, и тамъ со слезами возносилъ Богу, втайнѣ, уединенныя молитвы, съ сокрушеннымъ духомъ. Никогда не измѣнялъ онъ своего правила молитвеннаго, хотя обитель его стояла на распутіи многихъ дорогъ, отъ столицы въ Пермь и къ великому морю; молитву и постъ соединялъ съ милостынею, кормилъ нищихъ, принималъ странныхъ, былъ нагимъ одѣяніе и печальнымъ утѣшеніе, больныхъ исцѣлялъ молитвами, выкупая должниковъ и самъ отпуская долги, призывая грѣшныхъ на покаяніе. Иногда, втайнѣ отъ братіи, подавалъ онъ милостыню, чтобы не возбудить ихъ ропота, и не рѣдко избавлялъ, однимъ своимъ словомъ, невинныхъ отъ насилія судей; самъ же до такой степени любилъ убожество, что всегда одну и ту же одежду носилъ, и въ лѣто и въ зиму, изъ грубыхъ овечьихъ кожъ, претерпѣвая и зной и стужу, и пѣшій далеко обходилъ земли монастырскія, заботясь о благовременномъ снабженіи братіи нужною пищею, хотя самъ не пользовался избыткомъ ихъ трапезы; онъ вкушалъ только одну теплую воду съ просфорою, когда даже по уставу были разрѣшаемы вино и рыба; такова была его строгость къ самому себѣ.

Одинъ изъ окрестныхъ жителей принесъ въ обитель яствы и питіе; но преподобный не велѣлъ принимать ихъ, чтобы тѣмъ внушить принесшему быть милостивѣе къ другимъ. «Отнеси то, что ты принесъ намъ, въ домъ свой, сказалъ онъ принесшему, и напитай рабовъ и сиротъ у тебя обря-

тающихся, чтобы они не страдали отъ голода и наготы, а потомъ уже избытки отъ нихъ принеси нашей нищетѣ.» Едва могъ умолить приснесшій, чтобы позволилъ взять братіи, хотя что либо изъ его пожертвованія на свою трапезу, во славу Божію.

У Димитрія былъ родной братъ, который, занимаясь торговлею въ Переславлѣ, обнищалъ и пришелъ къ нему въ монастырь, просить благословенія идти для купли въ земли язычниковъ, Югры и Самоѣдовъ. Преподобный разрѣшилъ ему дальній путь сей, ради крайняго убожества; братъ его ходилъ туда, съ данниками Великаго Князя, и возвратился съ прибыткомъ, такъ что могъ уплатить долги свои. Вторично просилъ онъ благословенія на это странствіе и, получивъ опять, возвратился съ большимъ богатствомъ. Когда же пришелъ въ третій разъ просить о томъ же, старецъ не благословилъ ему, говоря: «не ходи болѣе къ звѣроподобнымъ людямъ, да не погибнешь отъ нихъ, ибо довольно съ тебя и того, что ты уже собралъ;» но братъ его, снѣдаемый корыстолюбіемъ, не послушался и сбылось надъ нимъ предсказаніе.

Многіе годы проведя въ своей обители, блаженный Димитрій, скорбнымъ и тѣснымъ путемъ, достигъ маститой старости и украсился постническими сѣдинами; чувствуя изнеможеніе тѣлесное, собралъ онъ братію и возвѣстилъ имъ скорое свое отшествіе, благословляя быть вмѣсто себя игуме-

номъ, сотруднику своему Пахомію, пришедшему вмѣстѣ съ нимъ изъ Переяславля; самъ же началъ молитвенно уединяться. Однажды братія почувствовали благовоніе ѳиміама по всему монастырю; они поспѣшили къ блаженному своему старцу, но нашли его уже преставльшимся и какъ бы спящимъ; келлія же вся была исполнена чуднаго благоуханія. Плача о своемъ горькомъ лишеніи, вспомнили они слова кроткаго пастыря, когда однажды спрашивали его: гдѣ положить его тѣло?—«извлеките грѣшное мое тѣло въ болото и тамъ затопчите ногами.» Не такъ однако же поступили ученики его, но съ умиленнымъ плачемъ, подлявъ честныя его мощи, съ псаломнымъ пѣніемъ погребли въ той церкви, которую соорудилъ въ своей обители. Скончался онъ 11 Февраля 1392 года, при державѣ Великаго Князя Василія Димитріевича, сына приснаго ему Князя Донскаго, и при Св. Митрополитѣ Кипріанѣ.

Многія чудеса скоро ознаменовали святость его; нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины, судьбами Божіими, тяжкая болѣзнь посѣтила Вологду: отъ такихъ жестокихъ корчей страдали люди, что имъ влагали въ руки палицы, дабы они не истерзали себя ногтями. Много такихъ страдальцевъ принесено было ко гробу преподобнаго и, какъ только съ вѣрою къ нему прикоснулись, внезапно оставила ихъ болѣзнь; — палицы ихъ остались при гробѣ во свидѣтельство исцѣленія. Много также бѣсноуемыхъ и разслабленныхъ приносимы были къ

ракѣ мощей его, и всѣ они возвращались здравыми, прославляя Бога и его угодника.

Пришла однажды на Вологду рать мятежныхъ Вятчанъ, отдѣлившихся отъ Московской державы, и ограбила городъ и обитель, не огражденныя еще стѣнами. Нѣкоторые изъ числа ихъ взошли въ самую церковь; одинъ болѣе дерзновенный, отважился даже отрывать пелены отъ святыхъ иконъ и съ невѣріемъ коснулся покрова, лежавшаго на гробѣ преподобнаго. Внезапно, въ тотъ же часъ, повергнутъ былъ онъ, невидимою силою, на помостъ церковный и, въ страшныхъ мученіяхъ, извергъ нечистую свою душу. Воеводы Вятскіе, услышавъ о томъ, ужаснулись и отпустили всѣхъ монастырскихъ плѣнниковъ, но не многіе изъ нечестивыхъ воителей возвратились здравыми въ свою землю. Даже спустя довольно времени, жители Вятской области, памятуя бывшее чудо, отпустили большую милостыню въ обитель, съ однимъ изъ ея клириковъ, по имени Закхеемъ, который случился въ странѣ ихъ.

Между тѣмъ преподобный Димитрій, послѣ своего преставленія, не переставалъ ограждать молитвенно присный свой городъ отъ воинскихъ ратей. Въ зимнее время наступилъ на Вологду Князь Димитрій Шемяка, враждуя противъ родича своего, Великаго Князя Василія Темнаго; но по заповѣди Князя, не смѣли воины его чего либо коснуться въ обители. Трепеталъ осажденный городъ, не имѣя довольно силы противиться врагу, но бла-

годать Божія его покрывала. Въ наступившую ночь, благочестивая инокиня одного изъ монастырей Вологды, удостоилась чуднаго видѣнія: какъ будто великая заря осіяла окрестъ всего города и, въ этомъ необычайномъ свѣтѣ, шелъ къ нему святолѣпный старецъ, отъ той страны гдѣ стояла обитель Прилуцкая. Въ то же время вышли къ нему на встрѣчу, изъ дома скудельничьяго гдѣ погребали странныхъ, два свѣтовидные бѣлоризца и каждый изъ нихъ на раменахъ несъ большія древеса. Стѣны города колебались, какъ бы готовыя пасть; бѣлоризцы же, вмѣстѣ со старцемъ, котораго называли они Димитріемъ, обошли кругомъ города и, укрѣпивъ всѣ четыре стѣны его, стали невидимы. На другой день, молитвами преподобныхъ, укрѣпилъ Господь гражданъ Вологды; тучею стрѣлъ и камней, отразили они приступъ ратныхъ отъ своихъ стѣнъ и побили множество враговъ, такъ что войско нечестиваго Шемяки, простоявъ напрасно многіе дни подъ стѣнами города, принуждено было возвратиться въ Галичь, но и тамъ постигло его пораженіе.

Двѣ церкви, одна послѣ другой, сгорѣли надъ гробомъ преподобнаго, но надгробная его рака осталась невредимою; скудное было время для обители; игуменъ съ большею заботою началъ строить третью церковь, недоумѣвая, гдѣ добудетъ дерево для ея строенія и пищи для работниковъ, числомъ болѣе 200; но Господь, молитвами своего угодника, съ избыткомъ удовлетворилъ всѣмъ ихъ нуждамъ.

Случилось одному болящему изъ братіи, въ сильномъ жару лежать у себя въ келліи; внезапно онъ видитъ себя, какъ бы предъ вратами монастырскими, и благолѣпнаго старца, носящаго на раменахъ своихъ цѣлыя дерева, отъ рѣки на гору къ церкви; стоявшіе тутъ будто бы говорили между собою: «посмотрите, самъ преподобный Димитрій носитъ намъ лѣсъ для церкви,» и съ того дня успѣшно пошло дѣло строенія. По совершеніи же церкви, тотъ же инокъ видѣлъ опять, какъ бы по сиѣ, что внутри опой всѣ иноки, стоявшіе покругъ стѣнъ, облечены были свитостію; онъ же, взирая на нихъ, помышлялъ самъ въ себѣ: тутъ прилично быть и Димитрію чудотворцу, но внезапно послышался изъ олтаря громоносный гласъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ гробъ преподобнаго: «Димитрія ли ищешь? нынѣ онъ въ Казани.» Воспрянулъ инокъ и почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ болѣзни.

Въ тотъ годъ благовѣрный Великій Князь Іоаннъ Васильевичь ходилъ ратію на невѣрныхъ Татаръ, и Господь даровалъ ему побѣду въ самый день, когда было видѣніе иноку. По возвращеніи изъ Казани, державный вспомнилъ бывшее ему явленіе преподобнаго, въ часъ побѣды, и прислалъ въ обитель Вологодскую, икону Св. Димитрія, написанную такъ, какъ онъ ему видѣлся, и богато украшенную, съ большею милостынею для братіи: это было въ 1503 году. Когда пришла о томъ вѣсть Епископу Вологодскому Стефану, пошелъ онъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, къ тому мѣсту, гдѣ икона

поставлена была въ городѣ, и съ молебнымъ пѣніемъ перенесъ се въ обитель; съ тѣхъ поръ день сей, 3 Іюня, навсегда ознаменованъ крестнымъ ходомъ изъ города въ обитель.

Подлѣ преподобнаго Димитрія покоится другой великій труженикъ, не въ его обители подвизавшійся, но въ ней обрѣтшій себѣ послѣднее упокоеніе отъ 36-ти лѣтнихъ темничныхъ узъ. Это Князь инокъ Игнатій, въ мірѣ Іоаннъ, сынъ Князя Андрея Угличскаго и внукъ Василія Темнаго, страдавшій всю свою жизнь за то лишь, что былъ происхожденія княжескаго. Это жертва того же Іоанна, который столько почтилъ память преподобнаго Димитрія, когда собиралъ во едино Русь, уничтожая удѣлы. Игнатій былъ какъ бы приготовленъ, кротостію своего нрава и глубокимъ изученіемъ Св. писанія, отъ юныхъ дней, къ перенесенію горькой своей участи, ибо, чуждаясь суеты міра и почестей княжескаго званія, онъ непрестанно имѣлъ въ умѣ своемъ память смертную. Ему было не болѣе тринадцати лѣтъ, когда возникло неудовольствіе Великого Князя Московскаго Іоанна Васильевича на брата своего родного, Князя Андрея Угличскаго. Онъ велѣлъ посадить его въ оковы, вмѣстѣ съ малолѣтными дѣтьми, князьями Іоанномъ и Димитріемъ, и заключилъ ихъ въ Переяславскую темницу; оттуда заточилъ на Бѣлоозеро; потомъ, по смерти родителя, перевелъ юныхъ сыновей въ Вологду, не выпуская ихъ однако изъ темницы; тамъ, не зная ничего краснаго изъ міра сего, отъ

юношескаго возраста достигли они мужества и самой старости, и старшій изъ нихъ даже скончался въ узахъ.

Блаженный Князь Іоаннъ, исполненный благоразумія христіанскаго, утѣшалъ брата своего Димитрія, когда малодушествовалъ онъ въ темницѣ. «Не скорби, братъ мой, о своихъ узахъ, говорилъ онъ ему, Богъ внушилъ дядѣ нашему, Государю Великому Князю Іоанну Васильевичу, позаботиться о пользѣ нашихъ душъ, ибо онъ такъ устроилъ, чтобы отпять отъ насъ великое попеченіе о суетномъ этомъ мірѣ; мы же должны молить Бога о Государѣ нашемъ и дядѣ, и дѣтяхъ его, потому что они сдѣлались ходатаями нашего спасенія и, приготовивъ намъ мѣсто покойное, пекутся о душахъ и тѣлахъ нашихъ. Помолимся, чтобы Господь и намъ послалъ свою милость, дабы съ радостію претерпѣли мы затворъ сей, во имя Господа нашего Іисуса Христа, и тѣмъ избавились отъ вѣчной муки. Не скорбнымъ ли путемъ шествовали святые отцы, вводящимъ въ царство небесное? — Претерпѣвая и голодъ, и стужу, и наготу, въ темницахъ и ранахъ и во всякомъ лишеніи, они однако проводили жизнь свою по псалмахъ и пѣніяхъ и въ чтеніи божественныхъ книгъ. Такъ и намъ подобаетъ, уничижая самихъ себя, соревновать имъ благою ревностію, чтобы безропотно подражать ихъ злостраданіямъ, терпѣнію и болѣзни.»

Такъ умилительно утѣшалъ онъ брата, и Господь даровалъ ему въ подвигѣ благодать слезъ и

ангельское терпѣніе. Тридцать два года провелъ онъ въ узахъ темничныхъ и, разболѣвшись, началъ изнемогать; почувствовавъ близость кончины, пожелалъ онъ монашескаго образа. Игуменъ Пріялуцкаго монастыря Михаилъ призванъ былъ къ одру умирающаго и, видя его пламенную вѣру, облекъ его въ схиму, съ именемъ Игнатія. Возрадовался ангельскому своему образу стяжавшій его на землѣ труженикъ и, причастившись божественныхъ таинъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ послѣднее слово: «въ руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой.» Такъ преставился онъ въ вѣчныя обители, Мая 19, 1522 года, 45 лѣтъ отъ рожденія, уже при державѣ двоюроднаго брата своего, Великаго Князя Василія Іоанновича.

Безутѣшный братъ его Князь Димитрій, горько рыдалъ надъ усопшимъ, взывая къ нему какъ бы къ живому: «о другъ и братъ мой, нынѣшнее наше разлученіе горьше мнѣ всего бывшаго со мною, ибо когда лишился я родителя, тебя имѣлъ утѣшеніемъ въ сей темницѣ; горе мнѣ, кто нынѣ утѣшитъ и наставитъ меня и облегчитъ мою печаль? Отче преподобный, ты оставилъ меня одинокимъ плакать о грѣхахъ моихъ въ темницѣ!» Но когда плачущій взиралъ на свѣтлое лице усопшаго, не имѣвшее на себѣ никакого признака мертвенности, и обоняль запахъ благоуханія, разливавшійся отъ его тѣла, сердце его облегчалось отъ тяжкой печали, ибо предчувствовалъ райское блаженство своего брата. Весь городъ собрался къ темницѣ, услы-

шанъ о преставленіи блаженнаго Князя, котораго всѣ уважали въ его невинныхъ узахъ; игуменъ Михаилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ великою честію, перенесъ тѣло страдальца въ свою обитель, къ Всемилостивому Спасу; тамъ похоронилъ его подъ олтаремъ, подлѣ преподобнаго Димитрія.

Еще прежде погребенія, уже начались исцѣленія отъ нетлѣнныхъ мощей усопшаго. Одна разслабленная жена Вологодская, по имени Александра, многіе годы лежавшая на болѣзненномъ одрѣ, услышавъ о кончинѣ благовѣрнаго Князя, начала молитвенно призывать его имя и почувствовала облегченіе; она велѣла вести себя вслѣдъ за погребальнымъ ходомъ и, какъ только прикоснулась къ его гробу, совершенно окрѣпла всѣми членами. И другой человѣкъ, по имени Михаилъ, близъ обители Прилуцкой, изнемогавшій смертною болѣзнію, услышавъ о погребеніи блаженнаго Князя, велѣлъ нести себя въ церковь и тамъ получилъ исцѣленіе надъ его гробомъ; многіе другіе, прибѣгавшіе къ нему съ вѣрою, получали отъ него разрѣшеніе болѣзней.

Разсказываютъ еще замѣчательный случай при мощахъ преподобнаго Князя: каменьщикъ, по имени Давидъ, жившій въ слободѣ Прилуцкой, призванъ былъ въ обитель, чтобы устроить каменную гробницу надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положены святыя мощи его, и по невѣжеству своему сѣлъ на сію гробницу; но въ ту же минуту былъ пораженъ

болѣзнію, которою страдалъ нѣсколько дней, доколѣ, познавъ свое согрѣшеніе, не пришелъ просить себѣ прощенія надъ гробомъ преподобнаго.

Братъ Князя инока Игнатія, Димитрій, еще нѣсколько лѣтъ послѣ него оставался въ темницѣ, но скончался на свободѣ и погребенъ былъ, по своему желанію, въ обители Прилуцкой, при ногахъ брата, утѣшителя его въ узахъ темничныхъ. Замѣчательно, что самая икона Богоматери, бывшая келейною обоихъ Князей въ темницѣ, единственное наслѣдіе и благословеніе родительское, которое имъ осталось, доселѣ сохраняется не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ какъ въ темницѣ, на память страдальцевъ, хотя тюрьма сія нѣсколько разъ перемѣняла мѣсто; граждане съ вѣрою притекаютъ къ сему чудотворному образу, въ острогѣ Вологодскомъ, какъ и къ гробовой ракѣ Князя Игнатія въ обители Прилуцкой.

Нижняя церковь, въ которой почиваютъ оба угодника Божіи, посвященная ихъ имени, устроена только за два столѣтія, въ 1641 году, по благословенію Вологодскаго Епископа Варлаама, хотя самый соборъ, съ верхнею его церковію Всемилостиваго Спаса, сооруженъ гораздо прежде, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Его началъ строить, по благословенію Митрополита Даніила, въ 1517 году, игуменъ Мисаилъ, тотъ самый, который погребалъ Князя Игнатія, а довершилъ игуменъ Аѳанасій, пять лѣтъ спустя, уже при Митрополитѣ Макаріи:

такъ свидѣтельствуетъ надпись на папертн. Внизу есть еще нѣсколько придѣловъ, постепенно устроенныхъ благочестіемъ гражданъ, и въ числѣ сихъ престоловъ самый древній Радонежскаго Сергія, собесѣдника Димитріева, съ правой стороны его олтаря; а по лѣвую есть каменная палатка, пристроенная на мѣстѣ того молитвеннаго покоя, гдѣ любилъ уединяться преподобный во время божественной службы; ее также хотятъ обратить въ малый придѣлъ, и это будетъ весьма прилично. Вериги преподобнаго Димитрія, его черный деревянный костыль, фелонь съ оплечьемъ рытаго бархата и крашенинною подкладкою, образъ его, принесенный по вкладѣ въ даръ обители, Великимъ Княземъ Іоанномъ, и запрестольный деревянный крестъ самаго преподобнаго, съ рѣзными украшеніями изъ кости, который былъ при Царѣ Іоаннѣ въ его походѣ подъ Казань и прозванъ Киликіевскимъ, неизвѣстно по чему:—вотъ то, что осталось самаго древняго и священнаго въ этомъ храмѣ.

Верхній соборъ Всемилостиваго Спаса, имѣвшій также нѣсколько придѣловъ, выгорѣлъ совершенно въ 1811 году и долго оставался въ запустѣніи; достойно вниманія, что въ это бѣдственное для него время, онъ служилъ сокровищницею для другихъ обителей, пострадавшихъ въ общемъ заревѣ первопрестольной столицы. Сюда вывезены были, въ 1812 году, всѣ драгоцѣнности Патріаршей ризницы, Сергіевой лавры, Московскихъ соборовъ, Чудова и прочихъ обителей, подъ надзоромъ Перервинскаго

архимандрита, и здѣсь они оставались до совершеннаго изгнанія Французовъ изъ нашего отечества. И такъ обитель Прилуцкая должна быть близка сердцу каждаго Русскаго, какъ вѣрная хранительница его святыни въ годину бѣдствій.

Сама она много ихъ испытала на молитвенной стражѣ Вологды, которая всегда почитала ее за свою духовную твердыню. Въ 1613 году, Поляки и Литовцы, подъ предводительствомъ гетмана Шелководскаго и казацкаго атамана Баловня, напали 18 Декабря на Прилуцкій монастырь, сожгли въ трапезной церкви Введенія Богоматери 59 иноковъ, перерубили на монастырскомъ дворѣ 32 человѣка и вообще до 200, всякаго званія, во всей обители; три дня безнаказанно грабили они монастырское имущество и сожгли всѣ жалованныя грамоты. Въ слѣдующемъ году обитель потерпѣла раззореніе уже отъ своихъ, отъ Царевича Сибирскаго Арслана, пришедшаго съ Татарами Мурзы Кутумова, съ казаками и дѣтьми боярскими, какъ бы для обереганія Вологды. Они раззорили монастырь своимъ хищничествомъ, такъ что игуменъ Кириллъ вынужденъ былъ просить Царя Михаила Ѳеодоровича избавить его отъ такихъ защитниковъ. При томъ же игуменѣ Кириллѣ, самомъ несчастномъ изъ всѣхъ настоятелей Прилуцкихъ, обитель сія подверглась третьему раззоренію опять отъ Литовцевъ, которые, въ 1619 году, вмѣстѣ съ Русскими мятежниками, еще разъ выжгли трапезу, съ ея службами, и цѣлую треть монастырскихъ зданій, угнали

скотъ, пожгли отчины и умертвили многихъ крестьянъ.

Такія бѣдствія побудили Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона, по просьбѣ архимандрита Іоны, оградить обитель Прилуцкую крѣпкими стѣнами, въ 1656 году, которыя донынѣ существуютъ, съ широкими башнями и бойницами по угламъ. Надъ святыми вратами возобновлена была церковь Ѳеодора Стратилата, сооруженная Царемъ Іоанномъ, во имя Ангела сына своего, которая, послѣ пожара, недавно переименована во имя Возсесенія Господня. Нѣсколько прежде сооружена была вновь трапезная церковь Введенія, которая дважды пострадала отъ пожаровъ Литовскихъ и досель служитъ теплымъ соборомъ; прочія церкви, Всѣхъ Святыхъ и Великомученицы Екатерины, позднѣйшаго строенія. Минувшее столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ временемъ для обители, потому что ея архимандриты: два Арсенія и Иннокентій, всѣ три уроженцы Вологодскіе, управляя каждый весьма долго, съ особеннымъ усердіемъ украшали свою родную обитель; лучшее въ ней каменное зданіе, настоятельскія и братскія келліи, принадлежатъ къ сему времени. При второмъ Арсеніѣ сооружена была, подлѣ молитвенной палатки преподобнаго, каменная часовня, осѣняющая кладезь, имъ ископанный, и тотъ высокій деревянный крестъ, который водрузилъ онъ въ основаніе своей обители. Сею священною часовнею окончилъ я осмотръ Прилуцкой обители, и благосклонный ея настоятель, видя мое

усердіе къ памяти преподобнаго, отдѣлилъ мнѣ малую частицу древа отъ сего креста, чтобы сопутствовало мнѣ благословеніе святаго Димитрія.

Комельскій лѣсъ и отшельники Иннокентій, Стефанъ и Арсеній.

Я обозрѣлъ, сколько мнѣ позволяли время и погода, пустынныя обители, лежащіе къ сѣверу и на востокъ отъ Вологды; теперь еще мнѣ предстояли, на обратномъ пути въ Ярославль, такъ называемыя Комельскія и Обнорскія, въ юго-западной части епархіи, но неблагопріятная погода не позволила ихъ всѣ посѣтить; тѣ, которыя лежали въ сторону отъ почтовой дороги, были мало доступны, среди своихъ болотъ, въ дождливое время, и я принужденъ былъ довольствоваться воспоминаніемъ о подвигахъ ихъ основателей. Впрочемъ одна только обитель собственно уцѣлѣла: это Арсеніева, за 20 верстъ къ югу отъ первой стан-

ціи; прочія же всѣ упразднены, по штатамъ 1764 года, и обращены въ приходскія церкви, въ коихъ почиваютъ подъ спудомъ основатели бывшихъ монастырей: таковы Печенгская, на половинѣ дороги отъ почтовой станціи къ Арсеніевой обители, и Перцова, на пути отъ сей обители къ городу Грязовцу; еще Иннокентіева и Озерская, иначе Никольская Стефана, въ окрестностяхъ сего города и недалеко отъ Арсеніевой.

Но сохранилась память смиренныхъ подвижниковъ сихъ пустынь и лѣсовъ, хотя описанія житія ихъ отчасти утрачены, потому что первоначальныя обители погорѣли во время ужасныхъ опустошеній Татарскихъ, еще непокореннаго тогда царства Казанскаго. Устныя о нихъ преданія были въ послѣдствіи записаны иноками, возвратившимися на свое пепелище, но не о всѣхъ, и только одне гробовыя раки свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ надгробными ликами, къ коимъ притекаютъ чествующіе ихъ память; таковы напримѣръ Авраамій и Кирій Печенгскіе и, въ бывшей Перцовой пустынѣ, Авксентій и Онуфрій. Какое благословенное Богомъ мѣсто былъ этотъ необъятный Комельскій лѣсъ, простиравшійся во всю южную полосу Вологодской страны, разсѣкаемый пустынными теченіемъ Пурмы и Комелы и безвѣстныхъ въ нее впадающихъ рѣчекъ! Казалось онъ только былъ созданъ для питанія дикихъ звѣрей, но въ него стремились ангело-подобные люди, чтобы сперва по краямъ его, гдѣ только позволяла мѣстность,

а потомъ даже и въ самой дремучей глуши его, съ бо́льшимъ дерзновеніемъ, ставить свои духовныя твердыни.

Преподобные Сергій Пуромскій и Павелъ Обнорскій, въ началѣ XV вѣка, съ южной стороны коснулись только сихъ девственныхъ лѣсовъ, и едва ли тогда не впервые застучала ихъ иноческая секира на вѣковыхъ соснахъ, не вѣдавшихъ дотолѣ руки человѣческой. Нѣсколько позже ихъ, въ половинѣ столѣтія, другъ и собесѣдникъ Нила Сорскаго, преподобный Иннокентій, изъ боярскаго рода Охлѣбининыхъ, долго странствовавшій по Востоку, вмѣстѣ съ блаженнымъ своимъ учителемъ, по его предсмертному завѣщанію, оставляетъ основанный имъ скитъ въ пустыняхъ Бѣлозерскихъ, чтобы идти составить общежитіе въ дремучемъ лѣсу Комельскомъ. Погрузившись во глубину его, долго подвизался онъ наединѣ, по обычаю скитскому, и мало по малу собралъ вокругъ себя пустынное стадо, которое подчинилъ строгому уставу блаженнаго отца своего Нила. Тогда соорудилъ и церковь, во имя Ангела пустыни Предтечи, и долго процвѣтала его обитель, доколѣ не опустошилъ ее мечъ Татарскій, въ 1536 году; три ученика его, кровію запечатлѣли вѣру свою на мѣстѣ подвига, ибо не хотѣли оставить гроба своего наставника, но тогда утратилось его жизнеописаніе. Впослѣдствіи была поставлена каменная церковь надъ его гробницею, во имя Благовѣщенія; – она пережила вновь собранную и опять упраздненную обитель.

Иннокентій преставился въ 1491 году, а въ послѣднихъ годахъ того же XV столѣтія, со всѣхъ сторонъ уже начали проникать иноки въ глубину недоступной дотолѣ дебри Комельской: – это духовные дѣти Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго; но двое идутъ они на свой иноческій подвигъ и оживляютъ мертвую пустыню. Сперва преподобные Авраамій и Корнилій, ближе къ Вологдѣ, основываютъ убогую церковь во имя преображенія Господня, на рѣкѣ Печенгѣ, отъ которой заимствуютъ свое названіе; – впослѣдствіи образовалось около ихъ пустыни цѣлое село Спасское, замѣнившее ихъ упраздненную обитель. Нѣсколько лѣтъ спустя, преподобные Аѳксентій и Онуфрій, подражаютъ ихъ примѣру и ставятъ также деревянную церковь во имя живоначальныя Троицы, которая теперь замѣнена каменною. Не много позже, преподобный Корнилій наслѣдуетъ ихъ иноческому достоянію; чрезъ 80 лѣтъ обѣ ихъ пустыни приписаны ко вновь основанной по ихъ сосѣдству обители преподобнаго Корнилія, въ западной части Комельскаго лѣса, и ей, по преимуществу, сохранилось донынѣ названіе Комельской, какъ главному средоточію иночества въ сихъ пустынныхъ предѣлахъ.

И вотъ, на самомъ истокѣ пустынолюбивой Комелы, на томъ озерѣ, откуда выходитъ она, чтобы смиренно протекать мимо келлій иноческихъ, къ югу отъ Вологды, преподобный Стефанъ Озерскій, питомецъ лавры Діонисіевой, ставитъ сперва свою

уединенную хижину и часовню, съ иконою Святителя Николая, которая обращается потомъ въ его обитель. Отецъ его служилъ при дворѣ потомковъ Князей Ярославскихъ; научившись грамотѣ въ домѣ родительскомъ, Стефанъ постригся въ монастырѣ Глушицкомъ; оттолѣ странствовалъ по сѣвернымъ предѣламъ и на время останавливался въ Тихвинской обители, но любовь къ безмолвной жизни привела его опять въ родные предѣлы Вологодскіе; онъ водворился на восточномъ берегу озера Комельскаго, посреди мховъ и лѣсовъ, подъ сѣнію двухъ чудотворныхъ икопъ: Одигитріи и Мирликійскаго Святителя. Не много хлѣба принесъ онъ съ собою въ запасѣ и одну лишь сѣкиру, чтобы соорудить себѣ пустынную келлію, и тамъ сталъ подвизаться, невѣдомый людямъ, знаемый единымъ Богомъ. Много искушеній претерпѣлъ онъ отъ врага душъ человѣческихъ, который хотѣлъ изгнать его изъ пустыни, различными страхованіями дикихъ звѣрей; онъ возбуждалъ, противъ отшельника и непріязненныхъ людей, — грубаго рыболова, который опасался, чтобы пришлецъ не овладѣлъ водами пустыннаго озера, жестоко надъ нимъ ругался и, неприличными пѣснями, хотѣлъ возмутить мирную его душу; но все одолѣлъ терпѣніемъ смиренный отшельникъ, искавшій наипаче быть въ мирѣ съ своею совѣстію, съ Богомъ и людьми, и не смотря на козни діавольскія, утвердился на пустынномъ озерѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, нечаянно его тамъ обрѣли два звѣролова, болѣе милостивые

нежели рыбарь, и раздѣлили съ нимъ дорожный запасъ хлѣба. Такъ давно уже оставилъ все мірское отшельникъ и такъ далеко зашелъ въ свою безвыходную дебрь, что онъ началъ распрашивать сихъ ловчихъ, опытныхъ скитальцевъ по лѣсамъ: далеко ли хижина его отъ жилищъ человѣческихъ? чтобы, въ случаѣ необходимости, обрѣсти къ нимъ доступъ; ловчіе указали ему едва примѣтную стезю до Бѣлозерской дороги, которая вела къ Государевымъ деревнямъ. Съ тѣхъ поръ начали они посѣщать Стефана, а чрезъ нихъ и другіе узнали о его пустынножительствѣ.

Между тѣмъ дивныя видѣнія утѣшали отшельника, доколѣ онъ еще находился въ совершенномъ отчужденіи отъ міра и человѣковъ. Однажды, въ лѣтнюю ночь, стоялъ онъ на молитвѣ въ своей часовнѣ, предъ иконами Матери Божіей и Святителя Николая, и вотъ, въ чудномъ свѣтѣ, внезапно ему являются тѣ, коимъ возносилъ теплыя свои молитвы. Объятый священнымъ ужасомъ, палъ онъ предъ ними ницъ и услышалъ, какъ Святитель умолялъ пречистую Дѣву благословить мѣсто сіе для обители; она же, какъ милосердая мать, внемлющая всякой молитвѣ, сказала отшельнику, чтобы соорудилъ въ своей пустынѣ храмъ, во имя угодника Божія Николая, и самъ былъ бы начальникомъ сей новой обители. При этомъ словѣ стали невидимы дивные посѣтители, оставивъ Стефана въ радостномъ восторгѣ.

Мало по малу начали къ нему собираться дру-

сіе любители безмолвія и сооружать свои келліи близь его хижины; они пожелали имѣть свою церковь на мѣстѣ столь отдаленномъ, чтобы не быть лишенными божественной службы. Стефанъ созвалъ ихъ всѣхъ для совѣщанія въ свою часовню, и они единодушно избрали его своимъ наставникомъ, умоляя итти въ столицу, чтобы тамъ испросить благословеніе у Митрополита на сооруженіе церкви. Съ однимъ изъ братій пошелъ въ дальній путь отшельникъ и принятъ былъ съ особою милостію Митрополитомъ Даніиломъ, который уже слышалъ прежде о его высокой добродѣтели; онъ далъ ему келлію у себя въ домѣ, и представилъ его Великому Князю Василію Іоанновичу, расположенному ко всему иноческому; послѣ многихъ духовныхъ бесѣдъ съ Княземъ и Святителемъ, Стефанъ былъ рукоположенъ въ санъ священства и поставленъ игуменомъ во вновь открывавшуюся его обитель Никольскую. Митрополитъ далъ ему благословенную грамоту и всю нужную утварь, а державный снабдилъ обильною милостынею, и съ полнымъ утѣшеніемъ возвратился преподобный въ свои дремучіе лѣса.

Тамъ встрѣтила его, съ духовнымъ торжествомъ, пустынная братія; прямо къ часовнѣ направился Стефанъ и самъ отслужилъ первый благодарственный молебенъ Богоматери и Святителю, заблаговременно возвѣстившимъ ему радостное сіе событіе. Братія припадала къ ногамъ своего игумена и цѣловала принесенное евангеліе, а онъ молитвенно

осѣнялъ ихъ крестомъ; немедленно приступили къ очищенію мѣста для церкви. Сперва соорудилъ онъ весьма небольшую, только для помѣщенія братіи не многолюдной; одинъ изъ числа ихъ, по имени Гурій, помогалъ ему своимъ художествомъ для украшенія церкви святыми иконами; не оставались праздными и прочіе сподвижники, трудясь каждый по своей силѣ, чтобы устроить полную обитель иноческую, со всѣми ея службами, хотя и въ маломъ видѣ.

Дальнѣйшія дѣянія святаго старца Стефана, которыя были записаны въ особомъ житіи, утрачены, при разореніи его обители Татарами, и только немногое сохранилось въ устномъ преданіи. Извѣстно однако, что до старости маститой достигъ преподобный и только за недѣлю до преставленія изнемогъ силами; на канунѣ блаженной кончины, съ помощію учениковъ своихъ, облекся онъ въ ветхія погребальныя ризы, которыя заблаговременно для себя приготовилъ, и приведенный въ церковь, пріобщился отъ руки литургисавшаго пресвитера; потомъ опять возвратился въ келлію, на свой болѣзненный одръ, и на другой день, во время утренняго славословія, предалъ чистую свою душу въ руки Божіи; братія, пришедши изъ церкви, уже нашли его свято почившимъ въ келліи, исполненной благоуханія, и погребли въ тотъ же день близъ олтаря, устроивъ надъ его гробницею часовню. Годъ спустя, многіе изъ благочестивыхъ людей начали видѣть тутъ горящіе огни и побудили бра-

тію написать, по свѣжей еще памяти, на гробовой доскѣ, ликъ усопшаго своего настоятеля; святость его ознаменовалась многими исцѣленіями и чудесами.

Одинъ изъ купцевъ Вологодскихъ, человѣкъ богобоязненный, по имени Гавріилъ, посѣтивъ обитель еще при жизни преподобнаго, принятъ былъ имъ съ особеною лаской и съ тѣхъ поръ постоянно ей благодѣтельствовалъ. Случилось ему, уже послѣ кончины Стефановой, плыть водою, по дѣламъ торговымъ; внезапно возстала великая буря и волны грозили затопить утлую его ладью. Не видя ни откуда спасенія, Гавріилъ началъ призывать себѣ на помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ, обратился молитвенно и къ преподобному Стефану, напоминая ту любовь, которую имѣлъ къ нему во время своей жизни, и умолялъ предстоящаго уже на небесахъ предъ Господомъ, избавить его отъ страшной смерти. Едва только произнесъ онъ сію молитву, какъ увидѣлъ у себя въ ладьѣ святолѣпнаго старца, стоящаго при кормѣ, и услышалъ тихій его голосъ: «не бойся, сынъ смиренія, внялъ Господь твоей молитвѣ и послалъ меня избавить тебя отъ потопленія.»—Кто ты? спросилъ въ ужасѣ обуреваемый пловецъ, и явившійся отвѣчалъ: «развѣ ты позабылъ, сколько милостыни подавалъ въ обитель Святителя Николая, что на озерѣ Комельскомъ, и мнѣ, ея смиренному строителю, Стефану?» При сихъ словахъ онъ сталъ невидимъ, буря утихла и благополучно достигъ берега пловецъ; онъ

поспѣшилъ въ пустынную обитель, отслужилъ молебенъ Святителю Николаю и панихиду надъ гробомъ преподобнаго, которую осѣнилъ богатымъ покровомъ; игуменъ и братія благоговѣйно записали бывшее чудо, и съ тѣхъ поръ возрасло усердіе къ памяти угодника Божія. Послѣ бѣдственнаго раззоренія Татарскаго, въ 1542 году, опять собралась братія и обновила пустынь, но уже вмѣсто часовни, соорудила церковь надъ гробомъ основателя. Впослѣдствіи деревянная была замѣнена каменною, болѣе великолѣпною, въ 1753 году, и тамъ доселѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго Стефана, въ нижнемъ придѣлѣ, устроенномъ во имя его, а въ день его памяти, 12 Іюня, продолжаетъ стекаться, по древнему обычаю, множество народа въ его обитель, хотя и упраздненную въ концѣ минувшаго столѣтія.

Позже всѣхъ, пришелъ въ сію пустынь, на Комельскій лѣсъ, какъ се тогда называли, преподобный Арсеній, заимствовавшій отъ нея также свое имя, бывшій игуменъ лавры Сергіевой, во дни Великаго Князя Василія Іоанновича, и его обитель удержалась доселѣ, хотя существовавшія окрестъ нея уже опустѣли. Арсеній былъ уроженецъ Московскій, боярскаго рода Сухарусовыхъ, и въ юныхъ лѣтахъ постригся въ обители Пресвятыя Троицы; тамъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иночества и занимался съ усердіемъ переписываніемъ священныхъ книгъ; собственноручное его евангеліе доселѣ осталось залогомъ его усердія въ созданной имъ оби-

тели. Снискавъ себѣ общую любовь послушаніемъ, взошелъ онъ на степень начальственную, будучи избранъ игуменомъ великой лавры; добрый примѣръ его жизни былъ еще назидательнѣе его поучительныхъ словъ, для многочисленной братіи.

Часто посѣщалъ онъ Махрищскую обитель, которая и тогда уже зависѣла отъ лавры. Тамъ однажды, игуменъ Іона возвѣстилъ ему свое видѣніе надъ гробомъ преподобнаго Стефана, основателя Махры: огонь, пашедшій изъ его гроба, осіялъ чуднымъ свѣтомъ мѣсто его упокоенія. Уразумѣлъ Арсеній сіе тайное указаніе божественной благодати, велѣлъ поставить гробницу надъ могилою преподобнаго Стефана и осѣнилъ ее богатымъ покровомъ; совершивъ соборно божественную службу, уставилъ онъ, чтобы съ тѣхъ поръ ежегодно чествовали память преподобнаго въ его обители.

Благовѣрный Великій Князь Василій Іоанновичь, приходившій на богомолье въ лавру Сергіеву, изумился, увидя игумена ея въ странномъ образѣ: ризы на немъ были раздранны и многошвенны. Державный вопросилъ о немъ братію, и братія отвѣчала: «наставникъ нашъ, рабъ Божій, живетъ истинно по Богѣ и только о томъ и мыслитъ, чтобы удалиться въ пустыню, ибо возлюбилъ паче всего безмолвіе.» Огорчился Великій Князь и всѣ единодушно стали просить его, чтобы умолилъ ихъ блаженнаго учителя еще остаться съ ними, ради ихъ душевнаго спасенія. Исполнилъ ихъ усердное прошеніе Самодержецъ и убѣдилъ преподоб-

наго Арсенія, остаться на нѣкоторое время въ обители, ибо не дерзнулъ онъ отказать столь великому просителю; но, проживъ еще нѣсколько лѣтъ въ лаврѣ, рѣшился наконецъ послѣдовать давнему влеченію своего сердца. Тайно оставилъ онъ свою паству и углубился въ невѣдомыя ему дебри лѣсовъ Вологодскихъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы могъ окончательно уединиться отъ мірской молвы, далеко отъ себя отринувъ все человѣческое; пламенно молилъ онъ о томъ Господа и Господь услышалъ его молитву.

Пришелъ Арсеній на Олоновъ конецъ, пензмѣримаго Комельскаго лѣса, на рѣчки Кохтышь и Лежу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ утвердилъ свое жительство преподобный Иннокентій Сорскій, и не болѣе какъ за 20 верстъ къ югу отъ Вологды.—Болотно и непроходимо было то мѣсто, такъ что во время труднаго пути, самъ собою упалъ съ плечъ труженика тяжкій деревянный крестъ, который всегда на себѣ носилъ для большаго смиренія, и въ ту же минуту лучь небеснаго свѣта осіялъ предъ нимъ темную дебрь.—Остановился преподобный и тутъ же водрузилъ крестъ свой, съ теплою молитвою къ Богу и пречистой Дѣвѣ; тутъ утвердилъ себѣ пустынную келлію и долго боролся противъ враговъ невидимыхъ, которые насылали на него видимыхъ, въ лицѣ окрестныхъ жителей, наносившихъ ему многія скорби, такъ что даже умертвили его келейнаго старца. По слову Апостольскому (Рим. XII, 19), далъ мѣсто гнѣву

смиренный отшельникъ и, оставивъ на время дикій лѣсъ Комельскій, пошелъ далѣе въ Шилегодскій, на рѣчку Ингорь, гдѣ сталъ опять подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Онъ соорудилъ тамъ молитвенную храмину и къ нему начали стекаться духовные и міряне, ради пользы душевной; всѣхъ съ любовію принималъ Арсеній, поучая ихъ любить Господа, проливпаго за насъ кровь свою на крестѣ, и ближнихъ какъ самихъ себя.

Уже довольно времени подвизался тамъ Арсеній, когда нашла рать безбожныхъ Татаръ на предѣлы Вологодскіе, все предавая огню и мечу въ окрестности Комельской. Толпами бѣжали жители изъ селеній въ Шилегодскій лѣсъ, куда хотѣли проникнуть вслѣдъ за ними и варвары, но были удержаны молитвою человѣка Божія, и всѣ тѣ, которые искали себѣ убѣжища подъ его кровомъ, спаслись отъ меча Татарскаго; но въ дикой пустынѣ составилось цѣлое поселеніе и уже невозможно было тамъ безмолвствовать. Тогда пришло ему на мысль идти опять въ Комельскій лѣсъ, на мѣсто перваго своего подвига, и терпѣніемъ одолѣть всѣ препоны; онъ тамъ водворился съ однимъ инокомъ, по имени Герасимомъ; уже не люди, но звѣри стали тревожить его дикое уединеніе; молитвою смирилъ преподобный суровость медвѣдей и они уступили ему свои берлоги. Арсеній сталъ разчищать лѣсъ и разводить огороды; потомъ, когда собралось къ нему довольно братіи, испросилъ благословеніе, у Святителя Пермскаго Алексія, поста-

вить церковь въ пустынѣ и составить обитель общежительную, во имя положенія честныя ризы Богоматери во Влахернахъ.

Это было уже въ царствованіе Іоанна Васильевича, при Митрополитѣ Іоасафѣ; бывшій игуменъ великой лавры благолѣпно украсилъ и малую свою обитель, снабдивъ ее святыми иконами и книгами. Не оставилъ онъ однако и Шилегодской своей пустыни, отстоявшей за 30 верстъ отъ новаго монастыря, ибо и тамъ собралось много народа. На пути, изъ одной пустыни въ другую, имѣлъ онъ обычай бесѣдовать со всѣми, кто ему встрѣчался, наставляя каждаго душевному спасенію и заходилъ дорогою въ селенія, останавливался тамъ даже на нѣсколько дней, чтобы назидать словомъ простыхъ людей. Если замѣчалъ, что кто-либо трудится въ полѣ, во дни церковныхъ торжествъ, строго запрещалъ такое нарушеніе благочинія, и когда однажды ослушались его поселяне, внезапно поднявшійся вѣтеръ разметалъ всѣ ихъ снопы. Останавливаясь въ убогихъ избахъ, не дозволялъ онъ, чтобы для него готовили особую пищу, довольствуясь тѣмъ что находилъ, и укорилъ однажды ученика своего, который, думая угодить ему, самъ изготовилъ для него пищу въ чужомъ домѣ, какъ бы отъ лица хозяина; прозорливый обличилъ неправду его и человѣкоугодливость.

Послѣ долгихъ лѣтъ жительства въ пустынѣ, на Комельскомъ лѣсу и въ Шилегодскомъ, почувствовалъ преподобный изнеможеніе телесныхъ силъ

своихъ и близкую кончину: онъ собралъ братію, заповѣдалъ имъ взаимную любовь и храненіе уставовъ церковныхъ и монастырскихъ, и, съ теплою молитвою пріобщившись Св. таинъ, предалъ душу свою Богу, котораго возлюбилъ отъ юности своей. (Августа 24, 1550 года). Братія съ плачемъ погребла блаженнаго отца своего, близъ олтаря построенной имъ церкви Богоматери, и многія исцѣленія надъ его гробомъ ознаменовали его святость. Къ сожалѣнію, подробное описаніе житія его сгорѣло въ 1596 году, вмѣстѣ съ церковью преподобнаго Сергія, которую онъ самъ началъ строить, и сохранилось одно только устное о немъ преданіе, записанное братіею; но и сего достаточно было для прославленія угодника Божія, который оставилъ по себѣ благую память въ лѣсахъ Комельскихъ. Сто лѣтъ послѣ его кончины, сооружена была каменная церковь игуменомъ Іоасафомъ, съ придѣлами во имя Св. Сергія и самаго преподобнаго Арсенія, на томъ мѣстѣ гдѣ онъ почиваетъ.

Обитель преподобнаго Павла Обнорскаго.

Мимо всѣхъ сихъ упраздненныхъ пустынь, не завзжая даже и въ объ Комельскія, еще существующія, Арсенія и Корнилія, направился я прямо въ обитель Обнорскую преподобнаго Павла и блаженнаго его наставника Сергія Нуромскаго. Я только остановился на большой дорогѣ, въ часовнѣ Корниліевой, чтобы издали помолиться на благолѣпные храмы его монастыря и послать отъ себя прощальное привѣтствіе настоятелю, и продолжалъ путь, въ надеждѣ еще застать вечерню у преподобнаго Павла. Но хотя не болѣе четырехъ верстъ, въ сторону отъ почтовой дороги, лежитъ его пустынь,—съ большимъ трудомъ можно было до нея добраться, промежь кустарниковъ и мѣстами черезъ пашню, гдѣ изрѣдка слѣдъ колесъ обозначалъ путь. Наконецъ, на опушкѣ лѣса, мы увидѣли предъ собою такую кру-

тую гору и, внизу у мельницы, столь тѣсную плотину, до половины залитую водою, что я не рѣшился спускаться въ колясцѣ, и пѣшимъ долженъ былъ идти въ монастырь.

Живописно представлялся онъ съ вершины горы, въ лѣсистой своей долинѣ, на берегу смиренной Нурмы, которой воды были тутъ собраны въ обширномъ прудѣ. Мельница и монастырская слободка давали совершенно сельскій видъ сему тихому пріюту, но самая обитель носила на себѣ отпечатокъ пустынный. Нельзя было избрать лучше мѣста для уединеннаго жительства; оно и теперь еще дико, хотя и населено. Что же было въ то время, когда еще тутъ ничего не стояло, кромѣ пустынной хижины отшельника, ныне обращенной въ часовню на пригоркѣ, и нѣсколькихъ келлій иноческихъ, разсѣянныхъ въ лѣсу, по другую сторону реки? — Эти келліи, мало по малу, собраны были во едино, и соорудились церкви, сперва деревянныя, а потомъ каменныя; но ограда, деревянная досель, съ ея башенками, подъ сѣнію древней рощи, и самыя церкви, не великолѣпныя, во вкусѣ стараго зодчества, придаютъ особенную пустынную красу обители, которая еще будто дышетъ воздухомъ первоначальныхъ временъ иночества. Такое впечатлѣніе произвела она на мое сердце, не только при первомъ на нее взглядѣ съ вершины горы, но и посреди ея святилищъ, ибо внутренняя смиренная ея красота не уступаетъ наружной.

Никого не встрѣтилъ я въ пустынной оградѣ,

какъ будто бы не было тамъ и души человѣческой, и эта мертвенная тишина соотвѣтствовала понятію о пустынной обители.—Вся братія, хотя и не многолюдная, до послѣдняго послушника, соединена была въ церкви; вечерня уже отошла и оканчивалось правило, когда взошелъ я въ соборную церковь Живоначальныя Троицы; пѣли умилительную стихиру честному кресту:

«Господи, оружіе на діавола крестъ твой далъ еси намъ: трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его, яко мертвыя возставляетъ и смерть упраздни; сего ради поклоняемся погребенію твоему и востанію.»

Служившій іеромонахъ, въ мантіи и эпитрахили, стоялъ посреди церкви съ крестомъ въ рукахъ; рядомъ съ нимъ настоятель, котораго благоговѣйный видъ, съ первой минуты, располагалъ уже къ нему сердце. Братія, одинъ за другимъ, поклонились сперва предъ честнымъ крестомъ, которымъ осѣнялъ ихъ священнослужившій и, поцѣловавъ распятіе Господне, смиренно припадали къ ногамъ своего настоятеля, испрашивая у него прощенія грѣховъ своихъ, содѣланныхъ ими въ теченіи дня; настоятель, въ свою очередь, смиренно кланялся каждому изъ нихъ, взаимно испрашивая себѣ прощенія, и знаменовалъ его большимъ крестомъ на челѣ, персяхъ и раменахъ, и братія расходились одинъ за другимъ.

Такъ умилительно и благоговѣйно совершалось сіе вечернее, Христіанское прощеніе пастыря съ его

паствою, что никто даже не замѣтилъ присутствія чуждаго лица, хотя я былъ одинъ только пришелецъ въ церкви, совершенно пустой; признаюсь, это благочестивое зрѣлище тронуло меня до слезъ, напомнивъ мнѣ Аѳонскіе пустынные скиты. Вслѣдъ за братіею, подошелъ и я къ честному кресту и потомъ къ настоятелю, прося себѣ благословенія; тогда только обратилъ онъ на меня вниманіе, занятый дотолѣ присною своею братіею. Въ эту минуту онъ мнѣ представился совершенно другимъ человѣкомъ: постническое лице его прояснилось улыбкой; уже это былъ не строгій настоятель обители, а только привѣтливый хозяинъ, который радушно встрѣчалъ своего гостя, радуясь ему, какъ бы давнему знакомцу. Но когда попросилъ я, чтобы отслужили молебенъ преподобнымъ Сергію и Павлу, опять явился прежній настоятель, въ полномъ своемъ величіи, и въ примѣрномъ благочиніи представилась ввѣренная ему обитель. Всѣ сколько было въ обители, іеромонахи и діаконы, облеклись въ свѣтлыя ризы; прочая братія стала по клиросамъ около священной раки, и стройное пѣніе ликовъ было изумительно въ такой пустынной и скудной обители. Благочестіе на все полезно, говоритъ Св. Апостолъ Павелъ, (I. Тим. IV.) и здѣсь видимо было исполненіе словъ Апостольскихъ, потому что одно только благочестіе настоятеля могло содержать братію въ такомъ благочиніи, утѣшительномъ для взоровъ и сердца.

Нельзя было, безъ особеннаго умиленія, слышать

тропарь преподобнаго, выражающій въ краткихъ чертахъ, его пустынное служеніе Богу, посреди лѣсовъ, гдѣ всякое дыханіе хвалило вмѣстѣ съ нимъ Господа:

«Божественною любовію отъ юности распаляемь, Павле преподобне, всяку мірь красную возненавидѣвъ, Христа единаго возлюбилъ еси, и сего ради во внутреннюю пустыню вселился еси, со звѣрьми, жити весь Христу; отъонуду же и Всевидящее Око, твоя труды видѣвъ, даромъ чудесъ и по преставленіи обогати тя; тѣмъ же вопіемъ ти: моли непрестанно о всѣхъ насъ, честную память твою присно въ пѣснѣхъ почитающихъ.»

Послѣ молебна, настоятель взялъ съ гробовой раки мѣдный осьмиконечный крестъ и, осѣнивъ меня, сказалъ: что это лучшее сокровище ихъ обители, потому что этимъ крестомъ благословилъ нѣкогда преподобный Сергій Радонежскій ученика своего Павла Обнорскаго, когда отпускалъ его въ дальнія пустыни Вологодскія, и оттого крестъ сей всегда лежитъ на возглавіи его раки. Мнѣ пришло на мысль: не опасно ли оставлять древнюю сію святыню, такъ открыто, на гробѣ преподобнаго? Но настоятель отвѣчалъ: «хотя цѣлый день бываютъ у насъ отверсты двери церковныя, чтобы наиболѣе привлечь молящихся, и расположить ко храму Божію окрестныхъ раскольниковъ, однако мы постоянно на стражѣ нашей пустыни, которая сама себя и насъ охраняетъ, да и благочестіе народа ручается за сохраненіе достоянія церковнаго.»

Отъ богатыхъ и благородныхъ родителей престольной Москвы происходилъ преподобный Паисій и, отъ первыхъ дней юности, возненавидѣлъ суету міра сего, ибо сердце его возлюбило единаго Христа; ему одному хотѣлъ онъ служить во все теченіе жизни: потому и усердствовалъ ко святымъ церквамъ, упражнялся въ молитвѣ, соблюдая строгій постъ и чистоту душевную и тѣлесную. Но отличительною его добродѣтелью было милосердіе и такую любовь питалъ онъ къ нищимъ, что ни единаго не пропускалъ безъ подаянія; часто, не имѣя денегъ, дѣлился съ ними даже одеждою и возвращался домой въ одной срачицѣ; родители его, милостивые и сами, радовались такому нищелюбію своего дѣтища, не щадя временнаго богатства для пріобрѣтенія благъ вѣчныхъ. Они желали однако, чтобы сей единственный сынъ ихъ, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ въ бракъ, для поддержанія ихъ дома, и часто ему тѣмъ докучали; но любитель безмолвія постоянно отвергалъ лестныя ихъ предложенія, которыя бы привязали его къ міру; 22 лѣтъ, тайно оставилъ онъ домъ родительскій и укрылся въ обитель Рождества Христова, на берегу рѣки Волги, гдѣ никто не могъ о немъ провѣдать.

Суровое житіе началъ онъ проводить въ стѣнахъ монастырскихъ, питаясь только хлѣбомъ и водою, изнуряя тѣло непомѣрными трудами, при бдѣніи ночномъ и строгомъ исполненіи всего правила иноческаго; прежде всѣхъ являлся онъ въ церковь и

послѣ всѣхъ выходилъ, и былъ слугою каждаго изъ братіи, такъ что пріобрѣлъ себѣ общую любовь; благодать слезъ даровалась ему отъ Бога и, въ ихъ потокѣ, изливалось его сердечное умиленіе. Желая бо́льшаго подвига, искалъ онъ себѣ опытнаго наставника и не лишилъ его Господь сего духовнаго блага. Тогда, какъ солнце, сіялъ въ лѣсахъ Радонежскихъ, великій Сергій; къ нему стекались, въ глубокую его пустыню, жаждавшіе спасенія душевнаго, ибо далеко о немъ распространялась молва. Пришелъ съ береговъ Волжскихъ и юноша Павелъ, въ обитель живоначальныя Троицы, чтобы предать себя совершенно великому пустынножителю, и принятъ былъ съ любовію, ибо уразумѣлъ духомъ прозорливый Сергій, какой избранный сосудъ готовился Богу въ преподобномъ Павлѣ. Онъ научилъ его совершенному отреченію отъ своей воли и всѣмъ добродѣтелямъ иноческимъ, и провелъ его по всѣмъ послушаніямъ монастырскимъ, отъ поварни до трапезы, дабы во всемъ пріобрѣлъ опытность будущій учредитель общежитія. Видя его усовершенствованіе, позволилъ ему удалиться на безмолвіе въ пустынную келлію, и тамъ провелъ еще 15 лѣтъ подвижникъ Павелъ, прилагая къ дѣятельности созерцаніе божественное, которымъ старался побѣдить все земное и одолѣть искушенія духовныя.

Но и въ уединенной келліи докучало иногда отшельнику посѣщеніе братіи, которыхъ зрѣніе и бесѣда не могли быть полезны его душѣ; онъ ръ-

шился отойти во внутреннюю пустыню, чтобы избѣжать молвы, потому что уединеніе, въ которомъ находился, казалось не разнствовало для него отъ градскаго мятежа. «Бѣги, молчи, безмолвствуй, сказано было нѣкогда великому пустынножителю Арсенію, ибо это есть корень къ несогрѣшенію, и бѣгай людей спасешься.» Такой совѣтъ данъ былъ совершенному, потому что молва бываетъ виною умнаго помраченія, а богоугодно живущій хранитъ языкъ свой. Непрестанно о томъ размышлялъ, блаженный Павелъ, и наконецъ пришелъ просить великаго Сергія, чтобы благословилъ его совершенно жить въ пустынѣ; преподобный, зная его чистое стремленіе къ Богу, послѣ многихъ душеспасительныхъ назиданій, совершилъ надъ нимъ молитву и благословилъ на новый подвигъ; онъ вручилъ ревностному труженику непобѣдимое оружіе, крестъ Господень и, съ этимъ знаменіемъ побѣды Христовой надъ міромъ, отшельникъ Павелъ обиталъ многіе годы въ пустыняхъ безлюдныхъ, охраняемый благодатію Божіею, себѣ внимая въ безмолвіи и бесѣдуя съ однимъ лишь Богомъ.

Сперва водворился онъ въ Комельскомъ лѣсу, надъ рѣчкой Грязовицей, и келліею ему служило дупло устарѣвшей липы, въ которой прожилъ три года, непрестанно молясь и воспѣвая гимны Богу, вмѣстѣ съ пернатыми; они одни лишь вторили отшельнику въ безлюдныхъ лѣсахъ, куда не проникалъ до него голосъ человѣческій. Тамъ бо-

лѣе и болѣе очищалъ умъ свой для созерцанія божественнаго, насыщался плодами молчанія, въ безвыходной и безутѣшной пустынѣ, гдѣ уже ничто земное не могло потревожить его душу. Но милосердый Богъ хотѣлъ многихъ другихъ спасти его примѣромъ, сдѣлавъ и ихъ подражателями ангельскаго его житія. По внушенію Божію, оставилъ Павелъ липовое дупло свое, гдѣ долго жилъ по подобію птицъ, чтобы опять обрѣстись ему съ человѣками. Скитался изъ дебри въ дебрь, пришелъ онъ наконецъ на рѣку Нурму и на берегу ея возлюбилъ мѣсто, которое казалось ему удобнымъ для безмолвія, тамъ гдѣ теперь его обитель. «Се покой мой, здѣ вселюся,» молитвенно сказалъ онъ, и устроилъ себѣ тутъ лиственную хижину, нѣсколько пространнѣе липоваго дупла, ископавъ себѣ и кладезь въ полугорѣ. Въ бдѣніи и молитвѣ опять потекла его жизнь, вмѣстѣ съ неизсякаемыми благодатными слезами; никогда не былъ онъ праздѣнъ отъ славословія Божія, предупреждая присныхъ ему пернатыхъ, до восхода зари и на закатѣ солнца, и не умолкалъ всю ночь сладостною своею пѣснію къ Богу, творцу всея твари. Какъ призракъ, являлась и изчезала предъ нимъ рать бѣсовская, ибо крестнымъ знаменіемъ ограждался онъ, какъ крѣпкою стѣною, отъ прелести духовъ злобы поднебесной; отъ нападенія же людей непріязненныхъ, хотѣвшихъ удалить его отъ избраннаго имъ мѣста, ограждался долготерпѣніемъ и молитвами. «На Бога уповаю, что сотворитъ мнѣ

человѣкъ?» псаломски говорилъ онъ самъ себѣ (Псал. 55, 12) и укрѣплялся въ пустынѣ. Пять дней въ недѣлю совершенно воздерживался отъ пищи и питія, и только въ субботу и воскресенье вкушалъ немного хлѣба и воды, жительствуя по образу безплотныхъ; дикіе звѣри и ядовитые гады не вредили ему, видя его возвратившимся къ первобытной невинности и владычеству Адама надъ созданною для него тварью, и даже принимали отъ него пищу.

Когда же благоволилъ Богъ проявить свѣтило сіе требующимъ его просвѣщенія, пронеслась о немъ молва по всей окрестности и многіе стали приходить къ нему за душеспасительнымъ словомъ, которое было исполнено духовной мудрости и благодатнаго утѣшенія; на него уже смотрѣли, не какъ на человѣка, но какъ на Ангела Божія, и просили его руководства; но онъ долго отрекался, почитая себя, по крайнему смиренію, худшимъ изъ всѣхъ; однако, побѣждаемый братолюбіемъ, началъ по немногу принимать къ себѣ приходящихъ и наставлять ихъ ангельскому житію, дабы, оставивъ тлѣнное міра сего и широкій путь ведущій къ погибели, искали прежде всего царствія Божія и подвизались подвигомъ добрымъ, угождая постоянно Богу, въ надеждѣ неосужденно встрѣтить часъ смертный и насладиться вѣчныхъ благъ. Онъ предлагалъ братіи, спасительнымъ примѣромъ, житія святыхъ Отецъ, еще на землѣ уже достигшихъ небеснаго, и лучшимъ для нихъ обра-

цемъ могло служить собственное его жительство, тихое и чуждое всему земному.

Еще не было обители въ пустынѣ Обнорской, но уже она видѣлась преподобному въ молитвенномъ восторгѣ; не рѣдко слышался ему звонъ благовѣста въ безмолвіи ночи, на канунѣ воскресныхъ дней и въ большіе праздники, и звонъ сей казался ему громче или тише, смотря по торжественности дня. Однажды, въ свѣтлую ночь Пасхи, воздвигнутый громкимъ звукомъ воздушныхъ колоколовъ, открылъ онъ окошко своей келліи и увидѣлъ яркій свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь живоначальныя Троицы; по сему уразумѣлъ что есть благоволеніе Божіе соорудиться на этомъ мѣстѣ обители, и возвѣстилъ о томъ братіи, усугубивъ свои ночныя молитвы. Прежде еще, нежели блаженный Павелъ сдѣлался наставникомъ другихъ, обрѣлъ онъ себѣ въ сей пустынѣ наставника духовнаго, изъ собесѣдниковъ Сергіевыхъ, и быть можетъ ему приснаго еще въ лѣсахъ Радонежскихъ.

Ранѣе отшельника Павла, водворился на той же рѣкѣ Нурмѣ, нѣсколько выше, другой великій любитель безмолвія, именемъ Сергій, прозваніемъ Нуромскій, по имени рѣки, который имѣлъ начало и корень отъ Св. горы Аѳонской, и пришедши съ Востока въ предѣлы Московскіе, искалъ себѣ также просвѣщенія духовнаго отъ Радонежскаго свѣтила. Не малое время провелъ онъ подъ его спасительнымъ кровомъ и не мало дивился высокой добро-

дѣтели Сергіи Греческаго, Русскій нашъ Сергій, возлюбившій духовную его бесѣду; сердца ихъ, какъ многоплодная земля, пріемля взаимно духовныя сѣмена добродѣтели, орошали ихъ дождемъ радостныхъ благодатныхъ слезъ и приносили Богу сторичный плодъ. Но Аоонскій безмолвникъ помышлялъ удалиться паломски и водвориться въ глубочайшей пустынѣ, и со слезами отпустилъ его отъ себя великій нашъ Сергій. Обоіидя многія безлюдныя дебри, въ Обнорскихъ предѣлахъ, утвердился онъ на красныхъ берегахъ Нурмы, когда еще отшельникъ Павелъ обиталъ во внутренней пустынѣ, въ дуплѣ липы, какъ птица, обретшая себѣ храмину, и горлица гнѣздо свое. Возлюбилъ мѣсто пустынное Сергій, молитвенно его благословивъ, водрузилъ тутъ крестъ, поставилъ малую часовню и келлію, и сталъ подвизаться въ глубокомъ безмолвіи, доколѣ не собрались къ нему ученики. Побѣждаемый имъ духъ злобы, дважды воздвигалъ противъ него разбоійниковъ, когда видѣлъ, что собственныя его страхованія, какъ дымъ, разсѣявались молитвами преподобнаго. Въ первый разъ, безъ милосердія напали хищники на святаго старца и оставили его едва живаго отъ жестокихъ ранъ, но онъ воззвалъ къ Богу, въ изнеможеніи тѣлесныхъ силъ, и Господь исцѣлилъ его отъ лютыхъ язвъ, ибо Христа единаго пришелъ искать онъ въ пустынѣ и Христомъ въ ней утвердился, не страшась убивающихъ тѣло но не могущихъ убить души. Въ другой разъ опять хотѣли напасть на него разбой-

ники, во время полуночной его молитвы, и какъ дикіе звѣри, устремились въ его келлію, но онъ со слезами воззвалъ: «Боже, въ помощь мою вонми, не отступи отъ мене Господи спасенія моего!» и ужасъ объялъ его враговъ; они бѣжали, не смѣя къ нему прикоснуться, и уже болѣе не возвращались; въ рукахъ ихъ было смертоносное оружіе, а у преподобнаго одинъ лишь четки, и симъ духовнымъ оружіемъ побѣдилъ онъ враговъ. Вскорѣ потомъ Господь поставилъ на священникѣ сей новый свѣтильникъ, дабы не оставался долѣе подъ спудомъ; отовсюду начали къ нему собираться иноки и селиться около него въ кущахъ, ибо не было тутъ ни келлій, ни церкви, хотя уже собралось ихъ числомъ до 40; блаженный началъ помышлять о сооруженіи церкви и, съ помощію братіи, поставилъ малый деревянный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса. Въ то время узналъ онъ, что новое пустынное свѣтило, Павелъ, возсіялъ на тѣхъ же молчаливыхъ берегахъ Шурмы, не болѣе какъ за 4 поприща отъ его обители; онъ пошелъ посѣтить его и обрѣлъ пустынника Павла въ своей келліи, кормящаго изъ собственныхъ рукъ множество птицъ; много иныхъ малыхъ птицъ сидѣли на головѣ его и на плечахъ, потому что и самъ преподобный птичье житіе избралъ для себя, въ дуплѣ липы, и привыкъ обращаться съ лѣсными своими собесѣдниками. Тутъ же стоялъ медвѣдь, не страшный жителю пустыни, и, не враждуя между собою, бѣгали лисицы, зайцы и другіе

звѣри; пустынь Павла казалась малымъ Эдемомъ, ибо райская его жизнь какъ будто возвратила и райскіе нравы самой твари, такъ какъ она, вмѣстѣ съ нами, стенаетъ отъ нашего паденія и жаждетъ освободиться въ свободу славы чадъ Божіихъ, по слову Апостола (Римл. VIII, 21. 22).

Съ духовною радостію познали другъ друга оба великіе подвижника; они сдѣлались собесѣдниками во всѣхъ своихъ духовныхъ предпріятіяхъ и часто посѣщали одинъ другаго, утверждаясь взаимно на высокіе подвиги. Павелъ избралъ себѣ духовнымъ отцемъ Сергія, облеченнаго въ санъ пресвитерскій еще на Св. горѣ Аѳонской, и часто пріобщался, изъ святыхъ его рукъ, тѣла и крови Христовыхъ въ его обители, исповѣдуя ему всѣ свои помышленія; но и Сергій ничего не таилъ отъ Павла, что было у него на сердцѣ, ибо они были оба близкіе служители единаго Бога и, въ пустынныхъ скорбяхъ, помогали другъ другу. Случилось однажды Павлу выйти изъ келліи и походить по пустынѣ; когда же возвратился, увидѣлъ келлію свою разметанною до основанія; страхъ человѣческій внезапно обялъ его и онъ бѣжалъ къ преподобному Сергію разсказать ему свою печаль; но Сергій, болѣе опытный въ дѣлѣ духовномъ, уразумѣлъ, что это было только мечтаніе бѣсовское и сказалъ Павлу псаломское слово: «Богъ намъ прибѣжище и сила (Псал. 45, 2), иди, братъ мой Павелъ, ты обрѣтешь келлію свою неразрушенною.» Повѣрилъ ду-

ховному отцу своему отпельникъ и, возвратясь, дѣйствительно нашелъ келлію неповрежденною.

Когда случалось преподобному Сергію посѣщать сына своего духовнаго, Павла, исполненный къ нему глубокимъ уваженіемъ, провожалъ его болѣе нежели на двѣ трети разстоянія до его обители, и мѣсто сіе доселѣ обозначено часовнею, во свидѣтельство взаимной ихъ любви. Уже преподобный Сергій, удручаемъ былъ глубокою старостію и отъ многихъ трудовъ изнемогалъ; присный ученикъ пришелъ въ послѣдній разъ посѣтить его, ибо уже ожидалъ скораго его отхожденія въ вѣчную жизнь; тягостна была для него разлука съ отцемъ и собесѣдникомъ многихъ лѣтъ пустынной жизни и, обливался слезами, просилъ отъ себя прощенія и благословенія умирающаго старца. Когда оба умолкли нѣсколько отъ слезъ, великій Павелъ разсказалъ великому Сергію, какъ на одномъ мѣстѣ его пустыни, въ подгоріи на рѣкѣ Нурмѣ, слышался ему звонъ благовѣста и видѣлся дивный свѣтъ. Блаженный Сергій принялъ сіе за указаніе Божіе и, въ духѣ пророческомъ, предсказалъ другу своему: что на томъ мѣстѣ сооружится обитель во имя Пресвятыя Троицы и многіе въ ней спасутся. Такъ, воздавши другъ другу послѣднее цѣлованіе, они разстались во временной жизни, для свиданія въ вѣчной, и Павелъ возвратился во внутреннюю свою пустыню, чтобы тамъ озаботиться устроеніемъ обители, а Сергій сталъ готовиться къ отшествію въ вѣчныя обители.

Онъ собралъ братію и возвѣстилъ ей о предстоящей разлукѣ, ибо самъ уже долженъ былъ воздать общій долгъ смертный; послѣднимъ назиданіемъ старался онъ утвердить учениковъ своихъ по взаимной любви и въ исполненіи правилъ церковныхъ, обѣщалъ имъ отъ Господа будущее блаженство, если исполнять заповѣди отца своего. Пріобщившись Св. таинъ, посреди общаго плача, Сергій предалъ чистую свою душу Богу, Октября 7-го 1413 года, въ день своего Ангела, мученика Сергія, и тѣло его было погребено, близъ созданной имъ церкви Происхожденія честныхъ древъ. Ученикъ и постриженникъ его Алексій, котораго уступилъ онъ собесѣднику своему Павлу, въ новую его обитель, сохранилъ намъ описаніе подвиговъ великаго своего учителя, передавъ оное будущимъ настоятелямъ обители Обнорской. Много лѣтъ спустя послѣ кончины, явился Сергій одному благоговѣйному иноку своей обители, ночью, когда тотъ находился въ тонкомъ снѣ, и велѣлъ сказать игумену съ братіею: чтобы очистили гробъ его, ибо не хочетъ Господь долѣе оставлять его въ неизвѣстности. «Кто ты?» спросилъ смятенный инокъ, и явившійся отвѣчалъ: «я грѣшный Сергій, бывшій нѣкогда начальникомъ сего мѣста,» и указалъ самый гробъ свой. Дважды и трижды являлся онъ иноку, который сперва принималъ явленіе сіе за непріязненное мечтаніе, доколѣ наконецъ не былъ пораженъ болѣзнію; тогда только рѣшился, со слезами покаянія, открыть видѣніе

свое и ослушаніе настоятелю и указать место гроба Сергіева, подъ папертію церкви; тутъ надъ гробомъ получилъ онъ и внезапное исцѣленіе отъ приключившейся ему болѣзни, и когда поставлена была надгробная рака, съ иконою преподобнаго Сергія, многія потекли отъ нея исцѣленія разслабленнымъ, бѣснуемымъ и одержимымъ всякаго рода болѣзнями.

Между тѣмъ преподобный Павелъ сталъ приводить въ исполненіе завѣщаніе духовнаго отца своего Сергія, объ устройствѣ обители; взявъ съ собою одного изъ братіи, пошелъ онъ въ столичный градъ просить благословенія у Митрополита Всероссійскаго Фотія, на сооруженіе церкви во имя живоначальныя Троицы. Митрополитъ не показалъ сперва никакого вниманія къ просьбѣ пустынника и даже принялъ его нѣсколько сурово; но Павелъ сказалъ ему: «не по твоему слову все исполнится, а какъ угодно будетъ Пресвятой Троицѣ.» – Въ слѣдующую ночь страшное видѣніе видѣлъ Святитель и услышалъ голосъ: «за чѣмъ оскорбилъ ты человѣка Божія? не знаешь ли, что оскорбляешь самаго Христа, благоволившаго, чтобы исполнилось дѣло сіе? поспѣши найти старца и, призвавъ къ себѣ, все исполни по его волѣ, какъ тебѣ скажетъ; если же сего не сдѣлаешь, много за то пострадаешь.» Одержимый страхомъ, безъ сна провелъ всю ночь Митрополитъ, и утромъ разослалъ многихъ людей отыскать преподобнаго; его нашли въ одной изъ обителей. Владыка

встрѣтилъ его съ особенною честію, въ дверяхъ своей храмины, и, испросивъ прощеніе своему невѣдѣнію, пожелалъ подробно слышать о начаткахъ пустынной жизни его и обители. Блаженный, съ полною откровенностію, разсказалъ ему все, и Святитель Фотій, возлюбивъ его за кроткій нравъ, благословилъ соорудить церковь и составить общежитіе. Много далъ онъ ему милостыни и даже собственную одежду, которую сперва не хотѣлъ принять любитель нищеты, но принужденъ былъ обмѣнять ее на свою худую ризу, которою дорожилъ Митрополитъ. Съ такимъ успѣхомъ возвратился онъ въ свою Обнорскую пустыню; тамъ соорудилъ церковь во имя Пресвятыя Троицы и около нея устроилъ обитель общежительную.

Собранной братіи предалъ онъ древніе общежительные уставы Св. отецъ, Пахомія великаго и Ѳеодосія Кіновіарха, и строго наблюдалъ, чтобы все исполнялось по заповѣдямъ отеческимъ, никто ничего не называлъ бы своимъ, а все было общее; совершеннаго безмолвія требовалъ Павелъ отъ братіи, и въ церкви, и за трапезой, и на работахъ монастырскихъ, говоря, что лучше пасть съ какой либо высоты, нежели отъ своего языка; онъ внушалъ любовь къ нищимъ, напоминая о собственномъ убожествѣ; наипаче же запрещалъ слѣдовать въ чемъ либо своей волѣ и подавать соблазнъ другимъ, предаваясь невоздержанію; рукодѣліемъ изгонялъ праздность и содержалъ въ обители миръ, ибо отчетливо распредѣлено было вре-

мл каждому дѣлу, церковному и келейному. Ученика своего Алексія, облеченнаго въ санъ пресвитерскій, поставилъ начальствовать и священнодѣйствовать въ своей обители, а самъ, любя молчаніе, уединился въ прежней своей келліи на полугорѣ, приходя только къ церковнымъ службамъ; оттолѣ, наблюдая молитвенно братію, съ утѣшеніемъ видѣлъ уже тѣлесными очами то, что нѣкогда прозрѣлъ духовными: — устроеніе обители живоначальныя Троицы въ Нуромской подолш.

«На кого воззрю, говоритъ Господь чрезъ Пророка Исаію, какъ только на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ?» (Ис. 66, 2.) Возрѣлъ онъ и на угодника своего Павла, за его тихій и смиренный нравъ, и прославилъ его даромъ прозорливости, мудраго совѣта и чудесъ, ибо онъ умѣлъ различать таинные помыслы учениковъ своихъ и исцѣлялъ благодатнымъ словомъ, не только душевныя ихъ болѣзни, но и тѣлесныя; всѣ къ нему прибѣгавшіе, съ душевною печалію, отходили послѣ его бесѣды съ духовнымъ утѣшеніемъ, ибо слово его было растворено солію евангельскою. При изнеможеніи тѣлесныхъ своихъ силъ, не оставлялъ онъ монашескаго подвига, хотя ученики просили его дать отдыхъ ослабѣвающему тѣлу, и строго соблюдалъ все келейное правило, не позволяя плоти своей одолѣвать духъ. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ всегда являлся въ обитель, въ субботу и воскресенье, чтобы встрѣтить праздникъ съ братіею, какъ нѣкогда великіе Отцы пустыни

Палестинской, Евонмій и Савва, присутствовалъ при трапезѣ, показывая видъ будто отъ нея вкушаетъ, когда пищею его были только хлѣбъ и вода и суровое зеліе, и потомъ опять возвращался на безмолвіе въ свою нагорную келлію. Такъ достигъ онъ глубочайшей старости, 112 лѣтъ, ихъ коихъ 50 провелъ въ различныхъ пустыняхъ, после своего постриженія на 22 году возраста, и 40 лѣтъ по вновь устроенной имъ обители Обнорской; но видъ его былъ свѣжъ и бодръ до самой кончины, тихіе и свѣтлые очи, сѣдая окладистая борода и несогбенный станъ.

За нѣсколько времени до блаженнаго преставленія, чувствуя скорое свое разрѣшеніе отъ тѣла, началъ онъ еще болѣе безмолвствовать и уединяться, приготовляя себя къ таинственному исходу отъ времени въ вѣчность. Въ день Благовѣщенія, когда пришла къ нему братія прежде литургіи, внезапно вздохнулъ онъ изъ глубины души и прослезился; ученики спросили о причинѣ слезъ? и старецъ сперва не хотѣлъ имъ открыться, но потомъ, убѣжденный ихъ мольбами, сказалъ: «въ сей день и часъ, безбожные Татары плѣнили градъ Кострому, предали его огню и мечу, и многихъ увели въ плѣнъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ, ибо мы оставили путь правды и ходимъ въ волѣхъ сердецъ нашихъ и плотскихъ мудрованіяхъ.» Дѣйствительно, въ тотъ самый день, совершилось разсореніе Костромы отъ Татаръ, которые впослѣдствіи разсорили и собственную его обитель, но уже

послѣ его преставленія, ибо Господь не хотѣлъ посѣтить его сею новою скорбію на исходѣ жизни. Нѣсколько дней спустя, совершенно изнемогъ блаженный Павелъ и, чувствуя приближеніе смерти, созвалъ къ себѣ всю братію; съ молитвою завѣщалъ онъ ей, соблюсти отеческое преданіе и уставъ общаго житія, о которомъ столько заботился, и призвалъ во свидѣтели Бога противъ нарушителей онаго, повелѣвая изгонять ихъ изъ обители; устроеніе ея поручилъ онъ присному ученику своему Алексію и обѣщалъ: если соблюдутъ его заповѣди, богоугоднымъ житіемъ, и самъ онъ обрѣтетъ благодать предъ Господомъ, — молиться, чтобы процвѣла обитель и да не постигнутъ ихъ бѣдствія за нарушеніе закона. «Любовь не лицемѣрную имѣйте между собою, сохраняйте преданіе и Богъ мира да будетъ съ вами, и утвердитъ васъ въ любви своей.» Это были послѣднія прощальныя его слова; въ самый часъ исхода пожелалъ онъ еще однажды пріобщиться божественныхъ тайнъ; потомъ благословилъ братію и, простершись на одрѣ своемъ, осѣнилъ себя знаменіемъ крестнымъ; въ тихой молитвѣ предалъ онъ святую свою душу Богу, оставивъ по себѣ добрую память хотящимъ слѣдовать по его стопамъ.

Лице успшаго было свѣтло и ясно, ибо Господь прославилъ своего угодника; съ надгробнымъ пѣніемъ, поднявъ тѣло блаженнаго своего учителя изъ уединенной келліи, братія понесла его на главахъ своихъ, чрезъ пустынныя воды Нурмы, и

погребла близъ храма живоначальныя Троицы, въ 10 день Января 1429 года, на 40 году существованія созданной имъ обители. Достойный ученикъ Алексій заступилъ его мѣсто, стараясь подражать его подвигамъ и утѣшить братію о лишеніи такого отца. Послѣ долгаго управленія обителью, онъ поручилъ ее преемнику своему Никону, при которомъ начали сооружаться каменные храмы на мѣсто деревянныхъ, соборъ живоначальныя Троицы и трапезная церковь Успенія Богоматери, потому что, ради многихъ чудесъ и исцѣленій, истекавшихъ отъ гроба преподобнаго Павла, милость Державныхъ земли Русской обратилась къ его обители; самъ благочестивый Великій Князь Василій Іоанновичь, на пути своемъ въ Кирилловъ, посѣтилъ Обнорскую пустыню и далъ богатую милостыню для сооруженія ея храма. Но нѣсколько спустя, при четвертомъ игуменѣ Протасіѣ, посѣтило ее бѣдствіе предвидѣнное блаженнымъ основателемъ: раззореніе отъ Татаръ Казанскихъ, которые въ послѣдній разъ опустошали землю Русскую, предъ самымъ паденіемъ своего царства. Бѣдственное сіе раззореніе трогательно описано, въ сказаніи о жизни преподобнаго Павла, и напоминаетъ умилительную повѣсть, о избіеніи святыхъ Отецъ въ пустыняхъ Синайской и Раиской, которыхъ память чествуется Православною Церковію

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1538 года, толпы Казанскія устремились въ предѣлы Вологодскіе, все предавая огню и мечу; проникнувъ въ Комельскіе лѣса, не-

чанно напали они на Иннокентіеву пустынь, сожгли въ ней церковь Іоанна Предтечи и келліи, умертвили трехъ старцевъ и захватили много плѣнныхъ. Нѣкоторые однако, покрытые ранами, спаслись отъ ихъ рукъ, и бѣжали возвѣстить о томъ въ сосѣднюю обитель преподобнаго Павла; смутились пустынные отцы и сами разбѣжались, одни въ городъ Вологду, другіе по окрестнымъ мѣстамъ, ничего не захвативъ съ собою, кромѣ одной одежды, а все что было общежительной казны оставили въ монастырѣ. Не болѣе десяти человѣкъ братіи остались въ обители, удрученные старостію, а нѣкоторые, по вѣрѣ къ преподобному, не хотѣли бросить святаго мѣста. Обрекши себя на смерть, они всѣ сошлись въ одну келлію и со слезами начали молить живоначальную Троицу, призывая на помощь пречистую Богоматерь и преподобнаго отца своего Павла, дабы умилосердился Господь и отвратилъ отъ нихъ праведный гнѣвъ свой, и не допустилъ варваровъ до святаго мѣста. Всю ночь провели они въ слезахъ и молитвѣ, и только къ разсвѣту мало коснулся ихъ сонъ. Одинъ изъ братіи, старецъ Ефремъ, пребывавшій 80 лѣтъ въ постѣ и подвигѣ и уже послѣдніе годы безвыходно сидѣвшій въ келліи, въ великомъ безмолвіи, сведенъ былъ отъ чрезвычайнаго утомленія въ тонкую дремоту, которую нельзя было назвать ни бдѣніемъ, ни совершеннымъ сномъ; и вотъ онъ внезапно видитъ столѣтняго старца преподобнаго Павла, который входитъ къ нему въ келлію и, взявъ его за ру-

ку, говоритъ изъ глубины сердца: «братъ мой Ефремъ, многая скорбь васъ ожидаетъ отъ безбожныхъ варваровъ; тебѣ самому быть отъ нихъ усѣченнымъ и инымъ двумъ вмѣстѣ съ тобою, но одинъ изъ нихъ, поболѣвъ, исцѣлѣетъ, другіе же спасены будутъ. Не скорби о томъ, ибо смерть сія будетъ тебѣ въ животъ вѣчный; а монастырь вашъ, хотя и будетъ сожженъ и разграбленъ, но впослѣдствіи еще болѣе распространится и исполнится многихъ благъ.» Сказавъ сіе, вышелъ изъ келліи старецъ; Ефремъ же, воспрянувъ, разсказалъ братіи то, что видѣлъ и слышалъ; бывшіе съ нимъ много скорбѣли о предстоявшей погибели; тѣ, которые еще могли, ускользнули изъ обители, но которые не могли остались, чая неминуемой смерти отъ звѣрскихъ враговъ.

Уже былъ четвертый часъ дня, а варвары не приходили, и потому братія, вышедшая изъ монастыря, надѣялась провести еще спокойно тотъ день, опять возвратилась къ оставшимся инокамъ, и всѣ собрались въ трапезу пять часы. Одинъ изъ нихъ, Даніилъ, выглянувъ изъ окна трапезнаго, съ ужасомъ увидѣлъ конную толпу Татаръ, выѣзжавшихъ изъ лѣса, и горько вздохнувъ, сказалъ: «братія, нынѣ умремъ; тѣ, отъ которыхъ чаяли спастись, уже приближаются къ монастырю!» Объятые ужасомъ отцы начали молитвенно налагать на себя схимы, слезно прощались другъ съ другомъ при послѣднемъ постриженіи въ великій ангельскій образъ. Какъ только инокъ, по имени Діонисій, вышелъ

изъ трапезы, хищники, обнаживъ его, покрыли ранами и отсѣкли голову. Другіе два брата скрылись: одинъ подъ печію, а другой въ трапезной трубѣ; третій же, по имени Серапіонъ, силою Господа Іисуса Христа и молитвами преподобнаго, невидимо прошелъ посреди враговъ. Еще пять человѣкъ братіи вбѣжали въ церковь и со слезами тамъ молились; варвары же, ворвавшись въ трапезную, устремились вслѣдъ за ними, сорвали съ нихъ не только схимы, но и до послѣдней ризы, и уязвивъ многими ранами, оставили полуживыми въ храмѣ; сами же, какъ лютые звѣри, разсыпались по келліямъ, ища себѣ добычи. Такъ взошли они въ келлію, гдѣ пребывалъ Ефремъ, и съ нимъ два брата Мина и Митрофанъ; хищники стали мучить старца, послѣ многихъ истязаній, сѣкирою сзади пересѣкли ему шею, но не совсѣмъ до горла, и бросили его замертво; другому иноку, Минѣ, пробили голову и плечи, уязвивъ такими ранами, что едва держалась голова его на плечахъ; кого изъ мірянъ встрѣтили въ монастырѣ, всѣхъ изсѣкли. Ужасно было видѣть святолѣпныхъ старцевъ, столько лѣтъ подвизавшихся въ обители, облитыхъ кровію по сѣдинамъ своимъ и поверженныхъ у себя въ келліяхъ, или на дворѣ церковномъ: такъ исполнилось предсказаніе преподобнаго. Старецъ Ефремъ оставался еще въ живыхъ десять дней и, причастившись божественныхъ таинъ, предалъ душу свою Богу; Мина же, его келейникъ, исцѣлѣлъ послѣ долгой болѣзни, а другіе отцы. Герасимъ и

Исаакій, всѣ изъязвленные, спустя нѣсколько времени, также отошли къ Господу.

Варвары, разграбивъ все что могли, зажгли монастырь, въ которомъ уцѣлѣли только одни каменныя церкви. На обратномъ пути встрѣтили они монастырскаго служителя, по имени Іоанна, проэзли его копьями, до половины перерѣзали шею мечемъ и, обнаживъ совершенно, бросили его на снѣгу; такъ пролежалъ онъ пять часовъ за мертво и только къ вечеру очнувшись, какъ бы отъ сна, всталъ и дошелъ до сосѣдней избы; дыханіе его исходило уже не естественнымъ образомъ, черезъ горло, но изъ просѣченныхъ язвъ, и едва держался въ немъ духъ жизни. Лежалъ онъ и стоналъ, ожидая смерти, какъ вдругъ слышитъ человѣка, говорящаго ему въ окно, «иди отсюда въ домъ свой, иначе здѣсь погибнешь.»—«Куда пойду? отвѣчалъ изъязвленный не могу, не только встать, но и поднять ноги; уже изъ меня душа моя исходитъ;» но тотъ же пришедшій сказалъ ему опять чрезъ окно: «встань и помолися живоначальной Троицѣ, призови на помощь преподобнаго Павла и онъ тебѣ поможетъ; приложи къ ранамъ твоимъ бумагу.» — «Гдѣ же взять мнѣ бумаги? возразилъ болящій и, почувствовавъ въ себѣ нѣсколько силы, осмотрѣлся и нашелъ подлѣ себя бумагу; человѣкъ же съ нимъ говорившій у окна, сдѣлался невидимъ.»

Съ изумленіемъ и радостною молитвою, Іоаннъ началъ прилагать бумагу къ язвамъ своимъ, думая самъ въ себѣ: кто былъ сей таинственный

пришелецъ и какъ дойти до своего жилища на разстояніи трехъ верстъ, въ морозъ и мятель, покрытому одними лишь ранами, безъ всякаго даже рубища? Такъ размышляя и проливая слезы о предстоявшей ему гибели, внезапно впалъ онъ въ легкое забвеніе, и увидѣлъ предъ собою благолѣпнаго старца, который сказалъ ему: «еще ли не видишь надъ собою человѣколюбія Божія? посмотри, сколькими ранами ты пронзенъ. Кто могъ въ такой морозъ согрѣть твое тѣло и дать тебѣ довольно силы, чтобы совершенно не изнемочь, тотъ укрѣпитъ тебя и на пути; только ты не сомнѣвайся, но вѣруй, что можетъ Богъ и мертвыхъ воскресить; онъ хочетъ нынѣ явить надъ тобою славу свою.»—Проснулся Іоаннъ и почувствовалъ въ себѣ силу, какъ бы его посѣщую; съ вѣрою устремился въ путь и, достигнувъ хижины, нашелъ въ ней жену свою, которая едва узнала мужа: такъ измѣнился образъ его отъ ранъ. Нѣсколько дней, безъ голоса и почти безъ движенія, пролежалъ Іоаннъ, хотя какъ бы на крыльяхъ перенесенъ былъ до своего жилища; уже начинали отчаяваться о его жизни; но онъ призвалъ мысленно на помощь преподобнаго Павла, и внезапно опять увидѣлъ предъ собою того же старца, который однажды взошелъ въ окно пустынной хижины, гдѣ онъ лежалъ. Ему показалось, что старецъ, съ ножемъ въ рукахъ, началъ вырѣзать его внутренность изъ глубокихъ ранъ, и въ страхѣ онъ воскликнулъ: «я хотѣлъ, чтобы ты исцѣлилъ меня, а ты изрѣзалъ всю мою

утробу!» но старецъ тихо отвѣчалъ ему: «я только отымаю твою болѣзнь» и съ этимъ словомъ вышелъ изъ его храмины; больной, желая удержать его, внезапно устремился въ слѣдъ за нимъ, какъ бы никогда не болѣвшій, и, провожая его взорами, изъ окна увидѣлъ, какъ поднялся онъ на воздухъ, къ обители Обнорской, и тамъ сокрылся. Въ ту же минуту совершенно исцѣлился Іоаннъ; припавши предъ иконами Божіей Матери и преподобнаго Павла, прославилъ онъ угодника Божія, возвратившаго его отъ вратъ смертныхъ.

Чрезъ восемь лѣтъ послѣ разоренія Татарскаго, пришло на мысль игумену Протасію: поставить надъ гробомъ преподобнаго церковь каменную во имя его, съ придѣломъ надъ нею во имя блаженнаго его учителя Сергія Радонежскаго, и онъ началъ копать рвы для основанія. Тогда обрѣтены были шесть мощей совершенно нетлѣнныхъ, и одинъ изъ болѣвшихъ братій, по имени Паисій, исцѣлился отъ прикосновенія къ нетлѣннымъ тѣлесамъ. Копавшіе землю дошли до гроба преподобнаго Павла и хотѣли оставить его въ сторонѣ, но внезапно осыпалась земля и открылась часть гроба, совершенно невредимаго, какъ бы вновь сооруженнаго. Игуменъ посовѣтовался со старцами своими, чтобы, съ постомъ и молитвою, открыть гробъ преподобнаго и святыя его мощи; бесѣда ихъ о томъ была въ храмѣ послѣ воскресной утрени; когда же возвратился въ келлію и прочиталъ правило, отъ утомленія не много задремалъ, и вотъ онъ видитъ

что отворились двери его келліи и входитъ самъ преподобный Павелъ. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ игумену: «за чѣмъ помышляешь ты осмотрѣть мои мощи? огнь изыдетъ изъ нихъ и пожжетъ васъ; вели скорѣе обдѣлать гробъ мой.» Въ ужасѣ воспрянулъ игуменъ и призвавъ къ себѣ мастера, по имени Григорія, разсказалъ ему страшное свое видѣніе, повелѣвая скорѣе исполнить волю Святаго: каменьщикъ, исполненный самъ благоговѣнія, немедленно приступилъ къ дѣлу, послѣ чего въ скоромъ времени сооружена была самая церковь. Такимъ образомъ открылось сокровище его цѣлебной раки для обители; съ тѣхъ поръ неоднократныя явленія преподобнаго, братіи своей и болящимъ, и частыя исцѣленія всякаго рода недуговъ надъ его гробомъ, еще болѣе прославили священное мѣсто подвиговъ великаго пустынножителя Обнорскаго.

Послѣ молебна преподобному Павлу, просилъ я радушнаго настоятеля показать мнѣ все достойное вниманія въ его обители, хотя немногое въ ней уцѣлѣло отъ бѣдственнаго пожара 1767 года. Въ придѣльной церкви, гдѣ стоитъ самая рака, сохранились только четыре древнія иконы высокаго Греческаго письма, Одигитріи и Святителей: Григорія, Василія и Николая чудотворца; но иконостасъ, благолѣпно украшенный нынѣшнимъ настоятелемъ, еще удержалъ характеръ старины. По трудной, крутой лѣстницѣ, взошли мы въ верхній ярусъ, гдѣ устроенъ, въ осьмиугольной палаткѣ, небольшой

придѣлъ Радонежскаго Сергія; тамъ мы нашли трехъ молящихся женщинъ.

«Двери нашей обители всегда бываютъ отверсты днемъ для богомольцевъ, сказалъ мнѣ игуменъ; но эти бѣдныя женщины суть несчастныя жертвы раскола, который существуетъ въ окрестности. Онѣ не смѣютъ явно отстать отъ мнѣнія своихъ родственниковъ и тайно приходятъ молиться въ сію верхнюю церковь, надъ самою ракою преподобнаго, гдѣ никто не можетъ ихъ видѣть. По возможности я стараюсь входить въ собесѣдованіе съ людьми, зараженными расколомъ, не въ качествѣ учителя; но они остерегаются насъ духовныхъ и говорятъ только, что каждый долженъ оставаться при своемъ; а между тѣмъ имъ кажется не совсѣмъ непріятнымъ нашъ порядокъ церковнаго богослуженія, и есть у нихъ усердіе къ преподобному.»

Спустившись опять въ нижнюю церковь, мы по порядку вошли въ ризницу, которая находится подъ колокольнею между церковью и соборомъ, но и тамъ нашли мало примѣчательнаго: все истребилъ пожаръ. Самый соборъ Пресвятой Троицы, который былъ прежде весьма великолѣпенъ своими украшеніями, представляетъ теперь одни слабые остатки бывшаго величія. Изъ древнихъ образовъ уцѣлѣли только двадцать четыре, въ верхнихъ ярусахъ весьма убогаго иконостаса, а нижніе два наполнены новыми.

«После пожара 1767 года, сказалъ мнѣ игу-

шелъ, не болѣе какъ чрезъ десять лѣтъ, постигло и другое бѣдствіе нашу обитель: она была совершенно ограблена разбойниками, которые нечаянно на нее напали ночью и унесли то, что поцадило ихъ. Но прежде пожара, особеннымъ великолѣпіемъ славился соборъ; весь иконостасъ горѣлъ среброкованными иконами; внутри самый олтарь былъ ими украшенъ, а поверхъ иконъ, на сводахъ, сіяли золотомъ и серебромъ, изваянія крылатыхъ Серафимовъ и Херувимовъ: это должно было представлять для глазъ чудное зрѣлище. Теперь же вотъ что осталось намъ отъ древняго богатства и святыни, продолжалъ игуменъ, указывая на икону въ ростъ преподобнаго, которая еще была украшена по вѣнцу и цатамъ драгоцѣнными каменьями. Но у насъ есть болѣе дорогая икона въ трапезной церкви, не по богатству оклада, а по другому ея достоинству, потому что преданіе монастырское гласитъ, что это есть подлинный образъ нашего великаго основателя, писанный съ него преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, вѣроятно въ то время, какъ онъ поселился близъ его лавры »

Осмотрѣвъ сѣверный придѣлъ во имя Предтечи, престолы коего, какъ Ангела пустыни, встрѣчаются въ бо́льшей части Комельскихъ обителей, мы взошли въ теплую трапезную церковь Успенія Богоматери, довольно пространную и примыкающую къ келліямъ настоятельскимъ. Она также украшена усердіемъ нынѣшняго игумена, и въ ней есть двѣ древнія иконы: храмовая Успенія Богоматери

и Одигитріи, къ которой имѣютъ особенное усердіе окрестные жители; обѣ сіяютъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Но все мое вниманіе привлекъ небольшой апалойный образъ самаго преподобнаго Павла, о которомъ говорилъ мнѣ настоятель. Утѣшительно было смотрѣть на этотъ старческій благолѣпный ликъ, какъ бы обновленный юностію орлею, отъ самаго подвига высокой столѣтней жизни; тихіе взоры и сѣдая окладистая борода свидѣтельствовали о вѣрности списка, сходно съ тѣмъ, какъ былъ описанъ наружный видъ преподобнаго въ его житіи.

Тутъ же, предъ иконою, хранится его лѣсное жилище въ дубравѣ, — остатокъ того липоваго дупла, въ которомъ обиталъ три года, по подобію пернатыхъ, какъ птица особящаяся на гнѣздѣ своемъ. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть на эту необычайную пустынную келлію чуднаго отшельника, въ которой не болѣе четырехъ аршинъ въ окружности, а въ высоту уцѣлѣло отъ нее только аршинъ съ четвертью: такими тѣсными дверьми подвизался онъ взойти въ царствіе небесное, взирая на птицъ небесныхъ, въ обществѣ коихъ обиталъ, и надѣясь, подобно имъ, получить себѣ пищу отъ небеснаго Отца. Благоговѣйно приложился я къ сему священному дуплу и просилъ удѣлить мнѣ хотя малѣйшую частицу отъ его древа, какъ бы въ благословеніе отъ самаго преподобнаго Павла.

Мнѣ хотѣлось воспользоваться остаткомъ вечера, чтобы посѣтить бывшую обитель Нуромскую, за че-

тыре версты выше Обнорской, и я просилъ добраго игумена проводить меня туда, для поклоненія гробу преподобнаго Сергія, учителя его блаженнаго Аввы; отецъ А*** уже предупредилъ мое желаніе и все было готово для поѣздки. «Это моя забота, говорилъ онъ, чтобы преподобному воздано было должное чествованіе и вы бы не лишились такого утѣшенія, ибо блаженные отцы наши Сергій и Павелъ связаны были между собою столь тѣсно духовною любовію, что и молитвенно не должно раздѣлять ихъ.»

Малопроѣзжая дорога пролегала по оврагамъ, вверхъ по теченію рѣки Нурмы, и два селенія встрѣтились намъ на пути; жители съ любовію подходили къ благословенію уважаемаго ими настоятеля и онъ ласково привѣтствовалъ каждаго изъ нихъ. Въ перелѣскѣ, не доѣзжая Нуромскаго села, игуменъ указалъ мнѣ уединенную часовню. «Здѣсь разставались преподобные, сказалъ онъ, и сюда бываютъ крестные ходы въ день ихъ памяти; драгоцѣнно для насъ такое преданіе.»

Мы подъѣхали къ обширной оградѣ монастырской, которая теперь обозначаетъ обширное кладбище кругомъ пустынной церкви; она возвышалась въ два яруса, весьма благолѣпно, на скатѣ холма къ смиренной Нурмѣ, которая живописно извивается по своей пустынно-любивой долинѣ, нѣкогда поросшей дремучими лѣсами и какъ бы созданной для житія иноческаго; еще и доселѣ разсыпаны тѣнистыя рощи по прибрежнымъ высотамъ. При-

ходскій священникъ былъ въ отсутствіи; покамѣстъ сторожъ ходилъ за церковными ключами, мы любовались красотою мѣстности, которая могла напомнить пришельцу Аѳонскому, преподобному Сергію, нѣкоторыя изъ лѣсистыхъ юдолей родной ему Св. горы, гдѣ быть можетъ стоялъ его уединенный скитъ.

Отворили церковь; мы взошли сперва въ верхній храмъ Спасовъ, еще украшенный многими древними иконами и достойный обители; потомъ спустились въ нижній придѣлъ во имя самаго преподобнаго, гдѣ подъ деревянною сѣнію стоитъ его гробовая рака; съ любовію поклонился я старѣйшему изъ пустынножителей Вологодскихъ, пришедшему съ Востока освятить молитвою безплодныя нѣкогда дебри и огласить дремучіе лѣса церковными гимнами. При его ракѣ прощался я и со всѣми послѣдователями святой его жизни въ сихъ пустыняхъ, ибо это уже была крайняя обитель угодниковъ Божіихъ, здѣсь прославленныхъ, на рубежѣ Вологодскомъ; душа жаждала молитвы и настолтель поялъ мою тайную мысль, когда тихо произнесъ надъ гробомъ преподобнаго Сергія тропарь и кондакъ его, проникнутые дыханіемъ пустыни:

«Желаніемъ духовнымъ разгараяся, пребогате, слезъ твоихъ теченіемъ душу свою напоилъ еси и ляже изъ глубины воздыханьми уязвляшеся сердце твое, и, бодренными молитвами и всесонцымъ предстояніемъ Владыцѣ Христу, многодобродѣтелемъ плодъ принесъ еси самъ себе; — сего ради, яко

Божій угодникъ, свѣтило міру показался есн, сіяя чудесы, Сергіе отче нашъ, теплый молитвенниче къ Богу всегда о насъ; того моли, да спасетъ души наша.»

«Яко звѣзда пресвѣтлая, отъ Святыя горы превозшедши, доброты чудесъ твоихъ весь міръ просвѣтилъ есн: Христовъ бо крестъ вземь, послѣдовалъ есн ему въ пустынномъ озлобленіи, въ молитвахъ же и поценіихъ, во бдѣніихъ же и злостраданіихъ изнуривъ плоть свою; тѣмъ же и Христосъ даромъ чудесъ одари тебе. Ему же о насъ молися, посѣщай чадъ своихъ, да зовемъ ти: радуйся Сергіе отче нашъ, пустынный жителю.»

Мы возвратились въ обитель Обнорскую только на краткій часъ; радушный игуменъ предлагалъ мнѣ гостепріимный кровъ свой на ночь, потому что уже свечерялъ день, и не хотѣлъ отпустить меня, не проводивъ до большой дороги. Тамъ, на берегу Нурмы, въ той часовнѣ, гдѣ впервые поклонился я ликамъ блаженнаго Павла и другихъ преподобныхъ Вологодскихъ, дотолѣ мнѣ неизвѣстныхъ, мы разстались; та же чаша студеной воды стояла у входа, для освѣженія мимоходящихъ, и на сей разъ я зачерпнулъ ее для утоленія своей жажды; тѣ же священные лики встрѣтили меня въ молитвенной храминѣ, но на сей разъ они были болѣе близки моему сердцу, потому что я уже посѣтилъ ихъ пустынныя обители и припадалъ къ цѣлебнымъ ракамъ спхъ Ангеловъ пустыни и небесныхъ человѣковъ; тѣ, которые были мнѣ прежде, какъ бы

чужды, потому что о нихъ не видалъ, сдѣлались теперь присными моему сердцу. Съ этимъ сладостнымъ чувствомъ оставлялъ я места, исполненныя ихъ иноческихъ подвиговъ, и вотъ, на краю сей пустынной области, одинъ изъ преемниковъ и блюстителей уединенныхъ обителей, разсѣянныхъ въ лѣсу Комельскомъ, какъ бы отъ лица ихъ, благословлялъ меня въ дальнѣйшій путь по жизненной многомятежной дорогѣ.

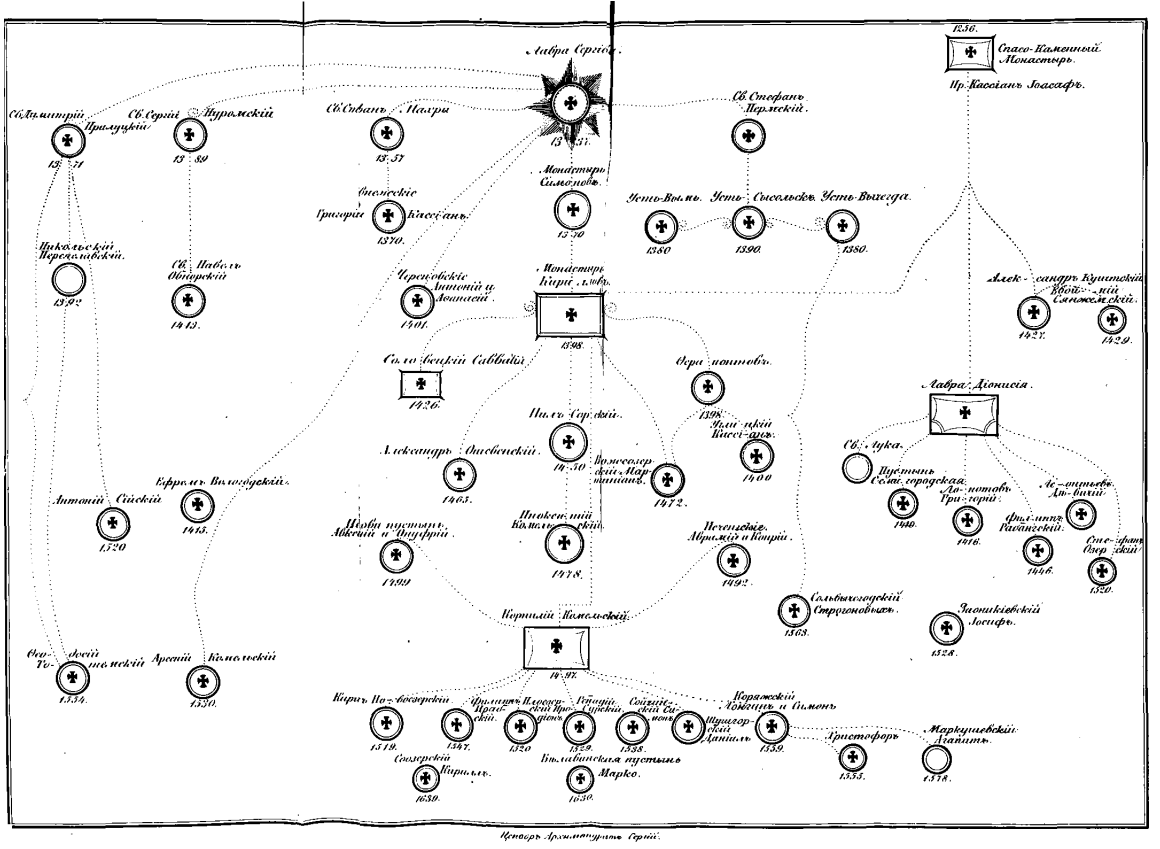
ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строкъ		Напечатано:	Должно читать:
66.	4	снизу	болѣе извѣстности	бо́льшую извѣстность
119.	1	свер.	суровкое	суровое
212.	18	——	нѣсколько	нѣсколько.
	21	——	ся	сго
214.	15	——	сказалъ	сказавъ
282.	8	——	быто	было
370.	11	сниз.	бо́льшею	бо́льшою
380.	2	свер.	оставлялъ и	оставлялъ л
393.	5	снизу	Спасокаменный на озерѣ,	Спасокаменный монастырь на озерѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вступленіе	1.
Обитель Комельская	20.
Уставъ преподобнаго Корнилія	48.
Вологда	65.
Лопотовъ монастырь преподобнаго Григорія	74.
Глушицы преподобнаго Діонисія	89.
Амфилохій и другіе ученики пр. Діонисія; его Лавра и Сосновецъ	115.
Преподобный Галактіонъ Вологодскій	132.
Кириллов монастырь	141.
Св. Кириллъ Бѣлозерскій	147.
Послапія и ученики преподобнаго Кирилла	172.
Церкви Кирилловой обители	189.
Келлія Патріарха Никона	207.
Ивановскій монастырь	222.
Ограда, оружейная и ризница	250.
Горицы	275.
Пустынь Нила Сорскаго	285.
Посланія преподобнаго Нила	294.
Скитскій уставъ Глава I.	303.
— — Глава II.	307.
— — Глава III и IV.	317.
— — Глава V и VI.	321.
— — Глава VII.	332.
— — Глава VIII и IX.	338.
— — Глава X. и XI.	342.

Стр.
Церковь и гробница преподобнаго Нила . . . . . 348.
Преподобный Серапіонъ. . . . . 356.
Преподобный Мартиніанъ . . . . . 280.
Спасокаменный монастырь на озерѣ, преподобный Іоасафъ. 393.
Куштская пустынь преподобнаго Александра . . . . . 419.
Прилуцкій монастырь преподобнаго Димитрія. . . . . 434.
Комельскій лѣсъ и отшельники Иннокентій, Стефанъ и Арсеній . . . . . 454.
Обитель Обнорская, преподобнаго Павла . . . . . 469.

Лавра Сергиева.
1336.
Спасо-Каменный Монастырь.
Пр. Кассиан Іоасафъ.
Св. Стефанъ Пермскій.
Св. Антоній Прилуцкій
Св. Сергій Троицкій
Св. Стефанъ Пермскій
Св. Сергій Радонежск